

Максим Казакевич

ДВОЕ ИЗ БУДУЩЕГО

Вторая книга из цикла "Двое из будущего"

Казакевич Максим Валерьевич

Двое из будущего. 1901-...

— Вставай!

— Нет!

— Вставай, кому говорю. Лентяй!

Ощутимый укол женского кулака под ребра заставил искать спасение в дальнем конце кровати. Я сладко спал, беззастенчиво дрых и громогласно храпел, заставляя дребезжать оконные стекла. Вылезать из теплой постели не было никакого желания. Сегодня мой законный выходной — первое января первого года. Праздник как-никак, имею я право проваляться в теплом ложе до полудня по этому поводу или нет? Конечно же имею и это не обсуждается, но моя молодая супруга имела на этот счет иное мнение. Еще один болючий тычок под ребра заставил меня со вздохом разочарования скатиться с перины и вступить босыми ногами в стылые тапки.

А Марина, выгнав меня с постели, сладко потянулась и, поплотнее закутавшись в пышное одеяло, донесла до меня из недр мягкого ложа свою «просьбу»:

— Принеси мне кофе, — проворковала она так, как это умеют делать все девушки без исключения и, ехидно улыбнувшись, добавила, — пожалуйста....

Я посмотрел на нее осуждающим взглядом, но ее это не проняло. Она еще раз сладко потянулась и, казалось, замурыкала от удовольствия. Ей-то что..., посидела вчера до часу ночи с Мишкиной женой, посмотрели они на пышный салют, что мы устроили на потеху окружающей публике, распечатали бутылку шампанского, умяли по паре тарелок салата «оливье» по рецепту из будущего, да пошли спать. Новой Год это не их праздник — подумаешь смена календаря. То ли дело Рождество! По всей России сейчас в почете именно этот праздник и отмечали его куда как пышнее новогоднего торжества. Но мы-то с Мишкой были из другой эпохи. Там, откуда мы родом, все было с точностью до наоборот и поэтому, мы по старой привычке основной упор сделали на новогоднее гуляние. Купили пышную елку, поставили во дворе, нарядили, чем смогли и постреляли из фейерверков. Попытались привлечь к празднику своих супругов, но не получилось и потому, веселье пришлось разделить с мужиками, что жили неподалеку. И были у нас хмельные песни под гармонь и шуточные состязания и катания с горки и веселый, дружеский мордобой, закончившийся примирением и шампанским на брудершафт. Все было... и веселиться мы закончили около пяти часов утра. Я завалился домой весьма горячим, мокрым от пота и снега и очень... очень пьяным. Маринка уже видела десятый сон и я, стараясь ее не будить, скромно прилег на край кровати, в наивной надежде переболеть свое похмелье в долгом сне. Не удалось....

— Ну, пожалуйста..., - снова заканючила супруга и захлопала длинными ресницами, пытаюсь меня разжалобить.

А меня мутит. Тошнота подкатывает к горлу, голова со звоном бьющегося хрустала пытается скатиться с потной шеи обратно на подушку, а во рту словно дихлофоса пшикнули и тараканы совершили массовый суицид. Что-то перебрал я вчера немножко. Плохо мне.... Взгляд на напольные куранты подтвердил мои подозрения — утро едва наступило, маленькая стрелка издевательски указывала на римскую восьмерку.

— Зина! — крикнул я слабеньким голоском, в робкой надежде, что она меня услышит.

Как ни странно услышала. Пришла через минуту, неся на подносе холодный бокал капустного рассола. Ах, ты моя спасительница....

В три глотка осушив народное лекарство, я вытер усы и с облегчением присел на перину. Отдал бокал обратно.

— Спасибо, Зина. Ты самая лучшая женщина на этой планете, — сказал я ей, за что получил недовольный толчок в поясницу. И поспешил добавить, — конечно же, после моей любимой супруги.

Вроде бы угроза неминуемой расправы за мои необдуманные слова миновала. Можно расслабиться.

— Зина, сгоняй, пожалуйста, в аптеку. Спроси, не завезли ли им аспирин? Если привезли, то купи. И побольше.

— Хорошо, — ответила моя экономка. — Сейчас Варвару пошлю. А вы не сидите, ложитесь. Вам бы поспать. Сильно поздно вы вчера пришли и очень пьяным. Вы отдыхайте....

— Да-да, я с удовольствием, — пробубнил я и с огромным наслаждением стал заваливаться на подушку. Но вдруг вспомнил, — Зина, подожди. Принеси, пожалуйста, Марине Степановне кофе. Да покрепче, как она любит и варенье малиновое, да побольше. Пущай предается греху чревоугодия в свое удовольствие, может и ко мне приставать не станет.

И с этими словами я снова провалился в спасительное беспмятство. Впрочем, поспать долго не получилось. Зина притащила на подносе требуемый кофе, варенье и поставила все это на небольшой столик, за которым можно завтракать не вставая с кровати. Все как на обожаемом Маринкой западе. А еще принесла свежую газету. Вот эта-та газета меня и вывела из комфортного состояния. Моя супруга обожала читать последние новости. Каждую страницу свежего издания она внимательно пролистывала и досконально изучала буквально все, что было возможно. И при этом комментировала.

— Представляешь, — сказала вдруг она, вырывая меня из похмельной нирваны, — в газете уже успели написать про ваши безобразия. Слушай.... «Сегодня ночью всем известные учредители предприятия «Русские заводы» господы Рыбалко В.И. и Козинцев М.Д. устроили встречу Нового Года с невообразимым шумом, гамом и пальбой в воздух. Сии граждане организовали настоящую вакханалию, торжество неразумного безумия, подняв своими глупыми выходками с постелей всех соседей и вовлекши их в свои бесовские игрища. Эти всем известные господы пели всю ночь свои похабные песни, распивали водку и целовались с женщинами. От запущенных ими фейерверков загорелся дом одного из служащих, который, впрочем, удалось быстро потушить...»

Она замолчала. Затем я услышал звук сворачиваемой в рулон газеты, а потом почувствовал затылком прилетевшую оплеуху. Впрочем, не слишком сильную. Прилетело мне скорее для профилактики, чем для лечения.

— Это ты с кем там целовался? С какими такими женщинами?

Конечно же, она ни слову не поверила написанному. Какие женщины? Я о них просто не успеваю думать — молодая жена пьет из меня все соки. Вот водка была, это да, и загоревшийся дом тоже был. Хотя и не дом там загорелся, а лишь навозная куча задымила от попавшего в него фейерверка. Да и та быстро потухла, едва огненный шар прогорел.

Я нехотя повернулся к Марине, отобрал свернутую в орудие насилия свежую прессу и, расправив, прочитал название. А затем отбросил ее в сторону. Очередная мутная газетенка, продающая непроверенные слухи и не чурающаяся «утиными» вбросами. По-видимому, только она решилась выпуститься в утро первого января.

— Нашла что читать, — недовольно пробубнил я. — Ты бы еще «Приходской листок» вслух мне продекламовала.

— Ты не увиливай. Целовался ты с бабами или нет?

— Нет, у Мишки можешь спросить. Хотя женщины там и были, но все при мужьях. Как я с ними мог целоваться?

Уж не знаю, насколько ее удовлетворил мой ответ, но, по крайней мере, приставать с этими глупостями она ко мне перестала. Марина вернулась к своему горячему кофе, заедая его густым вареньем. Я видел, что она на меня не обижалась и не дулась, но по тому, как поглядывала в мою сторону, я понял, что поспать мне больше не удастся. Обязательно поднимет меня какой-нибудь другой ерундой. Не любила она завтракать в одиночестве, ей обязательно нужен был собеседник. И ладно если бы мы завтракали за столом, там она могла перекинуться парой слов с Зиной, но здесь в постели.... Другого собеседника кроме как моей персоны она найти не могла.

— Ладно, — с шумным вздохом поднялся я, — пойду-ка я душ приму. В себя приду.

Маринка, хитро прищурившись, «благословила» меня на путь телесного очищения:

— Ага, иди. Я сейчас кофе допью и присоединюсь.

Честно скажу, я свою супругу люблю. Люблю ее характер, ее хрустальные серые глаза, звонкий смех и суфразжисткие наклонности. Но секс по два раза на дню меня немного напрягает. Я хоть и здоровый мужик в самом расцвете сил, но такая частота близости для меня слишком уж часта. И потому, я рванул в душ с зыбкой надеждой успеть сполоснуться до окончания завтрака. Не успел.... Маринка заявила в момент, когда я натягивал на накачанный зад теплые кальсоны. Бедный я, бедный..., отлынить от своих обязанностей мне не удалось. И похмелье мое мне только мешало. Хорошо хоть что беречься не надо, потому как мы уже беременны.

Первого января я планировал отдохнуть. Никуда не ехать, не думать о работе, не читать подготовленные отчеты. Я так планировал и наивно полагал, что мне это удастся осуществить. Но, как всегда, жизнь внесла свои коррективы. Сначала Маринка приставала ко мне, из-за чего я страстно захотел на работу, посетить недавно отгроханный офис, а затем и сама работа пришла ко мне на дом. Вернее с утра пораньше ко мне завалился Валентин Пузеев и притащил с собой велосипед. Самый обычный советский «Урал» на котором я любил гонять в детстве. Вернее его реплику.

— Вот! — с гордостью продемонстрировал он мне наш новый продукт.

— Красавец, — восхитился я изделием. И хоть он был неказист на вид, не окрашен, но вполне себе красив. — Катался уже? — спросил я, приподнимая одной рукой мастодонта. — Что-то тяжеловат. Вы его из пары ненужных ломов сварили что ли? Надо бы полегче сделать.

— Ха, Василий Иванович, — ощерился золотыми зубами Валентин, — вы, верно, других велосипедов под ногами не носили. Из труб делали, как вы и говорили. Другие потяжелше будут. Только зря вы на тонкостенных трубах настаивали, больно уж дорогим выйдет велосипед.

— Неужели? Ну да ладно.... А дамский вариант вы сделали?

— Нет еще, — признался мой «золотой» рабочий. — Но это не сложно будет. Если понадобится — быстро организуем.

Конечно же, велосипеды в эту эпоху уже были. И были самые разнообразные. От

древних «пауков» до вполне современных классических. И нам было не особенно важно их производство, много денег на них мы заработать не сможем. Просто, таким образом мы нарабатываем опыт, осваиваем технологии для того чтобы к концу этого года выкинуть на рынок наш новый продукт — мотоцикл. Самый настоящий, с нормальным двигателем и коробкой передач. Больно уж мне понравился подарок Сулова на мое венчание и я, загоревшись страстью, убедил Мишку освоить и это направление. Тем более что нам все это в будущем пригодится. Ведь для того чтобы сделать тот мотоцикл который я хочу, нам понадобится нормальный двигатель хотя бы на один цилиндр и простейшая двухступенчатая коробка передач. Хотя бы двухступенчатая. А набьем руку на изготовление этой малости и можно будет переходить и на автомобильные моторы. Ведь мы же хотим строить самолеты и танки? Поэтому, озадачив Валентина изготовлением велосипеда, мы поставили перед Поповым новую задачу — создать новый отдел исследования и набрать нужных людей. И кровь из носа, но продемонстрировать мне до осени первого года требуемый мотоциклетный двигатель и коробку передач.

— Сам-то уже опробовал? — спросил я Валентина и внимательно потрогал стыки рамы. Мы активно пытались внедрить в жизнь сварные соединения. И велосипедная рама не исключение. Но что-то неважнецки выглядят швы у моего железного коня. — Это кто ж такие сопли наварил?

— Дык, это ж я и варил, — признался Валентин. — Попробовать вот решил. А что?

Я вздохнул. Валентин хороший работник, мастер на все руки, бог ключей и напильников. Все к чему он прикасается, волшебным образом ремонтируется и модернизируется. Я уж начал думать, что ему подвластно все на этом материальном свете, но, видимо, сварочный аппарат оказался ему не по зубам — любой пэтэушник лучше сварит.

— А зачем сам? Есть же обученный сварщик.

— Так праздник же! — удивился он. — Сами вчера всех пораньше отпустили и сегодня разрешили не выходить. А я хотел побыстрее сделать. Жалко покрасить время не было.

— Это ты что же, вчера допоздна на работе сидел?

— Ну да, — пожал он плечами. — Сделать же надо было.... Да еще и Зинка запретила мне в одиночестве праздновать. А она же с вами вчера допоздна была, поэтому я возился, пока ее ждал. Дома уже собирал.

Я лишь махнул на него рукой. Взрослый человек — сам в состоянии распорядиться своим временем.

— А ты уже пробовал прокатиться на нем?

— Нет, — мотнул головой Валентин. — Я ж на нем не умею.

Тогда я с готовностью взгромоздился на железного коня и с легкостью прокатился вдоль по коридору. Десять метров туда, разворот и десять метров обратно. Тяжеловато идет, педали крутятся с трудом, да и масса большая.

— Ну как? — с надеждой спросил Валентин?

— Сиденье жесткое, надо что-то помягче придумать и на пружинах. А то весь зад будет в мозолях. А так — нормальный велосипед.

«Урал» он и в прошлом «Урал». Сделать что-то не так было сложно. Конструкция проста, рама из двух треугольников, колеса со спицами, да изогнутая вилка и гнутый руль. Получилась хоть и не идеальная копия, но весьма близкая к тому. Вот только когда я по старой памяти захотел затормозить педалями, то почему-то не смог. Педали просто завращались в обратную сторону. Пришлось спешно давить странного вида рычаг на руле.

— Были сложности с изготовлением?

Валентин пожал плечами.

— Да нет, не было. Все довольно просто. Нам только раму надо было сварить, да руль с вилкой согнуть. А сиденье, педали, подшипники и колеса мы купили.

— Колеса какие-то странные, — сказал я задумчиво, щупая гладкую резину. На них подчистую отсутствовал рисунок протектора и похоже были они цельнолитые, то есть бескамерные.

— Нормальные колеса, — возразил Валентин. — Как у всех велосипедов. А что не так?

И я доходчиво объяснил своему работнику, что велосипедные слики хороши только на ровной и шершавой поверхности, на таких как асфальт. И то, только до тех пор, пока эта поверхность сухая и чистая. Небольшой песок или мусор на пути и все — при неверном движении твой железный конь скидывает тебя со своей спины и сам ложится на тебя сверху. Здесь нужен протектор! Хоть совсем небольшой, но он просто необходим. А это значит, что нам не отвертеться от экспериментов с резиной.

— А с подшипниками тогда как быть?

— А что с ними не так?

— Дык, я их купил только вместе с колесами в придачу. Можно и дальше покупать, но больно уж дорого получается. Все из-за границы к нам привозят.

— Неужто у нас никто не делает?

— Делают, как не делать. Но только мало совсем и только для себя. И шарики все равно приходится, как вы говорите, за бугром брать.

Я задумчиво почесал висок. Сколько там на один велосипед надо подшипников — пять? Семь? Или сколько? Не важно, главное понятно — этот хай-тек нынешней эпохи обойдется нам в весьма кругленькую сумму. Особенно ежели мы станем производить велосипеды в хороших объемах. А ведь в будущем мы планируем сделать мотоцикл с его двигателем и коробкой. А уж там-то счет подшипникам уж точно перевалит за пару десятков. А это значит...., а это значит, что нам надо как-то выкручиваться. Неохота зависеть от иностранцев в поставках любых запчастей, тем более таких важных. Неужели придется налаживать производство и этой весьма нужной детали?

— Ладно, Валентин, тащи этого монстра обратно — его доделывать надо. Главное вес убавьте. Понял?

— Хорошо, — кивнул мой бесценный работник. — А бабский велосипед делать?

— Делайте. Но, прошу тебя, Валентин, не берись сам за сварку. Ладно? У нас есть обученный человек, мы ему за это хорошие деньги платим, вот пусть он и набивает руку и набирается опыта. А ты свой талант и время на это дело не расходуй.

Валентин улыбнулся. Польстили ему мои слова. И он, развернув велосипед, горделиво вышел на улицу.

Во второй половине дня я сбежал из дома. Маринка после душа со скуки полезла на стену и попыталась втянуть меня в свои женские рассуждения об устройстве будущего быта. Где нам стоит сделать детскую комнату, какую кровать купить, какие обои поклеить и как мы назовем маленького, если он окажется мальчиком. Про имя девочки у нее почему-то таких вопросов не возникало. А я, стоически выдержав целый час мозгополосканий, улучил момент и позвонил в офис. И с радостью услышал ответное «алло» Попова — нашего генерального и гениального директора. И, поболтав с ним пару минут, я сообщил Маринке,

что мне надо срочно убежать. Дела не ждут.

Под наш офис мы определили левое крыло здания. Два этажа, несколько десятков кабинетов и высокий общий холл, на потолке которого угрожающе свесилась хрустальная электрическая люстра. В здании еще велись отделочные работы, туда-сюда шныряли озабоченные мастера, строительный мусор тут и там возлежал кучами.

Мой и по совместительству Мишкин кабинет находился в самом шикарном месте, в торце крыла на втором этаже, из окна которого открывался удивительно красивый вид на центральный Петербург. Так же с моего места прекрасно просматривался кабинет нашего главного банкира Андрея Григорьевича Моллера, что находился в правом крыле зеркально нашему.

Попов сам зашел ко мне, предварительно постучав.

— Здравствуйте, Василий Иванович, — как-то кисло поздоровался он.

— И тебе наш пламенный привет, Сергей Сергеич, — ответил я и протянул руку для рукопожатия. — Чего такой грустный? Похмелье?

— Да ну к черту, какое похмелье, — отмахнулся он, с гримасой страдания усаживаясь в кресло. — зуб болит, мочи нет. Второй день донимает, дергает так, словно шилом у меня в зубах черти ковыряются. Устал совсем, вторую ночь не сплю.

— А чего к дантисту не идешь?

— Упаси Бог к этим живодерам идти, — воскликнул Попов, — только и умеют как зубы драть. Я лучше к зубному врачу. Те хоть вылечить попробуют. Говорят, что они теперь сверлят зубы, удаляют всю гниль, а потом цементом заделывают. Может с эфиром мне все сделают, а то мне сильно уж не нравится когда мне в зубах ковыряются.

Я не особо понял разницы между дантистом и зубным врачом, но если наш генеральный говорит, что так лучше, значит так оно и есть. Я здесь хоть уже и два с лишним года, но до сих пор кое-каких мелочей не знаю.

— Ну да, так будет лучше, — согласился я. — Только ты перед походом водки побольше выпей, а то замучают.

— Да я и так все время коньяком полоскаю. Но только не очень помогает....

Что ж, в этом деле я Попову не помощник. Хорошо было в нашу эпоху с обезболивающими средствами. Сделали тебе укольчик и сидишь довольный, только слюну сглатываешь. Не то, что сейчас. Я, по правде сказать, глядя на Попова, содрогнулся, едва только представил, что и мне когда-нибудь придется пройти через подобную экзекуцию. От одной только мысли об этом у меня свело челюсти.

От дурных размышлений меня отвлек Попов, достав из внутреннего кармана серебряную фляжку и глотнув душистого коньяка. Безрадостно прополоскав больной зуб и сглотнув, он спросил:

— А вы что-то от меня хотели?

— Ну да..., - протянул я задумчиво. — Мне сегодня Валентин велосипед домой притащил.

— Ого! Да когда ж он успел? — изумился генеральный. — Вчера же еще ничего не было готово.

— Да он вчера же и сделал все. И сварил сам и собрал. А сегодня ко мне домой заявился со своим чудовищем.

— Почему же чудовищем?

— Тяжелый очень. Сергей Сергеич, надо бы придумать как его облегчить.

Он кивнул согласно:

— Сделаем. Придумаем что-нибудь.

— И с колесами надо что-то решить.

— А с ними что не так?

И я подробно изложил ему свое видение. Попов внимательно меня выслушал, принял к сведению замечания, кое-какие мысли списал в блокнотик. А когда я затронул тему подшипников, то он лишь печально вздохнул, показав мне свое категорическое согласие.

— Да, исходя из того, что мы собираемся делать, нам как воздух будут нужны подшипники. А где их брать? Опять за границей?

— Да, Сергей Сергеич. Опять за границей. Но это только на первых порах, а вообще, тут подумал, что нам надо бы свое производство открыть. Хотя и будет это дело весьма затратное, но зато прибыль сулит немалую. Обоймы для подшипников сделать не так сложно, главное металл нужный подобрать, да добиться нужного уровня обработки, сепаратор тоже изготовить ерунда. Самый важный вопрос это как нам наладить производство шариков и роликов? Я ума не приложу. Может у тебя есть идеи?

Попов задумался на долгую минуту, а затем разочарованно развел руками:

— Увы. Ничего придумать не могу. Но я дам задание своим инженерам, пускай покумекают. Может и придет светлая мысль в их умные головы.

На том и порешили. И я уже собрался было распрощаться с Поповым, но вдруг понял, что у него есть ко мне еще какой-то вопрос.

— Что-то еще? — спросил я.

— М-да..., - задумчиво протянул генеральный, — есть еще одно дело. Тут этот ваш Шабаршин воду мутить начал.

Шабаршин... — дядька лет сорока с умными глазами, из рабочих. Работал у нас второй год, трудился честно, зарабатывать прилично и был на хорошем счету у мастера. Не пил вообще и не курил, что для нынешней эпохи странно, но имел один ма-аленький недостаток — очень уж любил постоять за правду. Любую несправедливость к любому из рабочих воспринимал как личную обиду и всегда встречал в конфликт и пытался добиться правды. Надо отдать ему должное, на стачки и бунты своих товарищей не подбивал, а стремился отстаивать правоту исключительно словесно. Чем и снискал уважение своих коллег и мое личное. Вот за эту-то черту его характера я и сделал его главой квази-профсоюза.

Идея создания профсоюза возникла не случайно. Я знал, что в будущем страну потряхнет, рабочие выключат станки и устроят всеобщую стачку, а затем возьмутся за оружие. И виной всему этому будет их бесправное положение. Нынешние законы таковы, что положение рабочего класса едва ли существенно отличалось от положения раба в древнюю эпоху. То же нищенское существование, то же бесправие. И сделать мне здесь пока что было едва ли что-то возможно. На своем предприятии я увеличил заработки рабочим и улучшил им условия труда, за что они платили мне удивительной лояльностью и качеством выполняемой работы. У меня им было хорошо, уйти на сторону они не стремились и вообще гордились тем, что носят униформу со значком «РЗ» на нагрудном кармане. Но это только у меня.... Другие работодатели не спешили перенимать мой опыт, отмахивались от моих нововведений и за глаза называли меня вредным для общества дурачком. Что ж, в пику им я создал свой профсоюз, который будет доносить до моих ушей чаяния моего рабочего люда через своего официального представителя, которого я по договоренности не смогу за это уволить. Хотя..., чувствую, что уволить скоро придется, но только для того, чтобы он смог

заниматься не только нашим заводиком, но еще и НИОКРОМ, и другими предприятиями, где мы владели контрольными пакетами. Так будет для него лучше и проще для нас. Помимо этого, Шабаршин стал заведовать кассой взаимопомощи, в которую рабочие добровольно отчисляли несколько процентов от своего заработка и из этой же кассы он получал свою зарплату. Легально, стоит заметить, стал заведовать. Все отчисления проходили через счета нашего банка. Кстати, о создании профсоюза я громогласно растрюбил в одной из центральных газет, да еще написал издевательскую статью от имени Жириновского, где публично опустил зажавшихся фабрикантов. Пусть у любителей внедрять потогонную систему зачесется в одном месте.

— Он чем-то недоволен? — удивился я, ведь не далее как пару недель назад мы с ним вроде бы все уже обговорили и нашли общие точки соприкосновения. Я согласился с его доводами, что штрафовать работника просто так по желанию мастера нельзя, а надо устраивать трудовое расследование. Опоздал и пришел пьяным, конечно же, не из этой оперы — тут мастер царь и бог, может сделать с работником все что пожелает. А вот если тот нагнал брака или не уследил за станком, то тут уже будьте добры расследовать инцидент и никакого произвола не учинять. Все честно.

— Да, пришла тут ему в голову идея, что надо бы нам взять на себя обязательства перед работниками в случае их увечья или смерти. Требуется выплачивать компенсации за травмы.

— А больничных ему недостаточно? — не понял я.

Конечно же, это были не те больничные к которым я привык в свое время. Максимум, что я давал, так это поболеть несколько дней в году по справке от нашего доктора и компенсировал потерю заработка всего на пятьдесят процентов. Вроде и не великое достижение, но для царской России нечто невероятное.

— Ха! Больничные! — воскликнул Попов возмущенно. — Он ваше нововведение уже разжевал и выплюнул. У него теперь новая идея! И он носится целями днями по цеху, обсуждает ее с рабочими, отвлекает их. И рабочим она нравится! Еще бы она им не понравилась!

Его возмущение можно было понять. Мы столько всего для них делали, старались, а они, вместо того чтобы ценить, быстро привыкали к новым правилам и начинали воспринимать их как должное. И Сергей Сергеич как человек, поднявшийся с самых низов и не понаслышке знавший каково это быть на самом дне, очень сильно негодовал по этому поводу. Ведь с такими запросами может и так произойти, что все их требования введут производство в убыток и попрут тогда их всех на улицу. Где они потом найдут такие же условия? Надо же и совесть иметь!

— А разве Шабаршин своей кассой заведует как раз не для этих целей? Не для того чтобы поддерживать нуждающихся?

— Если бы, — хмыкнул Попов. — Он из кассы деньги только на лекарства выделяет, да на продукты чуть-чуть, лишь бы от голода ноги не протянуть. Маленькая еще касса, не накопилась.

— Тогда в чем проблема? — не понял я. — Пусть накопится.

— Так и я ему о том же! — воскликнул Попов. — А ему хоть кол на голове теши, уперся со своей идеей и все тут.

Я откинулся на кресле, по-американски закинул ноги на стол, трость положил на колени и в задумчивости сцепил пальцы. В принципе, можно было бы послать своего профсоюзного лидера куда подальше, и нечего бы он за это не сделал. Но возникла у меня

тут одна идея. Хочет он иметь выплаты по несчастным случаям или по смерти работника на производстве, так пусть страхует их. Или самостоятельно из кассы взаимопомощи или же сами работники пускай страхуются в добровольном порядке. Страховых контор сейчас много, договориться с какой-нибудь из них обязательно получится.

— А знаешь что, Сергей Сергеич, а позови-ка ты этого Шабаршина завтра ко мне. Есть у меня тут кое-что, что следует с ним обсудить.

С идеей собственного, подконтрольного мне профсоюза я носился давно. Уже несколько месяцев я обдумывал эту идею, выверял ее, обмусоливал с Михой. Мой друг вроде бы был согласен со мной, говорил, что дело это очень нужное и крайне полезное, но вот помогать мне категорически отказался. Сказал, что как человек, который ни разу в жизни не работавший простым работягой, с трудом понимает внутренние механизмы управления и контроля сего предприятия и с чистой совестью спихнул всю работу на меня. И я бы, наверное, еще год обдумывал эту идею, набирался решимости, если бы не моя неожиданная встреча со знаменитым Зубатовым Сергеем Васильевичем, начальником Московского охранного отделения.

Тогда, осенью, после громкого венчания, перед самым отъездом из Москвы меня успели перехватить у самого вагона и вежливо пригласить на встречу. От таких приглашений нельзя отказываться и потому я с замиранием сердца согласился. Но как оказалось, я боялся зря. Наша встреча прошла очень хорошо и, я бы даже сказал, сердечно. Сергей Васильевич встретил меня с широкой улыбкой, искренне извинился за неожиданную срочность и... напоил меня душистым цейлонским чаем с пышными булочками. И вот за этим-то чаем и состоялось наше знакомство и интересная беседа. Оказывается, с недавнего времени он стал следить за моей судьбой. Резонансное покушение на мою персону привлекло его внимание и он, покопавшись по верхушкам в моем деле, быстро разобрался в подоплеке произошедшего и заинтересовался происходящими на нашем предприятии делами. Слава богу, что он не стал копать дальше, не стал признавать наше прошлое и искать записи о нас в церковных книгах по месту рождения. Беседовали мы долго, он с подробностями признавал обо всех наших нововведениях, искренне интересовался нашей заботой о рабочих и вот как-то незаметно, шаг за шагом вывел он меня на профсоюзную тему. И я искренне и честно рассказал ему все, что думаю по этому вопросу. Ничего не стал скрывать, да и зачем, если я достоверно знаю, что Сергей Васильевич сам в скором времени станет организатором подконтрольных охране рабочих союзов. Зубатов меня внимательно слушал, иногда перебивал, в чем-то со мной соглашался, а в чем-то нет. Разговаривали мы долго, чайник на примусе успел трижды остыть, прежде чем мы закончили нашу беседу. И расстались мы уже ближе к вечеру.... Нет, не добрыми друзьями, как можно было бы подумать, а всего лишь приятными знакомыми. На прощание Сергей Васильевич еще раз извинился за неожиданное беспокойство и попросил дать весточку, если я еще раз окажусь в Москве. Я горячо пообещал это всесильному Зубатову, меня посадили на поезд и уже по прибытию в Питер, после сумбурной ночи, проведенной в полусне, я твердо решил организовать свой собственный профсоюз.

Через две недели после Новогодних праздников Валентин предоставил мне на тест следующую версию велосипеда. Во-от, это уже что-то! Более легкий и удобный, с чистыми сварными швами и глянцевого покраской, с вычурным шильдиком «РЗ» на вилке. На таком

уже было просто одно удовольствие кататься. Колеса, правда, были еще старые, но это ерунда. Наладим и их изготовление, это дело не одного дня.

— Запускаем в производство? — поинтересовался Попов, щурясь от солнечного зайчика и наблюдая за моей поездкой на «Урале» по цеху НИОКРа.

— Надо запускать, — согласился я, вволю накатавшись. — А себестоимость-то у этого чуда инженерного гения какая?

— Пока сложно сказать. Надо прикинуть.

— Хотя бы приблизительно.

— Даже приблизительно сказать не получится. Надо рассчитывать. Технологию отработать, на поток поставить, людей набрать и обучить.

— Ну, хотя бы пальцем в небо?

Попов вздохнул. Задрал голову к потолку, прикрыл глаза. Затем выдал:

— Около семидесяти-восемидесяти рублей.

Я присвистнул. Дорого, однако.

— А куда деваться? — развел руками генеральный. — Колеса мы покупаем у Фрейзингеров, подшипники, втулки, цепи и звездочки тоже приобретаем у Дукса и у других поставщиков. Из нашего только сварка рамы, ее покраска и сборка. Надо нам срочно углублять производство.

Я кивнул согласно:

— Надо. Я думаю, что вырубить звездочки и элементы цепи на прессе не будет сильно сложной задачей — все элементарно. А что с подшипниками? Придумали наши инженеры что-нибудь?

— Да, придумали кое-что, но тут надо пробовать, а это время. Шарики напрессовать не проблема, проблема их идеально отшлифовать. Да еще для того чтобы канавки в обойме идеально нарезать нужны особоточные станки, режущий инструмент и оснастка, а таких у нас нет. Закупать надо, а это больно уж дорого.

— Надо — закупим, даже если придется покупать за бугром, — отрезал я. Нападала изредка на Попова необоснованная жадность. Вот и сейчас он, понимает же что покупка станков суровая необходимость, но нет же — жалеет деньги. Сказывается на нем прежний опыт работы на ткацкой мануфактуре, где ему приходилось экономить буквально на всем. — Не жалея денег, Сергей Сергеич, мы их быстро отобьем.

— А может, попробуем купить технологию шлифовки шариков у Фишера? — неожиданно спросил генеральный с робкой надеждой, что я откажусь. Ну не хотел он тратить деньги — приступ жадности, будь он неладен.

— Кто такой Фишер, почему я о нем ничего не знаю? — удивился я.

И Попов мне вкратце рассказал. Фишер — немец, талантливый изобретатель, который придумал и воплотил в металле станок, производящий идеальную шлифовку стальных шариков. Уже несколько лет как наладил их выпуск, завалил половину Европы своей продукцией. И вряд ли он согласится поделиться технологией, но, по наведенным справкам, сейчас его компания испытывает некие финансовые трудности. Пока небольшие, но можно было бы попробовать этим воспользоваться.

Я с укоризной посмотрел на Попова, покачал головой.

— И ты молчал? Надо было сразу с этого начинать.

Генеральный вздохнул.

— Да мы тут тоже кое-что уже придумали, — возразил он. — И вроде все должно у нас

получиться и не так дорого окажется. А за лицензию сколько заплатить придется? Да еще сумеем ли договориться с этим Фишером?

Он замолчал, ожидая моего решения, а я, задумавшись и опершись ногой в педаль велосипеда, уставился в окно. Попов, конечно же, по-своему прав, на лицензию нет никакой надежды и нам просто необходимо придумывать что-то свое. Но и упускать такую возможность тоже было нельзя, сколько бы это денег не стоило.

— В общем так, Сергей Сергеич, — принял я решение. — Давай, озадачивай Мендельсона, пусть он ищет подход к этому немцу. Пусть попробует купить у него или саму технологию или же долю в его компании. Если получится, то хорошо, нет — будем пробовать сами.

— Понял, — кивнул генеральный. — А лимит по деньгам какой будет?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Тысяч двадцать за лицензию это максимум. Но Мендельсон там пусть как следует поторгует. А пока он там по этим Германиям будет разъезжать, мы должны будем попробовать свой вариант. Ты там поторопи своих инженеров, пусть недельки через две предоставят нам свой станок. Мы должны его попробовать до заключения сделки.

На том и порешили. Попов дал необходимые распоряжения своим заместителям на освоение новой продукции, и маховик стал потихоньку набирать обороты. Уже к концу месяца мы сделали около двух десятков велосипедов и выставили их на продажу. Но увы, не сезон — в Питере мокрый снег, грязь и пронизывающий ветер. Велосипеды зависли в магазинах и едва-едва продавались. Но нас это не смутило, двигаться вперед все равно надо и потому мы закупили дополнительные станки для вырубки звеньев цепи и звездочек, заказали штампы и оснастку, приобрели печи для закалки и принялись с нетерпением ожидать переговоров в Германии.

И пока Мендельсон пробивал удачливого немца на предмет лицензии, а Попов с инженерами пытались отработать собственную технологию, я попытался осмыслить то к чему мы пришли за два с половиной года развития. Итак... мы имеем свой собственный банк, который худо-бедно работает, приносит кое-какую прибыль и привлекает средства для нашего развития. На данный момент наш банк владеет ста процентами акций предприятия «Русские заводы», ста процентами акций небольшого литейного заводика под Новгородом, пятьюдесятью процентами предприятия занимающегося выделкой пресс-форм для наших нужд и разнообразной оснасткой для станков. Выдаем на гора различную канцелярию — кнопки, скрепки, зажимы типа «бабочка» и прочую мелочевку. Хорошо пошла кнопка-застежка, на их производстве трудилось уже несколько простых станков и, похоже, скоро придется докупать новые. К этим кнопкам мы изготавливали ручные клепальщики, по виду напоминавшие обычные пассатижи. Это для того, чтобы мастера, шьющие одежду, не ломали пальцы молотком, а вполне цивилизованно могли пробить кожу или плотную ткань и зафиксировать кнопку. Честно сказать, наше «изобретение» стало пользоваться популярностью, но пока что лишь у состоятельных господ. А все из-за дороговизны. Один комплект кнопок мы продавали по целых пятьдесят копеек. Но все равно, спрос был такой, что мы не успевали насытить рынок. Чуть позже, когда первый ажиотаж будет удовлетворен, нам придется снизить отпускную цену и искать новых покупателей среди среднего класса. Что было хорошо — даже при сниженной цене на больших объемах мы будем зарабатывать гораздо больше. Кстати, нашим изобретением сильно заинтересовались в Америке. Не далее как пару месяцев назад к нам приезжал их представитель и пытался выторговать лучшие

условия по лицензии, чем выставляло наше американское юридическое представительство. И мы пошли им навстречу, но совсем чуть-чуть. Ведь не зря же люди старались, тратили на поездку свое время. А заодно заинтересовали их застежкой «молнией». Хоть она и не была еще полностью готова к массовому производству и доставляла нам одни лишь хлопоты. Мы никак не могли добиться ее надежности. И вроде станок мы разработали, что рубил латунную ленту и обжимал зубцы на ткани, и бегунок мы делали качественный, а все ж иногда расходилась наша молния и зубцы, бывало, вылетали. Но, ничего, мы ее все равно когда-нибудь победим.... В здании-пристройке, что мы возвели прошлым летом, полным ходом собирались врезные замки оригинальных конструкций, знания о которых Мишка принес из будущего. Они тоже неплохо продавались, ибо, показали себя с очень хорошей стороны. Они были довольно надежны, и мы пока не слышали ни об одном случае взлома. Отмычку подобрать к ним было невозможно, по крайней мере, пока.

Всего, как мы недавно подсчитали, наши активы уже перевалили за два с лишним миллиона, на счету в банке на депозитах от населения лежало почти четыреста тысяч, а кредитов выданных предпринимателям приближалось к миллиону. Цифры для обывателя вроде бы огромные, но на самом деле очень и очень небольшие. Нам катастрофически не хватало наличных. Моллер на данный момент проводил размещение уже второго выпуска облигаций на полтора миллиона рублей и, вроде бы, размещение проходило успешно. Андрей Григорьевич учел прежние ошибки, слегка поменял процентную ставку, и это привлекло внимание обеспеченного населения.

Сам «Банк «Русские заводы»» принадлежал мне и Мишке по тридцать семь с половиной процентов, а господин Сулов владел двадцатью пятью процентами. И это обстоятельство позволяло нам условно числиться в миллионерах. «Условно» — это потому как живых денег, которые можно было бы пощупать, на самом деле у нас не было. Все свободные средства сразу же вкладывались в развитие. Кстати, созданное нами предприятие-посредник для оптовой закупки угля и принадлежащий только мне и Мишке, довольно неплохо стало развиваться. При помощи господина Бекеля, с которым я познакомился в прошлом году в гостях, нами было приобретено складское помещение в порту и это позволило «Русским заводам» избавиться от зависимости в посторонних поставках. Теперь никто не мог нам диктовать условия и ограничивать нас в топливе. И этот факт позволял нам надеяться на успешное развитие. И цены на уголь для нас получались ниже, чем у других оптовиков и поставки были стабильнее. И продавать уголек всем желающим мы стали с хорошей прибылью. И господин Бекель, по доброте душевной помогший нам встать на ноги, видя наши успешные шаги, предложил объединиться. А что, вариант хороший — его большой опыт в этом деле и наши деньги, знания и амбиции будут составлять хороший симбиоз. Мы пока думаем над его предложением, торгуемся о долях. Но все идет к тому, что, похоже, мы сможем найти общие точки соприкосновения и сольемся в одно большую торговую компанию. И если рост компании пойдет и дальше такими темпами, то глядишь и придется нам задумываться о приобретении какой-нибудь угольной шахты. И, как мне кажется, что чем скорее мы на это решимся, тем будет лучше. А то французы очень уж активно принялись скупать всю энергетику в Российской Империи. Мы можем просто не успеть приобрести что-нибудь стоящее.

В середине февраля у меня выдалось благодушное настроение, и я решил посетить нашу химическую лабораторию. В здании НИОКРа был у нас закуток площадью в несколько десятков квадратных метров, полностью оборудованный и отгороженный от основного помещения крепкой стеной. И никто из посторонних, кроме самих химиков, меня с Мишкой, Попова и локального директора не имел права сюда проходить. Крепкая дверь с надежным запором и суровый охранник на входе отбивали любое желание сунуть любопытный нос в наши секреты. Это была вынужденная мера — химическая отрасль сама по себе штука опасная, кругом одни отравляющие, горючие и едкие вещества, так еще и любители украсть чужие секреты появились. Пока, правда, поймали всего лишь одного такого шустрого, но это уже звоночек. Лучше сейчас перестраховаться, чем потом рвать на себе волосы из-за того, что кто-то тебя опередил из-за твоей же безалаберности.

Мельников, Евгений Адамович — руководитель нашей химической лаборатории с обожженными когда-то руками. Он встретил меня с радушием, разместил на своем стуле и, не дожидаясь моего вопроса, выложил передо мной несколько черных пластин-образцов, источавших неприятный запах фенола.

— Вот, — с довольным видом сказал он. — Вроде бы получилось....

И я, взяв образцы, с готовностью их рассмотрел. Вроде бы похожи на тот материал, что я знал. Та же плотность, тот же вес, та же структура. Вот только цвет был темно-красным, почти коричневым, а не черным каким я его помнил. Это была уже наша пятая или четвертая попытка изготовления, предыдущие оказались не слишком удачными. Ранние образцы получались слишком хрупкими, с мелкими пузырями в теле. Пришлось Мельникову серьезно поломать голову как добиться нужного качества, искать подходящие наполнители, а наши инженеры были вынуждены мастерить нечто похожее на барокамеру, потому как только при высокой температуре химической реакции и высоком давлении у нас стало хоть что-то получаться. А потом были еще долгие эксперименты со скрупулезной фиксацией параметров испытаний. Но зато теперь вот... лежит передо мной сейчас то, о чем я очень сильно мечтал.

Я постучал образцами по краю стола, потом попробовал переломить. Не получилось — пластины были прочными. Тогда я со всей дури шмякнул одной штукой по углу, так, что пластина разлетелась на мелкие куски. Подобрал самый крупный из них, посмотрел на излом. Да, это точно карболит, самый настоящий.

— Принимайте поздравления, Евгений Адамович, — радостно сказал я. — У нас получилось.

— Я очень рад, что мы смогли это сделать, — довольно ответил наш главный химик. Он тоже подобрал со стола осколок, посмотрел на ломаный край, так словно хотел понять, что же я там увидел. — А теперь, когда мы изготовили то, что вы хотели, что будем делать дальше?

— Дальше? А дальше мы с вами будем строить завод по выпуску вот этой вот штуки. На это уйдет пару лет и уйма денег. Надеюсь, денег нам на это хватит. Вы же не откажете нам в своих услугах? Не пойдете искать другую работу?

Мельников фыркнул смешной шутке. Куда ж он уйдет от таких заработков. Деньги для него главное и сейчас, когда он получает у нас свои законные двести пятьдесят, как он и

хотел когда-то, он никуда не дернется. Интересно, а что он скажет на премию в пятьсот рублей за свою хорошую работу?

— Нет, конечно, — улыбнулся он, — я от вас никуда теперь не пойду. Но я вас спросил не об этом.

— А тогда о чем?

— Какими исследованиями нам заниматься теперь? Что нам искать? Мы с вами получили карболформальдегидную смолу, отработали рецептуру и теперь можно пускать ее в производство. Здорово, просто отлично, я помогу вам отстроить процесс, запустить завод.... А что моим подчиненным делать? Выгонять их?

Глядя на него, я понял, что он очень не хочет идти на такой шаг. Он, как руководитель, был ответственен за занятость своих подчиненных и их зарплаты. А их у него было целых пять человек. Я был в замешательстве. Ведь дальше планов по получения карболита у меня мысль не заходила и какую-либо дальнейшую тему исследования для химиков я придумать не мог. Слишком поверхностные представления у меня были. Разве что дать им возможность и дальше копать в направлении смол и полимеров. Например, попросить их изобрести двухкомпонентную эпоксидную смолу. Или же попытаться получить полиэтилен высокого и низкого давления или тот же ПВХ, он же поливинилхлорид. А что, я по своему рабочему опыту знал, что самый первый образец ПВХ был получен как раз где-то в середине девятнадцатого века, но для чего его можно было бы применить, тогда так и не придумали. А потому все вскоре «забыли» о его существовании и вновь «открыли» в канун Первой Мировой Войны, а в производство запустили уже после Второй Мировой. И ошибочно было бы думать, что ПВХ это в основном оконные рамы. Главное для ПВХ это изоляция для кабелей и проводка. Этот материал не проводит ток, не поддерживает горение, выдерживает в отличие от того же полиэтилена высокие температуры и от него можно добиться какой угодно гибкости, а это весьма важные качества в изоляции. Кстати, изолента тоже делается из ПВХ. А это значит, что внедри мы этот материал в производство, то откопаем золотую..., или даже нет, платиновую жилу и кимберлитовую трубку сразу! Одно единственное направление в изоляции проводников сделает нас воистину самыми богатыми людьми в России.

— Выгонять их не надо, — заверил я Мельникова. — Работа для них всегда найдется. По крайней мере, они будут помогать нам завод ставить. Ведь насколько я понимаю, для производства нашего изобретения нам необходима уйма карболовой кислоты и формальдегида, правильно?

— Правильно, — согласился со мной ведущий химик. И добавил, — еще соляная кислота требуется. А карболовую кислоту и формальдегид хорошо бы самим делать. Но для этого необходимы серная кислота, бензол, каустик, метанол..., — он мечтательно вздохнул, предвкушая непочатый край работы. — Много чего необходимо.

— Ну вот, Евгений Адамович, вы и описали для вашей группы новый фронт работ. Вы не торопясь распишите техпроцесс или как вы там его называете, посоветуйтесь с Поповым. Он вам подскажет к кому можно обратиться за помощью в этом деле, да и сам чем может он вам поможет. За границу съездите, подберите оборудование. За годик-два управитесь, а там и для завода денег подкопим. А пока, чтобы вы не скучали, пошуйте там в вашей среде способ промышленного изготовления поливинилхлорида. Очень уж перспективная тема.

На этом мы и расстались. Мельников ушел довольный и окрыленный перспективами, а я, прихватив с собой полученные образцы, пошел искать Попова. Завод заводом, но настало

время налаживать изготовление давнообещанных самому себе телефонов. А на первых порах можно обходиться и без гигантизма, а потихонечку закупать себе фенол, формальдегид и соляную кислоту в небольших количествах. И кстати, придумать бы новое название для карболита, а то это мне не нравится. Слишком уж очевидное для пытливых умов — еще догадаются из каких компонентов состоит. Хотя... фенольный запах от образцов стоит такой, что не догадаться понимающему человеку будет трудно. Поэтому, черт с ним, пусть новое вещество будет карболитом.

В марте в столице Российской Империи был ажиотаж — в город с группой приезжал Собинов. Тот самый, который Леонид Витальевич! Маринка мне все уши про него прожужжала, охала и ахала круглыми сутками и настоятельно требовала сводить ее в Мариинский театр. И обязательно приобрести самые лучшие места! Каких бы это денег не стоило. И я ей пообещал, втайне кляня себя за дремучесть. Я не знал кто такой Собинов! Шаляпина с его волшебным голосом, способным заставить вибрировать самый толстый нерв, знал, а вот Собинова нет. Стыд мне и позор.

Билеты я приобрел на одни из самых лучших мест, хотя это и влетело мне в копеечку. Купил на себя с Маринкой, Мишке с Анной Павловной и Попову с супругой. А когда я удивленно спросил друга о том, кто это такой Собинов и из-за чего вся светская богема сошла с ума, то он, вскинув удивленно брови, спросил:

— Ты что и вправду о нем ни разу не слышал?

— Нет, ни разу, — сокрушенно сознался я.

— Да ты что! Это же величайший тенор современности или как его еще называют лирический соловей Большого Театра! — и он засмеялся беззлобно. А потом, несильно хлопнув меня по плечу, сознался, — да ладно, Вася, я сам о нем до прошлой недели ничего не слышал. Пока мне Аннушка газету под нос не сунула. А про соловья это я от себя ляпнул.

И он отвернулся к зеркалу, с мучением вглядываясь в свое отражение. Фрак, что пошили на заказ, сидел на нем как влитой и подчеркивал каждый мускул на руках и груди. И это Мишке не нравилось.

— Просил же пошить так, чтобы не стеснял, — пожаловался он и, согнув руки в локтях, попробовал их свести. Но не смог, хруст ниток подсказал, что не следует делать глупостей. Новый фрак пошить просто не успеют. А на выступление ехать уже завтра. Но все равно, Мишка во фраке в обтяжку выглядел как Аполлон во плоти, Анна Павловна получит серьезный повод для ревности.

— А супруга твоя к этому мероприятию как относится? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Нормально, как все женщины. Хочет сходить, себя показать, на других поглазеть. Платье себе купила шикарное, брюликами обвешается. А на Собинова ей, в принципе, плевать. Как, впрочем, и на Шаляпина. Она киношки больше любит.

— Черт, — ругнулся я, подскакивая со стула. — Украшения! Я же совсем о них забыл.

— Ты Маришке разве ничего не покупал?

— Покупал, но не для таких мероприятий. Ну ладно, Мишка, ты тут давай, прихорашивайся, а мне срочно с супругой в ювелирный надо.

— Ага, давай, — кивнул он и, бросив в зеркало еще один тоскливый взгляд, глубоко вздохнул. — Нет, ну что за люди! Просил же посвободнее....

Вечер следующего дня, день икс, мероприятие, когда элита столичной аристократии выгуливает свое богатство и кичится блеском бриллиантов, неотвратимо настал. Казалось, на Театральной площади собрался весь бомонд, некуда было плюнуть, чтобы не попасть в знатока и ценителя оперного искусства. Все были в предвкушении.

Мы подъехали к Мариинскому театру на двух крытых каретах. Снаружи было прохладно, дул неприятный ветер, принося с собой запах сырости. Мы, как и остальной народ, поспешили скрыться в театре, где у нас в гардеробе охотно перехватили верхнюю одежду, обнажив блеск камней и золота. Мы выглядели шикарно. Я, Мишка и Попов в черных парадных фраках, в начищенных до зеркального блеска шпиблетах, наши супруги в эффектных платьях и в драгоценностях, обвешанных с головы до ног. Маринка счастливо сияла, демонстрируя случайным зрителям гигантские изумруды в серьгах и элегантное кольцо, что аккуратно ложилось в ложбинку неглубокого декольте. Эх, потратился же я вчера, даже страшно стало....

До выступления было еще далеко. Минут сорок мы медленно дефилировали в фойе театра, вежливо раскланивались с незнакомыми нам людьми, угощались вкусностями в буфете. Наши жены, впервые попавшие на такое великосветское мероприятие, даже несколько растерялись, не отходили от нас и вполголоса, чтобы никто не услышал, обсуждали наряды и драгоценности других дам.

— Вон, бабоньки, вы только посмотрите, какое странное платье, — едва слышно выдохнула Маринка, глазами стрельнув на обсуждаемый объект. — Какой глупый цвет, а складок-то, складок! Такое ощущение, что она хочет в них спрятать свою толстую задницу. И ее украшения ей совсем не идут. Такие маленькие камешки и очень тусклые совсем не смотрятся под ее вторым подбородком.

Слава богу, ее слова никто из посторонних не смог услышать. Анне Павловне совсем не понравилось Маринкино замечание, она на нее неодобрительно посмотрела, а вот супруга Попова с готовностью подхватила обсуждение.

— Да, Мариночка, я с тобой согласна. И цвет у этой дамы очень неудачный. А ее кисет совсем уж не подходит к платью.

И мы ничего не могли с этим поделать. Женщины, что с них возьмешь. Тем более что все трое оказались вдруг скоробогатыми и не успели свыкнуться со своим статусом. Ощущение чрезмерного достатка выбивало из-под ног чувство реальности, и наделяло их ощущением вседозволенности. Не ожидал я такого от своей супруги, уж она-то должна была привыкнуть к роскоши еще будучи на иждивении у отца. Но, видимо, Мальцев старший не слишком баловал свою любимую дочуру и потому, выйдя замуж, Маринка самозабвенно предавалась чрезмерности. Тоже самое касалось и супруги Попова — Полине Викторовне. Попов хорошо зарабатывал у нас, оклад в целую тысячу рублей, плюс премия, плюс дивиденды с арендованного процента акций. Жила его семья безбедно и ни в чем себе не отказывала и Полина не успевала тратить заработанное. А вот Мишкина женушка, моя бывшая экономка, избежала этой участи — железная женщина, по пустякам не разменивается и всячески старается держать себя в руках. Повезло, в общем, Мишке.

Что же упомянутого кисета.... Я зацепился за него взглядом и был вынужден согласиться с замечанием супруги нашего генерального. Действительно, миниатюрная сумочка бежевого цвета, затянутая блестящим шнурком, совсем уж не подходила к лиловому и явно старомодному платью. Обладательница сего наряда, очевидно, была «слегка» стеснена в средствах, о чем и поспешила поделиться с подружками моя Маринка. Я лишь

бессильно вздохнул. Кстати, наши жены за полчаса окунания в великосветскую тусовку пообвыклись и теперь дефилировали по фойе, рассекая толпы народа словно атомоход «Ленин», и гордо демонстрировали свои украшения. А также сумочки нового типа, что Мишка попросил сделать на заказ. За образец взял клатч из будущего и их пошили из дорогой кожи, прикрепив к этому делу наши изобретения — молнию и кнопку. И если молния была скрыта декоративным клапаном и изменениям по внешнему виду не подверглась, то кнопка, будучи на глазах, обзавелась золотым навершием, украшенным россыпью небольших бриллиантов. И, в общем-то, никто на это дело не обратил бы внимание, если бы Маринка с громким вздохом не полезла в свою сумочку за зеркальцем. И полезла она так демонстративно, что все находившиеся поблизости мужчины и женщины, сумели заметить примененное новшество. И если мужчины, хмыкнув, сразу же позабыли об этой детали, то вот их жены новинку оценили, и стали исподтишка рассматривать. А потом, какая-то из дам не выдержала и окольными путями пошла знакомится с нашими женщинами. Она заставила своего мужа подойти к нам и завязать пустую беседу, а сама, выдержав для приличия небольшую паузу, зацепилась языком с Маринкой. Похоже, что новость о новых штучках скоро разлетится по бомонду со скоростью молнии.

В самом театре, на его входе и на площади было много полицейских. Оно и понятно, столько аристократии в театре, столько богатого народу. Подозреваю, что и невидимая охранка здесь присутствует, ибо не так давно скончался министр народного просвещения Николай Павлович Боголепов, смертельно раненный несколько недель назад террористом Карповичем, активным членом РСДРП. Преступление было громким, о нем много осуждающе писали в газетах и над Карповичем состоялся скорый суд, где ему присудили двадцать лет каторжных работ.

Кстати, вспоминая моего убийцу. Его тоже осудили, отправив в кандалах на каторгу. Суд был быстрый, свидетелей покушения оказалось много и потому впаяли ему по полной. А заказчик убийства, господин Баринцев так из заграничной поездки и не вернулся и потому ему все сошло с рук. А тех, кто совершил налет на наше предприятие, осудили на небольшие тюремные сроки, а кое-кому вообще прописали исправительные арестантские отделения. Легко отделались горе налетчики.

— Смотри, — сказал мне вдруг Мишка, когда наш новый знакомый удалился, и незаметно толкнул локтем. — Видишь этого человека?

И показал глазами на семейку из трех персон — главу семейства, его супругу и сына.

— Ты про кого именно?

— Про самого старшего. Знаешь кто это?

Я присмотрелся. Мужчина пятидесяти лет, стройный, с военной выправкой и в кавалерийском парадном кителе. Он величественно прошествовал мимо нас с супругой под ручку, которая была моложе его на добрый десяток лет. Их совершеннолетнее чадо проследовало за ними, отставая на полшага.

— Нет, не знаю. А кто это?

— Это, — многозначительно произнес Мишка, — граф Феликс Феликсович Сумароков-Эльстон. Ты знаешь кто это такой?

Я, напрягши память, был вынужден признаться, что сей господин мне не знаком.

— Он же князь Юсупов, — едва не подняв поучительно палец, провозгласил мой друг. — А это его супруга княгиня Юсупова. Имя-отчество, к сожалению, я подзабыл.

— Да ты что! — изумился я, глядя в спину уходящего князя. — А этот гордый

юноша, неужели тот самый...?

Вот тут Мишка сплеховал. Молодого человека он не знал, в чем он и признался. А Попов, который, наострив уши, услышал наш разговор, вдруг подсказал:

— По-видимому, это их старший сын Николай.

Мишка скосился на него, но ничего не сказал. А я, поинтересовался у обоих:

— А вы-то откуда их всех знаете?

— Газеты читаем-с, Василий Иванович, журналы-с, — поддел меня Попов. И это объяснение меня устроило. А Мишка добавил:

— Грешно не знать истории, Вася. Я вот, тщательно изучаю каждого, кто попадает в мое поле зрения. Тетрадочку завел, где их всех записываю. А ты разве нет?

А я нет! По-крайней мере не сижу с газетой в руках, не вырезаю из нее фотографии и не конспектирую каждую более или менее значительную личность. И думаю, что поступаю правильно. Всех все равно не упомнишь, а о более или менее значимых личностях я и так сумею узнать и запомнить. Мимо моего внимания они проскочить не смогут.

— Кстати, князь Юсупов один из самых богатых людей в России. Говорят, что у него почти полтора десятков имений, несколько заводов и много другого прочего. А еще, он вроде бы, является акционером Русского банка и какой-то железной дороги. Какой дороги не скажу, не помню, но у меня есть название в вырезках. В общем, ворочает миллионами, делает, что хочет и плюет на всех сверху. А сынок его младшенький сам знаешь, что позже сделает.

— М-да, знаю, — согласился я вполголоса, вглядываясь в удаляющуюся спину.

А Попов, слушая наш разговор, не встречал. Лишь, наострив уши, впитывал информацию. Он давно перестал задавать вопросы по поводу наших случайных оговорок, знал, что мы все равно ему не сознаемся. Поэтому, он просто ловил нас на случайных фразах, анализировал и, похоже, когда-нибудь настанет время, когда нам придется с ним объясниться. И мы с Мишкой это понимали и поначалу пытались следить за языком в его присутствии, но затем нам это надоело. Все равно никто нам не поверит, слишком уж невероятно выглядит наша история попадания в этот мир. А на все наши оговорки наш генеральный придумается свою версию, которую мы с готовностью и подтвердим.

— А ты откуда про его богатства знаешь? — спросил я Мишку чуть погодя. — Тоже из газет?

Мой друг кивнул.

— Из газет. Но я не сам ищу эту информацию. Я тут, пока ездил по стране, нанял несколько человек, которые скупают газеты по Империи и там они фильтруют информацию по людям, списки которые я им предоставил. Не поверишь, сколько всего интересного можно узнать из обычного отчета акционеров.

— И как долго ты этим занимаешься?

— С осени. Пришла в голову такая мысль, вот и решил ее организовать. Но что-то уж больно много информации приходится просматривать — не справляюсь. Думаю, что надо бы организовать нам небольшой аналитический отдел, где и будут заниматься сортировкой. Ты как на это смотришь?

Я пожал плечами.

— Я не против. Но дорого, наверное будет?

— Не дороже денег, — возразил Мишка. — Зато пользы будет много. Вот представь себе, что придется тебе в будущем общаться со Столыпным. И предложит он тебе

должность какого-нибудь министра, а ты возьми и согласишься. Но при этом ты наживешь себе кровного врага, который сам претендовал на это место и у которого будут миллионы в карманах и кривой кинжал за пазухой. Как ты будешь с ним воевать, не зная его слабых сторон? Или понадобится тебе найти Ленина в Финляндии, как ты это будешь делать?

Я хмыкнул:

— Ну уж про Ленина такого в газетах точно не напишут. Лучше уж в Разливе его из шалаша за ноги выдернуть.

Мое замечание было риторическим. Мишка, конечно же, был прав и потому я дал свое согласие на отдел, который будет заниматься сбором информации обо всех более или менее значимых людях. А Попов, выждав момент, вкрадчиво спросил:

— Михаил Дмитриевич, а скажите... этот ваш Столыпин, о котором вы говорили, он кем будет? Неужели новым Императором?

— Не понял? — удивился Мишка. — С чего ты так решил?

— Ну как, вы же сами сказали, что господин Столыпин может предложить Василию Ивановичу должность министра. А такое сделать может только Император. Вот я и подумал...

Мишка беззлобно и негромко засмеялся. Действительно, должности премьер-министра в царской России пока что не существовало. Появится она только после революции пятого года, когда царь будет вынужден пойти на уступки. А отсмеявшись, Мишка весело хлопнул генерального по плечу:

— Не переживай, Сергей Сергеич, Романовы еще долго будут сидеть на троне. Это я тебе обещаю....

— А Ленин..., - замялся он.

— А что Ленин?

— Неужели вы видите его будущее? — вкрадчиво спросил наш генеральный, ожидая услышать откровения грядущего. Похоже, он придумал себе версию наших оговорок — мы для него экстрасенсы, способные заглянуть под полог тайного и невидимого. И мы не стали опровергать его догадку, а лишь загадочно улыбнулись и ушли от ответа. Что ж, его версия наших знаний нас устраивает. Поэтому, пусть так и будет.

Не люблю я, все-таки, оперу, не понимаю ее. Ходят по сцене мужики и женщины в красивых костюмах и поют историю. И хотя, надо признать, поют красиво, голоса что надо, но все же, не понимаю.... Спетая история меня не цепляет, мне ближе простой театр или даже примитивная киношка, где в почете обычная проза. Не понимал оперу и Мишка, я видел как он сидел в кресле и откровенно страдал. Грустно вздыхал и периодически поглядывал на свой швейцарский хронометр, чья минутная стрелка перемещалась с издевательской черепашьей скоростью. Мы были выходцами из другого мира, где в почете были другие, более увлекательные развлечения. А вот Попову и нашим дамам разворачивающееся действие на сцене весьма понравилось. Моя Маришка была в полном восторге и, кажется, влюбилась в Собинова. Я ошибался, когда думал, что не знаю этого типа — слышал его раньше пару раз на радио. Ария Ленского в его исполнении в будущем станет классикой, и многие подражатели сломают немало копий в тщетных попытках его превзойти. Собинов действительно был прекрасным оперным певцом, куда там до него Баскову.

— Ах, Мариночка, какая прелесть, — громко шепнула Полина на ушко моей супруге. —

Это так изысканно. Какой голос, какой голос!

— Да, Полиночка, Собинов просто душа. Такой красавчик, — выдохнула моя вторая половинка, несколько не смутившись тем, что я сижу с другой стороны и все прекрасно слышу. — А он, интересно, женат?

— Ах, не знаю, Мариночка. Но, наверное, у такого мужчины нет отбоя от разных красавец. Куда нам до него!

И Маринка согласно выдохнула. Нашли же сплетницы друг друга, перемыть косточки какому-нибудь бедолаге для них любимое дело. И как же повезло Мишке, его Аннушка держала себя в рамках приличий и за все время, пока шло представление, не проронила ни слова. А лишь молча, наблюдала за сценой и держалась за руку супруга.

Слава богу, это мучение, наконец, закончилось. Отзвучали последние ноты, артисты вышли на поклон, где и получили свою порцию оваций и цветов. Звучали крики «Браво!» и «Бис!», моя Маришка без стеснения подбежала к сцене, протиснувшись сквозь мужиков, бесцеремонно растолкав их локтями, швырнула букет под ноги главному солисту, а потом закричала во все горло:

— Bravo! Bravo, Собинов!

Букет Собинов поймал, одарил Маринку лучезарной улыбкой и послал воздушный поцелуй, чем вызвал ее восторг. Вернувшись, она схватила меня за руку, взвизгнула:

— Ты видел? Ты видел?! Ах...!

— Да уж, заметил, — недовольно проговорил я, но моя супруга не обратила внимания на мою интонацию. Что и говорить, она впервые встретилась со звездой, чего уж там лукавить, мирового масштаба, и это вывело ее из равновесия. Подозреваю, что живи она в моем будущем и встретиться она на концерте с..., ну допустим, с Робби Уильямсом, то и тогда она вела бы себя не лучше — прыгала бы вместе со всеми, танцевала до потери пульса и, что еще хуже, скинула бы с себя обтягивающую и уже мокрую футболку, оголив перед звездой свои упругие прелести. А потом попробовала бы проникнуть за кулисы, чтобы его соблазнить. Да уж, в то время ее мало что могло бы сдержать.

Уже поздним вечером, почти ночью, когда мы приехали усталые и удовлетворенные зрелищем, я выразил свое недоумение ее поведением. И вроде бы ничего необычного, на мой взгляд, не случилось, однако ж я заметил людей кого удивило ее развязность. Сам сын князя Юсупова, Николай, глазел на нее, широко открыв рот и вытаращив глаза. Наверное, этим она и запомнилась ему, потому как, принимая в гардеробе верхнюю одежду, я заметил, как великовозрастный отпрыск княжеского рода пристально рассматривает мою супругу. Внимательно так, с охотничьим прищуром и не смущало его то, что я стою рядом и демонстративно обхаживаю Маринку, показываю всем кто здесь ее супруг.

А Маришка, довольно хихикая, призналась, что виновата и попыталась загладить свой грех так, как это она умела. И потому вечер у нас закончился глубоко за полночь и на мокрых от пота простынях.

Следующим днем я с Серафимом Озирным тренировался. Пинал по груше, боксировал показывал ему кое-что из приемов каратэ. Он же, в свою очередь, проверял меня, как я парирую удары затупленной шашкой. Вроде бы у меня не плохо получалось, но Серафим в свойственной только ему манере, подшучивал надо мной, беззлобно подтрунивал и раз за разом доказывал мне, что я излишне самоуверен. Все же почти девять месяцев тренировок слишком мало для того чтобы хотя бы приблизиться к совершенству. Но я к этому и не

стремился. Мне бы только уметь уклониться от внезапной атаки и так же внезапно контратаковать с положительным результатом. Большого мне и не надо. И именно потому, постепенно, месяц за месяцем наши с ним тренировки по чуть-чуть сокращались. И если на первых порах он нас с Орленком гонял по полтора-два часа ежедневно, то теперь это время незаметно сократилось до получаса. Зато сам Серафим проявил неожиданный интерес к японской, или что вернее для этого времени, к окинавской системе безоружного боя. И теперь, после легкой разминки с шашкой, он жадно перенимал у меня интересные ухватки. А если учесть, что он еще и под Мишкиным контролем мышцы подкачивает.... В общем, этого Брюса Ли казацкого розлива только в кино снимать. А что, фактура есть — под натальной рубашкой появился кое-какой рельеф, ногами он теперь сможет запинать кого угодно, да и на лицо он был довольно приятен. Это я заметил по оборачивающимся на улице незамужним девкам. Вот только отсутствие зуба омрачало картину, но, это дело поправимое. Даже сейчас зубное протезирование в наличии имелось и восстановить лучезарную улыбку не составит труда. Только деньги плати и терпи, пока у тебя ковыряются в челюсти. Осталось только решиться на это сложное дело и уговорить будущего актера.

Идея сделать из Серафима киношного героя пришла ко мне случайно. Сходя в очередной раз с Маришкой в синематограф, где доблестный английский миссионер героически отстреливался от китайцев-боксеров напавших на миссию, я с сожалением посетовал, что синематограф нынче находится совсем еще в неразвитом состоянии. И ленты очень уже короткие, и сценарии слишком примитивные, да и герои не впечатляют. А Маришка стала со мной спорить и переубеждать меня — ей-то все нравилось. Оно и понятно, лучшего она никогда и не видела. Я попробовал с ней поспорить, привел вроде бы убедительные доводы, но она лишь посмеялась надо мной и в шутку предложила доказать мою точку зрения не на словах, а на деле. И тогда я замолчал, и в задумчивости дойдя до дома, я решил попробовать запустить свои знания и в это непростое дело.

— Послушай, Серафим, — окликнул я своего мастера сабельного боя, — а ты в театре бывал?

— Бывал, Василий Иванович, конечно, бывал, — охотно отозвался казак, вытирая потный лоб полотенцем. — Вот не далее как на прошлой неделе с одной барышней ходил. Ох, и хороша же девка, просто огонь! Я ее и так и эдак, а она, главное, не ломается, сама мне навстречу и губами тянется, пока никто не видит. А целуется так, словно душу высасывает, — и он мечтательно улыбнулся.

— Все никак не женишься? — поддел я его.

— А зачем? Я себе жену найду, когда на родину вернусь. Вот скоро год как я у вас, наш договор закончится, так я и уеду.

— А если я предложу тебе еще остаться?

— Гм, ну тогда не знаю, Василий Иванович. Тогда может быть, мне здесь придется семьей обзаводиться. А вдруг я здесь женюсь на городской барышне, а потом вы меня выгоните, что я делать буду? Ко мне на родину она не согласится поехать, она же там ничего делать не умеет. Одно слово — городская, столичная. А я здесь руки ни к чему приложить не смогу. Я же, кроме как шашкой махать, да хозяйство со скотиной держать ничего и не умею. Что мне здесь в городе делать? Только в лихие люди подаваться, а я так не хочу. Не-е, Василий Иванович, жениться я здесь не буду. Неподходящие здесь для этого девоньки.

— А если в актеры тебе податься? — забросил я удочку.

Серафим хохотнул.

— Да уж, это было бы забавно. Вот бы хутор меня засмеял, потом хоть на глаза не показывайся. Да и какой из меня актер? Этому учиться надо.

— Да ладно, Серафим, не прибедняйся. Уж тебе-то учиться точно не надо. Вон, анекдоты травишь так, что ухахатайка на всех нападает. Нет, Серафим, ты не прав. У тебя явный актерский талант. Надо тебе идти дальше в этом направлении.

Я не врал. Мой казак действительно был талантлив. Он был отличным собеседником, анекдоты и рассказы его конек. Банальную историю мог пересказать так, что хоть за перо берись и записывай. А уж как он передавал мимику и интонации персонажей вообще отдельная песня.

Мои слова польстили казаку. Он, похоже, слегка смутился.

— Эх, Василий Иванович, — мечтательно проговорил он, — ваши слова бы да богу в уши. Да только кто меня возьмет? У меня ни чинов, ни имени. Прогонят меня в три шеи еще с порога. Таких как я тысячи по России.

Договорить мы не успели. С громким скрипом распахнулась тяжелая дверь, и в комнату вошел Миха. Задумчивый, со свернутой газетой в руках. Кивком поздоровался с Серафимом, присел на лавку и положил ногу на ногу. Серафим, шестым чувством почувствовав, что он здесь лишний, быстро, но с достоинством покинул помещение. А проходя мимо моего друга, обронил:

— Вот, представляете, Михаил Дмитриевич, мне ваш товарищ предлагает актером стать. В театры предлагает устроиться. Смех да и только.

Мишка кивнул. Он знал о моей задумке и был не против нее. Но, просил пока подождать. Слишком много проектов наваливается, синематограф на данном этапе мы можем пока не потянуть. И я был с ним согласен. Это дело следовало пока хорошенько обдумать.

— Ты газеты читал? — спросил он вдруг без прелюдий, едва за Серафимом затворилась дверь.

— Ну, читал. А что?

— Читал о том, что наши выставили Китаю ультиматум с требованием, чтобы те убрались из Манчжурии?

— Ну да, что-то такое припоминаю. Около месяца назад проскакивало это сообщение, — ответил я, теряясь в догадках. К чему он клонит?

— А чего мне не сказал?

Я пожал плечами.

— Так ты же все газеты сканируешь! Как ты мог пропустить?

Мишка молчал и мял газету руками. Потом вздохнул и, кивнув на издание, устало сказал,

— Наши нагибают китайцев как хотят, ни в грош их суверенитет не ставят. Да и японцы с британцами тоже шастают по их территории как по своей собственной. Все идет к большому шороху, скоро война будет с японцами. Три года всего осталось. А мы с тобой этой темы даже еще не касались.

Да, позорная война приближалась. Наши сейчас ведут активную деятельность на Дальнем Востоке, пытаются закрепиться на этих землях, и это очень не нравится японцам, у которых тоже имелись весьма широкие планы на этот регион. И скоро интересы двух держав столкнутся, что выльется в ожесточенное противостояние. По нашей истории мы войну проиграем, а Япония наоборот выиграет. И хотя я как-то слышал, что победа японцам далась

очень тяжело и что продлись война еще чуть-чуть и у них бы появились проблемы с людскими ресурсами и материальным обеспечением. Возможно это действительно так, но нам от этого не легче. У нас тоже своих проблем хватало — одна только недостроенная кругобайкальская железная дорога, что стала серьезной проблемой для снабжения наших войск, чего только стоила. А будет еще и осада Порт-Артура, Цусимское поражение, нерешительные действия Куропаткина и неудачная битва при Мукдене. А еще эта война станет катализатором революции пятого года, которая едва-едва не скинет Николашку с престола. Мишка говорил, что в то время у нашего царя личный корабль все время стоял под парами, чтобы чуть что слинять за границу.

— Я почти ничего не знаю об этой войне, — признался я, когда Мишка развернул газету и захотел зачитать мне заголовок статьи, что привлек его внимание. — Помню только в общих чертах, — добавил я, — без деталей и дат.

Мишка вздохнул и признался:

— Я тоже.

И в воздухе повисло молчание. Через долгие секунды неудобной тишины, я саркастически произнес:

— И как мы с тобой будем спасти Россию?

Мишка пожал плечами.

— Не знаю. Ты хоть помнишь дату начала войны? Когда япошки Порт-Артур осадили?

— Нет, не помню. Знаю только что в начале четвертого года.

— Хреново, — с досадой констатировал мой друг.

Я был с ним согласен. Это очень плохо. Но все же не так плохо как нам поначалу показалось. Все же основные вехи войны мы помнили, а это уже кое-что! Попробуем высосать из наших знаний по максимуму. Кстати, первый в истории миномет придумали как раз наши люди, когда обороняли Порт-Артур. Уж что-что, а про миномет я могу прямо сейчас на листочке набросать несколько идей. Все ж какая-никакая, а помощь! Думаю, только одним этим знанием мы можем помочь отстоять военную базу.

— Я тут вот что подумал, — сказал вдруг Мишка. — Надо бы мне скататься на Дальний Восток, посмотреть там, что к чему, прикинуть, что нам там будет необходимо. Может производство там нам придется какое-нибудь открыть?

— На Сахалине нефть есть, — вспомнил я.

— Ага, — саркастически осадил меня Мишка. — Начни ты там ее добывать и япошки в первую же неделю войны ее к себе приберут. И война пойдет по другому сценарию. И после семнадцатого года им опять же будет соблазн на Сахалин залезть. Американцы, кстати, в период гражданской войны на Дальнем Востоке высаживались. Этим тоже нефть будет как красная тряпка. К тому же ты не знаешь, на какой глубине она залегает. Нет уж, пусть черное золото на этом острове и дальше в своих недрах плещется.

— А тогда какое производство ты собрался на Дальнем Востоке открывать? — не понял я.

— «Егозу» делать, — прямо ответил Мишка. — Не везти же ее отсюда. Наладить там производство и оттуда же снабжать наши войска.

— Ага, — поддакнул я и, развивая мысль друга, продолжил. — А еще можно там наладить производство минометов и боеприпасов к ним. Тоже чтобы не везти через всю страну.

Мишка кивнул.

— Хорошая идея. Дать с десято минометов крупного калибра Порт-Артуру и боеприпасов несколько тысяч, глядишь, и отстреляются от японцев. А с продовольствием как было во время осады? Ты помнишь?

Я отрицательно покачал головой. Этой детали я не знал. Но в любом случае при длительной блокаде всегда возникают сложности с продуктами питания. Тем более что технологии длительного хранения в это время были еще далеки от совершенства.

— А может тогда «калаш» для них еще изобрести? Ты же должен помнить, как он устроен? — поинтересовался он моим мнением, на что я лишь покачал головой.

— Нет, Мишка, не вариант. Там затворная рама и сам затвор такой, что в производстве станут в копеечку. Автомат получится больно дорогой. Я думаю, что даже значительно дороже нынешних пулеметов. И кому он такой будет нужен? Я, конечно, могу соврать, но там, похоже, металл для ствола нужен специальный, нынешние не подойдут, сгорят быстро. Ты ведь помнишь по фильмам пулемет Максима или пулемет Льюиса?

— Какой-какой пулемет?

— «Свой среди чужих...» помнишь? Михалков из него стрелял. Так вот, без хорошего охлаждения стволы быстро сгорали и сильно теряли в характеристиках, потому они и были почти все с водяным охлаждением. Хотя вот пулемет Гочкиса был на воздушном охлаждении, но с оребрением ствола, так что я могу и соврать.

— А кто вообще из «калаша» длинными очередями бьет? — недоуменно спросил Мишка. — Короткие выстрелы на два-три патрона, кажется так. А может вообще сделать ствол как у ППШ? С перфорированным кожухом? Или вообще, можно забыть про «калаш», а дать им ППШ под пистолетный патрон? — предложил Мишка.

— А ты знаешь его устройство? Сможешь набросать на листочке его схему? — риторически спросил я. — Да и не оценят сейчас ППШ — стреляет недалеко, убойная сила низкая, да и просто патронов для него пожалеют. И к тому же война с японцами будет сильно отличаться от Второй Мировой. Здесь бои будут в основном на открытых пространствах, а перестрелки вестись на дальних дистанциях. А тут мосинка вне конкуренции.

— Построим завод под пистолетный патрон для ППШ, — не сдавался мой друг. — Пусть пуляют не жалеючи.

— А на фига? — спросил я Мишку. — Проще и дешевле купить несколько десятков максимов, а потом отдать когда прижмет нашим войскам. Или продать если получится. А собственный пулемет разрабатывать та еще морока. Годами будешь его доводить до более или менее приемлемого состояния. И денег потратишь не меряно. А вообще, я думаю, свой пулемет нам надо будет разработать к началу Первой Мировой. Но не под пулю в три линии, а крупнокалиберный под пулю в пять линий. Наподобие «Утеса».

Мишка грустно вздохнул и уныло спросил?

— Тогда пусть и дальше мосинками продолжают воевать? Так что ли?

— А чем тебе плоха мосинка? — не понял я друга. — С ней еще фашистов довольно неплохо били.

У Мишки не было аргументов против и потому наш спор на этом закончился. Решения о наших необходимых действиях на Дальнем Востоке пока отложено. По крайней мере, до тех пор, пока Мишка не сгоняет туда на разведку. А вот когда вернется, то тогда и сможем поговорить более детально. А пока он ездит, я попробую найти человека, который сможет взять на себя разработку миномета и боеприпасов к нему.

— Ну, ладно, — сказал я, подсаживаясь к нему. — Ты когда ехать собрался?

— Через пару дней, — ответил Мишка. — Аннушку с собой возьму. Ольку, наверное, тоже. Устроим путешествие на пароходе. На пирамиды посмотрим, в Индии погуляем. Месяца на два-три-четыре, думаю, пропаду. Ты за домом присмотришь, чтобы мои там не расслаблялись? А то почувствуют волю, начнут сутками подушки давить.

— В Дубаи загляните, — пошутил я, прекрасно понимая, какая эта сейчас деревня. — Там жемчуга хорошие.

— Ага, — задумчиво кивнул Мишка и, удивленно посмотрев на меня, добавил. — И нефть!

А я посмотрел на него. Нефти на аравийском полуострове много до неприличия и вся она еще не разведана. Я что-то там говорил недавно об изоляции из ПВХ, говорил, что это просто золотая жила. Но теперь я готов забрать свои слова обратно. Аравийская нефть! Вот где золото. Главное добраться до нее и попробовать удержать. Договориться с одним из шейхов, получить концессию на добычу, организовать переработку или же доставку сырой нефти до.... А куда ее сейчас можно поставлять? Пожалуй, что пока никуда. Рынок потребления переработанной нефти сейчас находится в зачаточном состоянии. Правда вот удержать добычу без поддержки нашего правительства у нас не получится. Едва запахнет черным золотом и выгодой, как тут же припрутся чопорные британцы и всеми правдами и неправдами выдавят нас из региона. Хотя что-то мне подсказывает, что будущие Арабские Эмираты и так уже находятся под всемогущим крылом британцев. Я этого не пока не знаю наверняка и потому этот вопрос надо будет рассмотреть получше. Но в любом случае, залезть на полуостров нам будет очень и очень трудно. Пока мы не наладим контакты на самом верху, не получим прямую поддержку царя, выход на нефтеносные районы будущих Арабских Эмиратов нам закрыт. Понял это и Мишка. Его взгляд потух, и он с большим сожалением потерял интерес к этой теме. Конечно же, есть нефть еще и в России, но тут у нас пробел. И если Мишка, бывав несколько раз в Дубаях, лично видел насосы, что качали нефть и мог с точностью до десяти квадратных километров определить, где они в будущем будут стоять, то по отношению к нашим запасам он такого сказать не мог. Мы не знали, где залегают месторождения, а если бы даже и знали, то добыть нашу тяжелую и вязкую нефть мы бы не смогли. Еще нет таких технологий. То ли дело на Аравийском полуострове — там нефть легкая, добывать одно удовольствие. Слегка копнул и подставляй ведра. Конечно же, была еще и наша Каспийская нефть, где тоже добывать одно удовольствие. На первых порах, насколько я помню по старым кадрам хроники, ее вообще с воды тряпками собирали. Но сейчас там все поделено, и главные заправила там богачей Нобель и супер-богачей Ротшильд, плюс другие местные царьки-олигархи. Возможно, в будущем, когда у нас встанет вопрос о приобретении месторождений, мы попробуем залезть в эту вонючую лужу, побарахтаемся с господином Нобелем, потолкаемся локтями с Ротшильдом. Но это в будущем, когда у нас появится реальная финансовая сила и связи на самом верху. А пока..., а пока эта тема откладывается.

— А в субботу Мендельсон приплывает из Германии, — сказал я, меняя потухшую тему.

— Что-то он долго переговоры вел, — сказал Мишка. — Удалось ему с Фишером договориться?

Я кивнул и, улыбнувшись, выдал приятную новость:

— Удалось. Сам Фишер, как оказалось, умер два года тому назад, поэтому новые собственники теперь пытаются продать его дело. Мендельсон как узнал об этом, так сразу же мне телеграмму прислал, выспрашивал разрешение на покупку всего предприятия.

— А ты?

— А я разрешил, — ответил я довольно. — Приедет скоро, привезет с собой представителя собственников и нотариуса. Будем о цене торговаться.

Мишке это понравилось. Все же лучше будет, если мы купим само предприятие со всеми его потрохами, нежели будем просто пытаться выкупить лицензию.

— Когда, ты говоришь, они приезжают?

— В субботу, — напомнил я. — Хочешь поучаствовать в переговорах?

— Да, пожалуй. А какую они цену просят?

— Не знаю. Мендельсон об этом не писал. Но зная его еврейскую натуру, можно полагать, что цена будет хорошая. Как и предложение собственников. Глядишь, мы так и на европейском рынке закрепимся. Сначала на свои шары посадим немцев, — я тут улыбнулся двусмысленности, а затем продолжил, — а потом и на сами подшипники. Все ж какое-никакое а влияние. Представляешь, — толкнул я его локтем со смешком, — моторы немцев будут зависеть от наших подшипников!

— Дай то бог, — вздохнул Мишка и, хлопнув себя по коленке, поднялся. И высказал опасливое предположение. — Лишь бы с началом Первой Мировой у нас это предприятие немцы не отобрали. А то эти смогут....

И я кивнул согласно. Эти точно смогут. Ну а чтобы не смогли, нам необходимо будет потихоньку перевозить все оборудование на нашу территорию, и уговаривать нужных специалистов на переезд.

Важная встреча у нас состоялась в воскресенье. День на удивление выдался солнечным и теплым, природа откровенно радовала, а настроение было благостным. Я сидел в глубоком кресле в своем офисе, как раз напротив окна, и, положив ногу на ногу, любовался видами. Мишка восседал рядом со мной, через морской бинокль разглядывал крыши Петербурга и одновременно потягивал крепкий кофе. Попов, Моллер и юрист из отдела Мендельсона, что в совершенстве знал немецкий язык, сидели в стороне за столом и, разложив какие-то бумаги, вполголоса совещались о рабочих процессах. Попов как всегда требовал у банкира денег на развитие, а господин Моллер, тоже как всегда, сокрушался ненасытностью генерального и, хмуря брови, давил переносицу пальцем, словно подстегивая, таким образом, мыслительный процесс. Не знаю, помогало ли это ему или нет, но, зачастую странным образом, необходимые деньги для нашего предприятия всегда находились. В этом наш главный и бесценный банкир был настоящим волшебником. Правда, и отчитываться он Попова заставлял ежемесячно, требуя у него всю бухгалтерию и безжалостно критикуя его за бессмысленные траты и ненужную роскошь. Получилось, что в дополнении к своим обычным функциям, Моллер взвалил на себя функции аудиторов. В его отделе сидело несколько человек, которые только тем и занимались, что проверяли финансовые потоки принадлежащих банку предприятий и докапывались до самой последней запятой в цифрах. Они же требовали всегда соблюдать строгие графики выплат по долгам, не прощая ни дня просрочки. А потому, по мнению нашего генерального директора, наш главный банкир был не просто волшебником, способным достать любые нужные суммы, а самым злобным из

всех существующих, кем-то наподобие Волан-де-Морта, который душу вынет за неправильно составленную финансовую бумажку. И хотя сей персонаж Попову был не знаком, но думаю, просвети я его об этой личности, то он бы со мной согласился. Такого въедливого, дотошного и принципиального банкира стоило еще поискать. В общем, работает наша корпорация пока что без сучка и задоринки, крутятся финансовые колесики.

— Кажись, едут, — сказал вдруг юрист, усмотрев на улице вдалеке знакомую повозку, а в ней розовощекую физиономию Мендельсона.

— Точно, едут, — подтвердил Мишка, посмотрев через бинокль. — Вчетвером.

Прошло еще несколько минут, прежде чем открытая повозка добралась до центрально входа и на землю сошли четыре человека. Среди них сам Мендельсон, заметно поправившийся за этот год и приобретший некую солидность. Степенно сойдя со скрипучей ступеньки, он перебросился несколькими словами со своими спутниками, а затем показал ладонью на наше окно. Его собеседники посмотрели на нас снизу вверх, придерживая цилиндры, но из-за солнечных зайчиков ничего не увидели. А потому, осмотревшись немного и одобрительно покивав головами, последовали за нашим главным юристом.

Через несколько минут в дверь постучали.

Мендельсон, судя по его сверкающим глазам, был доволен. Еще не знаю, на что он там договорился, но судя по всему на что-то очень выгодное.

— Гутен таг, — поздоровался вошедший следом господин густым и слегка надтреснутым голосом и приподнял край цилиндра. Был он высок, худощав, на вид лет сорок. Добротный костюм сидел на нем как с иголочки, а туфли отбрасывали на потолок солнечные блики.

— Здравствуйте, — подорвался Мишка и первым протянул руку для знакомства. — Очень рад встрече. Как добрались?

Незнакомец повернул голову к одному из спутников и выслушал перевод, а затем, широко улыбнувшись, сильно коверкая слова, сказал по-русски:

— Карашо. Спасипа.

Это был весь его словарный запас. И потому дальнейший наш разговор проходил через толмача. Мы все по очереди представились, пожали руки.

Звали господина Мартин Лаубе и являлся он представителем новых хозяев бывшего предприятия Фишера. Сопровождающие господина Лаубе являлись нотариусом и переводчиком.

Дорогих гостей Мишка усадил за стол, мы сели напротив. Мартин Лаубе, не спрашивая разрешения, раскурил папиросу, выпустил дым в потолок. Минут десять мы поболтали с ним о пустом — о поездке, о гостинице, о погоде, а затем, приступили к самим переговорам. Слово взял Мендельсон:

— Михаил Дмитриевич, Василий Иванович, у меня для вас несколько новостей. Какие-то из них хорошие, а какие-то плохие, — он сделал театральную паузу, обвел нас взглядом. Поправив на носу очки, продолжил. — Итак, новость плохая номер один. Господин Фишер скончался два года тому назад. Плохая новость номер два — нынешние владельцы не заинтересованы в продаже лицензии на производство и шлифовку шаров. Ни при каких обстоятельствах.

Мы терпеливо ждали. Вся эта театральщина была пустой и для нас совершенно не нужной. И потому, не дождавшись нашей реакции, Мендельсон продолжил:

— А теперь новость приятная. Новые владельцы завода Фишера столкнулись с

серьезными финансовыми трудностями. У них закончились деньги, начались трудности с развитием и продажами. И потому, когда я прибыл для переговоров по лицензии, они предложили нам выкупить убыточное предприятие целиком. Вместе со всеми долгами, имуществом и правами на изобретения.

Господин Лаубе, что склонив голову, слушал перевод, на этой фразе вдруг закивал головой и басовито подтвердил емким немецким «да» и добавил еще пару фраз. А переводчик озвучил:

— Господин Лаубе, говорит, что он как представитель нового собственника, вправе обсуждать с нами цену как всего предприятия в целом, так и отдельных его частей. Он как представитель уполномочен также обсуждать количество долей, которые вы сможете выкупить, в том случае если у вас будет недостаточно средств для приобретения всего предприятия. Но привилегия, которая вас интересует, отдельно не продается. Только с заводом.

Мендельсон кивнул и продолжил.

— Так вот, господа, я пристально присмотрелся к заводу, долго беседовал с вдовой Фишера, уговаривал ее на продажу невыгодного ей актива и, в конце концов, она пошла нам навстречу. Но цена, за которую она готова уступить завод, мне пока не известна. И потому сумму я попрошу озвучить господина Лаубе.

Немец, выслушав перевод, кивнул и начал через переводчика доносить нам информацию:

— Да, господа, все правильно. Госпожа Фишер готова уступить вам завод со всем ее материальным имуществом и привилегиями за пятьсот тысяч марок.

Я, услышав эту сумму, присвистнул. Сумма прозвучала слишком уж большая.

— А в рублях это сколько? — спросил Мендельсона озадаченный Мишка, а тот, достав блокнот, быстро прикинул.

— Около ста шестидесяти тысяч рублей.

— Ассигнациями?

— Да.

Блин, дорого! Слишком дорого, не знаю, сможем ли мы быстро найти столько свободных денег. Вот и Мишка остался недоволен.

— Яков Андреич, ты говорил, что у завода есть долги?

— Да, есть такое дело, — кивнул наш главный юрист. — Чуть меньше сорока тысяч марок. Это долги поставщикам. Еще кредиты в банке на шестьдесят.

— Тогда я считаю, что сумма в полмиллиона марок мне кажется слишком завышенной, — ответил Мишка и Моллер активно его поддержал.

— Подождите, подождите, — вклинился я, перебивая друга. — Яков Анрдерич, а скажи нам, что вообще представляет из себя этот завод? Сколько человек работает, сколько станков, каковы объемы выпуска и продаж? Это известно?

— А у меня есть фотографические снимки, — бодро ответил Мендельсон. — Фрау Фишер любезно разрешила мне сфотографировать все, что я захочу. Сейчас, подождите....

И с этими словами он нырнул в портфель и достал пачку фотокарточек. Передал нам со словами:

— На заводе работает около сорока человек, в наличии несколько станков для рубки и шлифовки шаров разных калибров, печь для закалки и прочее. В целом, предприятие выглядит неплохо и мои впечатления сугубо положительные.

На фотографиях завод смотрелся... средненько. Один-единственный цех с немьтыми окнами. Везде грязно, пыльно и мрачно. Рабочие в засаленной и прожженной робе, облупленные станки. Все это не производило впечатления на пятьсот тысяч немецких марок.

— Ну, не знаю, — с сомнением проговорил Мишка. — Как-то все удручающе выглядит. Мендельсон хмыкнул.

— Михаил Дмитриевич, вы, конечно, меня извините, но вы просто забыли, как у нас выглядят обычные фабричные цеха. У нас все гораздо хуже. Но да, вынужден буду с вами согласиться, на нашем предприятии все намного веселее, чище и светлее.

Мишка еще раз вздохнул.

— Вообще, странно это, покупать завод по фотографиям. Надо бы лично съездить.

— Вот и съезди, — подтолкнул я. — Через Германию на Дальний Восток. Прикинешь что там к чему, с фрау Фишер обсудишь ценник. Да и просто отдохнешь.

Мишка неуверенно кивнул.

— А стоит ли? Все одно лицензия без завода не продается. Все равно покупать придется. Только полмиллиона вот за это убожество сильно много. Считаю, что красная цена этому предприятию двести тысяч. Что скажет на это герр Лаубе?

А по господину представителю Мишка явно видел желание продать предприятие. И полмиллиона марок был пробным запросом. Он готов был торговаться.

— Что ж, господа, думаю скидка на размер долга выглядит в этом случае вполне обоснованной, — выразил мысль немца переводчик.

— Итого четыреста тысяч? — спросил Мишка и еще раз с сомнением покачал головой. — Все равно это слишком дорого, герр Лаубе.

— Боюсь, я больше не имею права уступить, — в свою очередь ответил немец. — Четыреста тысяч марок это крайняя цена.

Вроде бы на этом мы и должны были остановиться и пожать руки. Но были у Мишки еще козыри в рукаве. И потому он, привстав со стула, сказал:

— Думаю, герру Лаубе следует посмотреть на наше изобретение. Это сильно упростит переговоры между нами. Пройдемте, господа, — и ладонью он пригласил гостей на выход.

Я понял его маневр. Наши инженеры сделали пару вариантов станка, производящих шлифовку стальных шаров и Мишка захотел их продемонстрировать нашему гостю. Не знаю, насколько эти станки похожи по конструкции на изобретения ныне покойного Фишера, но, думаю, запатентовать, мы их сможем. Уж одну-то конструкцию совершенно точно. И даже без немецкого завода и его лицензии мы сможем производить шлифовку шаров. И этот факт подвигнет господина Лаубе на кое-какие уступки. По сути, мы бы обошлись и без патента Фишера, но вот возможность с легкостью зацепиться за немецкий рынок сбыта нас привлекала.

Как и следовало ожидать, наша презентация новых станков привела немца в удручающее состояние, и он попросил у нас время на обдумывание. Мы согласились, и в течение трех дней господин Лаубе переписывался телеграммами со своей хозяйкой, выспрашивал у нее разрешение. И получив таковое, продолжил торг. На этот раз наш разговор продолжился в ресторане, в отдельном кабинете, где нас никто не мог побеспокоить. Суетливые половые быстро наметали на стол богатую еду, дорогую выпивку и мы, подняв бокалы за будущий успех в переговорах, пригубили напитки.

— Итак, герр Лаубе, судя по тому, что вы не отказались от переговоров, у вас есть новое предложение? — произнес Мишка, после того как ножки бокалов коснулись поверхности стола. — За какую цену фрау Фишер готова уступить предприятие?

Немец кисло улыбнулся и ответил:

— Не имеет смысла скрывать, что фрау Фишер была расстроена вашей неуступчивостью. Особенно ее расстроили ваши изобретенные станки. И потому, взвесив все факты, она решил продать завод за скромные триста пятьдесят тысяч марок.

Мы с Мишкой переглянулись. Все равно сумма получалась чуть больше ста тысяч рублей, а это дорого.

— Фрау Фишер приняла правильное решение, — сказал Мишка, пристально глядя на немца, читая его эмоции. — Вы сами убедились, что мы в довольно короткие сроки готовы поставить собственное производство подшипников. У нас для этого есть все необходимое. И цена вопроса здесь — время необходимое для запуска производства. Это может быть и несколько месяцев и год. Время для нас дорого, это правда. И потому мы предпочитаем купить ваше производство, чем развивать с нуля свое. Но, герр Лаубе, скидки в пятьдесят тысяч, увы, недостаточно. В этом случае мы предпочтем запускаться самостоятельно. Но и ваше желание продать за справедливую цену, а не за предложенные нами двести тысяч, я понимаю. Все же вы вложили в это дело немало своего времени и средств. А потому, давайте мы с вами остановимся на удобной для нас обоим сумме в триста тысяч марок. Я думаю, это будет справедливо. Что скажете, герр Лаубе?

Немец долго напрягал желваки, сжимал губы и обдумывал ответ. Чувствовалось, что есть у него личная заинтересованность в продаже предприятия. Возможно, фрау Фишер пообещала процент от сделки. Наконец, через долгую минуту он сказал:

— Триста двадцать. Это последнее слово. Больше я скидывать не имею права.

И вот на этой озвученной сумме Мишка позволил себе улыбнуться. Хоть и дорого обходилось нам предприятие Фишера, но все же не так разорительно как было изначально. Сто тысяч рублей Моллер нам обязательно найдет, кажется второй выпуск облигаций прошел вполне успешно.

— Договорились, герр Лаубе, — удовлетворенно воскликнул Мишка и, встав, протянул руку для рукопожатия. — Я очень рад, что мы с вами нашли общие точки соприкосновения интересов. Пожалуй, это дело следует отметить.

Как всегда в торжественных случаях мы хлопнули пробкой шампанского и с радостью закрепили наш устный договор. Следующим днем мы поставили свои росписи в письменном договоре и наши юристы потом в течение долгого месяца переоформляли завод в собственность. Предприятие мы влили в наш концерн, переподчинили его нашему банку и сменили у завода название с громоздкого и труднопроизносимого для не немцев звучания на куда более лаконичное «FAG». Это Мишка, после некоторых раздумий предположил, что возможно в будущем именно так и должно было бы называться это предприятие по производству подшипников. Ну а для брендинга завода и в знак качества к новому названию мы по обыкновению через дефис прибавили две заглавные буквы «RZ». Хоть и получилась аббревиатура и не по-русски и не по-немецки, но для понимающих людей говорило о многом. А через месяц после этого события Мишка таки собрался в путешествие со своей супругой и падчерицей. Поехали на Дальний Восток через Германию, для того, чтобы Мишка смог лучше ознакомиться с новым приобретением, встретиться с новым управляющим и обсудить с ним новые векторы развития, подсказать новые типы

подшипников, да и денег на развитие подкинуть.

— Помоги-ка мне спуститься, — охнув, попросила Маринка. — Дай руку.

Я охотно поддержал свою супругу, взяв ее под локоток, и аккуратно помог сойти с крыльца. Вроде и не такой большой срок — около шести месяцев и живот еще не вырос до больших размеров, но Маришке он ей доставлял серьезные неудобства. У нее слегка изменилась походка и, как она говорит, совершенно расклеились ноги. Поэтому она стала опасаться спускаться по ступенькам, всегда искала мою поддержку. Я ее успокаивал, говорил, что волноваться нечего, но она меня не слушала и все делала по-своему. И говорила, что очень боится упасть с лестницы, как ее мать, когда та была беременной. То падение дорого обошлось ее матери, она долго лежала в постели с переломом ноги и доктор всерьез опасался за здоровье будущего ребенка. Но все обошлось и младший брат моей супруги появился на свет божий крепким и здоровым. И через несколько лет он вырос совершенным оторвой, которого не учил даже бабкин ремень.

— Не дай бог тоже свалюсь, — совсем по-бабьи охала моя супруга, крепко схватившись за мою ладонь. За своими опасениями она совсем забывала о своей суффражисткой наклонности — беременность потихоньку превращала ее в нормальную женщину, с теми же заботами, с теми же страхами. — Держи меня крепче, не отпускай.

— Синяки оставлю, — только лишь и оставалось мне отвечать. — Потом будешь Зинаиде показывать, а она меня за это ругать станет. Все уже, спустились, — сказал я, ослабляя хватку. — Может мне с тобой поехать?

— Нет, не надо, — сказала Маринка, освобождая руку. — Меня Зина проводит. Да Петр Алексеич с Серафимом помогут спуститься и забраться. А у тебя на заводе дел полно, сам говорил.

Я с неудовольствием покивал головой. На заводе действительно много работы, утром звонил Евгений Адамович, наш главный химик, говорил, что у него есть для меня какой-то сюрприз. Просил приехать. Я пообещал, но, глядя вот на свою боязливую супругу, все больше склонялся к мысли, что сюрприз может и подождать. Что-то у Маришки действительно какая-то фобия насчет лестниц приключилась. Как бы действительно не навернулась. Упадет, повредит плод — не прощу себе.

— Зина, оставайся-ка ты здесь, — обратился я к своей экономке. — Я сам с женой съезжу.

— А как же..., - открыла было рот Зинаида, но я не дал ей продолжить.

— Я сам справлюсь. Иди.

— Но вы же не знаете куда ехать!

— А ты Петру адрес скажи, — парировал я, пресекая всяческие возражения.

Пришлось Зинаиде послушаться. И пока я подсаживал супругу в открытую повозку, она сбегала в дом, черкнула на листочке адресок, а затем передала его Петру, нашему штатному извозчику.

— Вот, Петр Алексеич. Вот сюда вам надо. Найдешь?

— Найду, как не найти, — ответил Петр, засовывая адресок в карман. — Только ехать будем долго, не растряссти бы.

— Ничего, Петр Алексеич, не растрясешь. Ты аккуратнее давай, да по кочкам нас не вези, — парировала Маринка, устраиваясь на мягком сидении. — Ну, все, поехали.

— А Серафим как же?

— Так вон же он идет, — воскликнула моя супруга, показывая рукой на спешащего казака. — Поехали, подберем его.

Через пару минут Озирный заскакивал в нашу скрипучую повозку. Бегло поздоровался со мной, с Петром и запел соловьем перед Маринкой, широко улыбаясь:

— Доброго вам денечка, Марина Степановна. Вы сегодня под этим ясным солнышком выглядите особенно прекрасно. А куда же вы направляетесь, что вам потребовалась моя помощь?

Моя супруга вспыхнула на прозвучавший комплимент, кокетливо пригладила выбившуюся из-под шляпки прядку, и весело стрельнув глазками казачку, ответила:

— И тебе здравствуй Серафимушка. Солнышко сегодня действительно ясное, а едем мы по важному делу.

— Это ж по какому, позвольте узнать?

— К бабке мы едем, Серафимушка. Боязно мне что-то. Как рожать буду, прямо не знаю.

— Ну, родить дело не хитрое, это вам, Марина Степановна, любой мужик скажет, — весело сверкнул зубами Озирный. — А к бабке вы правильно делаете что едете. Без бабки тут никак. Она и подскажет и заговорит и травки даст, если надо. Эх, Марина Степановна, вам бы в наш хутор, вот там бабка одна у нас есть — все бабы как одна через нее проходят. Всем помогает, всех выхаживает.

— У нас, Серафимушка, и своя бабка имеется, не хуже вашей, — улыбнувшись, парировала Маринка. — У нее мертвый мужик родит!

— М-да, — хохотнув, протянул казак, — тогда мне к ней, пожалуй, ходить не стоит. А то потом сраму не оберешься и с мужиками не поговоришь. И придется мне в ваши бабьи ряды потом переходить....

Так и болтали они весело всю дорогу, хохмили и шутили. Серафим сам по себе человек легкий и веселый, с ним хорошо проводить время в дороге. Он всегда расскажет байку, историю из жизни или просто смешной анекдотец. И Маринка любила бывать в его обществе, хохотать с ним над разной чепухой. Нет, не подумайте ничего такого, Серафим воспринимался Маринкой просто как подружка с усами, с которой можно было поговорить о вещах, которые обычных женщин не особо интересуют. Например, о том, как рвут больные зубы измученному человеку, или как мужики выясняют отношения из-за женщин, или как правильно выбрать коня для хозяйства или под седло. Маринке это было жуть как интересно, и потому в моем казаке она с радостью нашла себе такого собеседника. А по поводу амурных заигрываний я был спокоен — Серафим не тот человек, который может увести жену своего начальника, да и Маринка себе такого не позволяла.

Ехали мы действительно долго, я даже устал сидеть. Петр вез аккуратно, объезжал колдобины, что образовались по весне на не мощеной дороге, иногда правил коня в сторону, проезжая особо разбитый путь по поросшей невысокой травой обочине. Нас иногда кидало по повозке, мы бились ребрами об ограждение и Серафим поругивал Петра. А я переживал за Маринку.

Вдруг Петр, натянув вожжи, резко остановился. И напряженно, словно встревоженный зверек завертел головой.

— Что случилось, Петр Алексеич, — спросила Маринка, мгновенно забыв об интересной истории, что травил Серафим.

— Да не пойму чей-то, — озадаченно произнес наш извозчик. — Стреляют что ли?

Мы тоже, как и Петр закурили головами. Но ничего не услышали.

— Показалось? — предположил Серафим.

— Черт его знает. Может и показалось.

Но тут, мы все услышали то, отчего Перт резко щелкнул вожжами и стал спешно разворачивать повозку. Мы услышали далекий ружейный залп.

— Это где стреляют? — спросил я Петра, как человека более опытного в делах навигации по окрестностям Петербурга.

— В Александровском, — сухо ответил извозчик. — Вы уж извините, Марина Степановна, но к бабке вы сегодня не попадете. Я не знаю, что там происходит, но туда я вас сегодня не повезу. Мне ваша жизнь дорога.

Что-то знакомое название. С чем-то оно у меня ассоциируется.

— А что находится в Александровском? — спросил я.

— Обуховский завод и картонная фабрика, — глухо ответил мне Петр. — Не пойму, почему пальба....

И развернувшись, он стал править повозку обратно. А навстречу нам как раз попалась конная полиция в количестве десяти человек. Мчались галопом, лица серьезные, нахмуренные. Пронесли мимо нас, оставив после себя облако пыли. Серафим безбоязненно крикнул вслед:

— Эй, братцы, что случилось там?

Но ему никто не ответил, лишь один человек обернулся, посмотрел не добро, ослабившись.

— Что-то не хорошее там приключилось, — произнес казак. — Полиция злая.

А я догадывался, что там произошло. Там восстали рабочие. Причины восстания я не помню, его масштабы тоже, но прекрасно знаю, что в будущем недалеко отсюда будет проходить проспект Обуховской обороны. А проспекты просто так не называют.

— Вот что, Петр, давай-ка ты назад Маринку вези. А мы с тобой, Серафим, на извозчике.

— А что случилось? — непонимающе спросила супруга. — А зачем извозчик?

— Там рабочие бунтуют, — ответил я, моментально настраивая супругу на деловой лад. — Полицию камнями бьют. А мне на завод срочно надо, успеть погасить волнения в самом начале. Ты Петр, вези Маринку, не слушай ее, а мы сами доберемся. Ты нас только до первого извозчика подвези.

На завод мы с Серафимом добрались через час. Зашли в цеха с внутренней тревогой, ожидая увидеть среди рабочих разброд и шатания, но на удивление внутри все было тихо. Шла обычная рутинная работа, станки шлепали заготовки, мужики, засучив рукава, вкалывали, а женщины, мырлыкая под нос песни, фасовали и упаковывали продукцию. Все как всегда.

Поймав взглядом ближайшего мастера, подозвал его.

— Как зовут?

— Логинов Андрей, — представился мастер, сломав шапку.

— Скажи, Андрей, слышал ли ты чего-нибудь сегодня такого необычного от рабочих. Не было ли разговоров о стачках, не подбивал ли кто на..., - тут я запнулся, подбирая нужное слово, — ... на бунт?

У мастера недоуменно вытянулось лицо.

— Да нет, Василий Иванович, ничего такого сегодня не было, — ответил он. — Все как

всегда. Есть, правда, у нас любители поговорить за справедливость, но все это несерьезно. А что случилось?

Я вздохнул. Подумал и решил просветить его насчет случившегося:

— В Александровском селе рабочие бунтуют. Полицию бьют, те по ним стреляют.

Мастер так и ахнул. Всплеснул руками, потрясенно закачал головой.

— Ты, Андрей, смотри тут за настроениями. Если что, сразу докладывай начальству.

Понял?

— Понял, Василий Иванович. Непременно сделаю.

Я ушел наверх, оставив ошеломленного мастера присматривать за рабочими. Наверху нашел локального директора, просветил его насчет произошедших событий. А так же повелел внимательно следить за обстановкой на вверенной ему территории. Затем я взялся за телефон и начал искать Попова. После третьего звонка, нашел его в кабинете у Моллера. Долго с ним беседовал, просил все проконтролировать. Наш генеральный серьезно отнесся к моим беспокойствам и пообещал держать руку на пульсе. А также сообщить мне едва будет выявлены малейшие признаки волнений. Что ж, теперь я был спокоен, вся наше управленческая верхушка предупреждена, сюрпризов не будет. Единственное что я попросил, так это не самовольничать и не злить рабочих, закручивая гайки, а сразу же сообщить мне и тянуть время до тех пор, пока я не приеду. А вот когда я приеду, то тогда мы и постараемся вместе успокоить брожение.

Ну а пока..., пока все было спокойно и я, выполнив все от меня зависящее, неспешно, прихватив с собой Серафима, поехал в НИОКР. Там меня ждал наш главный химик.

— Вот, Василий Иванович, сделали, — сказал мне Мельников, гордо показывая на новый телефон в черном карболитовом корпусе. — Как вы и хотели.

Я стоял возле окна, Серафим чуть в стороне меня. Главный химик едва ли не пританцовывая от нетерпения находился напротив нас, за столом. Он был доволен. Сиял как начищенный чайник, надувался от важности. Инженер-электрик, что стоял с ним рядышком тоже радовался своему детищу. Его подразделение не просто перенесла внутренности старого телефона в новый корпус, а существенно переработала их. И теперь, по его заверениям, слышимость во время разговора будет куда как лучше.

Они были довольны, а вот я не особо. Новый корпус по внешнему виду ничем не отличался от обычной черной коробки с рычагом наверху. Абсолютно никакого дизайна. И это мне не понравилось. Но, тем не менее, не показывая своего недовольства, я поднял ужасную на вид карболитовую трубку и приложил к уху. Покрутил ручку для соединения.

— Барышня, будьте любезны, номер десять двадцать два.

— Минуточку, — прозвучал в трубке миловидный женский голос. А затем через секунду, — соединяю.

Трубку поднял Моллер. Не удивился моей просьбе позвать генерального. После непродолжительной беседы с Поповым, положил трубку и вынес вердикт:

— Слышимость и вправду лучше чем у старых аппаратов. Но на той стороне Попов говорит, что ничего не изменилось. Надо бы поставить эти аппараты у нас везде, где только можно. И к производству готовить.

И опять два начищенных чайника засветились от гордости.

— Вот только с внешним видом надо что-то сделать. Слишком неподходящий образ аппарата для продажи.

И тут их лучезарные улыбки исчезли и появилась растерянность. А я понял, что приставать с дизайном к ним мне не следует. Это не их стезя и не их ответственность. Химику главное сделать материал, инженеру внутренности. А вот красивый внешний вид, такой чтобы и приятный для глаза и в тоже время не дорогой в производстве, это надо было обращаться к другим людям. Что ж, похоже, у Попова появилось на одну заботу больше.

— Ладно, — улыбнулся я, подбадривая своих суперответственных людей. — Хорошо сделано, добротнo. Замечательный сюрприз вы мне преподнесли. Выпишу вам хорошую премию на отделы, а вы сами ее распределите между работниками.

Для них это была просто отличная новость. С премией за добротный продукт ни я, ни Мишка не обижали. Новации у нас ценились.

— Э-э, Василий Иванович, — вдруг сказал Мельников. — Я вам не про этот сюрприз говорил. Корпус телефона у нас уже как неделю был готов, позавчера поставили внутренности и проверили. Это здорово, но я вам не это хотел в первую очередь показать.

— А тогда что? — заинтриговал меня химик.

И он, нырнув обожженными когда-то руками в карман пиджака, достал спичечный коробок и положил его передо мной на стол.

— Что это? — недоуменно спросил я, открывая его и высыпая на ладонь белый порошок. Серафим, не сдержавшись, заглянул.

— На сахарную пудру похоже, — заявил он безапелляционно, что совершенно не понравилось Мельникову. Химик глянул на казака как на студента двоечники и пояснил мне:

— Это, Василий Иванович, ваш поливинилхлорид. Я нашел способ как его изготавливать.

— Так быстро? — удивился я. — Ведь всего-то пара месяцев прошло.

— Ничего сложного не было. Весь процесс был уже описан и напечатан. Самое сложное это было найти литературу. Знали бы вы, Василий Иванович, сколько часов я провел в библиотеке, прежде чем нашел неиспользуемый, но давно открытый материал, который попадал под те свойства, что вы описывали. Это я вам скажу, была не простая задачка. Но мы с ней справились.

Вот уж действительно сюрприз. Оперативный результат. Я ухватил несколько крупиц порошка, я погонял их между пальцев, затем понюхал. Серафим повторил мои действия, чем вызвал небольшое раздражение Мельникова. Ну, не знаю, у того ПВХ с которым я когда-то работал, был совсем другой запах, на этот совершенно не похожий. Но в этом случае мне придется довериться мнению профессионала.

— Ну, Евгений Адамович, вот сейчас ты меня действительно удивил, — выразил я свое восхищение. — Такой результат и так быстро! Поздравляю. А скажи, ты эксперименты с этим порошком уже ставил? Как он плавится и горит?

— Не горит вообще, да и почти не плавится. Только обугливается, — признался химик. — Но это полимер, я вам говорю совершенно уверенно.

А вот то, что этот новый материал почти не плавится, мне совершенно не понравилось. Тот ПВХ с которым я работал, становился пластичным при температуре примерно в сто семьдесят градусов по Цельсию. Плюс-минус. А этот, судя по заверениям Мельникова, держал температуру горелки, обугливался и почти не плавился. А сколько там градусов при открытом огне? Я не помню, но совершенно точно, что гораздо больше ста восьмидесяти. И тут пришлось мне напрягать память, вспоминать то, о чем нам когда-то рассказывали. Я

присел на кресло, взял в руки коробок и на пару минут выпал из реальности.

— Вот что, Евгений Адамович, — начал вещать я, ставя новые задачи перед химиком. — Полимер, что у нас с вами получился, настоящая золотая жила. Но, для того чтобы с ним работать, нам необходимо сделать несколько вещей. Первое — придумать как повысить пластичность материала. Не знаю, как это можно осуществить. Или подобрать нужную добавку в смесь или изменить рецептуру получения. Тут вам изобретать. Второе — сделать так, чтобы расплавление материала происходила при температуре в сто пятьдесят, двести градусов. И третье — подобрать красители для него. От белоснежного до угольно-черного со всеми цветами радуги и посмотреть, как будет изменяться цвет и свойства материала при высокой температуре. Это все. Справитесь?

Я мог бы и не спрашивать об этом Мельникова, это было лишнее. Он лишь записал мои требования к себе в блокнот.

А теперь то, что я знал о ПВХ, но не мог сказать своему химику. Тот материал, с которым я работал, плавился при температуре в сто шестьдесят, сто восемьдесят градусов и все было бы хорошо, если бы не одно но. При температуре уже в сто сорок в структуре ПВХ начинали происходить разрушительные изменения. Цепочка полимера рвалась, высвобождая атомы хлора, которые в свою очередь продолжали разрушать соседние цепочки полимера. Своеобразная цепная реакция. И если не найти сейчас решение этой проблемы, то можно забыть о промышленном использовании ПВХ. Помнится, как-то раз при приготовлении смеси рабочие не уследили за температурой смешивания и все сырье в чане сгорело, почернело до состояния пористого угля. А вонь в цеху стояла такая, что хоть покойников выноси. На моей работе эту проблему решали тоже добавками, все действие которых состояло в том, что они должны были улавливать эти вырвавшиеся атомы хлора, не давая им разрушать соседние цепочки. Но этого я подсказать Мельникову не мог, так что буду подталкивать его к этой мысли потихоньку, полегоньку. И все у нас получится.

И еще одна проблема, которую я видел. И имя этой проблемы, как ни банально это звучит — станки. И если сделать механику обычного экструзионного станка, цилиндр со шнеком и фильеры было относительно не сложно, то вот с электрикой нам придется повозиться. Особенно с нагревательной ее частью. Ведь сейчас, насколько я понимаю, в природе нет даже банальной термопары и примитивных термодатчиков. И как нам регулировать температуру нагрева и осуществлять принудительное охлаждение цилиндра? Ума не приложу. Но, как бы то ни было, будем думать и пробовать. Не знаю, может быть для контроля нагревательных элементов подойдет обычный реостат, а в качестве измерителя температуры старый добрый ртутный градусник. Может и подойдет такой вариант, но тут пока не попробуешь, не узнаешь. А вообще, придется нашему инженеру по электрической части как следует подумать и поизобретать. Мы долго будем ставить эксперименты, подбирать нужные составы и температуры, пробовать различные станки. И еще одна неприятность которую я уже вижу, была все в той же молекуле хлора, что вырывалась из цепочки полимера при нагреве. Ведь она будет разрушать не только само сырье, но еще и шнеки с цилиндрами. Хлор будет съедать металл, выгрызая в поверхности глубокие каверны. И за год активной работы все внутренности окажутся изъедены до такой степени, что они потеряют свою эффективность, на их стенках будет образовываться нагар, который будет очень сильно влиять на качество. А потому их придется регулярно менять. А это, блин, опять деньги и очень немалые. И решить эту проблему можно только одним способом — хромировать рабочую поверхность шнека и внутренние стенки цилиндра. И вот, у нас

появилось еще одно направление для исследований и экспериментов для нашего небольшого литейного завода под Новгородом. Времени, конечно же, на все это уйдет уйма. А про деньги я уж и не заикаюсь — мне просто становилось страшно. И, если честно, если бы я не знал, что эта тема обязательно себя окупит и принесет золотые горы, то ни за что бы за нее не взялся. Ведь с точки зрения бизнесменов нынешней эпохи это направление исследований неизвестно к чему выведет еще и вряд ли себя быстро окупит.

Все мои опасения по поводу бузы на моем предприятии оказались напрасны. Новость о бунте в Александровском селе дошла до моих рабочих только под вечер, да и то лишь смутными обрывками фраз. Что там на самом деле произошло, пока никто и ничего не знал. Лишь на следующий день, когда по городу прошли массовые ночные аресты, столица в подробностях узнала о случившемся, а газеты в красках описали кровавые события. И только тогда по цехам поползли нехорошие разговоры.

Как я и ожидал, на Обуховском сталелитейном заводе от «давления сорвало крышку». Предприятие «взорвалось», рабочие, не найдя понимания со стороны руководства выкатились на улицы, построили баррикады и встретили прибывшую полицию градом камней из брусчатки. Стражам порядка сильно досталось, и потому к ним на помощь пришла армия, которая и разметала бунт, огнем и прикладом. Постреляли служивые знатно, в газетах говорилось о десятке убитых и многочисленных раненых. Под шальную пулю попал даже ребенок. А поздно вечером и ночью, прошли повальные аресты. Брали всех без разбору, вытаскивали из постелей и прогоняли через строй полиции, которая выискивала запомнившиеся лица.

Много из моих рабочих утром активно обсуждали эти события, оказалось, что у кого-то знакомые принимали в этих событиях активное участие. Я с тревогой наблюдал, как люди перед сменой общались небольшими группками, эмоционально спорили и размахивали руками. Начало работы задерживалось на полчаса и мастера подгоняли рабочих, уговаривая встать за станки. Слава богу, что, следуя моим указаниям, увещевали дипломатично, без угроз и давления. Они соглашались с рабочими, что на Обуховском работодатели, в одностороннем порядке увеличив рабочее время, оборзели в край, но тут же напоминали, что у нас-то все по-другому! Напоминали им и о высоких заработках, и о восьмичасовом рабочем дне и об условиях труда, о которых на других предприятиях только мечтают. И потому бунтовать, и выражать свое недовольство попросту незачем. И рабочие, согласились с мастерами и наконец-то приступили к своим обязанностям. У меня отлегло от сердца. Вроде бы угроза забастовки и бунта нас миновала.

А через несколько дней я узнал от Мельникова, что Тентелевский химический погрузился на один день в пучину стачки. Завод встал. Рабочие объявили об остановке всех работ в знак поддержки обуховцев и в пику своему руководству. Требования предъявили те же — улучшение условий труда и увеличения заработной платы. И хозяева, напуганные недавними событиями, не стали гнуть палку, а попытались найти компромисс с рабочими. И, по словам нашего главного химика, вроде бы нашли общие точки соприкосновения с бастующими, и пошли на небольшие уступки. Что интересно, в газете об этой стачке не было ни слова. О ней я узнал только из уст нашего химика, у которого остались старые связи на там заводе. И потом, в течение месяца, я, таким образом, узнавал, что в столице то тут, то там вставали предприятия. Обозленные рабочие выражали таким образом свое сочувствие обуховцам. Что и говорить, шуму эта история наделала знатного. Но все это померкнет перед грядущими событиями пятого года. Вот к чему надо готовиться!

Я готовился к отъезду в Новгород. Настала пора посмотреть, как там поживает наш небольшой литейный заводик и внести кое-какие планы в его развитие. Настала пора

укрупнять производство.

Небольшой чемодан, что стоит в коридоре, давно собран, легкое пальто от ночной прохлады висит на вешалке, а трость с потайным клинком, прислонена к стене. До поезда еще несколько часов, торопиться некуда. Зинаида, у которой особо не забалуешь, проверяла работу недавно нанятой девицы. Ходила с ней по дому и белоснежным платочком проверяла пыль. Проводила свернутым в уголок тайные места в мебели, касалась книжных полок, пыталась найти грязь. Ходила по дому вся из себя такая строгая и неподкупная, нагоняя на молодую девчонку страх. Надо отдать должное, совсем юная девчушка, которой было едва ли пятнадцать лет, постаралась на славу. Выполнила свою работу так, что даже Зинаида не могла найти, к чему можно было придраться. А это редко когда случалось и потому, моя суровая экономка хмурилась все сильнее и сильнее. Чувствую, будь ее воля — сожрала бы она свою подчиненную, довела бы ее до слез. Я пока ее защищал — нанятая по обезличенному объявлению в газете девчонка, на самом деле просто на отлично выполняла свою работу и за целый месяц работы показала свое усердие и трудолюбие. Но, чувствую, после моего отъезда Зинаида оторвется по полной и доведет-таки Прасковью до нервного срыва. Надо бы урезонить мою экономку.

— Зина, — позвал я ее после дотошной проверки очередного угла.

— Что, Василий Иванович? — не оборачиваясь, откликнулась супруга Валентина Пузеева.

— А скажи-ка мне, пожалуйста, когда я вернусь из поездки, у меня будет еще шанс встретиться с Прасковьей в этом доме? Или мне потом ее по всему городу искать придется?

— О чем это вы таком говорите? — сделала она вид, как будто ничего не понимает. — Зачем ее вам потом искать?

— Ты ее не выгонишь, едва я за порог? Прасковья вроде хорошо старается, трудится. А ты на нее взъелась.

Тут Зинаида позволила себе обернуться. Повелительно отправила девушку вон из комнаты, а затем, едва за ней закрылась дверь, подошла ко мне и сквозь зубы процедила:

— Зря вы ее взяли, Василий Иванович, ой зря. Плохая девка, нехорошая. Гнать ее надо.

— Это ты о чем? Хорошо же вроде работает.

— Работает-то хорошо, да только шустрая уж больно, — возразила она. — В каждой дыре затычка. Всюду, куда не гляну — она с тряпочкой. Все трет и трет. Там трет, здесь трет, тут трет, все высматривает, момент получше выбирает.

— О чем ты, Зина? — не понял я. — Что высматривает? Какой момент?

— А вы сами, что ли не замечаете? — жарким и возмущенным шепотом спросила она. — Ничего не видите?

— Н-нет, Зина, ничего, — неуверенно ответил я. — Да что случилось-то? Толком скажи.

— Вы что и вправду не видите, как она перед вами задом своим вертит? — удивленно спросила Зина. — И так она перед вами и эдак. А взгляды какие она на вас кидает! Ой, как она старается ваше внимание на себя перетянуть.

— Чего ты мелешь, Зина? — возмутился я. — Ей лет-то сколько! Какое внимание? Она ребенок еще!

Тут моя экономка посмотрела на меня как на недалекого человека, скривила рот в усмешке:

— Гнать таких ребенков из чужих домов надо, — жестко сказала она. — Пришла,

понимаешь, вертихвостка! Чужих мужей вздумала соблазнять! Гнать ее надо, Василий Иванович, гнать. И лучше гнать сейчас, пока она своего не добила. А эта сможет, я знаю. Есть такая порода баб, что чужих мужиков из семьи уводят — эта одна из них. Хоть и молодая еще, а уже в самом соку.

Тут мне нечего было возразить Зинаиде. Прасковья хоть и девчонка еще совсем, но с точки зрения природы вполне себе уже женщина. Молодая, пышущая здоровьем и упругими формами женщина. Я по своей наивности, похоже, действительно недооценил ее, не обратил внимания на ее уловки. И сейчас, после сказанного, я вспомнил моменты, когда она действительно не по делу слишком уж прогибалась, словно выставляя себя напоказ. И это озадачило меня. Не было у меня такого опыта, чтобы меня соблазняли и добивались. Потому и не рассмотрел это в самом зародыше.

— Гнать ее надо, гнать, — жарким шепотом напомнила Зинаида, видя, что глаза мои открылись. — Выгонять, пока не поздно.

Я молчал. Не мог принять решение. Сидел долгую минуту, глядя на Зинаиду, думал. И тут на меня нашло некое раздвоение. Умом я понимал что следует послушаться мою экономку и выгнать девушка от греха подальше, а вот задницей захотел посмотреть куда эта ситуация вывезет. Захотелось, так сказать, поиграть с огнем. Соблазнить себя я, конечно, не дам, но вот потешиться над неуклюжими попытками юной женщиной-вамп вполне будет можно. О чем и сообщил Зинаиде, попросив не увольнять Прасковью во время моего отъезда. Моя экономка только лишь тяжело вздохнула и недовольно покачала головой. Было видно, что со мной она не согласна.

— Воля ваша, Василий Иванович, — сказала она сурово, — можете ее оставить, если желаете, можете потешаться над ней и искушать судьбу. Да только я все равно вашей супруге все расскажу. Пусть тогда она ее выгоняет, если вы не хотите. Так будет лучше.

И с этими словам она ушла, резко толкнув дверь. А та, неожиданно распахнувшись, врезалась прямо в лоб Прасковьи, что караулила с той стороны. И это вывело из себя мою главную домработницу:

— Ах, ты еще и подслушивать! — гневно воскликнула она на девушку и наотмашь, не щадя ладони, хлестанула той по лицу. И Прасковья, распрямившись, ухватилась за отшибленное, наливающееся кровью место и из ее глаз брызнули слезы. Но при этом так призывно зыркнула на меня, что прям захотелось броситься на помощь и защитить ее от насилия. Черт! А Зина-то права! Выгонять ее надо, пока не поздно! От таких баб одни проблемы. И поняв это, я незамедлительно дал свое согласие на расчет девушки. Моя суровая экономка не стала медлить, тут же вручила девушке заработанный рубль и, больно ухватив за локоть, выставила возмущающуюся девушку за дверь. Что ж, по крайней мере, я теперь могу быть спокоен. Но едва Зина вошла обратно, я у нее спросил:

— А не слишком ли ты жестоко с ней обошлась?

— Ничего, перетерпит, — уверенно ответила она. — Пусть привыкает. А там вообще-то мой муж к вам пришел. Поговорить о чем-то хочет. Пригласить?

— Приглашай, — снисходительно соизволил я взмахом ладони.

Валентин пришел не один, притащил с собой своего друга. Того самого с кем я когда-то дрался. Лицо у друга было слегка помятое, толи пил сильно пару дней назад, то ли по морде получал. Мужчина чувствовал себя в комнате неуверенно, мялся, жал в ладони затертую кепку. Зато Валентин без особого пиетета прошел через комнату, поздоровался со мной за

руку.

— Что, Валентин, привело тебя ко мне в столь ранний час? — спросил я, откинувшись в кресле.

— Да вот, Василь Иваныч, — выдохнул обреченно Пузеев, — на ваше благородство надеюсь. За друга пришел просить.

— Вот за этого? — взглядом указал я смущенного мужчину. Валентин кивнул. — Ну что ж, если пришел, то тогда давай, проси.

И Валентин, глубоко вздохнув и бросив взгляд на друга, произнес:

— На работу ему бы устроиться, Василь Иваныч. С прежней работы его выгнали, без денег оставили. Он хороший работник, как и я, слесарем может. Он хороший слесарь, ремонтировать станки может, их наладкой заниматься. А может просто на станках стоять, за любую работу возьмется. Возьмите его на работу, пожалуйста.

— А что через отдел кадров не получается? — лениво поинтересовался я.

— Там очередь, он уже полгода ждет. А ему сейчас работа нужна. У него жена, дети. Без денег совсем плохо будет.

Я вздохнул, еще раз посмотрел на друга Пузеева. Не нравился он мне, морда помятая, под глазом, похоже, выцветший фингал недельной давности. И выпить он был явно не дурак.

— Валентин, ну ты же понимаешь..., — начал, было я оправдываться, но Пузеев меня поспешно перебил.

— Он на картонной фабрике работал, когда началась эта буза с полицией. Все выкатились на улицы, стали разбирать мостовую. Построили баррикады. А потом, когда пришли солдаты и стали стрелять, то все побежали. Его знакомого там ранило, в живот навывлет. Он тоже побегал. А потом ночью полиция вытащила его из постели. Рукоятью пашки по лицу ударили, и сутки взаперти продержали. Но ничего не доказали и потому отпустили. Но на завод его обратно не пустили. Сказали — раз участвовал, значит иди в другом месте работай. Дали расчет и выставили за ворота. Помогите, Василий Иванович пропадет же. У него жена, дети.

Я прикрыл на секунду глаза. Мужик молчал, мял кепку, ждал моего решения. Наверно, Валентину стоит поверить — за друга просит. Помнится одно время и насчет Валентина у меня были сомнения — любил выпить и подраться. Но, сложилось так, что он оказался у меня на работе и я не прогадал. Приобрел ценного работника. Если его друг окажется хотя бы вполовину от Пузеевских навыков, то это будет хорошее приобретение.

— Неужели через отдел кадров так сложно попасть? — спросил я, в упор глядя прямо на мужчину.

— Очередь, Василь Иваныч, до года, — ответил Валентин. — От вас почти никто не уходит, места редко освобождаются. Я говорил ему раньше, чтобы переходил к нам, пока была возможность, но он отказывался. Сейчас жалеет.

— Тебе лет-то сколько? — спросил я напрямую у мужчины.

Тот, кашлянув в кепку, ответил:

— Двадцать восемь.

— Что умеешь?

Он посмотрел на Валентина, ища поддержки.

— Все могу. Ремонтировать могу, кувалдой махать могу.... Я слесарским делом с малолетства обучен.

— Пьешь?

Мужчина обреченно вздохнул и признался:

— Бывает.

Я выразительно посмотрел на Пузеева, а тот лишь развел руки, показывая «чего, мол, удивляться». И действительно. У меня на заводе был сухой закон, за один лишь запах можно было нажать гору проблем с мастером, и потому у нас никто на рабочем месте не употреблял и через вахту в пьяном виде не проходил. Но вот кто поручиться за тех же самых работников, что они по вечерам не колдырят? Можно смело тыкать в мужиков через одного и обязательно угадаешь, что те очень хорошо относятся к бутылочке казенной.

— Валентин, — обратился я, — скажи, а ты поручишься за него?

— Василь Иваныч, я вам обещаю, что с ним проблем не будет. Он правила знает, я ему много о чем рассказывали и потому он на все согласный.

— Ну, ладно, уговорили. Только чур, Валентин, если что, то с тебя тоже будет спрос. Договорились?

— Конечно, Василь Иваныч, он не подведет. Вот увидите.

— И если его уволят за косяки, то никаких обид. Сам понимаешь...

— Никаких обид, — горячо подтвердил Пузеев, а его друг жарко закивал.

— Хорошо. Теперь идите в отдел кадров, скажите, что я попросил.

Мужчина расцвел, разулыбался. Попятился назад к двери с благодарными и суетливыми поклонами. Даже перекрестился. Но Валентин, хитрый тип, с места так и не сдвинулся. Я посмотрел на него удивленно, а он, прищурившись, попросил:

— Вы б записочку им написали, Василь Иваныч. А то ведь не поверят.

— Действительно, чегой-то я, — пришлось мне согласиться с доводами и потому, подхватив со стола блокнот и перо, спросил. — Тебя как звать-то?

Мужчина еще раз прочистил горло кашлем в кепку и ответил:

— Максим Чокопаев.

И я в повелительном тоне вписал имя кандидата в записку. И только когда пробежался глазами по уже написанному, понял, что что-то тут не так.

— Подожди, — нахмурил я брови. — Еще раз — как тебя зовут?

— Максимченко Павел, — ответил он медленно, едва ли не разделяя по слогам.

Блин, вот же заскок разума. Услышал совсем не то, что было произнесено. Я даже хихикнул невпопад, чем вызвал удивление моих гостей. Записку я, конечно же, порвал и написал новую, отдал ее Валентину. И только после этого они с благодарностью ушли. А после того как Мишка приехал из своей длительной поездки, я рассказал ему о моей слуховой галлюцинации и мы вместе посмеялись. И Максимченко Павел у нас получил прозвище «Орион Чокопай» Или просто «Орион». И как ни странно, это прозвище неведомым образом просочилось на предприятие и там намертво закрепилось за бедным парнем.

Новгород сильно отличается от Петербурга. Чувствуется провинциальность. Много деревянных домов, много скотины на улице. Чем-то напоминает Кострому, только населения раза в два меньше. Так же как и в Костроме здесь много церквей и множество не мощеных дорог. Во время дождей здесь наверняка грязищи по колено. Но, не смотря на свой налет провинциальности, мне здесь понравилось, а особенно воздух. Вроде бы какие-то сто верст от столицы, а здесь уже не было сырости, не пахло морем и ветра были не такие доставучие. Хорошо здесь летом, кругом зелень и небо ясное-ясное. Солнышко так и греет

спину, ласкает лучами затылок.

Наш литейный заводик находился на самой окраине города, можно было сказать, что даже за его пределами. Небольшое здание с несколькими печами и паровыми прессами дляковки. Несколько десятков работников трудились на предприятии, зарабатывали на хлеб насущный. Сам заводик ничем особенным на фоне остальных таких же не выделялся, испытывал те же проблемы что и все. Как и у всех у него были проблемы с реализацией продукции. Здесь ковали лопаты, топоры, косы, вилы, лили плуги, болты, гайки, тянули толстую проволоку, в общем, делали все, что не требовало особого труда в изготовлении. И потому было понятно, почему все это с трудом находило своего покупателя. Всем этим перечисленным товаром были завалены все лавки. Здесь же, выплавлялись детали для Мишкиных врезных замков, здесь же они и собирались. После того, как нам стало катастрофически не хватать места на основной площадке, сборку замков было решено перенести в Новгород. Недалеко от литейного заводика, в купленном частном домике их женщины и собирали.

В Новгород я приехал не один, привез с собой одного химика и одного инженера-электрика. Директор завода радостно встретил нас на вокзале и отвез в дом, что снял заранее. Он едва ли не сиял от счастья, ожидая больших перемен на вверенном ему предприятии. И надо полагать, справедливо ожидал.

— Ну-с, Григорий Андреевич, на завод мы с вами сейчас успеем съездить или нет? — спросил я директора, едва мы закинули вещи в дом.

— Успеем, Василий Иванович, — живо ответил директор — слегка полноватый мужчина чуть старше меня. — Но возвращаться придется потемну.

— Ну, это мы как-нибудь переживем, — улыбнулся я, подмигнув уставшему химику. — Нам только перекусить там организуете, хорошо?

Через полчаса мы уже ходили по цеху, осматривались. Я здесь был впервые, все дела по покупке организовывал Мишка с Мендельсоном, он же и вел переговоры. Едва я переступил порог, сразу понял, чем этот заводик приглянулся моему другу. Внутри было ухожено. Вокруг чисто, мусор под ногами не валялся, а самое главное, станки были относительно свежими и буквально вылизаны. Казалось, что в конце каждой смены рабочие тряпочкой вытирали накопившуюся грязь и масляные потеки. Но особо меня впечатлил большой паровой пресс, явно германского производства. Высотой метров в семь, он нависал над всем цехом как мастодонт, приковывал к себе взгляды. Такому прессу полагалось работать без остановки, штамповать изделия непрерывным потоком, только лишь для того чтобы себя окупить. Но он простаивал. Что-то не сложилось у прежнего хозяина, не получилось обеспечить работой гигантское оборудование и потому кредит по этому прессу потянул предприятие вниз. Что и позволило нам его приобрести по выгодной цене.

— Мне здесь нравится, — вынес я вердикт увиденному. Местный директор довольно улыбнулся.

— Мы старались, — ответил он. — Михаил Дмитриевич вменил нам в обязанность соблюдать чистоту. Говорил, что разруха начинается с рабочего места.

— Ну да, — поддакнул я и поправил, — вообще-то она начинается с головы. То есть с вас, как с управляющего завода. А скажите, Григорий Андреевич, волочильные станки, что мы заказывали, уже пришли?

— Конечно, — подтвердил директор и показал ладонью куда-то вглубь цеха. — Вон там поставили, уже работают. Теперь мы делаем проволоку различных диаметров. И покупают

ее охотно.

— Замечательно. А троса вы уже пробовали крутить?

— Конечно, — еще раз ответил довольный директор. — Станок, что вы приобрели, прибыл совсем недавно. И как только его смонтировали, то мы сразу же и стали на нем крутить троса. Но пока отработываем процесс, привыкаем к особенностям. Бобины с проволокой, бывает, слетают, а проволока путается, и часть троса потому отправляем в брак на переплавку — решаем как исправить. А так, все хорошо.

— Второй еще не пришел?

— Нет пока. Еще даже не отправили. Англичане задерживают. А как придет, так сразу и будем плести толстые троса.

Это было хорошо. Стальные троса на рынке более или менее пристойного качества при умеренной цене сейчас только импортные. Отечественные, что плетутся зачастую вручную и на коленке, получались слишком уж дорогими, да и качество у них хромало. Но, что интересно, и такие тоже покупали. А вообще, производство тросов мы налаживали с дальним прицелом. В будущем, когда мы освоим выпуск ПВХ, мы сможем крутить на этих же самых станках медные силовые кабеля, которые, после покрытия нашей совершенной изоляцией будет приносить нам очень хорошие доходы. Ради этого стоило стараться. Хорошо бы еще и алюминиевую проводку освоить, но тут была проблема. Нынешний алюминий дорог, весьма дороже меди и было его недостаточно. Вполне возможно, когда мы станем мультимиллионерами, то построим мощную ГЭС и организуем выплавку этого металла. Но это будет весьма не скоро.

Я долго ходил по цеху, осматривался. Постоял возле волочильных станков, что вытягивали проволоку, потусовался возле машины, что плела тросы. Завораживающее зрелище, никак не мог оторваться. Интересно было смотреть, как насаженные бобины с проволокой вращаются вокруг центральной жилы, оплетая ее, укладывая ровные ряды. Директор показал мне различные виды тросов, от пяти миллиметров толщиной, до пары сантиметров.

— Вот, вроде неплохо получилось. Мы испытали вот этот трос, нагрузили сто пудов и он выдержал. А вообще мы, как требовали от нас Михаил Дмитриевич и Сергей Сергеич немного экспериментируем со сплавами.

— И как? — спросил я, не оборачиваясь, наблюдая как неожиданно засуетились рабочие, заправляя новую партию проволоки в станок. По ним было видно, что дело для них это новое, навыки еще не выработались. Часто сверялись с инструкцией, написанной от руки.

— Не так быстро как хотелось бы, — посетовал директор. — Дорого это, да и план производства мы нарушать не можем. Иногда по чуть-чуть добавляем новые ингредиенты в сталь, смотрим что получается. Потом на проволоке и штамповках проверяем.

— Есть результаты?

— Не очень, — честно ответил директор. — Я говорю, что дело это долгое. Печь у нас одна. Все только через метод проб и ошибок. Вот я хочу сделать проволоку, чтобы она лучше сопротивлялась на разрыв, но при этом сохраняла гибкость. Мы несколько раз попробовали изменить рецептуры выплавки, но, Василий Иванович, вы же понимаете, что это дорого и весьма не эффективно. Печь у нас большая, для экспериментов не подходящая. Если вдруг что не так, то столько металла попортим.

Я молчал, соображая. Директор был прав, для экспериментов со сплавами лучше бы

иметь печь поменьше, такую чтобы и разогревалась быстро и партия металла выходила бы небольшой. И лучше всего для этих целей занять муфельную печь. Я, правда, не знаю, имеются ли сейчас электрические. Если нет, то можно попробовать такую построить. О чем я и сообщил директору, дав добро на подобное приобретение. Да и стенды для проверки полученного металла не помешало бы приобрести.

— Еще бы технолога грамотного нам, — еще раз посетовал директор, вытирая пот со лба платком. В цеху было все же жарко.

Я повернул к нему голову, посмотрел удивленно:

— А как же вы без технолога здесь работаете?

— Дык, понятно как, — развел руками директор. — Как отцы наши, технологии отработанные, ни на шаг не отступаем. Пытаемся потихоньку что-то изменить, найти новые составы, но боязно металл испортить.

Я покачал недовольно головой. С такими принципами далеко не уедешь. А технолог действительно нужен.

— Григорий Андреевич, — сказал я назидательно, — вы же директор. Если вы считаете, что данный человек нам необходим, то ищите и нанимайте его на работу. Нет нужды на каждый чих справляться у нас о здоровье. Если надо — делайте. Но, только огромная просьба — нанимайте человека действительно грамотного, увлеченного. И жалование ему положите хорошее, такое, чтобы он и думать не смел о быте, а целиком отдавался работе. Снимите ему дом, помогите устроить детей в школу или в гимназию. Поучаствуйте в его жизни и, думаю, он целиком отдастся работе. И пользы принесет гораздо больше тех денег, что мы на него потратим. Договорились?

— Конечно, Василий Иванович. Все так и сделаю, — довольно заверил меня директор. Как-то с трудом он привыкает к новому мышлению, прежний хозяин сэкономил буквально на всем.

— Ну, а пока вы ищите грамотного технолога, я вам привез своих людей. Одного из наших химиков и одного инженера-электрика — они будут у вас здесь новую технологию внедрять.

Григорий Андреевич оживился. Глаза его блеснули — ожидания грядущих перемен его не обманули. Он даже потер ладони, насколько велико было его нетерпение.

— Я весь во внимании, — обратился он в слух.

— Они будут у вас здесь осваивать хромирование металла. Слышали о таком?

Директор отрицательно мотнул головой. Что и следовало ожидать, хотя по мне это было странно. Технология довольно проста и было удивительно что люди до сих пор до нее не додумались. Главное подобрать правильный раствор для электролиза, да организовать электричество для работы. Вот потому-то я и притащил с собой грамотных в этих вопросах людей.

— Скажите, Григорий Андреевич, паровой генератор, что мы заказывали несколько месяцев назад уже пришел?

— Пришел, — грустно вздохнул директор. — Мы его установили, да попробовали растопить. Только вы не представляете насколько сложно найти электромонтера, что бы он провел электричество по цеху. Надеюсь, что ваш электрик нам подсобит в этом деле.

— Подсобит, обязательно подсобит, — улыбнулся я. Чувствую, наш инженер еще не скоро отсюда уедет. Работы ему здесь море.

Вернулся я в Питер несколькими днями позже. Уставший, но довольный. Дела на литейном заводике шли довольно неплохо, перспективы там хорошие. Люди довольно активно взялись за идею хромирования. Особенно воспрял духом директор, когда я описал ему перспективы данного направления, описал свойства будущего покрытия. Будем надеяться, что они там разберутся во всем очень быстро.

Зинаида во время моего отсутствия наняла новую работницу, тоже пятнадцатилетнюю девушку. Но на этот раз она подошла к выбору более основательно, новой работнице сделала профилактическую «прививку», и потому мне можно было больше не опасаться быть соблазненным. Да и моя благоверная, прознав о попытке охмурения моей персоны, приложила руку к найму новой работнице. Сама беседовала с девушкой, напускала на нее страха, расписывала все немыслимые кары, которые могут на нее обрушиться, едва будет только замечено неподобающее поведение. Та уже и не рада была, что откликнулась на объявление. Но в итоге, после профилактической головомойки девушка была трудоустроена и, запуганная, она приступила к своим обязанностям. Приступила со всей ответственностью, работала не покладая рук, не позволяя себе даже небольшой перерыв, но при этом старалась лишней раз мне на глаза не попадаться.

Буквально на следующий день после приезда из командировки ко мне домой пришел наш профсоюзный лидер — Шабаршин. Уверенно постучал во входную дверь, объяснил Зинаиде цель своего визита, а затем, протопал сапогами по чистому полу в мой кабинет. Хорошо, что хоть калоши снял, грязь не растаскивает.

— О-о, Иван Андреич! — воскликнул я радостно, откладывая отчеты по выпускаемой канцелярии в сторону. — Давно не виделись. Да ты проходи, не стесняйся. Присаживайся, чего как бедный родственник, — и я жестом показал ему на кресло, что было рядом со мной. — Чайком побалуемся?

— Здравствуйте, Василий Иванович, — несколько сконфуженно поздоровался радетьель трудового класса. У меня дома он был впервые, и потому немного растерялся от необычного интерьера. Никакой вычурности, никакой лепнины и завитков. Все просто, по-деловому в светлых тонах. В кабинете царил минимализм. Покосился на гитару, что стояла прислоненная к стене. Иногда, под настроение, я перебирал на ней струны, настраивал свою душу в унисон с гитарой.

Не дожидаясь ответа, Зинаида споро распорядилась по поводу чая и уже через пять минут нам заносили дымящиеся чашки кипятка и белоснежный фарфоровый заварник. Притащили также и чайник с примусом, на случай если мы вдруг засидимся. Новая работница бесшумно поставила поднос со сдобой и сладостями на стол и выпорхнула вон из комнаты. А я, в некой протрации глядя на симбиоз примуса и чайника, пришел вдруг к неожиданному выводу — надо бы нам озаботиться чайником электрическим. А то не хватает мне комфорта будущего века.

— Ну, так что? Как у нас на фронте профсоюзных баталий? — спросил я Шабаршина, когда он для приличия сделал небольшой глоток душистого чая. — Какие новости?

— Грех жаловаться, Василий Иванович, — ответил он. — Я даже не верю, что вы так хорошо относитесь к простым рабочим. У нас все замечательно.

— А каково настроение рабочих. Бунтовать не собираются?

— Да какой там бунт, — возразил Шабаршин, махнув рукой. — Я же говорю, что люди всем довольны, никто и не собирается бастовать. Я даже думаю, что появившись у нас агитатор, то его первого погнажи бы взащей. Накостыляли бы без жалости.

Я улыбнулся. Все же хорошо, что на предприятии царил стабильность.

— А как же ты, Иван Андреич? Тебя там еще не пытаются гнать? С какой идеей ты теперь носишься?

— Эх, Василий Иванович, вы все смеетесь, — осуждающим тоном укорил меня Шабаршин, — а, между прочим, зря! Ведь только из-за моих стараний народ не стал бастовать и не стал отключать станки. Ведь после Обуховской стрельбы много на каких заводах прошли стачки. Да и не на один день. То там завод встанет, то там.... А у нас все тихо было.

Как же! Привирает он немного, не только из-за его стараний у нас было все тихо. Ведь и мы тоже приложили к этому немало усилий.

— Вот и хорошо, что тихо, — ответил я, соглашаясь и не желая вступать в глупые дискуссии. — Ты мне скажи, по какому делу ты ко мне пришел. Ведь не просто же так?

И Иван Андреич кивнул, подтверждая мою догадку. Затем полез в портфель, достал несколько листов бумаги, соединенных скрепкой, и протянул мне.

— Вот, Василий Иванович, посмотрите. Это отчеты по страхованию наших рабочих. Сколько рабочие отчисляют за страховку, сколько производят выплат по страховым случаям.

Я принял листы. Пролистал их, не особо вникая, лишь выхватил итоговые суммы. Да отложил в сторону.

— Ближе к делу, Иван Андреич. Я и так знаю, что страховая на нас хорошо зарабатывает.

— Это так, — согласился со мной Шабаршин. — Деньги сейчас в страховой крутятся очень хорошие, но в будущем их будет еще больше. Ко мне тут недавно обратился человек с Обуховского завода, беседовал со мной долго. Все выпрашивал меня о наших условиях, пытал меня, на какой ноге я с руководством, то бишь с вами. Почти целый день я с ним говорил, много чего показывал, объяснял. Я так понял, что он теперь на Обуховском пытается организовать профсоюз по нашему подобию. Не знаю, правда, насколько ему это позволят, но для нас это и не важно. Важно другое. Он, так же как и мы собирается страховать рабочих. И очень уж он выпрашивал меня о конторе, где мы страхуемся. Думаю, что довольно скоро и обуховские рабочие туда придут и принесут свои деньги.

Он замолчал, пристально вглядываясь мне в глаза. Ожидал моей реакции.

— Ну, и? — не понял я, сдвинув брови к переносице.

— Как? — воскликнул он. — Деньги-то какие они принесут для страховой!

— Ну, это-то я понял. И что из этого?

— Василий Иванович, да как же вы не понимаете! Вам необходимо срочно, буквально завтра же выкупить эту страховую компанию. Нельзя упускать такую возможность.

Я хмыкнул. Вот уж не ожидал от этого правдолюбца коммерческой жилки.

— А ты, Иван Андреич, наверное уже и о цене сумел договориться?

— Нет еще, не успел, — честно ответил он мне. — Но уже намекнул хозяину, что надо бы поделиться долями, иначе мы уйдем в другую контору.

И тут я засмеялся. Беззлобно и по-доброму. Нет, действительно, не такого я ожидал от профсоюзного лидера. Не должен он помогать кровопийцам-эксплуататорам зарабатывать деньги.

— Ты что же, ограбить его предлагаешь? Хочешь, чтобы мы отняли его бизнес?

— Зачем ограбить? — возмутился Шабаршин. — Выкупить часть страховой конторы. Почву я уже подготовил, так что можно уже вести переговоры. Клиент, как говорится,

созрел. Пятьдесят процентов он согласен уступить.

Тут он мне слукавил. Спустя несколько дней я вел непростые переговоры с хозяином страховой, уговаривал его уступить долю в своей компании. Тяжело мне пришлось, несколько часов долгих обсуждений и споров. Хозяин страховой ни при каких обстоятельствах не хотел терять контрольный пакет, не желал выпускать из своих рук управление. И никак не соглашался продать мне половину акций, как заведенный повторял о контроле и злился на мою настойчивость. Но при этом понимал, что меня нельзя упускать, я легко могу перейти к другому страхователю, а это для него было крайне невыгодно. В итоге, ближе к вечеру мы наконец-то сошлись на равных долях, мне переходит сорок девять процент акций, у хозяина остается без одной акции пятьдесят процентов, а оставшийся процент уходит нашему профсоюзу, а точнее самому Шабаршину, что из личных накопленных долгим трудом денег сумел выкупить этот важный пакет. Через несколько дней сделка завершилась, и я стал совладельцем страховой компании, обеднев при этом на сорок пять тысяч рублей. Очень важный нюанс — деньги, что я заплатил за пакет акций, были лично моими и потому никакого отношения к «Русским Заводам» страховая компания не имела. Деньги мне тоже пришлось поискать. После недолгих раздумий я решил продать свои облигации, которые я купил на богатое приданое. Продал их со значительным дисконтом своему знакомому Цветкову Петру Платоновичу, с которым познакомился на вечеринке у братьев Александровых. Зашел к нему в гости впервые с момента нашего знакомства. Тот обрадовался, напоил меня ароматным вином, познакомил со своими владениями. В общем-то, его конторка была небольшой. Пара комнат на первом этаже жилого здания, да пара человек персонала. Но по обстановке было видно, что дела у господина Цветкова идут весьма неплохо. Богатая мебель, ковры, электрические светильники. Моему предложению о выкупе облигаций он обрадовался и после небольшого торга их приобрел. Как я говорил ранее, с некоторым дисконтом, а вернее со скидкой в три тысячи. Жалко было, конечно, терять деньги, но я пошел на это, ибо выкупить страховую было важнее. А нашему главному банкиру господину Моллеру я высказал свое презрительное «фи» за то, что тот отказался выкупить мои облигации по номиналу. Не положено, понимаете ли!

В середине июля мою скромную обитель посетила любимая теща. Приехала она с несколькими чемоданами и обосновалась у нас надолго. На мой незадачный немой вопрос, она ответила, что собирается помогать своей любимой дочери принимать роды, а потом следить за малышом, пока тот не встанет на ноги. Вот и называется — приехали. Теща у меня была хоть и любимой, но очень уж властной женщиной. С первых же дней она задвинула Зинаиду на вторые роли и взяла прислугу в крутой оборот. Уж как они раньше страдали под пятой Зиной, но теперь, после первой недели под управлением новой хозяйки, они по достоинству оценили великодушие моей экономки. Хоть и строга она была и порою могла дать хлесткого леща сильной ладонью, но все же по сравнению с моей тещей Зинаида была словно агнец божий, то есть совершенно безобидной. И вот сейчас с утра, лежа в своей кровати и поглаживая Маринкин живот, я слушал, как теща устраивает внизу жестокий разнос прислуге. Судя по ее громкому недовольному голосу, на орехи доставалось нашей новой работнице.

— Послушай, Мариш, — шепотом обратился я к супруге, — а может ты поговоришь с мамой? Попросишь ее уехать?

Маринка хмыкнула, прижалась сильнее.

— Шутишь что ли?

— Нет, я серьезно. Слишком уж она круто здесь за нас взялась. Прислугу гоняет, тебя заставляет делать ненужные вещи, ко мне какие-то претензии. Она всегда такая?

— Да, всегда. Но у себя дома она еще хуже. Да ты не волнуйся, я ее знаю. Она только для виду кричит, но внутри она добрая.

Я задумчиво произнес:

— Это где-то очень глубоко внутри.... А зачем она вообще приехала? Разве бы мы сами не справились? Она за тебя не родит, врачи тебе и без нее помогут. А с ребенком мы как-нибудь и сами справимся..., - и тут я чуть было не ляпнул «не впервой», но вовремя прикусил язык. Пришлось бы потом оправдываться.

Вообще Маринка могла на меня обидеться. При ней я не скрывал своей неприязни к манерам общения тещи, да она и сама была от этого не в восторге. Говорила, что раньше, когда она еще жила в доме родителей, ее мать часто устраивала ей нудные и продолжительные нравоучения, чем доводила Маринку до белого каления. Доставалось от тещи и Степану Ильичу, моему свекру, но тот, в отличие от эмансипированной, но послушной дочери, уже давно не сдерживался и скандалил со своей женой чуть ли не через день. А бывало, что и кулаки в ход пускал.

— Она с папенькой в очередной раз поругалась, — пояснила Маринка, показав вдруг на живот, который вдруг заходил волнами — ребенок гуляет. — Опять они из-за какой-то ерунды сцепились, едва не подрались, да Савва разнял. Хорошо, что он к ним по делам заскочил. Вот она и приехала отдохнуть.

Я горько выдохнул. Мне такая отпускнуца не нужна, несколько дней близкого общения с любимой тещей отбили всякое желание искать с ней общие точки соприкосновения. Правильно в народе говорят — люби тещу на расстоянии.

— А почему тогда они не разведутся? Обоим бы проще было.

Маринка покрутила пальцем у виска и посмотрела как-то странно, как на дурочка:

— Ты думай что говоришь-то! А люди что скажут? Сраму не оберешься. Да и что им такого надо сделать, чтобы церковь развод разрешила? На сторону сгулять?

— Да плевать на людей, — возразил я. — Нервы дороже. Ну, ладно, я сам понимаю, что про развод это я загнул, хватил лишку, но все же... Ну если никак нельзя разводиться, так хоть разъехались бы по разным домам. Все реже друг друга видеть, глаза не мозолить. Папанька твой человек не бедный, давал бы твоей матери на прожитье.

— Глупости не говори, — вдруг сердито сказала супруга. — И вообще, не лезь больше в нашу семью. Тебе этого не понять.

— Это почему? — удивился я.

— А ты другой. Ты думаешь по-другому и к людям по-другому относишься. Не как все.

Вот тут она меня озадачила. Никак не ожидал, что я настолько отличаюсь от остальных людей. Ну да, на первом году жизни это, наверно, было заметно — другой говор, иное построение фраз, незнакомые местным словечки и обороты речи. Но сейчас-то, после трех лет пребывания в этой эпохе....

У меня был большой соблазн выпытать у Маринки ее понимание слова «другой» и я хотел уже было спросить, но в последний момент передумал. И так мне пришлось долго и убедительно врать, почему я в этом мире оказался совершенно один. И родителей у меня здесь нет и родственников никаких. Соврал, конечно, что, будучи подростком, я оказался вдруг сиротой, дом сгорел, а родственники-шакалы, вместо того, чтобы приютить погнали вон. Выжил только благодаря небольшой удаче и тяжелой работе на одной из фабрик, где и познакомился с Мишкой, у которого была похожая судьба. С тех пор и пошла наша дружба и стали мы с того момента вместе крутить-вертеть, проворачивать разные делишки, порою не совсем честные, зарабатывать дополнительную копейку. И хоть для меня самого мое вранье звучало не слишком убедительно, я бы смог поймать сам себя на паре нестыковок, но Маринка поверила, как поверили и все остальные. Хорошо, что после такого признания ко мне больше с вопросами не приставали.

— Ну, ладно, Мариш, пора вставать, — сказал я, меняя тему разговора. — А то твоя мама всех наших работников с потрохами съест. Они и так от нее уже стонут.

И я присел на край мягкой кровати, помог подняться Марине. Она накинула теплый халат, влезла в тапки и как перекормленная гусыня потопала, переваливаясь к двери. Держалась одной рукой за бок, а другой искала во мне опору. Я помог ей спуститься вниз, где мы и встретились с давно бодрствующей тещей.

Ольга Даниловна после раздачи очередной порции взбучки пребывала в благостном настроении. Даже улыбнулась мне, переняла любимую дочу, проводила за локоток к столу и насильно, не терпя возражений, усадила на стул. Пододвинула стакан парного, еще теплого молока с непередаваемым для городского жителя запахом и командирским тоном приказала:

— Пей.

Маринка поморщилась, отвернулась в сторону.

— Не хочу.

— Пей, тебе надо. Хочешь, не хочешь, а надо. Тебе полезно.

— Да не хочу я, мам. Не буду я его пить, — возразила Маринка. А по ее лицу я видел, что она даже смотреть не может на этот стакан с парным молоком. Она даже отодвинула его в сторону. — Не буду я это пить. Кофе хочу.

Ольга Даниловна возмущенно всплеснула руками. Открыла было рот, чтобы возразить,

но я успел ее перебить, спасая супругу от неминуемых нравоучений:

— Плохо ей от молока, рвет сильно.

И теща замолчала, села рядом с дочерью на стул.

— Кофе вредно для ребенка — сказала она через несколько мгновений тишины, пытаюсь настоять на своем. — Нельзя тебе его пить.

— А мне нравится, — упрямо ответила моя супруга и громко позвала, — Зина!

И в ту же секунду дверь в столовую распахнулась и вошла Зинаида с подносом в руках, на котором стояла дымящаяся чашка крепкого кофе и свежая, еще горячая сдоба. А рядом лежала свернутая газета. Она-то успела выучить привычки своей хозяйки. Демонстративно поставила поднос на стол и, втайне усмехаясь матери Марины, сказала:

— Вот, Марина Степановна, кофе как вы любите, очень крепкий. Булочки только из печи, еще не остыли, — и, развернувшись, победоносно ушла. Утерла нос моей теще.

— Ну, хоть ты-то ей скажи, — обратилась вдруг ко мне за помощью Ольга Даниловна. — Ведь вредно же кофе пить беременным.

Я лишь развел руками. Я с ней был согласен и я сам давно говорил своей супруге, что она напрасно поглощает кофе в таком количестве. Это ведь действительно вредно. Но и меня Маринка не слушалась, делала все по-своему. Очень уж упряма она была. И потому моей теще ничего не осталось сделать, кроме как тоже развести руками. А супруга моя, добивая мать, взяла свежую прессу и, развернув, демонстративно углубилась в чтение. Лучше бы она этого не делала. Ольга Даниловна мучительно застонала и, не терпя такого поведения, поспешила выйти, громко хлопнув дверью. Я проводил ее взглядом.

— Зря ты так с матерью, — грустно сказал я.

— Ничего, — жестко ответила Маринка, переворачивая страницу газеты, — она должна успокоиться. Не у себя дома все-таки. Здесь живут не по ее правилам, а по нашим.

Ну да ладно, в дела семьи Мальцевых я лезть не собираюсь. Теща, хоть и тиран и у себя дома устанавливает свои порядки, но, действительно, здесь она должна попридержаться коней. Попытаться хотя бы так демонстративно не командовать. И Маринка пыталась донести эту мысль до матери. Сначала у нее был простой разговор, который ни к чему не привел, а теперь она вот дошла и до прямого игнорирования. Маринка часть своего характера взяла от матери и потому упрямства и настойчивости ей не занимать. И мне даже страшно становилось от одной мысли кто победит в этом столкновении, Титаник или же тот злосчастный айсберг? И понять бы еще кто из них кто. Ну, ничего, я тоже помогу своей супруге донести до любимой тещи мысль, что здесь ее правила не действуют. Попытаюсь сгладить конфликт. Ну а пока..., пока пусть все идет так как идет. Попрошу лишь Маринку сбавить обороты — мать все же, не чужой человек. Не надо ее обижать.

Тем же днем я поехал на работу. Заскочил в НИОКР, где мне обещали показать давно обещанный мотоцикл. Одноцилиндровый двигатель был уже готов, коробка передач тоже, оставалось только все это добро поставить на колеса. Попов говорил, что вроде неплохо получилось. Двигатель на двести кубиков выдавал мощность почти в две с половиной лошадиных сил, что для нынешних времен неплохо.

Они мне его продемонстрировали. На наш обычный велосипед под раму поставили двигатель с коробкой, соединили приводным ремнем с задним колесом. Инженеры были счастливы, директор исследовательского цеха и Попов тоже и они не понимали, чем же я был не доволен. Слишком уж получившийся образец отличался от того что я желал увидеть.

Я даже прокатился на нем и он, вроде, весьма неплохо ехал, но все же это было не то. И этот приводной ремень мне особо не нравился. И потому я стал вносить поправки, безжалостно критикуя получившегося уродца.

— От ремня надо отказаться, — брезгливо показал я пальцем на кожаную ленту. — Сделать цепной привод. Обороты двигателя поднять, сцепление сделать на руле, как и тормоз и газ. Запуск двигателя сделать через кикстартер, так чтобы ногой можно было завести. Амортизаторы на заднее колесо обязательно, на переднюю вилку тоже. Амортизаторы, кстати, нам тоже надо бы разработать. Либо газовые, либо масляные. Я вам потом нарисую как они должны выглядеть и работать. Правда вот с уплотнениями, я думаю, будет проблема. Гм, что еще..., ах да, велосипедные колеса здесь никуда не годятся. Нужны шире и с протектором. Ну и посадку сделайте поудобнее, так чтобы и центр тяжести был ниже.

Главный инженер спешно записывал все мои замечания в блокнот. Возражений с его стороны не последовало, только на мою последнюю фразу он добавил:

— Тогда раму надо будет переделывать.

— Переделывайте, — разрешил я. — Есть у кого блокнот?

В ту же секунду мне подсунули требуемое под руку. Карандашом я набросал примерный вид того, что я хотел видеть. И хоть я художник аховый, но основную мысль передать сумел. Требуемый мотоцикл должен кардинально отличаться от того, что мне продемонстрировали. Тут же сделал набросок и амортизатора, пояснил, как он должен работать.

— А что же тогда с этим делать? — риторически спросил Попов, не требуя ответа. Понимал какая участь ждет опытный образец. Загоняют его в хвост и гриву, выработают ресурсы двигателя и коробки до предела. И я так же думал, но пришла мне в голову одна идея.

— А знаете что, Сергей Сергеич. А пусть у нас вместе с мотоциклом будет выпускаться еще и мопед. Наш образец как раз подойдет для этого, надо только сделать цепной привод, поставить обратно педали, да управление газом и тормозом вынести на руль.

— А что такое мопед? — спросил меня один из присутствующих.

Как бы им объяснить? Я в задумчивости нахмурил лоб и через несколько секунд выдал сам для себя неожиданное объяснение:

— Мопед — это мотоцикл педальный. Там не нужна коробка передач, завод мотора происходит после разгона по велосипедному. Конструкция предельно проста. Наш образец почти идеально подходит под это описание. Переделки минимальны. Да и стоять такой транспорт будет существенно дешевле мотоцикла. Таким образом мы сможем получить дополнительный доход. Получим клиента из разных слоев. Кто-то сможет купить дорогой мотоцикл, а кто-то сумеет наскрести денег на относительно дешевый мопед.

Мои идеи тщательно зафиксировали, уточнили некоторые детали и я продолжил:

— А еще вдогонку можно сделать моторикшу. Это тот же мопед или мотоцикл, но только с небольшим фургоном за спиной. Таким, чтобы он был удобен для мелких торговцев. Думаю, что такой вариант имеет право на жизнь и вполне сможет найти своих покупателей. Как вы считаете?

Среди собравшихся нашелся кто-то из несогласных. Сказал, что для простых лавочников сей агрегат будет слишком дорог и хозяин вряд ли пойдет на такое приобретение. У него всегда есть лошадь с телегой, которая и притацит все что надо. Возможно, в его словах была

правда. Но пока мы не попробуем мы и не узнаем. Тем более что изменения в конструкцию будет не очень-то и большие.

На том и порешили. Мопед мне пообещали выкинуть на рынок уже в течение месяца, а вот с мотоциклом, похоже, придется подождать до весны следующего года. Слишком уж много изменений, не успеть нам до конца сезона. Потому осень и зиму мы запланировали на доводку продукта до ума. Поднимем обороты у двигателя, попытаемся увеличить его мощность и ресурс, пошаманим над карбюратором. Попробуем так же сделать двухцилиндровую версию движка и попробовать его в деле. С коленвалом обязательно будут проблемы, подходящих станков у нас нет, и потому придется их заказывать на стороне. Возможно, что даже за границей. Чувствую, что и коробка передач преподнесет нам сюрпризы. Не может она просто без этого, обязательно что-нибудь случится. Либо сломается самым неожиданным образом, либо выявится какой-нибудь значительный недостаток, вроде вибрации на высоких оборотах. Эх, много работы нам предстоит, многих людей придется подключать. Наши инженеры и так уже работают на пределе возможностей, часто задерживаются на работе, Валентин с ними рядом днем и ночью. Устают сильно, но и деньги зарабатывают очень приличные. Я не жадный, за задержку на рабочем месте по производственной необходимости плачу по полуторному тарифу. Чем люди и пользуются. Особенно Валентин. Тот уже себе и зубы новые вставил, и гардероб обновил, и дом новый присмотрел для покупки, и велосипед наш по себестоимости прикупил. Ездит сейчас на работу на двухколесном коне как белый человек на зависть всем мужикам. И грозился еще, что и один из наших первых мотоциклов приобретет, самый что ни на есть дорогой. Благо средства позволяют.

А что по поводу кадрового голода.... — надо будет что-то с этим думать. Уже сейчас мы серьезно подчистили Санкт-Петербург, выгребли многих свободных инженеров, химиков и людей, понимающих в природе электричества. И подчистили довольно легко, люди либо приходили сами, либо их приводили наши работники. И устраивались к нам на работу довольно легко и никто нам скандалы не устраивал, ибо зачастую эти ценные кадры не были связаны никакими договорами. И виной тому был..., как это ни банально, кризис. Так, по крайней мере, пояснял мне Попов. Я здесь уже три года, появился перед самым началом застойного периода и потому я просто не догадывался, что начинаю работать в такое неудачное время. Мне не с чем было сравнивать, у меня не было видения ситуации в промышленности прошлых лет. И потому о свалившемся на мир кризис я узнал лишь спустя продолжительное время из газет, что разводили население на истерику и от нашего генерального директора Попова, который и просветил меня по этому поводу. Ну, что ж, нам повезло, что мы начали работать с канцелярии, служащие со своих мест пачками не увольнялись, и работа у них была всегда. Они всегда работали с бумагами, кропали записки, доклады и отчеты, оформляли документы и прочее, прочее, прочее. А там где работа с бумагой, там и наши кнопки-скрепки очень весьма кстати. Ну а потом мы слегка встали на ноги и смогли воспользоваться кризисным явлением, с легкостью находя ценные кадры. Теперь же, ситуация немного изменилась. Мы выбрали свободный лимит и нам стало не хватать людей. У меня был серьезный разговор с Поповым об этой ситуации. Что делать? И он предложил мне правильный выход — нам следовало выращивать собственные кадры. Искать сметливых молодых людей и обучать, обучать, обучать. Вкладывать в них деньги, холить и лелеять, гладить по шерстке и делать все для того чтобы те, обучившись и приобретя навыки, не сбежали к конкурентам. Я все понимал, это просто такая

необходимость, но, блин, как же это получается долго и дорого. Я человек хоть и не жадный, но представив себе, во что нам это выльется, помрачнел лицом. Попов меня долго увещевал, уговаривал, приводил логичные аргументы, которые мне было нечем бить. Он был прав, тысячекратно прав. И нам от этого никуда не уйти. И потому, скрипя сердцем, я был вынужден согласиться. Дал ему разрешение на такой подбор кадров. Но тут же, вспомнив советский опыт распределения кадров, выдал нашему генеральному дополнительный рецепт — нам следует привлекать к работе толковых студентов старших курсов, платить им дополнительную стипендию, с той целью, чтобы те, выпорхнув из родных пенат, осели в нашем производственном гнезде. Так будет и быстрее и гораздо дешевле. Попову идея очень понравилась. На том и порешили и, хочется надеяться, что наше решение правильное.

А что же до рабочих специальностей.... Мы и так уже обучаем людей, отправляем их на курсы по нужным нам профессиям и обучаем на местах по мере возможности. Тоже, между прочим, недешевое удовольствие, приходится оторванным от производства рабочим платить стипендию. Хоть и вполовину от их заработка, но все же это было очень дорого.

В середине жаркого и душного августа, в ночь, когда и луны со звездами на небе не было видно, я стал отцом. У меня родилась девочка. Третья за мою короткую жизнь и первая в этом мире. Роды были... нормальными, если так можно сказать. Маринка еще днем почувствовала схватки, и потребовала немедленно привезти ей повитуху. Ту, которую она давным-давно присмотрела. Щаззз..., мне только бабок здесь и не хватало. Будет еще лезть своими немытыми руками куда ей соваться не следует, заразит потом мне и ребенка и жену. Потому, бабу, приведенную Зиной, я прогнал сильным пинком под зад и проводил грубым матерным словом, а сам привез к себе домой хорошего врача-акушера с помощницей. Вот они-то и приняли роды. Сделали все по высшему разряду, все по нынешней науке. Я зорко следил за их действиями, опасался осложнений, но, слава богу, все прошло нормально. Бабы меня гнали из комнаты, говорили, что не положено мужику смотреть как жена рождает, но я их проигнорировал, а Зинаиду, возмущавшуюся громче всех, грубо осек. Мне было не до любезностей, сам весь на нервах. Маринка, конечно, намучалась при родах, накричалась так, что посадила голос, но зато потом, когда наша маленькая девчоночка сделала первый в своей новой жизни вздох и заорала неистовым благим матом, она навзрыд заплакала. А когда ребеночка положили ей на опавший живот, и та инстинктивно засосала мамкину грудь, она разрыдалась еще больше, неумело прижимая свое сокровище к себе. А вместе с ней и я пустил скупую слезу. Я был счастлив, третий раз в жизни по-настоящему счастлив.

Доктора я потом рассчитал, не поскупился. Он, уходя, напутствовал меня, объяснил, что и как надо делать, если вдруг что пойдет не так и настоятельно рекомендовал звать его в случае необходимости. Разрешил даже поднимать с постели посреди ночи.

Девочку мы назвали Дарьей. Родилась она крепенькой, пузатенькой, с темными волосиками на голове и тонюсенькими ножками. По характеру она оказалась вся в мать, такой же своенравной и требовательной. Орала по ночам, требуя титьку и мочила нам кровать через каждый час. Подгузников жалко нету. Зинаида смастерила нечто напоминающее из ваты, да подстилала под нее гору тряпок, но это было все не то. Я не помню из чего они изготавливались, не помню какой применяли материал, поэтому данную проблему я пока оставил. Только на будущее сделал заметку, попросил Мельникова подумать из чего можно будет сделать подгузники. Хотя, для данного времени и вата должна подойти.

Вокруг нашей девчонки все хлопотали — Маришка еще неумело ухаживала за ребенком, теща, души не чаявшая во внучке, помогала дочери, а Зинаида, полюбившая мелкую с первого взгляда, целую неделю отказывалась уходить домой, а ночевала прямо у нас. Притащила свою трехлетнюю Ленку, чтобы та не оставалась без присмотра. И, как ни странно, мало-помалу, но маленькая и капризная Дашка стала нашим неким цементом, что заново стала сближать Маринку с матерью. Пока потихоньку, едва заметно, но это было уже что-то. Да и с Зинаидой Ольга Даниловна стала перекидываться короткими фразами, прося ее о какой-либо услуге, наводя невидимые мостки. Прося(!), а не требуя или упрекая. И Зинаида любезно откликнулась. Что ж, а мир-то, похоже, в этот дом опять возвращается.

А через пару дней после родов у Дашки по всему телу выползли прыщики. Мелкие и ярко-красные. Они были повсюду — и на голове, и на руках и на животе.... В общем, везде. Бабы всполошились, засуетились, подняли панику. А я вызвал врача. Доктор приехал в тот же день, осмотрел ребенка и сказал что ничего страшного нет. Выписал рецепт травяной настойки и посоветовал протирать ею болячки. И все пройдет. В тот же день настойка была куплена в ближайшей аптеке и в связи с этим мною была замечена одна деталь, на которую я никогда не обращал внимания. В аптеке отсутствовала самая обычная зеленка. Еще в том мире, в будущем, когда у меня родился первый ребенок, с ним произошло то же что и с Дашкой. Те же красные прыщики по телу, то же раздражение. И в тот раз нам доктора сказали, что беспокоиться не о чем и посоветовали замазать все покрасневшие точки зеленкой. И мы, тщательно выполняя рекомендации, раскрасили свою дочку этим раствором, и наш ребенок на целую неделю превратился в маленького зеленого шрека, в такого же страшенького и крикливого. Так вот, зеленки в нынешних аптеках не оказалось. Ни в одной! И в тот же вечер, пораскинув мозгами, я стал собирать свои знания по крупичкам, и мне удалось-таки вспомнить кое-что вычитанное со скуки в Вике и удивившее меня. Оказывается, изначально этот антисептик применялся в промышленности в качестве красителя! В том числе и в качестве красителей для тканей. А потому, найдя на следующий день Попова, попросил его отыскать что-нибудь из его прошлого опыта работы, что могло бы носить название «бриллиантового зеленого». Сергей Сергеич, понимающе кивнул, и через несколько дней притащил мне пузырек, на дне которого болтались золотисто-зеленые кристаллы. И сделав водно-спиртовой раствор, я быстро убедился, что это они и есть. Это была наша зеленка. Но к тому моменту острая надобность этом препарате у нас отпала. Прописанная доктором настойка сделала свое дело, и прыщики перестали высыпать по телу, а потом и вовсе поблекли и исчезли. Ну, ничего, сама зеленка у нас не пропадет. Наладить ее производство дело раз плюнуть, и уже через пару недель она появилась в местных аптеках. А чтобы продажи пошли хорошо, нами была дана реклама в газетах и журналах, напечатаны красочные постеры и были заказаны исследования у одного из местных профессоров по медицине. Профессор взял двести рублей и пообещал предоставить результат через несколько месяцев. Ну, а пока суть да дело, Мендельсон, поразмыслив над патентным правом, дал отрицательный результат на правообладание этого раствора. Патентовать здесь было нечего, развести в спирте кристаллы может любой дурак. Ну, разве что только что можно попробовать название за собой закрепить. Ну а раз такое дело, то и запатентовали мы наше средство под наименованием «Антисептик № 1. Зеленка» и вбухали на первое время в рекламу тысячу рублей. Согласен, звучит пафосно, но зато громко и запоминающее, что делало рекламу нашего препарата более легким делом. Жаль, Мишки нет, он бы занялся этим делом более качественно, у него в продвижении товаров и услуг рука набита. А дальше,

развивая эту тему, мы с Мельниковым и Поповым задумались и о другом популярном антисептике — спиртовом растворе йода. На данный момент это средство уже было известно и широко применялось в местной медицине, но вот, зачастую оно был привозным, а, следовательно, весьма дорогим. Вроде бы, вот она очередная золотая жила, налаживай выпуск и зарабатывай. Но прикинув немалые расходы, решили пока в это дело не ввязываться. Для этого надо было приобретать в собственность участок на берегу моря, лучше всего Черного, покупать лодку, способную собирать водоросли, сушить их, а потом сжигать. И только после этого добывать из золы драгоценные кристаллы. Я точно знаю, что водоросли ламинарии весьма богаты на содержание йода, но вот растут ли они в Черном море, я не помнил. Но зато они точно растут на Дальнем Востоке и вполне возможно там нам и придется организовывать производство, если вдруг решимся. И сами ламинарии, кстати, тоже весьма ценный продукт. От дефицита йода в стране страдают миллионы человек, в памяти всплывают целые деревни, страдающие слабоумием, а морская капуста в этом деле может очень сильно помочь. Вопрос стоял лишь в цене конечного продукта и заинтересованности определенных лиц. Но все же это пока ждет. Вот приедет Мишка, тогда и поговорим, стоит ли вообще эти дела затевать.

Через пару недель ко мне домой приехал Степан Ильич. И не один, а с задумчивым Саввой. Приехал он довольный, первым делом полез ко мне обниматься и целоваться. Привез дорогих подарков, одарил ими любимую дочь, а затем осторожно взял на руки Дашку. Нежно лыбясь в густую бороду и шмыгая носом от внезапно нахлынувших чувств, вынес вердикт:

— На отца похожа. Глаза такие же хитрые. И подбородок отцовский, такой же упрямый. И он счастливо осмотрел всех присутствующих, подмигнул Маринке:

— Ничего твоего здесь, доча, и нету. Как будто и не ты рожала, — и засмеялся беззлобно, поудобнее устраивая на широких ладонях драгоценную внучку.

Маришка устало вздохнула и предпочла не отвечать на глупую шутку отца. Зато теща не выдержала, буркнула громко и недовольно:

— Думай, о чем говоришь.

— А я и говорю, что Дашулька на мать совсем не похожа, — отмахнулся от супруги Ильич. — Ты смотри, какие волосешки чернявые, а глаза, глаза-то! Ух! Чистый огонь! Не наша порода, мать, не Мальцева она. У Иваныча кровь-то погуще оказалась! Так ведь, Иваныч? Твоя работа? — спросил он, кивая на ребенка, а затем, выпятив губы дудочкой, нежно проворковал, потрясая бородой, — У-тю-тю, а кто это тут у нас такая красивая?

А мне так и хотелось ответить ему, похвастаться, что мой ген и вправду сильнее. Дашка и в самом деле была сильно на меня похожа. И я, чего уж тут скрывать, был этим фактом весьма доволен.

А Ильич, натетешкавшись с маленькой, аккуратно передал ее Зине и хитро так, с прищуром, спросил:

— Ну что, молодые, а второго-то нам когда ждать?

Я усмехнулся прямолинейности тестя. А Маринка хотела было вспыхнуть, осадить отца, но не успела, за нее это сделала мать:

— Угомонись, хрен старый. Успеют они еще. Пусть сначала девочка подрастет хотя бы.

— А чего ждать? Пока молодые надо рожать! Не, доча, ты мать не слушай. Я тебе дело говорю. Сразу же делайте второго, не ждите. Потом подрастут, играть друг с другом будут,

все веселей. Учиться детки друг у друга будут, матери помогать. Иваныч он богатый, семью обеспечит, даст все что надо. Горя знать не будете, не то что мы с матерью в свое время. Ведь когда у нас Савка родился у нас ничего кроме старой коровы и клячи, которая на будущий год подохла, не было. Вот у нас житуха была..., не то, что у тебя. И то мы и Савку подняли и Димку, и тебя потом народили. И ничего, выдюжали, хоть и живот порою к спине прилипал. А у тебя, доча, посмотри, все есть! Вся в шелках, в перинах, денег куры не клюют, да еще граммофоны целыми днями слушаешь. Грех в таких условиях не рожать. Поэтому, доча, не слушай мать. Делай, как я тебе говорю. На будущий год второго рожайте, а потом еще одного. Так будет правильно.

Он бы и дальше стал нас уговаривать, склонять к следующему ребенку, но я тоже считал, что он очень уж торопится. Маринке хотя бы в норму придти надо. Но, если по-честному, то я понимал Ильича. Очень уж ему не нравились эмансипированные закидоны родной дочери и он всерьез полагал, что малые детки и забота о них выбьют у Маринки всю дурь. Считал, что это поможет ей измениться. Но я-то знал, что это не так. Моя супруга, хоть и смягчилась чуть-чуть, но это было временно. Уже вскоре после родов она мне сообщила, что не желает сидеть дома в четырех стенах, а хочет заняться каким-нибудь делом. И сообщила она мне это таким тоном, что мне стало понятно — ее остановит только локомотив.

Вечером того же дня ко мне в кабинет, где я сидел и читал в тихом уединении докладные записки, зашел Савва. Уже хмельной, с красной рожей и слегка покачиваясь. Распахнул бесцеремонно дверь, ввалился в комнату.

— А-а, Иваныч, вот ты где. А я тебя ищу, — заявил он, проходя к свободному креслу. Ухнул в него, едва не сломав, и блаженно вытянул ноги в сапогах.

Я отложил бумаги в сторону.

— Отдыхаешь? — риторически спросил я.

— Ага, — ответил он и, наклонившись, стал с кряхтением стягивать с себя узкие сапоги. Отбросил их за кресло, распустил вонючие портянки и блаженно вытянул свои ходули, пошевеливая потными пальцами. Я лишь прикрыл глаза, гася в себе раздражение. Только встал и распахнул окно, впуская жаркий уличный воздух.

— А ты разве в баню не идешь? — спросил я его.

— Да что я бань что ли не видел? — возразил он. — Да и не грязный я, в субботу парился. А вот в душик бы твой сходил, это да. Мне батя много о нем рассказывал. Говорит чудная вещь. А еще ретирадная твоя мне очень понравилась. Дернешь за цепочку и все уплывает куда-то. Интересно.

— Ну, так сходи, прими душ. Попробуй, какого это.

Мне было неприятно с ним общаться. Слишком уж мы с ним различались. Вибрировали на разных частотах, если можно так сказать. Савва был нагл и напорист, шел напролом и не замечал препятствий. Мог без лишних сожалений подвинуть другого человека, не обращая внимания на то, что причинил тому некий вред. Со мной он общался так, словно я ему что-то должен. Все время со мной на понтах, все время пытается мне что-то доказать. Вроде мужику за тридцать лет, а ведет себя как подросток. Вот и сейчас, развалившись в кресле и шевеля вонючими пальцами, он нисколько не заботился о том, что мне это просто неприятно. Не нравилось мне нюхать его ноги. Зато вот с братом его, с Дмитрием, у нас наоборот сложились вполне себе дружеские отношения. Тот был не таким наглым и

бесцеремонным. Умел слушать внимательно, входил в положение человека. Полная противоположность Савве. И мы с ним быстро нашли общий язык.

— Слышь, Иваныч, — вдруг подал голос родственник, после того как я попытался вернуться к бумагам, — я чего пришел-то. Мне батя говорил, что ты у себя мотоциклы стал делать? Это правда?

— Еще не начал, — сухо ответил я.

— А батя сказал, что он уже видел один. Ты не врешь?

— Когда это мог видеть? — удивился я и поднял голову.

— А вот как с вокзала вышли, так и заметил. Мужик какой-то с золотыми зубами и в кожаном пиджаке им правил.

— Странно, а не должен был видеть. Ты ничего не путаешь?

— Не-а, батя твой значок знает, он его ни с чем не перепутает.

— Какой значок? — отложив в сторону записку, спросил я.

— Да который у тебя над проходной висит. «РЗ» в ромбе. Твое же?

— Ну да, вроде мое, — ответил я и задумчиво уставился на Савву. — А мотоцикл-то какой был, сможешь описать?

На мой вопрос Савва лишь забавно гоготнул:

— Можно подумать, что у тебя их с десятков разных. А вообще я его не видел, это ты к батю иди. Его спрашивай.

Вообще-то в том, что Ильич увидел наш мотоцикл, не было ничего странного. Вернее даже не мотоцикл, а наш мопед. Он уже месяц как продается и пока сделано всего полтора десятка экземпляров. И, по словам Попова, продажи стартовали весьма не плохо. Народ проявляет интерес к новинке. Оно и понятно, наш мопед отличается от конкурентов более совершенной конструкцией, а по цене они вполне схожи. Ну а тот, что видел тесть, скорее всего, был нашим опытным образцом, который в хвост и в гриву гоняли наши инженеры, испытывали его на прочность, выявляли слабые места. Ну а мужик с золотыми зубами это, скорее всего, был Валентин Пузеев, одетый в пошитую специально для таких демонстрационных выездов косуху с молнией наискось. Как мне говорили потом, наша пара мопед-водитель привлекали очень сильное внимание. Особенно засматривалась молодежь из пролетариев, подходили к технике, щупали, интересовались, удивлялись необычному виду мотоциклиста. Я еще и карболитовую каску армированную стальной проволокой и обтянутую черной кожей заставлял обязательно надевать, а Валентину вообще одну такую просто подарил. Чему он был несказанно рад и теперь, когда он приезжал на работу на своем велосипеде, на его голове красовалось наше новшество. Я, конечно, понимал, что защита получилась так себе, карболит слишком хрупок и тяжел для таких вещей, но все же это было лучше, чем ничего. Когда мы еще до ударопрочных пластиков дойдем?

— Иваны-ыч, слышь, Иваныч, — оторвал меня от мыслей Савва. — Ты чего задумался? Слышь, я чего сказать хочу. Ты б подарил мне один такой, а? По-родственному? С тебя не убудет, а я перед соседями похвастаюсь.

— А ты купи, чай не бедный, — усмехнулся я.

— Не-е, дорого, — притворно скривился Савва, — ты мне лучше его подари. Да ездить научи.

Ну, не нравится мне он и все тут! Его брату Дмитрию подарил бы не задумываясь, а вот этому наглецу совсем не хочется. И дело тут не в жлобстве.

— Ага, и права тебе еще купи, — про себя вполголоса добавил я, но Савва, вопреки

моим ожиданиям, вдруг расслышал:

— Чего, какие права? Чего ты там бормочешь? Так что, Иваныч, подаришь мотоцикл али как?

Я раздраженно вздохнул. Прикрыл глаза на секунду, мотнул головой, прогоняя поднимающуюся злость. Успокоился, а затем спросил:

— А на кой он тебе вообще, Савва? Ты ж поди даже на велосипеде не умеешь, да? А тут такой агрегат! На нем же не просто так сел и поехал, там понимать надо как все работает. А ты в этом деле ни в зуб ногой. Так что нет, Савва, мотоцикл я тебе не подарю. Убьешься ведь, с меня потом тесть три шкуры спустит.

Савва молчал. Хмурился недовольно, шевелил пальцами, злился. Я ожидал вспышки гнева, но, похоже, пронесло. Он усмехнулся и посмотрел прямо мне в глаза.

— Ну, ладно, Иваныч, нет так нет, — подозрительно легко сдался он. — Да и по правде сказать, не понимаю я всю эту новую технику. Сложная она. Но знаешь, я тут подумал от бати отделиться. Денег у меня достаточно, чтобы сделать что-то свое, а вот куда их приложить я пока не решил. А у тебя кроме мотоциклов еще и велосипеды есть и замки хорошие. Так вот, может я буду в Москве твоими товарами торговать, а? А ты мне скидку по-родственному сделаешь. Что скажешь?

Он не шутил и не издевался. Он выжидательно смотрел на меня, читал мои эмоции. А я..., а я призадумался. Хоть и не нравится мне Савва, но вот деловую хватку у него не отнять. Весь в отца, свою выгоду не упустит. Тот из крестьян сумел за какие-то два десятка лет соорудить свою собственную торговую «империю» и Савва, надо полагать, был не хуже отца. А потому может и вправду сделать его своим официальным московским представителем? Пусть продает нашу технику, обслуживает ее, ремонтирует. Вся нынешняя техника чрезвычайно капризна. Тот же мотоцикл, хоть и прост донельзя, а все же требует к себе повышенного внимания. И ломается тоже, а потому, основные деньги можно будет делать не столько на продаже техники, сколько на ее обслуживании, запчастях и ремонте. А еще про гарантийный период надо бы подумать, а то мне кажется, что предложенные Поповым три месяца будут явно маловато. Хотя, конечно, с ним можно было согласиться, увеличенный гарантийный период для нас может влететь в копеечку. Но, зато выхлоп по обслуживанию может его с легкостью перекрыть. Надо только условия нашего союза как следует обдумать.

— Ну, так что, Иваныч? Что ты на это думаешь?

Ну что тут можно ответить? Хоть я и не недолюбливал Савву, но его идея мне понравилась. И потому, откинувшись на спинку кресла и улыбнувшись, я ответил:

— Что ж, весьма заманчивое предложение. Москва хороший рынок сбыта, там много обеспеченного народа. И свой представитель там нам бы очень пригодился.

— Это значит «да»?

— Это значит «да», — кивнул я, — но не так скоро, Савва. Мы сначала должны разработать условия нашего союза, а это, как ты понимаешь, быстро не делается. Поэтому давай сделаем так.... Через месяц ты опять приедешь к нам в столицу, и мы с тобой снова обсудим твое предложение. И уже тогда, если ты согласишься на наши условия, подпишем договор и начнем тебе поставку наших товаров. Тебя это устраивает?

Савва мне улыбнулся широко, развел недоуменно руками:

— А разве у меня есть другие варианты? Приеду к тебе через месяц, там и обсудим все как следует.

— Хорошо, Савва, жду тебя осенью. Грамотного юриста с собой захвати, а то в нашем с тобой будущем договоре сам черт ногу сломит.

— Возьму, обязательно возьму, — пообещал он, поднимаясь с кресла. — Ну, что ж, Иваныч, рад, что мы с тобой договорились, а то я, честно признаться, сомневался. А теперь, коли у нас тобою все договорено, пойду-ка я в душик, освежусь, — и, подхватывая с пола сапоги с портянками, босиком прошлепал к двери. И у самой двери остановился и, обернувшись, попросил. — Ты это, только бате моему пока не говори. Ладно? Я сам..., - и получив от меня молчаливое согласие, вышел за дверь.

Разговор с отцом у Саввы вышел напряженный. Весь вечер они препирались на повышенных тонах, делились и ругались. Уже под ночь они разошлись, оба злые, недовольные. Савва, громко хлопнув, выскочил из дома и, перехватив случайного извозчика, велел везти его в трактир. Где он и загасил свое раздражение штофом холодной казенной и случайной дракой. А под утро вернулся в разодранной сорочке и опухшим ухом и, молча пройдя мимо недовольного отца, демонстративно завалился спать. А я, видя такое поведение, сильно засомневался в своем решении.

— Эх, Иваныч, хлебнешь ты с ним еще горя, — разочарованно сказал мне тесть, и устало махнул рукой. — Он без присмотра совсем дурной. Лучше бы ты Димке торговать предложил.

И он ушел, ссутулившись. Пошел нянчиться к внучке, восстанавливать свое душевное равновесие. Вероятно, я и вправду поторопился согласиться, ну, да ладно. Я попрошу Мендельсона составить договор так, чтобы Савва даже и подумать не смог сделать шаг в сторону без нашего согласия. А если он посчитает это недопустимым, то я его не неволю, пушай отказывается.

Жаль Мишка в отъезде. Его нет уже несколько месяцев и все дела тут контролирую я. Ну, то есть не особо-то и контролирую, Попов с Мендельсоном и Моллером справляются и сами, но вот направление вектора развития задаю я в полном одиночестве. А без Мишки мне тут не просто. Пришли тут ко мне не так давно наши инженеры по электрической части, притащили свое детище, что заняло почти всю демонстрационную комнату, да и включили его в сварганную наспех розетку. Похимичили над настройками массивного ящика и радостно протянули мне трубу микрофона:

— Вот, — с восторгом вымолвил мне самый авторитетный товарищ. — У нас получилось.

Что ж, проект «Радио», оказывается, не умер. Мишка был в отъезде и пристально следить за ним стало некому. Я, в силу своего дилетантского понимания, пристально наблюдать за ними не мог, не мог их направлять и указывать на ошибки, а потому все было пущено не относительный самотек. Мишка, правда, перед своим отъездом раздал некоторые ЦЭУ, но этого было явно маловато, ко мне часто приходили консультироваться и интересоваться моим мнением. А я, ничем, кроме как общих знаний помочь им не мог. И вот теперь сюрприз. Работающий образец голосового радио у нас, оказывается, был готов.

— Можно говорить? — спросил я недоверчиво. Слишком уж сомнительно все выглядело. Несколько здоровых шкафов с массивными ручками регулировки не внушали доверия. На вид выглядело так, словно студент-недоучка решил сделать что-нибудь на скорую руку. Никакой эстетики, одни голые ребра теплого металла, провода наружу и надсадное гудение трансформатора.

— Да, Василий Иванович, можно, — разрешил мне старший инженер.

Я критически осмотрел трубу микрофона — его явно позаимствовали от телефонного аппарата.

— А динамик где? Откуда звук будет идти?

— Громкоговоритель висит над воротами, — пояснил инженер и уже с нетерпением,

едва ли не пританцовывая, добавил, — ну, говорите же уже...

Я прочистил горло, оттянул тугой ворот сорочки, покосился на человека сидевшего за самым громоздким ящиком и, набрав воздух в легкие, громко произнес:

— Раз, раз, проверка..., проверка, — затем задумался на секунду и громко добавил, — А ну-ка Валентин, бросай свой молоток и бегом в управление. В бухгалтерии тебе премия начислена. Чек у них заberi. И немедленно, а то на тебя уже целую неделю ругаются.

И отложив микрофон в сторону, быстро прошел к окну, из которого было хорошо видна наша прицеховая территория НИОКРа. Забавно было видеть, как люди в недоумении крутили головами, искали откуда шел звук. Некоторые правильно назначили виновницей странную черную тарелку под самым коньком крыши. А Пузеев, работавший под открытым небом, прямолинейно следуя полученной инструкции, отшвырнул в сторону кувалду, прикрикнул на своего нерадивого ученика и, придерживая кепку, припустил в сторону проходной.

— Ну, как? — с горящими глазами спросил меня старший. — Правда, здорово?

— Замечательно, Игорь Андреевич, это просто замечательно, — радостно поддержал я его порыв, потрясая его за узкие плечи. — Это просто восхитительно. Вы сделали настоящий прорыв в науке! Ваши имена теперь навсегда останутся в анналах. Но скажите мне, было сложно, да? Хотя я и сам это понимаю, такой объем работы...

— Да уж, весьма не просто, — обалдело ответил инженер. — Но, нельзя отметить большой вклад Михаила Дмитриевича, нам он очень помогал. Ему бы самому заняться этим делом, у него такой талант. Мы очень долго бились над диодом, никак у нас не получалось, а он пришел, нам все объяснил, указал на ошибки.... Жаль, конечно, что он уже весьма состоятельный господин, из него бы отличный инженер вышел.

Я улыбнулся. Знали б они откуда у Мишки этот талант. Это не предвидение и не глубокое понимание природы электрики — это простая память. Знал Мишка как должны были выглядеть те или иные вещи, знал, как должны были они работать, вот и все. Всю главную работу у нас сделали все-таки наши инженеры — им вся честь и хвала. Это они кропотливо, день и ночь перебирали различные варианты, подбирали необходимый материал и ставили бесчисленные эксперименты. Кстати, очень удачно Мишке вспомнился гетинакс — прессованный карболит со слоями бумаги. Весьма пригодился новый материал нашим электрикам. Ну, а где изобрелся гетинакс, там и текстолит подоспел — по сути тоже самое, только вместо бумаги используют ткань.

— Послушайте, — сказал я, наблюдая как рабочие продолжают разглядывать тарелку репродуктора, — а у нас граммофона поблизости нет?

— Есть, как же не быть

— Тогда, тащите его сюда немедленно. Сейчас мы дискотеку-пятиминутку устроим. Порадуем народ.

Граммфон притащили довольно быстро. Споро завели тугую пружину, положили толстую и тяжелую пластинку и аккуратно поставили иглу. А я, засунув микрофон в трубу музыкального аппарата, скомандовал:

— А ну-ка включай свою шарманку заново.

И человек, сидящий за самым большим ящиком, щелкнул переключателем. И черная тарелка под коньком крыши ожила заново, оглашая окрестности душевным женским напевом. Приказав не останавливать трансляцию, я, прихватив с собою старшего из инженеров-электриков, спустился вниз, встал под тарелкой репродуктора и внимательно

вслушался в песню. Слушал долго, не шевелился, соображал. Потом, махнув рукой, потребовал остановить передачу, и когда она прекратилась, у старшего спросил:

— Послушай, Игорь Андреевич, а я что-то не понял. Неужели трансляция идет по проводам? Не по эфиру?

— Никаких проводов, Василий Иванович. Все по-честному. Приемное устройство стоит у нас в лаборатории и уже от него идут провода на громкоговоритель.

— И как далеко вы можете передавать сигнал? Не проверяли?

— Пока на несколько верст, не далее. Но если понадобится, то мы сможем сделать более сильный передатчик. Правда, с лампами беда, очень уж у них ресурс маленький. Часто и нескольких часов не могут проработать. Мы ищем пути решения проблемы, но пока не слишком удачно. Вся надежда на Михаила Дмитриевича, может у него найдутся кое-какие идеи.

Я удовлетворенно кивнул и замолчал, вслушиваясь в песню. Даже прикрыл глаза, сосредоточившись. Потом, услышав все что надо, открыл глаза и кивнул на громкоговоритель:

— Ты слышишь что-нибудь?

Тот недоуменно сдвинул брови, подумал несколько секунд и неуверенно помотал головой.

— Вроде ничего такого. Все хорошо же было?

— Да, хорошо, но явно недостаточно, — ответил я. — Звук слишком уж грязный, хрен поймешь, о чем вообще была песня. Черт его знает, что в этом виновато... Может микрофон от плохого телефона или же репродуктор несовершенный, я не знаю. Может дело в чем-то другом и вот это тебе, Игорь Андреевич, надо исправлять. Надо сделать так, чтобы пластинки через радио играли с минимальными искажениями, а лучше вообще без них. И еще, мне не нравится, что для нашей музыки мне пришлось ловить звук микрофоном. Должно быть по-другому.

— Как? — наострил уши поникший было инженер. Я его понимал, никому не нравится выслушивать суровые замечания.

— Теперь вам придется сделать электрический граммофон. Понимаешь? Без пружины, без трубы, такой чтобы в розетку сунул и пластинка сама пошла крутиться, а звук шел бы через динамик. Но плюс к этому, вам надо будет придумать штекер — некое соединительное приспособление, через который звук от граммофона по проводам шел бы напрямую к радиопередатчику. Это избавит от значительной массы искажений, и наш приемник сможет передать звук более или менее четко. Что еще...? Ах да, послушай..., я тут подумал, а может тебе вообще за новый принцип воспроизведения звука взяться? — пришла ко мне вдруг шальная мысль.

— Ну-ка, ну-ка? Что за принцип? — встрепенулся Игорь Андреевич.

Я сдвинул брови, вспоминая старый фильм. Как же он назывался... «Секретный фарватер» что ли? Не суть. Главное, что я вспомнил оттуда момент, когда доктор на немецкой подводной лодке носил в своем медицинском саквояже портативный магнитофон и тайком записывал важные разговоры. Но и это не самое главное. Самое интересное в этом моменте было то, что вся запись велась не на лавсановую магнитную ленту, а на самую обычную стальную проволоку. И это знание нам давало возможность сделать самый ранний магнитофон, опередивший свое время не на один десяток лет. Да и принцип-то работы сравнительно прост — катушка намагничивает пробегающую мимо проволоку, перенося на

нее звук, а затем наоборот, считывает с этой же проволоки магнитные поля, преобразуя их в электрический сигнал, который потом и превращается в звук. Очень, кстати, хорошая игрушка будет для богатых людей, лишь бы с размерами не промахнуться, сделать все как можно более компактное, да и для нашей радиостанции магнитофон прекрасно подойдет. Хотя, имея в виду отсутствие миниатюрных двигателей для подобных целей в нынешние времена, наша задача немного усложняется. Придется еще и их изобретать. Блин, похоже, что нашу электротехническую лабораторию придется существенно расширять и искать им где-то помещение попросторнее. Да и людей новых надо привлекать.

— Значит так, Игорь Андреевич, пойдём-ка обсудим мою новую идею, а ты подчиненных своих зови. Я вам все объясню, попробую набросать, как это все должно выглядеть, а вы уж вместе покумекаете, прикинете реально ли это сейчас сделать.

И мы ушли в здание. В течение получаса я им объяснял, что мне хотелось бы видеть, расписывал перспективы и рисовал радужное будущее. Установил крайние сроки для отчета. Будем надеяться, что через год они смогут выдать на-гора хоть что-то подобное. Магнитофон это очень хорошая тема, но, я сам себе отдаю отчет, слишком уж узкий рынок для него получится. И потому, про электрический граммофон тоже забывать нельзя. Он-то, я надеюсь, и будет нашим массовым товаром, основной покупатель который будет жить за границей.

Ну, а пока наши изобретатели размышляли над новым проектом, морщили лбы и уже прикидывали, как лучше всего изготовить необходимые узлы, я встретился с нашим руководителем юридического отдела, Яковом Андреевичем Мендельсоном. Давно я его не видел, он все время пропадал в разъездах. Целыми днями только и делал, что занимался нашими патентами, оформлял их, продавал лицензии, выбивал долги. Под его управлением штат юристов разросся до пятнадцати специалистов, да за границей у него было несколько отделений, в которых работали по несколько человек. Дело, конечно, затратное, но абсолютно необходимое. Уже сейчас, юристы, работавшие за бугром, приносили нам денег намного больше чем наши отечественные. Оно и понятно, промышленное развитие в России развито в гораздо меньшей степени, покупательная способность населения ниже, потому и бизнесменов, способных рискнуть своим капиталом существенно меньше. И ничего с этим пока не поделать. Пройдет еще не один десяток лет, прежде чем моя отчизна достигнет уровня западных стран. И думая об этом, я всегда горько усмехался. Даже в мое время, только и было разговоров о том, что мы отстаем, плетемся в хвосте, необходимо догнать и перегнать и тому подобное. Похоже, эта наша беда, все время догонять и ничего за прошедшее столетие не изменилось. Ну, ничего, дайте только сил нам с Мишкой переломить эту ситуацию.

Так вот, Мендельсон.... Яков Андреич с момента нашей последней встречи почти месяц назад опять заметно поправился. Он уже не был тем юношей-тростинкой колеблемый ветром и страхом, теперь это уже вполне солидный мужчина с округлившимся лицом и выступающим солидным пузиком. Взгляд под его круглыми очками давно лишился подобострастия и скромности, а приобрел силу, способную навязывать свою волю и отстаивать свою правоту. Он приобрел опыт, защищая наши интересы перед государством и жестко, без сожаления выбивая долги с попытавшихся нас обмануть. О нем узнали в среде столичных юристов, его имя стало иногда проскальзывать в местных газетах, а работавшие с нами купцы и промышленники стали часто приглашать в гости. Приобрел немалый вес и добился уважения. Он для всех стал совсем солидным господином..., для всех, кроме меня и

Мишки.

— Ну, что, Яков, контора пишет? — со смешком спросил я, падая в мягкое кресло в его немаленьком кабинете. Здесь было просторно. Большое окно на всю стену, сделанный на заказ шкаф-стеллаж на противоположной стене и длинный президентский стол с зеленым сукном. В углу стояли ажурные куранты с глупыми пузатыми ангелочками. Яков полюбил роскошь, его кабинет был обставлен гораздо лучше нашего с Мишкой. Мы даже как-то укорили его за растрату, но он, предвидя наше недовольство, достал из ящика стола бумаги и доказал нам, что самые дорогие вещи в его кабинете были куплены на его личные средства. После этого мы махнули на него рукой — жалование у нашего юриста очень приличное, да плюс еще доход с арендованного процента акций. Он может себе позволить любой вид роскоши. Кстати, совсем недавно вот очки себе прикупил в золотой оправе с небольшими брюликами, чем вызвал мою насмешливую улыбку.

— Пишет, Василий Иванович, пишет, — с тем же смешком ответил мне главный юрист. Он отложил в сторону бумагу, которую только что завизировал, дорогую ручку с золотым пером аккуратно уложил в пенал. — Вот, обложился весь документами, передохнуть некогда. Все несут и несут свои писульки, едва читать успеваю.

— Это хорошо, что некогда, — улыбнулся я. — Это значит, что и доходы наши растут, ведь правда?

— Истинная правда, — ответил Яков, бросив на меня смешливый взгляд поверх блестящих очков. — Только ведь, засранцы, платить добровольно ну никак не хотят. Так и норовят обмануть. А нам от этого только работы прибавляется.

— Ну, это понятно. Истомин мне тут жаловался, что он забыл когда в своей кровати последний раз спал. Все время в разъездах, по вагонам мыкается.

— Ну, да. У Семена в последнее время очень уж много работы, это правда. Он хочет вас просить разрешить ему нанять еще людей.

— Если есть необходимость — разрешим, — пообещал я и сменил тему разговора. — Слушай, Яков, ты же помнишь, мы с тобой как-то общались на тему радио? Думали поставить вышку и вещать на весь Петербург?

— Конечно, помню, — кивнул Мендельсон. — А что? Неужели настало время?

— Да, похоже, тебе скоро опять работы прибавится. Наши электроники соорудили-таки то, о чем мы с Мишкой просили.

Яков мелко закивал, показывая, что находится в теме:

— Как же, как же. Не так давно несколько привилегий по их тематике оформлял. Главный электроник, как вы обзываете Игоря Андреевича, весьма радовался получившимся лампам. Говорил, что это очень большой скачок вперед. Я с ним потом довольно много времени провел, описывал все технические подробности для того чтобы правильно оформить привилегию. И теперь там сейчас все темы выбраны, пока патентовать нечего.

— Да я не о патентах, — отмахнулся я от темы, — я о другом. Нам надо организовывать вещание, понимаешь?

— Ну, понимаю..., - неторопливо ответил Мендельсон, поправив на носу сползающие очки. — А что конкретно от меня требуется?

— Надо, Яков, договориться с администрацией города о том, чтобы нам разрешили это дело. Купить землю под строительство башни и оборудования, упросить их на размещение репродукторов в местах массового скопления народа. Договориться с Сименсом о прокладке кабелей и прочего, чтобы у нас не болела голова об электричестве. Может быть, выйти на

царя и в его дворцах поставить индивидуальные приемники или же вообще сделать там радиоточку. Если это получится, то будет просто замечательно.

Яков за мной торопливо записывал. Когда поставил последнюю точку, спросил:

— Хорошо, это мы организуем. Все сделаем, только это будет не так быстро, вы же понимаете. Да? А, кстати, что такое радиоточка?

Ну, как мог я ему объяснить. Вроде бы он понял.

— И еще вот что..., - добавил я. — Мы, можно сказать без лишней скромности, совершили маленькую техническую революцию. Радиовещание изменит образ жизни человека, в этом даже можно не сомневаться. И это здорово, но есть одна проблема. Нынешние искровые радиопередатчики невозможно и просто безбожно фонят на всех частотах, а для нас это зло. И мы своим эфиром сможем помешать военным, чему они будет весьма не рады, да и они своей морзянкой будут нам мешать. И потому, пока еще эфир не забит под завязку надо будет протолкнуть в министерство идею распределения частот для военных нужд и нужд гражданских. А в будущем вообще ввести лицензирование частот, чтобы потом не возникало споров между конкурирующими радиостанциями. Процесс это долгий, муторный, но совершенно необходимый.

Я подождал, пока Яков торопливо допишет и добавил, перебивая готовый сорваться с его уст вопрос.

— И желательно чтобы после всех этих оформлений и согласований самые вкусные частоты остались за нами. На первых порах можно будет вообще попробовать застолбить частоты через привилегии. Если это вообще возможно, конечно же.

— Мы попробуем, — пообещал Яков, откладывая в сторону перо. Потом он сцепил перед собой пальцы и, глядя на меня поверх очков, сказал. — Однако чувствую, богатенькое дельце будет. Очень выгодное. Я прав?

— Если грамотно подойти, — кивнул я согласно и мечтательно продолжил. — Нам бы в идеале надо создать свой медиахолдинг из нескольких станций, приемники на три кнопки, настроенные на наши частоты выпускать, да на рекламе зарабатывать. И людям давать новости. Представляешь, Яков, теперь по утрам вместо того чтобы узнавать последние события, обыватель будет не разворачивать за завтраком газету, а включать наше радио. Мы же сможем манипулировать сознанием! А кто владеет сознанием людей, тот владеет миром.

— Как-то зловеще звучит, по-дьявольски, — поежился Яков. В принципе, мое признание его не удивило. Он уже не раз слышал мои измышления на эту тему и в целом он был со мной согласен. Ну и о моих представлениях о мироустройстве и об отношениях с рабочими он был в курсе, так что особых возражений с его стороны последовать не могло. Он лишь деликатно добавил, кивая на воображаемых слушателей. — Вы только про сознание перед другими не говорите, а то все сорвется. Люди вас не поймут, а церковь вообще запросто анафеме предаст.

— Хорошо, не буду, — улыбнулся я. Хотя я ведь и в самом деле мог такое сказануть перед посторонними. Давно уже понял, что мой язык иногда меня подводит. — И, кстати, тоже самое надо бы проверить и за границей. Хотелось бы и там вещать, но это, Яков, оставим на потом. Через год или два можно будет озаботиться. Сейчас главное это Российская Империя. Сначала Петербург, потом Москва, Нижний, Киев, ну и так далее.

— Хорошо, хорошо. Мы сделаем, как вы просите. Только, предупреждаю сразу, на это могут уйти годы. Сами знаете, с каким трудом в министерствах приживаются новые идеи. А вообще, зачем вам это лицензирование..., как вы их называете? Частот? И тогда уж поясните

мне, безграмотному, что такое эти частоты и с чем их наши электроники едят?

Конечно, можно было вещать и на «халяву». Никто над тобой не властен, никто тебя не контролирует. Цензура не в счет, но она через несколько лет серьезно ослабнет, нам надо лишь на первых порах гнать нейтральный эфир, изредка выкидывая подачи для правительства. А после пятого года можно будет активно вступить в борьбу за умы людей, напористо прививать им наши с Мишкой ценности другого социального мироустройства. Попытаться перетянуть на свою сторону всякого рода социалистов и, глядишь, если и случится революция семнадцатого года, то прокатится она по рельсам нашего мировоззрения. Но тут бабка надвое сказала и без собственной партии и места в думе нам все-таки не обойтись. Но, все же, возвращаясь к проблеме радио... — без лицензии никак нельзя, она нужна хотя бы ради того, чтобы избавиться от помех со стороны военных передатчиков.

— Ты про частоты все у нашего главного электроника выпроси. Он тебе все охотно объяснит и покажет. С ним же и решите на каких волнах нам лучше всего вещать. Я, по правде сказать, в этом деле совсем не силен, вам бы Михаила Дмитриевича дожидаться. Но когда он еще приедет....

— М-да, — протянул согласно Яков, доставая из цветастой коробки толстую папиросу. Глянул на меня вопросительно, чиркнул спичкой, неспешно затянулся и выпустил сизое облако в открытое окно. Хозяин-барин, он в своем кабинете. — Михаил Дмитриевич еще нескоро из Америки вернется. Пару месяцев может пройти.

Я удивленно вскинул брови:

— Не понял! А какого черта он в Америку залетел? Вроде же планировал, что после Дальнего Востока обратно вернется. Чего он в штатах забыл?

— Нежели вам Моллер не сообщил? Странно, телеграмма третьего дня пришла....

Бардак.... Вчера наш банкир укатил в Германию, на свою историческую родину, для того чтобы открыть там отделение нашего банка. Сначала в Берлине, а затем в Швайнбурге, в городе, где находилось наше предприятие по выпуску подшипников. У нас до сих пор наблюдалась острая нехватка наличности и немцы, чьи личные доходы были больше российских коллег, охотнее вкладывались бы в депозиты и покупали бы наши облигации. Конечно, первым делом Моллер хотел открыть отделение банка в Москве — как-никак крупный и богатый город, с крепкой промышленностью и массой состоятельного народа, но я, побеседовав с ним, смог переориентировать его на другое направление. Берлин все же кусок пожирнее будет, да и закрепляться нам там просто необходимо. Хотя бы для того, чтобы перед самым началом Первой Мировой понабрать там кредитов и разместить свои облигации, а затем воспользоваться послевоенной галопирующей инфляцией и получить чистую прибыль. А Москва никуда не денется, мы к ней обязательно вернемся. Так вот..., Андрея Григорьевича я лично провожал на вокзале и он мне ни полусловом не обмолвился про Америку. Хотя..., сейчас я припоминаю, что в последний момент он о чем-то вспомнил и, высунувшись из тамбура, сунул мне в руку бумагу, а я, спрятав ее во внутренний карман пиджака, тут же о ней забыл, поспешив домой к мучающейся животиком Дашке. Дома она на меня и срыгнула, прямо на лацкан пиджака. И теперь почищенный и отглаженный дорогой пиджак висит дома, а переданная Моллером бумага, надо полагать, находится на сохранении в цепких руках Зинаиды.

— Ладно, забыли про Моллера, — отмахнулся я, подаваясь вперед, и перешел к сути. — Ты знаешь, зачем Козинцев в Америку поплыл?

Яков прищурившись от попавшего в глаза дыма, кивнул:

— Какого-то мистера Жиллета хочет там найти. Вы знаете кто это такой?

У нас в самой далекой тундре знают продукцию фирмы «Жиллет». И каждый первый мужик, и каждая вторая женщина хоть раз в жизни покупали ее продукцию. Обороты на миллиарды долларов в год! И, блин, как бы скрыть от Мендельсона мое неожиданное возбуждение? Постарался, как мог, лишь сверкающие глаза меня выдали:

— Ну да, знаю я заочно одного Жиллета, — нейтральным голосом ответил я. — Неплохие бритвы вроде делает. А неужели Козинцев его покупать поехал?

Яков пожал плечами.

— В телеграмме об этом ни слова. Но денег у Андрея Григорьевича попросил...

— Много?

Нам юрист пожал плечами.

— Я не интересовался. А вообще, у нас в Вашингтоне своя юридическая конторка имеется, там работают два человека. Полагаю, если Михаил Дмитриевич прикупит фирму господина Жиллета, то он обязательно там объявится. Вы можете туда написать письмо. Как раз к тому моменту оно и прибывает.

— Ну, ладно, — махнул я рукой, поднимаясь с мягкого, но скрипучего кресла. — Может и черкану ему письмецо, я подумаю.

Отправленную Михой телеграмму я действительно потом забрал у Зинаиды, но ничего в ней особенного не было. Лишь две строчки о том, что он едет в Америку искать господина Жиллета. Про покупку его фирмы и нужде в наличных ни слова. Видимо телеграмм было несколько.

Вообще, Мишка скупно отчитывался о своей поездке. Изредка присылал телеграммы, по которым мы судили о его перемещениях. Да пару писем прислал. Одно из Египта с вложенной фотокарточкой, где он в одиночку забирался на вершину пирамиды, другое из Владивостока, где он делился своими впечатлениями о городе. Оттуда он планировал проплыть до Порт-Артура, посетить несколько прибрежных городов Китая и возможно заглянуть в Японию. На какой из этих стадий у него возникла мысль сорваться в Америку непонятно.

А чуть позже от него пришла еще одна телеграмма с просьбой выслать в нашу контору в Вашингтоне образцы карболита, как в готовых изделиях, так и в жидком виде. Что ж, эту просьбу мы выполнили и уже через пару недель дорогой груз принимали в столице Америки.

Вообще, Мишка не зря попросил обеспечить его образцами. Наш карболит оказался весьма востребованным товаром. С ним удобно было работать, он хорошо обрабатывался и принимал любую форму. Не растворялся в воде и во многих агрессивных средах, не горел и не проводил электричество. И вот этими свойствами мы «подкупили» «Сименс и Гальске». Ежемесячно мы им отгружали по три тонны жидкого неактивированного карболита и на пару сотен килограммов готовых изделий. И им все было мало, с каждым месяцем отгрузки только росли. Мы не успевали его выпускать, продукцию вырывали прямо из рук, а стекольщики, что продавали нам тару, лишь потирали руки, подсчитывая неожиданные барыши. Мельников, получивший легкий нагоняй за нерасторопность, срочно укатил в Европу подбирать необходимое оборудование. Уже почтит девять месяцев, как мы гоним карболит, по сути кустарным способом, а в постройке завода у нас еще конь не валялся. Мендельсон только лишь в прошлом месяце оформил покупку земли под будущее

химическое производство под Новгородом. Хотя, зря я на нашего главного химика покати́л бочку, напрасно обвинил в нерасторопности. Мы же сами и дали ему время на неторопливый подбор, говорили, что спешить некуда. Но никто и не подозревал, что потребность даже на первых парах будет так высока, никто этого не прогнозировал. И потому, пересмотрев планы, мы решили ускориться. И вот Мельников сейчас шастает по европам в поисках лучшего оборудования, а Моллер, проклиная меня за ненасытность, опивается в Берлине. Я сомневаюсь, что богатые берлинцы успеют нас профинансировать. Скорее похоже на то, что на строительство химического завода нам придется брать кредит в стороннем банке. Очень уж большая сумма требуется.

Как и ожидалось Мишка прибыл в Петербург через пару месяцев, уже поздней осенью. День клонился к закату, погода была отвратительная, свинцовые тучи, нависая над городом, едва не царапали шпили, а мерзкий ветерок пробрасывал мокрый снежок. Мишка сошел с трапа океанского лайнера укутанный в пышную песцовую шубу, загорелый, с гладко выбритой и потемневшей от солнца физиономией. Привез с собой неприличную кучу чемоданов, ящиков и коробок. Увидав меня, он поспешно оставил супругу с падчерицей и радостно подскочил с раскинутыми в стороны руками. Сграбастал меня по-медвежьи насколько позволяла шуба и сдавил что было силы.

— Васька! — обжог он мне шею горячим дыханием. — Как же я рад тебя видеть!

Мне стало даже неловко. Никогда я за своим другом подобных сентиментальностей не наблюдал. Даже наоборот считал, что он не способен на прилюдное проявление подобных выражений чувств.

— Как же я соскучился.... Полгода твою рожу не видел, сам не думал что буду счастлив тебя видеть.

Я ослабил Мишкины объятия, отстранился и сделал шаг назад.

— Да тихо ты, тихо.... Ты чего? С тобой все хорошо?

— Да все нормально, Вась, — радостно отмахнулся Мишка, не обращая внимания на мою озабоченность и, ухватив меня за плечи, потрянул. — Просто рад тебя видеть. Ты не представляешь, как же мне надоели все эти пароходы, тошнит уже от одного вида. И океаны я уже просто ненавижу. А уж эти шторма.... Да препротивная погодка....

Его даже передернуло от одного воспоминания.

— Надоели мне эти поездки, домой охота. Я всегда считал, что у меня нет морской болезни, но, блин, оказывается, что когда судно целую неделю болтает как щепку, а ты вместе с ним кувыркаешься по каюте, то морская болезнь сама к тебе приходит, и ты ничего с этим не можешь поделать. Васька! Как же я страдал на этих пароходах, тебе не передать. Лучше уж на самых убитых самолетах летать, чем через океаны переплывать. Пусть уж лучше самая жестокая турбулентность, чем эти шторма в океане.

— А-а, ну тогда ладно, — успокоился я, принимая объяснения друга. — Долго же ты путешествовал. Весь мир, считай, обогнул.

— Ага, почти как у Жюль Верна. Олька в поездке прочитала его «за восемьдесят дней» и очень довольная, что она почти так же как его герои обогнула шарик. А мне, признаться, это путешествие уже до чертиков надоело. Пообещал себе, что когда приплыву, то целых три месяца больше никуда не поеду. Буду сидеть тут, в столице, а если понадобится уладить какие-то дела, то я тебя отправлю.

— Ну и ладно, — охотно согласился я, радуясь встрече с другом.

В этот момент подошла Анна Павловна с дочерью. Тоже одетая по-зимнему, в белоснежной и потому невероятно дорогой шубе. По старой привычке она склонила голову, дружелюбно поздоровалась:

— Добрый день, Василий Иванович, — и, прижавшись к Мишке плечом и со смешком на него взглянув, тут же выдала его с головой. — А Михаил, между прочим, только о вас последнюю неделю и вспоминал. Все причитал «когда же берег, когда берег» и мечтал вам все усы собственноручно повибрить.

— Это за что это? — усмехнулся я, переведя взгляд на друга.

— Да ладно, не обращай внимания, перевирает она мои слова, — отмахнулся он. — Видишь, а я теперь с гладкой мордой зажигаю — никаких дурацких усов. И тебе небольшой подарок привез, эксклюзив, так сказать.

— Неужели станок Жилета? — догадался я.

— Ага, он самый. Здесь больше ни у кого нету. Но, ты удивишься, он, оказывается, еще не патентован! Ты понял? Я кое-как нашел этого самого Жилета, провел с ним непростые переговоры, купил часть его акций, а он, оказывается, свою идею даже не запатентовал. Ты представляешь! Да знал бы я раньше, то плюнул бы на него и сам бы все оформил. Так что, Вася, сейчас можно смело красть эту богатую идею и у нас в стране оформлять привилегии. А американский рынок, так и быть, оставим Жилету. На его век доходов хватит.

Я кивал, слушая Мишку. Как же он, оказывается, соскучился по делам, если сразу же, едва сойдя с трапа океанского лайнера, завел разговоры о бизнесе. И я его понимал — болтаться в море на корабле не самое веселое приключение. Карты он не особо любил, пил тоже в меру, да и книжки нынешних современников не очень-то жаловал. Мишка там, наверное, с ума со скуки сходил. Хотя, зная его склонность думать за одиночной игрой в бильярд и стремление заводить новые знакомства, все оказывалось не так уж мрачно. Наверняка, плавая туда-сюда, он сумел подобрать ключик ко многим случайным попутчикам и вволю наговориться.

— Давай о делах потом, — попросил его я. — Ты хотя бы до дома доберись, да в бане расслабься. А потом, например, завтра и поговорим обо всем.

А Анна Павловна с дочкой все это время стояла рядом и слушала нас. Не решалась вставить и слова, ждала, когда же Мишка наговориться. Держала в руках сумочку и одним глазом следила за выгрузкой вещей. Вдруг, неожиданно встрепелась, повернулась к грузчикам и в своей манере, тоном, не терпящим возражений, прикрикнула:

— Аккуратнее с этим ящиком, не бросать! Там хрусталь! — и, сделав мне извиняющийся быстрый книксен, нелепо смотрешейся при ее шубе, сказала, — извините, Василий Иванович, — и попыталась отойти. Но ее удержал Мишка.

— Без тебя справятся, — негромко сказал он. — Не переживай.

И Анна Павловна, ломая свою натуру, осталась. Но было видно, как тяжело ей это дается — стремление проконтролировать выгрузку багажа было очень сильно.

Я недовольно покачал я головой и разочарованно всплеснул руками. Сколько раз я ей уже говорил, просил общаться со мной на равных, без имени-отчества, но почти каждый раз, когда она со мной встречалась, по старой привычке она отвешивала мне реверансы и обращалась исключительно на «вы». Мне не то чтобы это не нравилось, к этому я уже привык, это уже было просто неправильно.

— Ну что за.... Ну, сколько можно? — в очередной раз укорил я ее — Мишка, ты бы сказал Анне, чтобы она прекратила уже свои публичные реверансы, а то, честное слово, это

просто неприлично.

— Да ладно, — махнул Мишка, целуя любимую супругу в щечку и приобнимая за талию, — это она по старой памяти. Да же, Ань? Ну вот, она больше так не будет.

Я был рад их видеть. Честно. Почти полгода они путешествовали по миру, повидали много стран. Оленька за это время заметно подросла, вытянулась, стала похожа на юную, расцветающую женщину. В эту эпоху природа быстро превращает гадких утят в прекрасных лебедей, и вот, похоже, с Оленькой произошло такое же превращение. Не так давно ей исполнилось тринадцать лет, совсем еще ребенок по нашему пониманию, но в ее теле и личике уже угадывалась будущая красота. Еще пара лет и все..., от ухажеров не будет отбоя. Будет укладывать мужиков штабелями. Надо бы ей какой-нибудь подарок на прошедший день рождения подарить, что ли. Что может занять в это время девочку-подростка? Я даже не знаю.

А Мишкины ящики и чемоданы все разгружали и разгружали. Несколько человек бегало туда-сюда, перетаскивало груз поближе к возницам, суетились. Среди всей этой суеты я выделил двух китайцев в простой европейской одежде, в недорогих пальто, что носились едва ли не быстрее всех, старались изо всех сил. На ломаном русском прикрикивали на остальных, что им мешали, размахивали руками и пытались командовать. И удивительное дело, грузчики, все русские мужики их беспрекословно слушались и выполняли любые их приказания.

— Это кто такие? — удивился я, кивая на странных иностранцев. — Твои что ли?

— Ага, — кивнул Мишка. — Помогайки. В Китае увязались за мной, не удалось от них отбиться. Пришлось взять. Ну а что? Я не пожалел что нанял их. Работают хорошо, стараются и не так дорого обходятся как наши. Фактически работают только за еду и проживание.

— А зачем они тебе здесь?

— Да ладно, — отмахнулся Мишка, — пускай работают. У меня на них кое-какие планы имеются. Я тебе потом расскажу.

— Так ты их оставить хочешь?!

— Ну да, — кивнул Мишка, с прищуром смотря против закатного солнца. — Я же говорю, планы у меня на них. Завтра расскажу.

Мне оставалось лишь смириться с неудовлетворенным любопытством и дожидаться завтрашнего дня. В этот момент кто-то из грузчиков неосторожно опустил ящик на угол, раздался треск ломающегося дерева и внутри раздался глухой металлический звон. Я обернулся. Виноватый грузчик обалдело глядел на нас, страхась нашего гнева, а в его мозолистых руках покоилась лопнувшая по сучку ручка. Но все обошлось, Мишка окинул взглядом ящик, да и махнул рукой, чтобы продолжали. Ничего стоящего.

— А накупил-то, накупил! — восхищенно воскликнул я. Багажа было столько, что для его транспортировки понадобилась третья конная телега. — Не лень было все это через весь мир тащить? Что там?

— Да ничего особенного, — отмахнулся Мишка. — Кое-что для дома, тебе небольшой подарок, Попову, да Мендельсону с Моллером. А так основная масса купленного состоит из списка, что мне выдали перед отъездом наши инженеры. Вот что они просили купить, то я и купил. Да Пузеев сверла американские слезно просил купить, метчики, калибры ихние, измерительный инструмент, да приبلуды разные. Ничего интересного. Сейчас погрузят все, да отвезем в НИОКР на хранение, а разгребем завтра.

В НИОКР, значит в НИОКР. Мишка отправил супругу с дочерью домой, а сам прихватив меня и двух своих китайцев, отправился сопровождать ценный груз. По пути, не вытерпев, стал рассказывать о своем путешествии.

В целом его поездка оказалась весьма удачной. Погостив сначала в Египте, полазив по пирамидам и искупавшись в море, он отправился сначала в жаркую и душную Индию, а оттуда такой же душный и в грязный Сингапур. Проболтавшись там несколько дней и вкусив все прелести тропиков и антисанитарии, он переплыл уже во Владивосток, где и провел свою первую неделю на осмотр города. Город, в котором он был впервые, ему понравился. Был он хоть и небольшим, но быстрорастущим и вполне по-европейски обустроенным, никакой азиатчины. Каменные дома, мощеные улицы, магазины, мануфактуры и, конечно же, порт, который являлся главным на востоке нашей страны. Посетил с дружественным визитом канцелярию, где его не очень-то вежливо встретили, поинтересовался возможностью прикупить земли для производственных нужд. Ну а после этого, оставив супругу с дочерью в городе, сорвался в Порт-Артур. И можно сказать, удачно туда попал. В тот момент как раз происходила нарезка земель и ее продажа под дачные участки. Офицеры, конечно же, скупили все самое лучшее, но Мишка не расстроился, приобрел себе участок хоть и не в самом хорошем месте и не возле Пресного озера, но зато поближе к городу. Еще один участок выкупил уже в самом Порт-Артуре. Выспросил разрешение на основания там производственного цеха и через небольшую взятку ее получил. Познакомился в военном городе со многими офицерами, и, заведя особо теплые дружеские отношения с одним из них, попробовал уболтать его на копию топографической карты с той целью, чтобы показать ее мне. Он посчитал, что я, как человек прошедший через постсоветскую армию, смогу ее прочесть и придумать, как лучше всего помочь в обороне порта. Он не хотел карту военную, вполне обошелся бы гражданским вариантом, но... Но вовремя прикусил язык и офицер, слава богу, не успел понять к какой цели направлялся эта нетрезвая беседа. И слава богу. Иначе приняли бы Мишку за иностранного шпиона и тогда был бы уже с ним другой разговор. А так, помучавшись с пару недель, полазавши по горам, да испортив дорогую обувь, Мишка от руки набросал приблизительный рисунок местности. Конечно же, ни о какой достоверности карты речи и не шло, но так хотя бы я смог понять, что из себя представляет сам Порт-Артур и его окрестности. Ведь я даже приблизительно не знал с какой местностью нам предстоит столкнуться. И вот, изучив Мишкины каракули, я убрал их во внутренний карман пальто, задумчиво изрек:

— Мы не сильно-то сможем помочь. Только по мелочи. Я так понимаю, миномет мы им подкинем, может пулеметов туда несколько купим. Наладим производство колочки. А если противопехотные мины сделаем, их туда можно будет поставить? Как думаешь?

— Не везде, — с сомнением ответил Мишка. — Там скалы кругом, камни. Мягкая почва не везде есть. Но мины нам тоже нужны, Куропаткину их подкинем, чтоб под Мукденем не сильно обосрался.

— М-да, ох уж этот Куропаткин, — произнес я вполголоса. По сути, я ничего особенного про русско-японскую не помнил. И про Куропаткина в частности. Помнил только, что он был не слишком решителен в этой войне, боялся то ли японцев, то ли свалившейся ответственности, за что его потом сильно гнобили. Считали, что он едва ли не единолично виновен в проигрыше японцам. Что ж, возможно это действительно так, но это не меняет нашего отношения к проблеме. Мы должны были ему помочь. Должны были дать ему те крохи преимущества, что мы могли. Или не должны? Я даже усмехнулся своей

неожиданной идеи и это заметил Мишка.

— Чего? — спросил он, глянув на меня из-под пышного ворота шубы.

— А может в пекло этого Куропаткина? — спросил я, сверкнув глазами. — Уберем его без лишних слов и все. И вспоминай как звали. Нет человека — нет проблем.

— И кто на его место встанет? — меланхолично спросил Мишка.

— Да какая разница? Любой будет на его месте лучше воевать, чем он. Любой!

Мишка неуверенно покачал головой.

— Я поначалу тоже думал, что он будет главной проблемой. Но потом покатался по Китаю, посмотрел на наших вояк и понял, что это не так. Вернее сказать, не один Куропаткин будет виноват.

— А тогда что?

Мишка вздохнул морозным воздухом и шумно его выпустил, заморожено наблюдая как облачко пара уносит вдаль.

— Безалаберность и самоуверенность, — ответил он чуть погодя. — И еще гигантские расстояния, и отсутствие железной дороги. Кругобайкалку к четвертому году еще не успеют построить, а ты сам знаешь какая там местность. Там динамитом сопки рвать надо.

Я задумался. Насчет гигантских расстояний и железки Мишка был абсолютно прав. И это очень серьезная проблема, которую нам никак не решить. Хоть все свои миллионы вкладывай в инфраструктуру, к началу русско-японской нашим никак не успеть.

— Ведь понимаешь какое дело, Вась, — продолжил Мишка, меланхолично наблюдаю за пролетающими снежными хлопьями, — ведь наши-то прекрасно знают что война с японцами состоится. Понимают, к чему их ситуация на Дальнем Востоке выводит. Потому и принялись активно за строительство Порт-Артура — им же нужна незамерзающая гавань. И вот, представляешь, разговаривал я с тамошними офицерами и знаешь что они мне говорили? Нет? А говорили они, что они макак желтопузых одолеют одной левой. И для этого особо напрягаться не придется. Ты понял? Никто, Вась, никто из них не воспринимает японцев серьезным противником. Относятся к ним как..., ну не знаю..., как испанцы к индейцам. Как к туземцам, которые разбегутся от одного только вида белого человека. Так что нет, Вася, даже если вывести Куропаткина из штабной обоймы, то это не сильно поможет. Нам надо менять отношение людей к нашему будущему противнику. Пугать их так, чтобы они и подумать не могли принизить мощь японской военной машины.

Я молча его слушал и думал. И все сказанное им мне очень не нравилось. Менять мнение людей очень и очень сложно. На это могут уйти года, а у нас их нету.

— Так это что значит, Куропаткина надо оставить? — с сомнением спросил я друга.

— Да, — уверенно ответил он. — Пусть командует себе, надо ему только мотивацию подкинуть. Таковую, чтобы он впереди своих войск бежал и японцев зубами грыз. Ну и кое-какое вооружение из наших знаний ему подкинуть, минометы твои, мины противопехотные. О! Телефонную связь ему организовать между командирами, чтобы войска оперативнее докладывали обстановку и реагировали на приказы. Сможем же мы организовать такое? Я думаю, это не станет проблемой. Гранаты вроде бы еще нормальные не придумали — мы тоже можем в этом помочь. Кстати, как там мое детище поживает? Вроде должны уже были рабочий образец радио продемонстрировать?

— Сделали не так давно, — кивнул я. — Но работает не очень, электроники тебя с нетерпением дожидается.

— Это хорошо, — удовлетворенно протянул Мишка. — Значит завтра к ним заскочу,

посмотрю чего они там намудрили. Ну и новое направление им подкинуть — пущай придумают, как наше радио можно применить в военно-полевых условиях. Радиостанции передвижные пусть придумают, глушилки разные. Понимаю, конечно что сложно все это будет, да и габариты будут такие что оборудование ставить на мобильную основу, полевой генератор для этого дела опять же, но все же.... Главное в эту тему залезть, а там видно будет. Чувствую, военные рано или поздно раскушают эту тему, а потом на них и жор нападет.

Я покивал, согласно, а потом, вернувшись к прошлой теме, усмехнулся и толкнул друга локтем.

— А как же ты собирался Куропаткина мотивировать? Истории из будущего собираешься рассказывать или как?

— Да в морду ему надо дать, — по-простому ответил Мишка, проигнорировав мою усмешку. И, причем, он не шутил, смотрел на меня вполне серьезно.

— Просто дать?

— Просто дать, — кивнул он и замер, наблюдая за мной. А через секунду не выдержал, негромко засмеялся. — Ну ладно, — смилостивился он, — не просто дать. А дать так, чтобы он потом возненавидел японцев всем своим существом. Так, чтобы он на их фотографии без ненависти смотреть не мог.

— Ну а если серьезно? — не удовлетворил меня его ответ. — Что ты надумал? Подстрелить его легонько и на японцев все свалить?

Мишка вздохнул. Укутался поглубже в теплую шубу, потерся щекой о густой ворот. Посмотрел через окошко на возницу, что восседал на козлах и правил пегой лошадкой.

— Вась, как ты думаешь, а эти мои китайцы они сильно на японцев похожи? — поинтересовался он, кивая на следующую за нами телегу.

— Азиаты все на одно лицо, — уклончиво ответил я, потихоньку догадываясь к чему склоняет Мишка.

— Вот-вот. Даже для тебя они не очень-то различимы, поэтому, будем надеяться, что господин Куропаткин и подавно их не различит. С этой целью я их и взял.

— У тебя уже есть конкретный план?

— Еще нет, только наметки. Но стрелять в задницу нашему Куропаткину я не собираюсь. Это не наши методы.

— Тогда что? Может поделишься?

— Обязательно, — ответил Мишка, — но только завтра. После бани, когда не будет лишних ушей, — и, высунувшись в окошко, кликнул возницу и громко сказал ему. — Эй, к воротам давай правь. Приехали.

А на следующий день, после второго захода в парилку, Мишка меня посвятил в свой коварный план. Эти два китайца, должны были играть роль похитителей будущего «героя» Русско-Японской войны. Они должны были поймать Куропаткина, связать, спрятать в подвале одного из частных домов и потихоньку пытаться несчастного, выбивая из него сведения. Не важно какие. Любые. О количестве войск, пребывающих на Дальнем Востоке их вооружении и довольствии. Номера частей, где располагаются, их состав, кто является командиром, кто у самого Куропаткина находится непосредственно в подчинении, штабную иерархию, вызнать пропускную способность железной дороги и ее узкие места. В общем, попытаться выпытать все, что касалось темы наших восточных границ и готовности наших

войск к грядущей войне. Самого Куропаткина в заточении можно будет немного бить по морде, легонько пытаться, оскорблять и унижать, но делать все аккуратно, так, чтобы он вдруг не «поплыл» и не раскололся. Не почувствовал себя потом предателем и не стал рвать на себе волосы. Кстати, можно будет его в заточении кормить одним только клейким рисом и соевым соусом, вот уж действительно пытка на русского человека. А еще бороду обрезать самыми тупыми ножницами, чтобы стало ему максимально обидно. Ну а чуть позже, через пару-тройку месяцев заточения он «случайно» сбежит, воспользовавшись безалаберностью «японских» шпионов. И тогда он откроет общественности все коварство восточного соседа и доложит об этом царю. И станет он тогда национальным героем, вынесшим ужасающие условия содержания и многочисленные пытки, но при этом не продавшим отечества. Ощутит на себе всю любовь общественности, которая горячо облобызает его в десна и воскинет на руках до самого неба. А освободившись, Куропаткин должен вспылать жуткой ненавистью ко всему японскому и заразить он этой полезной для нас ненавистью всех своих окружающих.... Ну, а наш Император, дав герою орден за стойкость, можно надеяться, отнесется к произошедшему весьма серьезно и поспешит усилить свое влияние на Дальнем Востоке. Ускорит строительство железной дороги вокруг Байкала, кинет туда все имеющиеся силы. Улучшит снабжение войск и увеличит их численность и глядишь, не случится там у нас кадрового голода и дефицита боеприпасов. Ну, а чтобы никто не забывал о грядущей войне и о японском коварстве, мы будем изредка напоминать со страниц газет. Естественно под псевдонимом Владимира Вольфовича Жириновского, который уже приобрел некоторый авторитет среди читателей. Думаю, можно будет кинуть таким образом несколько пророчеств. Про Цусиму, например и про неожиданную блокаду Порт-Артура. Про то же поражение под Мукденом можно будет понять. Конечно, Жириновскому не поверят и обвинят его в предательстве. Но это не страшно, пусть переубеждают общественность через газеты. Глядишь и выльется это во что-то полезное. Обратит общественность свое внимание на какой-нибудь из недостатков. Ах, да. Надо бы не забыть предсказать что корабль, на котором будет находиться адмирал Макаров, подорвется на вражеской мине и сам он погибнет. Как и Верещагин, находящийся рядом с ним. Можно было бы и его лично предупредить и предпринять кой-какие меры, но вот беда — когда, где и при каких обстоятельствах это произойдет ни я, ни Мишка не помнили. А без этого это наше знание будущего исхода будет простым нытьем. А жаль.

Через пару дней довелось мне снова оказаться на территории НИОКРА. Там же находился и Мишка. Он долго болтал со своими электрониками, беседовал с Мендельсоном и, после всего этого, одобрил все мои распоряжения и плюсом добавил еще несколько своих. Ну а когда все срочные дела были сделаны, он, лукаво прищурившись, кивнул мне куда-то в сторону и таинственно сказал:

— Пойдем-ка, покажу кое-что.

Завел меня в комнату, где хранились ящики, что привез из поездки, обошел их, читая надписи, потом указал на несколько из них и кивнул мне.

— Ну-ка помоги. Давай вытащим.

Кряхтя и перешагивая через остальной груз, мы вытащили их, поставили на свободное место. Откуда-то движением волшебника Мишка достал небольшую выдергу и передал мне.

— А теперь вскрывай. Это тебе подарок из самой Америки.

— А что там?

— Открой и увидишь.

Ну, я и подсунул инструмент под крышку первого ящика. Надавил в одном месте, потом в другом, толкнул посильнее, да и сорвал ее к чертям, неаккуратно ломая доски. Осторожно заглянул внутрь, хмыкнул и вытащил на свет божий новехонькую, пахнущую свежим лаком кинокамеру. Ну или как она в это время называлась? Тяжелая квадратная бандура с малюсеньким черным объективом и с кривой ручкой сбоку.

— Нравится? — спросил Мишка, видя мое обалдение. — Самое лучшее купил, что было. Денег стоит невероятных.

Тренога! Где-то должна быть тренога. Я осмотрелся, заметил еще один узкий и длинный ящик и так же бесцеремонно его вскрыл. Вытащил массивную приспособу, раскрыл и водрузил на нее как на пьедестал камеру. Отошел в сторону, чтобы полюбоваться.

— Ну как? Нравится? — еще раз спросил Мишка.

— Да вроде бы ничего так, — уклончиво ответил я. На самом деле я не разделял его радости. Слишком уж убого и примитивно все выглядело. Хотя, надо признать, лакировка по деревянному корпусу выглядела просто блеск, хоть в зеркало смотришь. — А с чего ты вдруг ее купил?

— Ну как же, а кто хотел кино снимать? — ответил Мишка и развел руками, охватывая стоящие вокруг ящики. — Вот, я тебе и помог, купил что необходимо. А ты теперь действуй. Просвещай народ, промывай им мозги.

Я только крякнул от досады. Разговоры, конечно, такие у нас были, но чтобы так рано? Вроде же договорились подождать несколько лет.... Ну, да ладно, делать нечего, придется осваивать и этот фронт работ. Я тяжело выдохнул, почесал висок внезапно заболевшей головы, да и полез открывать остальные ящики.

Через десять минут передо мной стояло все необходимое для производства «хоум-видео» оборудование. Кинокамера, кинопроектор, монтажный стол, проявочная лаборатория, аппаратура для копирования киноплёнки, бутылки с химикалиями, жестяные коробка с не засвеченной пленкой и десятки пустых бобин. А еще несколько машинописных инструкций на английском языке.

— Ну что, потянешь это дело? — спросил Мишка, потешаясь над моей растерянностью. — Или нам придется людей искать? Будешь главным режиссером этого дела?

Я обошел все это дорогое хозяйство. Хрен его знает, справлюсь ли я с этим, но попробовать стоило. Не боги горшки обжигают, разберусь. Думаю, управляться с аппаратурой будет не сложнее чем с обычным фотоаппаратом. Ну тут хотя бы инструкция есть. Правда на английском, но тут мне поможет Мишка, он его знает достаточно хорошо.

— Да уж справлюсь как-нибудь, — ответил я, беря сшитые скобкой листы бумаги. Помахал ими перед носом друга. — Но ты мне вот это вот перевести должен.

— Да мне чего больше делать нечего? — несогласно замотал он головой и поднимая руки, отпихиваясь от инструкций. — Да найди ты толкового переводчика, это не сложно сделать, а ко мне с этой глупостью не приставай. У меня других забот полно. Вон, твоего главного актера надо в порядок приводить, а то отожрал без меня пузо, по бокам висит.

Это он про нашего Серафима. Вчера, когда наш казак, мастер сабельного боя впервые после Мишкиного приезда показался ему на глаза и скинул на силовой тренировке исподнюю рубаху, Мишка чуть за сердце не схватился. Где эти кубики на прессе, где рельеф груди, где все? А ничего не было. Серафим после отъезда расслабился, забросил

интенсивные тренировки и на легких деньгах, что получал от меня, отождрался. А с Мишкой потом еще возмущенно спорил, убеждал его, что находится на «массе» и сушиться ему пока нет необходимости. Спорил до тех пор пока не получил от Мишки символического пендаля и обещания похоронить на аэробных тренировках. Мне даже стало немного жаль казака, настолько недовольным и сердитым своего друга я никогда в жизни не видел. Сложилось впечатление, что Мишка вложил в тренировки Серафима частичку своей души, а тот его серьезно подвел, чем и ранил прямо в сердце.

Ну да ладно. Наш главный заочный актер скоро опять придет в норму, снова станет соблазнять молоденьких девиц рельефным бицепсом и могучей грудью. Зажимать их по темным залам синематографа, целовать в засос, а потом отводить в свою холостяцкую квартиру. Мишка пообещал совсем скоро привести Серафима в идеал, а потому и мне следовало как можно быстрее освоить киноаппаратуру. Как я и ожидал, это оказалось не слишком сложно. За какой-то месяц я научился без засвета заправлять в аппарат пленку, правильно ловить фокус и свет, проявлять ее и элементарно монтировать. Несколько вечеров я провел дома, снимая свою и Мишкину семьи, а затем, перебрав сотни метров отснятого материала, безжалостно выкинул хорошие три четверти, а из оставшегося слепил небольшое семейное видео.

Позвал на просмотр гостей. Занавесил самую большую комнату плотными шторами и прикрыл ставни. Вдвоем с Маришкой натянули на стене белую простыню, да расставили стулья. Рассадил всех и, взглянув на эту идиллию поверх голов, пошутил:

— Сюда бы еще колу и попкорн.

Мою шутку понял один лишь Мишка, он даже улыбнулся. Но перебивая, готовый сорваться с уст супруги вопрос, скомандовал:

— Эй, киньщик, заводи шарманку, не томи людей.

— Это мы живенько, — ответил я и кивнул Маришке, чтобы гасила свет.

И когда люстра потухла, я взялся за ручку проектора.

В общем-то, фильм, который я демонстрировал, был совсем прост. Обычная бытовая сцена пробуждения, кормления и купания Дашки. На пленке в главной роли выступала моя супруга, да помогала ей Зинаида. Отснятого материала хватило всего на несколько минут и для меня, как выходца из другого мира, разворачивающееся действие на белом полотнище не являлось чем-то привлекательным. Но только не для сидящих передо мной людей. Для них это было действительно чем-то волшебным. И вроде бы, почти все из них бывали в синематографах, видели несколько фильмов, а все равно им было удивительно наблюдать на оживших картинках людей, которых они лично знали. Вроде как фотографии, но только живые. Особо впечатлилась супруга Моллера, Ольга Макаровна. С первых кадров она то и дело восхищенно охала, ахала, умилялась Дашкиной наготой и ее улыбке. Ну а когда дело дошло до кульминации, до момента нехитрого спецэффекта, когда Дашка на одном из кадров вдруг исчезает из рук Зинаиды, она от неожиданности воскликнула:

— Ой, а куда же подевалась Дашулька? А как это? А где это она?

И она даже закрутила головой, ища поддержки.

Этот фокус был понятен только мне, Мишке, да Зинаиде, что принимала участие в постановке. Даже моя супруга была удивлена. Не ожидала она от меня такого «коварства».

— Ну что ты, Оля, так всполошилась, — успокаивающе заговорил Моллер, — это же просто фокус. Не переживай, с Дашенькой все в порядке. Я такие приемчики видел в синематографе. Так же, Василий Иванович? Успокойте вы мою благоверную, скажите, что с

вашей дочкой все в порядке.

— Конечно в порядке, — подтвердил я слова Андрея Григорьевича. — Да вы же ее не далее как десять минут назад видели. Чего вы всполошились? Ольга Макаровна, вы же ее сами недавно щупали и квохтали над ней, чего вы, в самом деле?

— Ой, ну да, — растерянно проговорила супруга Моллера. Она сидела и смотрела на меня обескуражено, а затем до нее стала доходить нелепость ситуации. Вот она расплылась в улыбке, толкнула словно рассердившись мужа локтем и громко воскликнула. — А вы шутник, однако, Василий Иванович. Могли бы и предупредить нас. А вообще, здорово вы это сделали, будет что вспомнить. Это даже получше фотографических снимков будет, так же Андрюша?

— Конечно лучше, — поддакнул супруг, лениво кивнув. — Вот вырастет Дашка, вот тогда и посмотрит на себя со стороны.

В общем-то, сеанс был окончен. Маринка заново включила свет. Народ повставал со стульев, двинулся ко мне. Всем хотелось посмотреть вблизи этот чудо-аппарат. Мужчины обступили меня, стали обо всем расспрашивать — сколько стоит, где купил, трудно ли освоить и как это «вообще». Им была интересна техническая часть, а вот женщины те наоборот, механика им была не интересна. Они хотели выпросить какого это попасть на пленку. Но не найдя с моей стороны времени, переключились на Маришку. Так и разделились мы на некоторое время, мужики стали болтать об одном, а женщины о другом и как-то так незаметно получилось, что мы разбрелись по разным комнатам дома. Супруга Моллера потащила всех баб к розовощекой и веселой Дашке, чтобы всласть ее потискать, а мы, накинув шубы, осели в беседке, где курящие смогли удовлетворить свои потребности. И разговор у нас с ними зашел о перспективах синематографа.

Говорил в основном Мишка, я же, как более косноязычный больше молчал:

— Кинематограф, без малейшего сомнения, завоеует сознание людей, — пафосно заявил он, подняв вверх указательный палец. — Он будет диктовать им образ жизни, определять тенденции, вдохновлять людей на подвиги. Сейчас он переживает свое рождение, пытается встать на ноги и на его взросление могут уйти годы. Даже десятки лет. И наша с вами задача встать у его истоков, закрепить в основании и самим определять тенденции будущего развития. Я бы даже сказал, что из всех искусств для нас важнейшим является кино. И это не преувеличение.

Мишка был в ударе. Его несло как Бендера, его было не остановить. Он беззастенчиво украл Ленинскую фразу и не поморщился. Лишь хитро посмотрел на меня. А степенные мужики его слушали не перебивая. Моллер и Мендельсон коптили сигарами, стряхивая пепел в стеклянную пепельницу, а Попов медитативно гонял в пальцах золотой червонец.

— Мы должны создать свою кинокомпанию. Мы будем там снимать фильмы. Да-да, именно те самые фильмы, что вы все уже много раз видели. Но наши с вами фильмы будут радикально отличаться от всего ныне существующего. Ведь в чем сейчас выражается незрелость нынешнего кинематографа? Не знаете? А я скажу вам — нынешние фильмы не вызывают у зрителей эмоций. Настоящих эмоций! Героям не соперничают, за них не боятся, им не хочется помочь или как-то подсказать. Они слишком блеклые, невзрачные, роли их, по сути, проходные и незапоминающиеся. Вот скажите мне, почему люди любят ходить в театры? А? Сергей Сергеич?

Попов отвлекся от своего червонца, качнул задумчиво головой.

— И почему? — меланхолично спросил он, не найдя подходящего ответа.

— А потому что там актеры ЖИВЫЕ! Мы их любим или ненавидим, уважаем или презираем, да влюбляемся, наконец! Мы им сопереживаем! А потом, после спектакля, мы хотим встретиться с актрисами за кулисами и выразить им свое восхищение, и, может быть, познакомиться чуть поближе. И вот именно такой реакции от зрителей наших фильмов мы будем ожидать. Мы покажем им историю, мы дадим им страсть! И мы знаем, как это сделать. Вернее наш главный оператор знает, как влюбить нашего зрителя.

Ну, это Мишка конечно загнул. Такого рецепта я не знал. Но, даже на мой скромный взгляд дилетанта, я видел чего не хватало современным киношкам. И на первом месте в целом списке необходимых изменений стоял грамотный и цельный сценарий. Такой, чтобы и герои там были настоящими героями и негодяи оказывались негодьями. А главное — история, которой люди будут сопереживать. Поэтому, моя самая большая головная боль на сегодняшнем этапе это придумать и написать сценарий.

— Но! — снова обратил на себя внимание Мишка и опять поднял вверх указательный палец и назидательно потряс им. — Но, мы, снимая замечательные фильмы, не должны забывать, что все-таки наша главная цель это донести до зрителя идею, что больше нельзя жить по-дедовски. Нельзя больше цепляться за старые устои и привычки и пытаться выжить с прежним складом ума. Мир стремительно меняется и нам вместе с ним необходимо поменяться. Надо показать людям, что необходимо жить по-другому, не так как раньше....

И в этот момент наивысшего прокламаторского экстаза, перебивая вдохновенного оратора, возмутился наш банкир. Он встрепенулся, отнял от губ сигару и удивленно посмотрел на Мишку.

— Простите, Михаил Дмитриевич, я вас правильно понял? Вы хотите склонить людей к революции?

— Да что вы говорите?! — отмахнулся Мишка от дурной идеи как от чего-то мерзкого. — Никаких революций я устраивать не желаю, потому что это дело очень и очень кровавое. Нет, дорогой Андрей Григорьевич, я говорил о другом. Я говорил об изменениях в подходах к жизни в целом и в частности к организации труда. Вот сравните наше предприятие с любым другим. Ну, хотя бы тем же Путиловским. Что вы мне ответите на вопрос — где лучше рабочему, там или же у нас?

На это Моллер только развел руками. Вопрос был риторическим, не требующим ответа. Конечно же у нас. У нас и рабочий день короче, и почасовая со сделкой выше и даже на уровне бытовых условий мы с легкостью переплывали любые ведущие предприятия России. И это если еще не брать в расчет и набирающее обороты профсоюзное течение с их кассой взаимопомощи и добровольное страхование жизни и здоровья. Плюс ко всему этому мы всерьез подумывали о строительстве удобного общежития под Новгородом. Там с весны следующего года начнется постройка завода по производству карболита, а рабочих нам размещать было просто негде. Сам город был слишком мал и не мог предоставить всем пришлым съемные квартиры.

— Так вот о чем я вам говорю, — вдохновенно продолжил Мишка. — Снимая наши фильмы, мы будем показывать помимо захватывающей истории еще и новый образ жизни. Мы покажем, что можно работать в человеческих условиях, когда хозяин над тобой не царь и бог, а простой работодатель, который обеспечивает достойными условиями труда. Мы покажем наш профсоюз, как он работает и каких целей добивается. А еще мы можем таким образом рекламировать свою продукцию. Понимаете? Будет, например, хорошо, если главный герой, борец с негодьями и прочей нечестью будет ездить на нашем мотоцикле,

напяливать на голову наш защитный шлем и кожаная куртка у него будет с нашей молнией. И при этом колотить преступников так, чтобы люди ходили на наши фильмы и сидели с открытыми ртами.

В этот момент подал голос Мендельсон:

— Мне кажется, я знаю, кого вы хотите сосватать в главные актеры. Уж не Серафима ли вашего?

— Его, Яков, именно его. Он прекрасно подходит для этой роли. А что? Красавец парень, девки на него заглядываются. Фигура как у Апполона, а ногами машет так, что, я думаю, что он и Валентина нашего уложит.

— Ну-у, это вы уж загнули. Да чтобы он да смог начистить рожу Пузе? — как один хором воскликнули мужики и засмеялись. Репутация первого драчуна в Автово у Валентина Пузеева так и не проходила. Он хоть и бросил пить..., ну, по крайней мере, у него почти не оставалось на это времени, но он не упускал возможности почесать кулаки об заезжую наглую морду. А порою бывало, что он и сам искал этой драки. И всегда выходил победителем. А когда на следующий день после драки приходил на работу, то все уже были к курсе произошедшего и старались вызнать у него малейшие подробности.

— Сможет, — уверенно заявил Мишка и повернул голову ко мне. — Вась, ну-ка ты скажи авторитетно. Кто кого?

Я пожал плечами. Исход гипотетической драки мог быть абсолютно любым. Я б не поставил все свои деньги ни на одного из них. Валентин знатный драчун, у него это в генах, да и Серафим не лыком шит — иначе бы он не смог с такой легкостью владеть своей пашкой. Да и приемчики, что я ему показываю, он выпитывает как сухая губка. Сейчас, я думаю, он и меня бы смог уложить в рукопашной.

— Они оба друг друга стоят, — ответил я. — Но Серафим наш и вправду может стать прекрасным актером. У него помимо внешности и харизмы есть несомненный актерский талант. И очень надеюсь, что он сможет себя проявить на киноэкране. Жаль только, что звука еще нет, придется нам извращаться с титрами и тапером. Ну, или на пластинку голос записывать, хотя это будет тот еще геморрой.

— Это почему? — заинтересовался Мишка.

— С синхронностью будут проблемы. Угадать очень сложно, звуки будут или опаздывать или опережать. А еще пленка будет рваться, кадры вырезаться на память и так далее. А дальше сам понимаешь.

— Ну, звук дело наживное, — махнул Мишка рукой. — Обещаю что-нибудь придумать в этом направлении. Кажется, я даже знаю, что можно будет сделать.

Мне казалось, что Мишкин деклораторский настрой сбили и он выдохся, но нет, выдержав паузу и собравшись с мыслями, он вдохновенно продолжил:

— А вот возьмите-ка вы наших крестьян. Мы просто обязаны будем в наших фильмах затронуть их быт и уклад и наглядно показать всю их убогость или даже глупость, если хотите. Наши русофилы прославляют нашего деревенского мужика, делают из него икону, но на самом деле это не так. Обычный крестьянин это забитый, замученный бытом и налогами мужик, находящийся в крайне бедности, которому необходимо заботиться о хлебе насущном. Каково им живется на деревне, вы знаете? Мы, городские люди, порою даже не подозреваем того с чем им приходится сталкиваться. Все же знают чересполосицу? Все! И, думаю, все вы понимаете какое это зло. Община в нынешнем состоянии напоминает мне рахитичного ребенка, который вроде бы и влачит свое существование, но с каждым днем ему становится

все хуже и хуже. В общем-то, идея общины хороша тем, что позволяет людям выживать сообща, но вот реализация ее, увы, очень далека от идеала. Да, я со многими из вас согласен, что в плохие года она помогает выживать, но беда в том, что она же и не дает крестьянам развиваться. Жуткая чересполосица! Кошмарная. Вместо того чтобы разделить землю по уму, нарезать едиными кусками каждому двору... Или же обрабатываться совместно, так сказать вести коллективное хозяйство.... Вместо этого земля кромсается и кромсается. Делится на все более мелкие кусочки и крестьяне, вместо того чтобы заниматься обработкой земли только и делают что бегают между своими делянками и пытаются кое-как ее обработать. А еще знаете что? Я вам сейчас такую крамольную вещь сообщу, что вы меня проклянете и растопчете, но.... Я сам об этом только недавно додумался, когда с людьми поговорил. Так вот, еще одна беда общин это многочисленность семей! Очень уж много у семейных пар детей и всех их надо кормить.

И он замолчал, ожидая праведного гнева. И он не заставил себя ждать. Всех троих до глубины души возмутили Мишкины слова. Мендельсон покраснел, Попов замер с открытым ртом, а Моллер вскочил и, негодуяюще взмахнув руками, воскликнул:

— Да что вы такое говорите! Да как же вы можете!

— Могу, Андрей Григорьевич, могу, — твердо ответил Мишка и посмотрел на меня. Я, честно признаться, тоже не ожидал такого поворота и потому смотрел на друга более чем удивленно.

— Это вы что же предлагаете крестьянским бабам меньше рожать? Да у них же так принято, у них так заведено с давних времен. Вся деревня только на детях и держится. Да и как вы предлагаете это сделать? Отбирать у баб младенцев или же оскотить мужиков? А на вилы за такие слова не желаете сходить?

Мишка успокаивающе поднял руки. Дождался спада гневного возбуждения и, усаживая Моллера на свое место, продолжил:

— Я вас понимаю, это звучит кошунственно. Но послушайте меня дальше и вы все поймете. Мне самому нелегко далось осознание данного факта, но все же. Вот скажите мне, сколько детей принято иметь в городских семьях? Два, три, реже четыре. А сколько в деревнях? Я встречал семьи с десятью детьми, с двенадцатью. А у казаков насколько большие семьи вы знаете? Нет? А у них, между прочим, чаще всего по три ребенка и редко когда бывает больше. Хотя вроде бы тоже с земли живут и за животинкой также ухаживают. А знаете, почему такая разница? Ни за что не догадаетесь.

Все молчали. У них не было предположений. Только Мендельсон, негромко высказался:

— Крестьянам дети нужны для обработки земли?

— А казакам тогда почему не нужны? — мгновенно парировал Мишка. — Нет, дело в другом, дорогой Яков. Тут вся загвоздка как раз в способе распределения земли в общинах. Чем больше у тебя едоков, тем на больший кусок ты можешь претендовать и вот, тебе уже нарезают дополнительный кусочек земли от надела соседа. А сосед не дурак, на будущий год рождает своего едока и земля опять делится. И так с каждым разом. И это замкнутый круг. И вместо того чтобы просто работать на земле и кормить себя, жену и троих детей, крестьянин ездит по своим полоскам и корячится на них чтобы прокормить десяток своих отпрысков. А в итоге получается, что и сил он прилагает больше, а на рот выходит меньше. Парадокс.

Мужики молчали. Молчал и я. На самом деле, о таком я даже не задумывался. Да, знал, что у крестьян многочисленные семьи, знал о проблеме чересполосицы, но о причинах даже

не приходило в голову подумать. Хотя и смертность детская была высокая, а все равно детей у крестьян было очень много. Чем очень гордились горожане-русофилы, в жизни не бывавшие в настоящей деревне. Вот мол, человек русский — вопреки всему размножается, не берет его ни голод, ни мор, ни другие трудности — заселяет земли необъятные. Плодится и размножается.

— И что же вы предлагаете? Покончить с общиной? А что же вместо нее?

Мишка отмахнулся.

— Я ничего пока не предлагаю. Нам сейчас не с руки заниматься общиной, да и время для этого пока не пришло. Оставим эту проблему на будущее, когда после пятого года..., - тут он вовремя запнулся. Едва в порыве не проболтался. Испуганно поглядел на меня, на слушателей. Я неодобрительно качнул головой, а мужики, переглянувшись, сделали вид что не заметили, только Попов понимающе улыбнулся Мишке. Чувствую, что чуть погодя он пристанет к нам с вопросом о пятом годе. Будет нас пытаться и визнавать. Удовлетворившись тем, что все сделали вид будто ничего не произошло, он продолжил. — Так вот, возвращаясь к нашим баранам, то есть к крестьянам и чересполосице. Весь разговор я затеял для того, чтобы донести до вас мысль, что через наши фильмы мы можем менять мировоззрение людей. Даже тех же самых крестьян. Как донести до них мысль, что бесконечно резать землю это большой вред. Даже навскидку я могу уверенно сказать, что обрабатывать землю единым куском куда как выгоднее чем кусочками. А что делает безлошадный крестьянин для того чтобы вспахать и засеять свою десятину? Правильно, идет к тому, у кого эта лошадь есть. А тот за это требует отработку или берет будущим урожаем. То есть поступает как настоящий кулак или как сами крестьяне называют таких — мироед. По моему мнению, вроде и хорошим делом кулак занимается и себе прибыль делает и людям с голоду не дает умереть, а все же плохо выходит. Он первый враг для безлошадного мужика. В случае чего голодный мужик пойдет к кулаку первому морду бить. Так вот, к чему я веду разговор. В наших фильмах мы должны и просто обязаны показывать, что землю можно обрабатывать другим способом. Не чахлой лошадкой, распахивая свой маленький кусочек и отдавая часть урожая кулаку, а..., - он обвел присутствующих взглядом.

— А? — не выдержал Моллер.

— А техникой. Тракторами. Вы знаете, что это такое, нет? Хорошо. Куда как лучше будет крестьянам на общинном сходе решиться на обработку всех их земель трактором. Это и быстрее и качественнее, да и если прикинуть, то, наверное, даже получится что и дешевле. Если поделить услуги вспашки на всех, то не так уж и дорого должно выходить. Всяко лучше, чем потом отрабатывать кулаку. Так вот, еще раз возвращаясь к нашим фильмам. Нам с вами надо бы придумать, как лучше всего это организовать. Убедительно показать общинам, что для них же лучше будет, если они будут применять прогрессивные методы обработки земли. Например, для банального трехполья известного с древности, в деревнях земли просто не хватает. Все поделили по кусочкам и никто о том чтобы оставить землю под пары и думать не хотят. А все потому что мало ее получается на один рот. И выходит замкнутый круг. А нам надо придумать жизнеспособную схему работы на земле и показать ее на экране. Что думаете?

Они молчали. Мендельсон тот вообще пожал плечами и недоуменно сказал:

— Михаил Дмитриевич, а мне кажется, вы не к тем людям обращаетесь. Мы что? Мы не занимаемся крестьянским делом, и нам просто неведомо, что людей может привлечь. Трактора дело хорошее, но, вы уж меня извините, крестьян это не привлечет. Дорого для них

будет, даже если в аренду им сдавать. Они, конечно, подивятся увиденному, поговорят меж собою, но останется все по-старому. Вы бы лучше к помещикам обратились. У них и земля есть и деньги, а желание, я думаю, появится. Не у всех, конечно же, но хоть у кого-то.

— Точно, помещики! — даже удивился Мишка. — А я как-то про них и забыл.... Те, что не сидят в долгах по уши, наверное, и вправду заинтересуются. Надо бы только им все грамотно преподнести.

— Вот-вот, — закивал Мендельсон, желая отвязаться от неудобной темы. — А вообще, Михаил Дмитриевич, пока наш государь сам не обратит внимание на эту проблему — все без толку. Только он один и может ее решить. Только его велением может быть изменена община и никак иначе.

— Да знаю я, — с кислой рожей ответил Мишка. — Но не решит наш император ничего, не сможет. Советники у него не семи пядей во лбу, не знают они проблемы. А если и знают, то доносят до Николая под другим соусом. Так что, хочешь не хочешь, а надо бы нам самим людей наставлять на путь истинный. Будем показывать им как правильно на земле работать, по-научному, глядишь кто-то из них и клюнет. Убедит свою общину, да и попробуют они так поработать. Будет успешный пример — мы об этом расскажем. Снимем отдельный короткий фильм и будем показывать перед сеансом. Ну, ты понимаешь, Вась, как это сделать, да? — обратился он ко мне устало. Я понимал, коротенькая документалка под нужным соусом перед фильмом будет очень хорошим вариантом. Ведь недаром в советское время так и прививали нужное мышление.

Кажется Мишка выдохся. Он обвел мужиков взглядом, ища поддержки, но не находил ее. И тут, решительно мотнув головой, возразил Мендельсон.

— Нет, Михаил Дмитриевич, это плохая идея. Она очень дорогая и, если уж вы решили за нее взяться, то могу уверенно предположить, что она себя не окупит. Крестьяне не будут рисковать и работать по-вашему. Они скорее по старинке, по-дедовски. Так надежнее. Да и денег на трактора надо немалые, где ж они их возьмут?

— Да нет же, — резко махнул рукой Мишка. — Вы меня не понимаете! Я не предлагаю ввязываться в это дело, я предлагаю просто показать! Визуально оформить идею и обыграть ее в фильме. Родить ее и показать людям. А там пусть сами решают, надо это им или нет. Я же просто прошу у вас придумать саму идею! И ничего более.

Мишка был убедителен. Хотя, я скорее полагаю, что свою роль сыграло начальственное положение. И мужики, натужно скрипя мозгами, включились в обсуждение. Ни шатко, ни валко было обдуманно несколько идей, но все они в итоге упирались в стену крайней бедности самих крестьян, в их систему общины и в собственные скудные знания в этом вопросе. Минут через двадцать крайне непростого обсуждения Мендельсон в горячке воскликнул, указывая трясущимся пальцем на мою персону:

— А чего мы тут мозги ломаем? Вона, у Василь Иваныча тесть прямиком из самых чтс ни на есть настоящих крестьян в люди выбился. Пускай он и у него и спросит что им надо! В конце-то концов, чего мы тут мучаемся?!

И все хором посмотрели на меня.

— А и вправду, — задумчиво протянул Мишка. — Может, ты поговоришь с ним, а?

Я обвел взглядом мужиков. Разгоряченные мозговым штурмом, возбужденные и слегка усталые. Обсуждаемая тема оказалась настолько не из их области, что каждый желал как можно скорее от нее отделаться. Мендельсон так тот вообще смотрел на меня с надеждой.

— Ну, ладно, поговорю, — пообещал я, пожав плечами. — Делов-то.... А вообще тебе

Мишка, надо бы обратиться в какой-нибудь университет, что занимается этим вопросом. У тебя язык подвешенный, ты с ними быстро сговоришься. Да и подскажут тебе там по-настоящему дельное, не то, что мы.

Мишка, почесав бритую щеку, согласился со мной:

— А что, тоже дело. Так даже лучше будет. Наверное..., - и поморщившись от морозного воздуха, выдохнул. — Ладно, думаю, что мы все уже обсудили. Предлагаю пойти в дом, а то что-то холодновато стало. Там наши женщины уже, наверное, нас заждались....

И мужики, облегченно выдохнув и повеселев, поднялись. Раскуренные сигары нашли свой последний приют в пепельнице, а золотой червонец, что гонял меж пальцев наш генеральный, утонул в бездонном кармане шубы. Хлопнув весело в ладоши, Яков вышел из беседки и первым пошел к дому, утягивая за собой остальных. Мы же с Мишкой, чуть задержались, подождали, когда святая троица отойдет подальше. И только тогда Мишка огорченно сказал мне:

— Блин, чуть не сболтнул. Случайно вышло. Хорошо, что никто не заметил.

Я, хлопнув его по плечу, сказал:

— На самом деле твою оговорку заметили все, только вида не подали.

— Вот как? — сокрушенно спросил Мишка. — А я-то думал.... Черт!

— М-да, неаккуратно получилось. Я еще удивляюсь, как Попов нас все еще не раскрыл. Хотя..., скорее всего он уже давно все понял, только пока сам не верит в свою версию. И только ждет подтверждений. И я не знаю, что случится, когда он их получит. Но рано или поздно это произойдет. И тогда нам надо быть готовыми.

— Думаешь? — с сомнением спросил Мишка.

— Почти уверен, — ответил я. — Он уже спрашивал у меня о нашей невероятной прозорливости. Я тогда ему что-то соврал, отшутился и он от меня отстал. Но, чувствую, ненадолго. Так что ты, Миха, поаккуратнее со словами, не ровен час припрет он нас к стенке. Как бы ни пришлось раскрываться.

Мишка расстроился. Это было видно — поджал недовольно губы, задумчиво склонил голову. Сделал шаг в сторону дома и, вдруг решив что-то для себя, задумчиво сказал:

— Нам с тобой надо еще раз обдумать нашу легенду. Она у нас ни к черту....

Потихоньку минули Рождество и Новый, тысяча девятьсот второй год. Празднования прошли без происшествий, мы особо не чудили и потому в газетах о нас не написали. Ну и ладно, восполняя этот пробел, я сам о себе напомнил общественности — выкатил очередную статью от Жириновского, где он предсказывал будущую неудачную войну с Японией. Поныл в газете я знатно, раскритиковал нашу едва ворочающуюся бюрократию, крайне плохую подготовленность армии и флота к конфликту и никуда не годное шапкозакидательское настроение широчайших масс. От самого последнего дворника, до Императора только и твердили, что Япония с Российской Империей тягаться не в силах — только пупок надорвет. И почти все сравнивали военную мощь японцев с необразованными африканцами, бегающими по саваннам и джунглям с луком и стрелами. Понятно, что после моей статьи появилось с десятков гневных мелких публикаций, в которых Владимира Вольфовича обвиняли в непатриотичности, трусости и вообще в предательстве. Маринка, правившая до этого мои рукописи, после прочтения подобных крикунов-патриотов, долго на них ругалась и метала гневные молнии и отчего-то жалела меня. Видимо думала, что я впаду из-за этих недалёковидных идиотов в глубокую депрессию. Глупая, знала бы чего я добиваюсь, чего хочу от общества, то не жалела бы меня, а совсем наоборот, посмеялась бы вместе со мною над близорукостью газетных писак. И помогла бы мне составлять язвительные статьи, обличающие нашу неповоротливость. А вообще, если говорить честно, она не очень-то разделяла мои мысли по поводу предстоящей войны, не верила в наше поражение и даже пыталась со мною спорить, но, увидев мое непреклонное убеждение, отступила и как настоящая супруга приняла мою сторону. И пусть она со мною не во всем согласна, и часто по вечерам со мною спорила, но для посторонних людей она была моим надёжным тылом, который всегда меня прикроет. Настоящая жена!

Через несколько дней после язвительной публикации от Жириновского, я заказал на первой полосе известной газеты большую рекламную статью о нашей новой продукции и шикарнейшую фотографию, где я величаво восседал на нашем детище, которым мы все очень гордились — настоящем мотоцикле. Сделано было все по классике — низкий центр тяжести, удобная прямая посадка как у чопперов, двухцилиндровый движок и двухскоростная коробка передач под рамой. А еще масса блестящего хрома, круглая электрическая фара, газовые амортизаторы, дисковые тормоза и по-настоящему мотоциклетные колеса, широкие, с глубоким протектором. Чего нам это стоило, каких нервов, лучше не пересказывать. Попов устроил немало головомоек ответственному за это направление человеку, всю кровь у него выпил. А тот, в свою очередь, нещадно атаковал завод Фрейзингеров, требуя с них изделия с нужными характеристиками. Вроде сделали как мы хотели, не сразу, конечно, несколько вариантов мы с Мишкой забраковали, но все же... Зато теперь на этих катках наш мотоцикл выглядел завершенным. Все было на своем месте, любо-дорого посмотреть. Очень долго мы решали как быть с тормозами. Те, что имелись сегодня на рынке, нам с Мишкой категорически не нравились — слишком уж примитивные они были и для нашей техники они не очень-то подходили. И потому пришлось изобретать свои, дисковые. Схему придумали безгидравлическую, на тросике, а в качестве тормозных колодок использовали... карболит. Вот уж удивительно. Я и не подозревал, что он, запеченный с небольшим количеством мелкого абразивного вещества, будет прекрасно

работать в нашей тормозной системе. Настолько прекрасно, что мы, раскатывая наш мотоцикл, несколько раз с него падали, не ожидая резких клевков при остановке. Пришлось потом настраивать тормоза, доводить их до ума.

Зато теперь, красуясь со страницы газеты, мы толкали рынку свой новый, самый совершенный мотоцикл в мире под брендом «Руслан». Мы долго гадали над названием, перебрали множество вариантов, и хотели было содрать название из нашего будущего, но нам вовремя подсказал кто-то из рабочих. И это название нам понравилось. А что, звучит вполне по-русски и патриотично. Все были довольны этим названием, да только Мишка, призадумавшись, выдал новую идею — для зарубежных покупателей писать название марки не на кириллице, которую в мире почти никто не знает, а на латинице и в конце подставить заглавную букву «D». И удивительным образом получалось новое звучание марки — «RuslanD», в котором англоязычный покупатель будет находить новый смысл. Мы и эмблему для нашего мотоцикла придумали — суровую голову медведя, который символизирует нашу страну.

Сейчас «Руслан» стоит в одном из магазинов Петербурга и, сверкая под направленными лучами прожекторов, привлекает внимание состоятельных покупателей. Мотоцикл получился не дешевым. Слишком уж много ноу-хау, слишком уж много пришлось изобретать и внедрять в единичном экземпляре. И он пока не продается, настоящий пуск производства назначен на май месяц. Но мы собираем предварительные заявки. За две недели нашлось два покупателя, что внесли авансом треть от заявленной стоимости мотоцикла. Согласен, не очень хорошее начало, но мы и не планировали сразу же сорвать куш. Не для этого предназначался «Руслан». Он был нам нужен для отработки технологий и привлечения внимания общественности к нашему новому продукту. Ведь другой наш мотоцикл уже выпускавшийся мелкой партией уже нашел своего клиента. «Урал» — младший родственник «Руслана», собран по более привычным технологиям и стоил ровно в два раза дешевле. Те же тормоза здесь были классическими, шины существенно уже и потому намного дешевле, фара самая простая, а вместо газовых амортизаторов стояли мягкие рессоры. За доплату шла пассажирская коляска, которая могла быть использована и для перевозки мелких грузов. Только комплект двигатель-коробка у обоих мотоциклов были идентичны. И вот он, несмотря на зиму, раскупался без особых проблем. В сутки мы выпускали пока по одному «Уралу» и он не задерживался на складе. День-два и торгаши их выкупали. Тот же самый Савва, мой неприятный родственник, говорил, что мотоцикл продается очень хорошо, редко когда он застаивается на неделю и потому слезно просил увеличить поставки. И это не смотря на зиму — сезон противопоказанный для двухколесной техники.

А все начиналось с велосипедов. За весеннее-летне-осенний период наша компания собрала и продала их почти две тысячи штук. Несколько модификаций — мужской, дамский, подростковый и детских пару моделей. Удивительным образом хорошо пошел детский велосипед и особенно его самый мелкий вариант, трехколесный. Конструкция у него была предельно простая, в изготовлении он оказался примитивен и дешев, а торговую наценку мы положили самую минимальную. И модель пошла, любящие родители не забывали прикупить своим драгоценным чадам на именины наш небольшой велосипедик. Ну и часто так бывало, что следом приобретался и вариант повзрослее, для старшего отпрыска. Под велосипедное производство мы определили пристройку к основному цеху, ту, где раньше собирались Мишкины замки, и сейчас там трудилось несколько десятков человек. Закупили множество станков и сварочников, обучили людей, и они добросовестно

включивали, принося нам неплохую прибыль. Все было замечательно, кроме одного «но». Мы уперлись в дефицит электроэнергии. Наши паровые генераторы едва справлялись с нагрузкой, работали едва ли не круглосуточно. В связи с увеличением потребления пришлось распределять энергию чуть ли не по ватту. Сварные работы раскидали по вечерним и ночным сменам, снижая таким образом нагрузку на оборудование. И мы с Мишкой, стискивая зубы, тревожно ожидали, когда же произойдет первая поломка. Пока все обходилось, мы продолжали работать в прежнем темпе, но это не могло продлиться долго. Скоро что-то сломается. Обязательно. Нельзя сказать что мы сидели сложа руки. Попов вел активные переговоры с Сименсом, уговаривая их ускорить прокладку кабелей, но там все было очень не просто. Слишком уж далеко тянуть приходилось, а это значительные расходы. И потому нам пришлось потратиться еще на пару генераторов и сейчас они должны изготавливаться где-то в Германии. А это тоже деньги и немалые. И вот, когда наши спецы подсчитывают все расходы и ты видишь реальную стоимость одного киловатта, поневоле задумываешься, а не построить ли собственную электростанцию? С нашими-то темпами развития это казалось не такой уж и дурной идеей. Да, будет дорого и очень, но зато мы создадим себе задел на десятки лет. Но чтобы это воплотить в жизнь надо будет сначала переговорить с Мишкой, хотя я уверен, что он меня поддержит, да еще найти деньги. Мне даже жалко нашего главного банкира, за последний год он сильно похудел, щеки сдулись, а в глазах поселилась вечная усталость. За нашу ненасытность он, не стесняясь, обзывал нас кровопийцами и часто, когда мы появлялись у него в кабинете, хмуро шутил, спрашивая: «а может вы просто мою кровь выпьете и отстанете, а?». Так вот, развивая идею с электростанцией.... Все необходимое оборудование можно купить без проблем в той же Британии или Германии. Только заикнись, и тебе все привезут на блюдечке с голубой каемочкой, установят и подключат. Только плати. Мощность будет мегаватт на десять, а генератор будет приводиться в движение паром через поршня. Как в паровозе. А ведь я точно знаю, что это технология в будущем умрет, и в качестве движителя будет выступать паровая турбина. Даже сейчас, вроде бы, они где-то используются, принося серьезное облегчение. Может быть, даже и в электростанциях, но я в этом не уверен. По случаю надо бы прощупать это направление, поискать производителей. У турбины и КПД значительно выше и в обслуживании гораздо проще, да и с надежностью получше. Только вот боюсь, что если вдруг окажется, что подобные технологии в нынешнее время в электростанциях не применяются, то придется нам самим все делать. Но чтобы сообразить, как грамотно ее построить, нам придется искать специалистов и выделять очень серьезные деньги на исследования. Те же самые подшипники, например.... Я не совсем уверен, что туда подойдут обычные подшипники качения, там нагрузки очень велики. Скорее всего, придется внедрять подшипники скольжения, то есть такие, чтобы опорные точки турбины скользили на тонком слое масла, нагнетаемого высоким давлением. Наверняка там еще есть много проблем, о которых я даже не подозреваю, но, даже из-за тех, что я знаю, у меня начинается приступы страха. За столько всего придется ухватиться, что боюсь, как бы не получилось в одной известной поговорке про двух зайцев. Но заглядывая в будущее, я отдаю себе отчет, что без собственной электростанции нам не обойтись, а значит нам придется напрягаться. Было бы хорошо, если я ошибаюсь — тогда я с радостью спихну с себя эту заботу. Дешевле другим заплатить, чем самому этим заниматься.

— Василь Иванович, а что потом вы будете с этим делать? — спросил меня рабочий, что

перетаскивал на своем горбу трубу будущего миномета.

Я усмехнулся, посмотрел на бородатого мужика и ответил не слишком дружелюбно:

— А тебе не все ли равно?

— Да в общем-то все равно, — пожал он плечами и перехватив трубу поудобнее, добавил. — Слухи ходят по заводу, что вы новую пушку делаете. Вот я и спросил.

— Вот как? — удивился я. — Это ж откуда такие слухи появились? Кто болтает?

— Дык, все, почитай. Все говорят, что вы армейским хотите что-то новое предложить. Это оно, конечно правильно.... Только вот, Василь Иваныч, хотите совета? Честно-честно, хорошего совета, у меня брат в армии служил артиллеристом.

Мы шли по цеху НИОКРа вдвоем. Я, минуту назад поймав его за каким-то не слишком важным делом, попросил перенести прообраз будущего миномета в другое место. Мог бы и сам, конечно, но слишком уж грязная штука оказалась, а я весь в чистом. Да и не солидно это....

— Артиллеристом, говоришь? — усмехнулся я и, указав ладонью новое направление движения, подсказал, — В ту дверь занеси..., - а когда зашли и он положил трубу миномета на стеллаж рядом с другими изделиями, осмотрел его внимательно. Мужику было под сорок лет, с аккуратной бородой с небольшой проседью и морщинистыми, внимательными глазами. Левая бровь когда-то раньше была разбита и неаккуратно заштопана, и теперь она ломаной линией рисовала что-то наподобие вечно застывшей молнии. А ладони у мужика как лопаты, широкие и жесткие. И мозоли такие, что об них можно папиросы тушить — не почувствует. Рабочего мой осмотр не смутил, он стоял прямо, ждал. — Ну что ж, давай свой совет, — разрешил я, и мужик, побряхтев для солидности и огладив бороду ладонью, деловито начал:

— Так вот, Василь Иваныч, мой брат долго в артиллерии служил. Я ему как-то рассказал, что вы тут мастерите, а он мне и говорит, что у вас странная пушка получается. Неправильная. Ствол слишком короткий и тонкий, а казенника с затвором вообще нет. Как вы снаряды будете совать? И с лафетом вы, что будете делать?

Я кивнул согласно, сдерживая саркастическую улыбку и подтверждая его слова и этим сбивая с толку.

— Ну и? Это я и сам знаю прекрасно. А совет-то какой будет?

Тот крикнул немного растерянно, не ожидал, что я так легко соглашусь с его разгромными выводами.

— А вот такой совет, Василь Иваныч. Вам бы моего брата позвать, он вам поможет в этом деле. Вы же неправильно все делаете, стрелять эта пушка будет незнамо как, а ствол у вас взорвется, только людей погубите. Только одни проблемы от нее будут.

Я молчал и смотрел на него сверху вниз. С легкой ухмылкой, даже немного снисходительно.

— Тебя как зовут-то? — с насмешливым прищуром спросил я, опять сбивая мужика с толку.

— Петр я, Кузнецов, — ответил он немного растерянно.

— А брата твоего?

— Федором кличут.

— А в артиллерии кем он служил. Что кончал?

— Дык, при пушке он был, снаряды подносил. Я же говорю, вам бы у него посоветоваться, у него опыта много. И он говорит, что не будет ваша пушка стрелять.

Разорвет ее к чертовой матери после первого же выстрела.

Я кивнул согласно.

— Разорвет, это точно, — подтвердил я его слова, но не стал вдаваться в объяснения. Не его это уровень компетенции, да и вообще.... Кто это у нас такой болтливый оказался, а? Об оружии будущего знало от силы человек пять и то только самая верхушка. Те же, кто пониже в должности знали лишь часть необходимого. Труба вот, изготовленная.... Как по ней можно понять, для чего она предназначена? Да и как по ней можно что-то понять, если это на самом деле простая труба заглушенная с одного конца? Попробуй, разгляди там внутри ударник. Кто ж у нас болтун такой?

— Послушай, Петр, а что по поводу этой пушки народ говорит? — обратился я к рабочему, который немного растерянный стоял и ожидал моих дальнейших слов. — Откуда вообще слухи эти пошли?

На что он лишь пожал плечами.

— Да разве ж это секрет? Все знают, что вы японцам по сусалам надавать хотите, вот и придумываете свою пушку, чтобы, значит, сподручнее было. Оно дело, конечно, правильное, но уже больно неграмотно все сделано. Разорвет ствол, ей богу разорвет. Беда будет.

— Гм, значит не секрет.... И что, действительно все думают, что я с японцами воевать собираюсь? Прямо так и говорят?

— Ну, не так, конечно, — поправился мужик. — Но говорят, что вы японцев отчего-то сильно невзлюбили, вот и придумываете всякие штуки, чтобы им сподручнее было кишки выпускать.

— Какие еще штуки? О чем еще говорят?

На этот вопрос Петр лишь пожал плечами.

— Не знаю, но все говорят. Но вы не волнуйтесь, Василь Иваныч, мы все с вами. Мы не проболтаемся.

— Угу, — угрюмо промычал я, кивком отправляя рабочего вон из комнаты. — Не проболтаются они, как же....

Кто ж это такой у нас болтливый оказался? Я оперся руками на стол, невидяще уставился на будущий миномет и погрузился в раздумье. Перебрал в уме всех, кто так или иначе касался этой темы, всех передумал и никого не вычислил. Вроде бы и не мог никто проболтаться, всех я серьезно предупредил и все прониклись ситуацией, а все же. Попов не мог, он как никто понимал всю глубину ситуации, директор, что заведовал цехом НИОКРА тоже. Инженеры, что вычерчивали трубу и мины.... Гм, может быть, но мне не очень в это верится. Скорее всего, тут виновата сама обстановка. Слишком уж много проектов собралось под одной крышей. Тут у нас и химики, тут же и электрики, станки для своих нужд мы тоже тут придумываем и воплощаем в жизнь и тут же мы занялись разработкой оружия. Слишком уж много народа варится в одном котле, а дураков здесь нет. Достаточно одной случайно оброненной фразы и народ сам уже все додумывает. Видимо так было и в этот раз, кто-то где-то случайно обмолвился, где-то случайно подсмотрели и вот, родилась правильная версия об артиллерии. Да и я хорош, вместо того чтобы сделать все правильно и позвать кого-то кто был причастен к производству миномета, попросил первого встречного перенести образец. Надо бы вывести производство наших смертоносных изделий в другое, более уединенное место.

С производством опытного образца миномета все шло хорошо. Благо ничего сложного нет. По моим знаниям инженеры довольно быстро организовали мне несколько образцов

разного калибра, придумали удобные треноги и... попробовали сделать приемлемые прицельные приспособления. Но с этим у них получился небольшой затык. Для того чтобы знать на какую длину пойдет мина при определенном угле возвышения надо было знать массу самой мины и мощность вышибного заряда. А с этим у нас пока проблемы. Взрывчатка попросту не продавалась. То есть нельзя было просто придти в «магазин» и купить себе пару фунтов «вон того динамита чтобы рыбу глушить». Это не патроны и не пистолеты, что в данное время продавались совершенно свободно. Здесь все серьезнее. Бесконтрольного обращения взрывчатых веществ в данное время не существовало, иначе у бомбистов и разного рода радикалов не было бы никаких стеснений. А значит, приобретать мелинит для наших нужд придется у армейцев. Мендельсон с Поповым сейчас отработывают эту тему, ведут переговоры. Они пытаются заинтересовать военное министерство нашим новым изобретением и получить разрешение на изготовление опытного образца. Не знаю, как долго им понадобится времени, но, чувствую, что немало. Пока маховик бюрократии сделает нужное количество оборотов, пока новым видом оружия заинтересуются действительно нужные люди.... В общем, надеюсь, у нас получится провести испытательные стрельбы до окончания лета. Но чуть позже, вечером, валяясь на диване и усыпляя Дашку, понял, что перемудрил сам себя. Для пробных стрельб нам взрывчатка не особо-то и нужна. Для вышибного заряда вполне подойдет обычный порох, ну а для массы муляжа можно использовать все что угодно. Например, тот же песок. А это значит, что первые стрельбы можно организовать довольно скоро. Вылить из чугуна корпуса мин, снарядить порохом, добавить до массы песка, подобрать взрыватель и развлекаться, стрелять до полного оупения. А потом, когда у нас появится взрывчатка, организовать стрельбы для военных, попытаться их заинтересовать.

А вообще переводить экспериментальное производство минометов в отдельно стоящее помещение просто необходимо, хотя бы по технике безопасности. Там же будет работа со взрывчаткой, с порохами и не дай бог рванет по недосмотру.... Никогда себе не прощу случайно потерянные человеческие жизни из-за своей лени и наплевательского отношения. Как я потом вдовам и детям в глаза смотреть буду? Что я им скажу?

А что по поводу бюрократических проволочек, то можно сказать, что они в это время тоже были и не мало. Мендельсон, что по моему поручению атаковал министерство по поводу идеи распределения частот, застрял на самом начальном этапе. Он подготовил все необходимые документы, написал прошение и, зарегистрировав его, принялся ждать отклика. Минула осень, почти прошла зима, а ответа до сих пор не пришло. И неизвестно, как там вообще отнеслись к нашей идее. Даже само наше изобретение в области радио пока что никого из армейских и флотских не заинтересовало. Флотские так те вообще были увлечены только искровым передатчиком Попова и ничего другого замечать не желали. И хоть мощность его прибора была невысока, всего-то четырнадцать морских миль, но они и этим были довольны. Изобретателя радио флотские любили — возвели его на пьедестал и любовались профилем. Выделили ему солидные средства на дальнейшее развитие изобретения. А мне было обидно. Мы соорудили такую замечательную технику, способную существенно помочь нашему флоту и армии, а нужные люди ее не замечают. Хорошо хоть в администрации города чиновники оказались чуть расторопнее. Они выдали нам разрешение для нашего вещания, продали нам клочок земли под строительство передающей антенны и помещения для оборудования. И сейчас наш главный электроник под кураторством Мишки колдовал над техникой, повышая ее надежность и дальность. Наши инженеры думают,

как возвести стальную вышку на целых сто пятьдесят метров, рисуют чертежи, рассчитывают нагрузки. Хотели сделать что-то наподобие Эйфелевой башни в уменьшенном варианте, но я решительно заперол их проект. Не практично это, металла уходит очень много, а за красотой мы не гонимся. Существуют варианты гораздо экономнее. Например, вариант с тросами, что удерживают вышку в вертикальном положении и не дают ей упасть, очень хорош. Материала уйдет гораздо меньше, да и самих тросов хоть... гм, много, в общем. Опять же, надо бы прикинуть, возможно ли наш литейный заводик настроить на выпуск профильного проката, уголков различных, балок, швеллеров и прочего. Я пока ничего по этому поводу сказать не могу, не силен в этом деле, но поднапрячь спецов можно. Пусть прикинут, во что нам встанет данная модернизация и вообще стоит ли игра свеч. Или же на будущее присматривать себе новый литейный завод, что потребует минимальной модернизации под мои хотелки.

И еще раз возвращаясь к нашему миномету....

Как вечером, развлекая пухленькую Дашку, играя с ней в козу рогатую и надувая щеки, щекотал ее пузико, я, ни на миг не упуская из головы проблему со взрывчаткой, вдруг подумал: «а при чем здесь, собственно, милениит?». Когда мы его еще сможем достать? Сколько еще времени пройдет неизвестно. А ведь я прекрасно помнил, что уже в Первую Мировую Войну в качестве начинки снарядов будут использовать самый настоящий тротил. А это значит, что где-то приблизительно в наше время он уже должен быть известен. И эта мысль меня настолько поразила, что я вдруг замолчал и застыл на несколько секунд, не отпуская Дашку на пол. Маришка, с умилением наблюдая за нашей игрой, обеспокоенно спросила:

— Чего ты? Что-то случилось?

— Да нет, ничего, — ответил я, когда отвис. Посадил дочку на пол, задал ей направление движения. — Давай, ползи к маме. А я отлучусь, мне позвонить надо.

Я ушел к себе в кабинет. Упал в кресло, пододвинул к себе телефон, поднял трубку. На том конце ответила оператор. Душевным голоском спросила:

— Номер, пожалуйста.

— Барышня, десять пятнадцать, пожалуйста.

Прошла долгая минута, прежде чем мне ответил тот же волшебный голос:

— Номер десять пятнадцать не отвечает. Извините.

— Гм, барышня, тогда давайте одиннадцать семьдесят шесть.

На этом номере мне повезло больше. Ответил заместитель нашего главного химика:

— Слушаю, — прозвучал в трубке сонный голос.

— Иван Ильич? — спросил я.

— Да. С кем имею?

— Рыбалко это, — представился я. — Вы извините, Иван Ильич, что отрываю от отдыха, но есть дело к вам.

— Конечно, конечно, — собрался на том конце провода собеседник. — Слушаю вас, Василий Иванович. Я весь внимании.

— Тут такое дело.... Мельников, насколько я понимаю, еще в отъезде? Да?

— Да, он в Париже. Обещался прибыть обратно не ранее чем через месяц. А вы что-то от него хотели? Может я смогу вам помочь?

— Гм, наверное сможете, — ответил я, собираюсь с мыслями. — Раз уж Мельникова нет.... В общем, Иван Ильич, скажите, вам знакомо название формулы «тринитротолуол»?

Вам ничего это название не говорит?

— Гм, дайте подумать..., - попросил собеседник и я услышал в трубку его задумчивое сопение, негромкое шуршание одежды. Наконец он ответил, — К сожалению, Василий Иванович, я об этой формуле ничего не слышал. А что это такое?

— Что ж, жаль, — сказал я негромко и мой собеседник, услышав разочарование, обнадеживающе продолжил:

— Но я не могу все знать. В последние десятилетия произошло столько поразительных открытий, придумано столько новых веществ, что за этим просто невозможно следить. Ну а раз вы говорите, что такая формула уже есть на свете, то я вам ее найду. Я только прошу вас дать мне время. Но по названию уже понятно, что речь идет о нитрировании толуола.

— Хорошо, Иван Ильич, прошу вас, найдите об этом тринитротолуоле все, что только сможете. Любую информацию, любые упоминания. И сами подумайте, как можно будет его нам получить.

— Да, да, Василий Иванович, я обязательно это сделаю. Но чтобы мне было легче осуществлять поиски, не могли бы вы мне подсказать, из какой области применения происходит это ваше вещество.

— Это взрывчатка. Чрезвычайно мощная и весьма удобная в применении. Поэтому прошу вас, пожалуйста, примените все ваши усилия, подключите всех ваших людей, но попытайтесь найти мне этот тринитротолуол. Я вас очень прошу. Это очень важно.

— Несомненно, Василий Иванович, завтра же с утра мы приложим все усилия, — клятвенно заверил меня заместитель Мельникова и я с удовлетворением положил трубку. Если есть хоть какая-то информация по этому тротилу, то она будет найдена. Я в этом не сомневался.

Через пару суток, под самый вечер ко мне домой явился мой прошлый телефонный собеседник, Иван Ильич. Попросил через прислугу встречи со мной и его проводили в кабинет. Он был впервые у меня дома, все ему было в диковинку, необычно. Мой быт сильно уж отличался от всего, что он когда либо видел. Никаких здесь завитков и вензелей, никакого золота и хрусталя. Никаких памятных фотографий и картин на стенах. Простые однотонные и светлые обои на стенах, широкий стол, удобный стул, телефон от наших электроников, библиотечный шкаф на всю стену и самый простой, но очень качественный и удобный диван с высокой спинкой.

— Проходи, Иван Ильич, присаживайся, — показал я ему на стул. — Есть новости? Нашли что-нибудь?

Химик аккуратно присел на край стула. Мужчина с большим жизненным опытом, скоро пятый десяток разменяет. Его Мельников со своей прошлой службы вытянул, походатайствовал передо мной. Вот он поставил тощий портфель на колени, расстегнул застёжки и, нырнув в него рукой, вытащил на свет божий несколько бумаг. И довольно потряс передо мной.

— Вот она, формула эта, Василий Иванович. Не очень сложно найти оказалось. Оказывается, она давно уже открыта и описана в научных журналах. Да и военные о ней прекрасно знают.

Я взял у него бумаги. Перекинул несколько листов, рассматривая непонятные записи, вернул обратно. Китайская грамота — на несколько листов расписанных химических формул.

— Значит военные в курсе, — проговорил я задумчиво.

— Да. Тринитротолуол известен уже несколько десятилетий и уже лет десять как в Германии им снаряжают снаряды.

— А у нас? — спросил я, хотя и так знал ответ. Мелинитом у нас снаряжают. И не дожидаясь ответа, спросил. — А ты не в курсе, у нас в стране кто-нибудь производит тротил? Те есть этот тринитротолуол?

— Кто знает? — пожал плечами Иван Ильич. — Может и производят.... Неужели вы сами хотите его изготавливать?

Я неопределенно качнул головой:

— Неплохо было б. Но что скажут на это военные и охранка? Мы может и готовы взяться за это дело, но надо делать все по закону. Не дай бог обвинят в помощи бомбистам и всяким эсерам.

На мои слова химик лишь развел руками.

— Ну, это не ко мне. Тут вам Яков Мендельсон в помощь.

— Да это-то понятно — ответил я, делая заметку в блокноте о том, чтобы не забыть завтра обратиться к нашему юристу. — А скажи-ка мне, Иван Ильич, а вы этот тротил сможете изготовить в лабораторных условиях?

— Нет ничего невозможного, — ответил он охотно, видимо ожидая такой поворот. — Только необходимое оборудование прикупить нужно, ингредиенты требуемые. Вот вроде и все. Само получение вашего взрывчатого вещества не такое уж и сложное дело. Необходимо только много азотной и серной кислот.

Я покачал довольно головой.

— А помещения отдельное для ваших лабораторных испытаний требуется? Мы тут присмотрели одно неплохое здание. Стоит на отшибе, можно без проблем соблюдать секретность. Только вот находится оно в другом городе.

— Неужели в Новгороде?

— Да, именно там, — несколько не удивившись догадливости, ответил я. — Так как? Если потребуется, сможете там со своими сотрудниками пожить некоторое время?

— Если действительно необходимо, то конечно, — не задумываясь ответил химик. — А сколько вам нужно этого тринитротолуола? Может мы у себя все быстренько сделаем и все?

Я отрицательно замотал головой.

— Нет, об этом и речи быть не может. Слишком опасно. А не дай бог рванет? Даже один фунт взрывчатки разнесет вашу лабораторию на кусочки, а вокруг люди, — я уж не стал вдаваться в подробности и говорить, что в обращении тротил не слишком-то и опасен. Его можно резать, бить, кидать, жечь, но он не детонирует. Для взрыва необходимо было именно другой взрыв, даже взрыв патронного капсюля, что будет приводить к цепной реакции. — Нет, Иван Ильич, если уж заниматься, то вдали от людей. А что касается количества.... Ну не знаю даже. Думаю, на первые испытания пары пудов хватит. А там посмотрим. И кстати, раз пошла такая пьянка.... А что вы скажете насчет гексогена? Вам это знакомо?

— Неужели тоже взрывчатка? — с хитрым прищуром посмотрел на меня химик.

Я лишь загадочно улыбнулся, не давая никакого определенного ответа. Я не знаю что он обо мне и о моих «озарениях» подумал. Вполне возможно, что он догадался о моем истинном прошлом, но, наблюдая за ним, все же склонился к версии, что вряд ли. Слишком уж фантастично выглядит настоящая история попадания. А поэтому, скорее всего, и сам

Иван Ильич и другие приближенные к нам люди, считали, что мы просто ворует идеи по всему миру, скупаем их направо и налево. И мы с Мишкой, чуть поразмышляв, решили, что пусть эта версия и будет основной для всех людей. А чтобы укрепить их в их предположении мы иногда разыгрывали спектакли — просили иногда Попова с Мендельсоном осуществлять некоторые заграничные платежи, а спустя некоторое время получали пухлые письма и бандероли. Понятно, что все было организовано через подставных лиц. Мишка потратился, еще раз сгонял за границу и нанял одного человека, чтобы он отослал нам несколько «подозрительных» писем с разных концов Европы. Причем, получив письма, Мишка позволил «случайно» нескольким людям взглянуть на адресат отправителя, но ничего при этом не объяснив. А на утро, срочно созвав совещание, потребовал направить исследования в новом направлении. И таким образом, он утвердил у людей версию о том, что мы, то ли ворует, то ли покупаем более или менее перспективные идеи. Что ж, этот вариант нашего всезнайства нас вполне устраивал. И вот именно поэтому, заместитель Мельникова не стал углубляться в вопрос о том, что же такое гексоген, а просто взял себе эту тему на заметку. И если он сможет найти хоть что-то, то обязательно поставит меня в известность.

Ну а что насчет получения тротила.... Заместитель Мельникова согласился пожить некоторое время в Новгороде и организовать там тайную лабораторию. И пока Мендельсон проталкивает через охранку и военных тему производства тротила и внимательно изучает законодательство, мы своими силами добудем его для своих нужд. Совсем чуть-чуть. Только чтобы испытать наши минометы. Полигоном, кстати, секретным надо бы тоже озаботиться. Где бы найти тихое и удобное местечко?

Секретную лабораторию заместитель Мельникова организовал в течение месяца. Навез туда своих колб, реактивов, притащил с собою несколько проверенных людей. Со своей же стороны я организовал охрану. Очень быстро возвели глухой и высокий забор, по внутреннему периметру опутали колючей проволокой, и устроили круглосуточную охрану. Василий Орленок, что был начальником охраны, лично отбирал людей для командировки. И требовал от них строжайшей секретности. Не хотелось бы, чтобы к нам заявились представители власти из-за одной случайно оброненной фразы.

Весной, в марте месяце, случилось неожиданность. Можно сказать приятная. Максимченко Павел, друг нашего Валентина Пузеева, что работал на нашем предприятии и гордо носил кличку «Орион», нашел для нас нового человека. Прибежал ко мне утром в офис, попросил безотлагательной встречи и, едва за ним прикрылась дверь кабинета, выпалил:

— Василий Иванович, я вам такого человека нашел!

— Что? Какого такого человека?

— С Путиловского одного. Головастый мужик по двигателям специалист. А я знаю, вам такой очень нужен, — на едином дыхании выпалил Павел.

— Да подожди ты, — осек я его порыв. — Не тараторь. Ты толком объясни, что за мужик такой нарисовался?

— Так я это и говорю, что с Путиловского одного мужика головастого выгоняют. Он у них пытался двигателя строить. Да только не срослось что-то и вот его попросили вон. Василь Иваныч, нельзя его упускать. Упорхнет птичка, где ее потом ловить?

— Да чего ты все трещишь? Ты давай спокойнее — я ничего не успеваю понимать. О каком мужике ты говоришь?

Павел снова хотел было выдать из себя информацию на едином дыхании, но, перехватив мой сердитый взгляд, вздохнул, медленно выдохнул и размеренно начал вещать:

— Василий Иванович, я же вам пытаюсь сказать, что с Путиловского завода выгоняют хорошего инженера. Он большой специалист по двигателям. Нельзя чтобы он просто так уходил, надо чтоб он у нас остался.

Вот теперь я кое-что понял. Только все равно были большие сомнения. Не может прекрасный инженер просто так выгоняться с завода, тем более с Путиловского. Уж там-то за ценных кадров цепляются. А значит либо инженер был никудышным специалистом, либо гнали его за темные делишки.

— Хорошо, я понял, — ответил я не спеша. — А у тебя откуда эта информация?

И он мне рассказал. Оказывается, Павел зарекомендовал себя довольно неплохим работником. И как хорошему работнику ему доверили заниматься монтажом наших электрических тельферов. Он встал во главе бригады, стал ездить по стране и устанавливать наше изобретение. И случилось так, что нашим тельфером заинтересовались на Путиловском заводе. Рассмотрели различные варианты и через какое-то время заказали у нас один из самых мощных и больших. И вот, Павел, прибыв на Путиловский со своей бригадой, встретил старых знакомых, разговорился с ними и случайно вызнал об этом инженере. А потом, более основательно зацепившись языком, вызнал и остальное. Инженером был некто Густав Тринклер. Обрусевший немец. Довольно молодой мужчина, но уже с довольно внушительным опытом конструирования двигателей собственного изобретения. Работал на Путиловском, доводя до совершенства свой двигатель, до тех пор, пока там не сменился директор. А вот после смены управляющего у Тринклера и начались проблемы. На нового директора стал сильно давить Нобель, требуя от него, чтобы все работы по изобретению молодого инженера были немедленно прекращены. Потому как, сам господин Нобель, купив лицензию на строительства двигателей господина Дизеля, не желал видеть конкурентов. И апеллировал все к тому, что изобретение Тринклера является, по сути, не изобретением как таковым, а прямым воровством идеи, ибо оба двигателя работали по единому принципу. Разница была лишь в подаче смеси, но Нобеля такие проблемы не волновали. И потому, подключив все свое влияние, он сумел убедить нового директора Путиловского удалить молодого инженера со своей территории. И вот теперь Густав Тринклер, находясь в подавленном состоянии, сидит у себя дома и думает, куда приложить свои знания и умения.

— Что-то не слышал я ни о каком Тринклере, — сказал я задумчиво, глядя на Павла. — Если он так хорош, то почему я о нем ничего не знал?

Вопрос, конечно, был адресован не Павлу, а самому себе и скорее был риторическим. Я ведь в действительности ничего не слышал об этом изобретателе. И странно получается, вроде бы и двигатель со слов Павла был лучше чем у Дизеля, а вот его развития я в будущем не видел. Уж не потому ли, что уйдя с Путиловского под давлением Нобеля, молодой инженер просто опустил руки? Или же тот же самый Нобель его в будущем надежно закрывал, лишал возможности изобретать? Гм, непонятно.... Но в любом случае, ситуация требует немедленного разбирательства.

— Хорошо, Павел, — сказал я, приняв внутреннее решение. — Я тебя понял. Скажи, а как бы нам найти этого изобретателя? Ты сможешь помочь?

Павел был доволен. Я заинтересовался, а значит, он может быть уверен, что я о нем не забуду и как-то вознагражу его. Что ж, посмотрим.

— Я помогу вам отыскать его, — заверил он меня. — Я знаю, у кого можно спросить.

Густава Васильевича Тринклера мы нашли через три дня. Он сидел на съемной квартире и прикидывал куда бы податься. Работу в столице не искал, справедливо полагая, что ему все откажут. И даже нам, когда мы с Мишкой заявили к нему с предложением, он не очень-то поверил.

Мишка постучал в самую обычную дверь квартиры. Громко, почти требовательно. Прошла долгая минута, прежде чем она осторожно приоткрылась, упершись в натянутую цепочку. Сквозь щель выглянул недовольный глаз, подозрительно окинул нас с ног до головы:

— Чего вам угодно?

— Мы желаем видеть Густава Васильевича, — ответил дружелюбно Мишка.

— Зачем?

— По делу. Мы узнали, что с господином Тринклером довольно бесчестно обошлись на Путиловском заводе и по этому поводу мы пришли поговорить.

Последовала долгая пауза, во время которой подозрительный глаз внимательно нас ощупывал. Наконец, дверь прикрылась, послышался звук снимаемой цепочки и пред нами предстал сам Густав Васильевич. Выглядел он неважно — мятое лицо, круги под глазами, неухоженные усы топорщились во все стороны, а прическа просила ножниц и расчески. Запахнутый в длиннополый халат и туго перетянутый поясом, он сложил руки на грудь и еле заметно пошевелил головой, приглашая пройти.

— Проходите в комнату, — сказал он устало. Видимо не в очень удачное время мы его решили навестить. Болел человек, если можно так сказать. Но что странно, пройдя в небольшую комнату, я нигде не обнаружил ни следа алкоголя, да и воздух в помещении был просто спертый, давно не проветриваемый, но никак не угарный.

— Присаживайтесь, господа, — сказал Густав, показывая нам стулья. А сам, болезненно уложив руки на груди, присел на край неубранной кровати. Перехватив наш удивленный взгляд, поспешил пояснить. — Голову у меня прихватило. Болит сильно, спасу нет. Будто сверлом над глазом ковыряют. Отлеживаюсь вот....

— Может мы в другой раз? — предложил я, видя его беспомощное состояние. Да и неудобно это, вести беседы с человеком, который не в состоянии сосредоточится на беседе из-за своей мигрени.

— Да ладно, чего уж там, — махнул рукой Густав. — Я потерплю, не впервой. Вы уж извините за бардак, сами понимаете..., - и, поправив сползшее на пол одеяло, спросил, — Так что вы от меня хотели? Вы от господина Нобеля?

— Нет, совсем нет. Мы не имеем к господину Нобелю никакого отношения, — ответил Мишка. — Печально, что с вами так обошлись. Несправедливо. Ведь, насколько я понимаю, ваш двигатель является более совершенным продуктом, нежели тот, что изобрел Дизель. И обидно уходить вот так, словно собаку вышвыривают.

Густав кисло усмехнулся. Вся эта история его сильно раздражала.

— Ну, не сгущайте краски, — ответил он, — вышвырнули меня не как собаку. Просто настойчиво попросили уйти. Обидно только, я столько сил там оставил....

— Мы вас понимаем, — поддакнул Мишка. — Но все равно это несправедливо.

Густав вяло пожал плечами.

— Извините, но я хочу об этом больше говорить, — ответил он, демонстративно показывая насколько его утомила эта ситуация. Человек явно пребывал в депрессии, казалось, что весь его мир рухнул в одночасье. — Мне жена уже все уши прожужжала, а тут еще вы... Дайте не будет про Нобеля.

— Хорошо, хорошо, — согласился Мишка, — больше не будем этого касаться. Но мы, собственно, пришли затем, чтобы предложить вам работу.

Брови молодого инженера удивленно взлетели вверх.

— Вот как? — спросил он, уже более внимательно взглядываясь в наши лица. — Работу?

— Да, именно так.

— И в качестве кого, простите?

— А чем вы занимались на Путиловском? — в ответ спросил Мишка и тут же добавил. — Вот этим же мы и предлагаем вам заниматься. Продолжить, так сказать, ваше движение вперед. А еще мы предлагаем вам возглавить наш отдел по конструированию двигателей.

Тринклер молчал. Он смотрел на нас, пытаясь понять, что же мы за личности такие и нет ли тут шутки. Но мы были серьезны, и это хорошо читалось на наших лицах. Наконец, он хмыкнул в кулак и произнес:

— Да, работа мне нужна. Но неужели вы не понимаете, что предлагая мне работу, вы привлечете к себе внимание, гм..., господина Нобеля. А ведь он сумел-таки надавить на директора Путиловского. Неужели вы его не опасаетесь?

Мишка согласно кивнул:

— Честно? Опасаемся. У Нобеля большие деньги и связи. И вставать поперек его дороги было бы непростительной глупостью. Но мы все же предпочитаем рискнуть. Такого специалиста как вы отпустить было бы еще большей глупостью и, честно вам признаюсь, нам очень повезло, что вы как специалист оказались без работы. Нет, подождите, не обижайтесь. Поймите меня правильно. Я очень хочу иметь вас на нашем заводе в качестве главного конструктора, а вся эта крайне неприятная для вас история, дает нам с вами шанс на весьма полезное сотрудничество. Ведь честно, если бы вас не выгнали, то мы бы вас никогда не пригласили бы на работу. Никогда бы не познакомились. Как говорится, нет худа без добра. Ну а что до Нобеля... На самом деле не так уж он и страшен. У нас имеется весьма неплохой штат юристов, специализирующихся на привилегиях. И думаю, мы без особых усилий сумеем отбиться от вашего недруга.

И вот тут господин Тринклер посмотрел на нас по-настоящему заинтересованно. Даже головная боль, казалось, его не донимала. Он сначала еще раз рассмотрел Мишку и, не найдя ничего занимательного, переключился на меня. Окинул с ног до головы, впился в мои глаза. После нескольких долгих секунд разглядывания, вдруг вспомнил. В очередной раз его брови взлетели вверх, а рот удивленно приоткрылся. Наконец, так же глядя мне в глаза, спросил:

— Господин, э-э..., Рыбалкин?

Я кивнул, поправляя:

— Рыбалко, он самый. Василий Иванович. А это господин Козинцев Михаил Дмитриевич, вы его тоже наверняка помните по публикациям.

— Если не ошибаюсь «Русские Заводы»?

— Именно. Я думаю, нам следовало представиться раньше, но как-то не получилось.

Тринклер, не сказать, чтобы был ошеломлен, но вот удивлен точно. Кажется, он не ожидал такого поворота. О нашей компании он был явно наслышан, да и я как личность

часто мелькал на страницах газет и журналов. Можно сказать, что я стал лицом компании, чему Мишка был откровенно рад. Говорил, что теперь меня можно бесплатно снимать в рекламе. Вон реклама нашего «Руслана» с моей физиономией прокатилась по крупным городам страны на ура. И эта самая реклама раскрутила меня гораздо сильнее, нежели все предыдущие статьи и публикации.

— Ну так что? — спросил Мишка, выждав некоторое время? — Что вы ответите на наше предложение?

— Даже не знаю, — неуверенно ответил Тринклер. — Работать у вас... главным конструктором.... А мои задачи каковы будут?

— Весьма простые — проектировать и строить двигатели. Самые разнообразные. На данный момент мы выпускаем небольшие моторы для наших мопедов и мотоциклов, а в будущем хотим наладить выпуск моторов для автомобилей, грузового транспорта, тракторов и транспорта водного. В общем, задумок много, не хватает только вас, как прекрасного специалиста. Соглашайтесь, Густав Васильевич, не пожалеете. У нас много идей, а работы и интересных экспериментов будет столько, что вам бегать домой на ночевку будет некогда. Да и в деньгах мы вас не обидим, а ваши привилегии на ваш выдающийся двигатель, естественно останется за вами. И если мы возьмемся за его производство, то, вполне естественно, мы будем вам перечислять роялти. Ах, да, я совсем забыл упомянуть про подъемные и хороший оклад.

Внутри Тринклера шла борьба. Не знаю, о чем он размышлял, но он не очень-то спешил соглашаться. Он молчал, поджимал губы, качал головой, принимая сложное решение. Видя это, Мишка решил чуть-чуть помочь:

— Густав Васильевич, мы не торопим вас с ответом. Мы готовы ждать сколько угодно. Но знайте, что мы в вас очень заинтересованы и не желаем вас терять. Вы нам крайне нужны. Я не знаю, что вы планировали делать после того как вас весьма неприятно вышвырнули с Путиловского, но, пожалуйста, не отказывайтесь сразу. Подумайте, как следует. Посоветуйтесь с супругой, она у вас женщина умная. А хотите, давайте вместе съездим к нам на завод, и мы проведем вам экскурсию. Посмотрите своими глазами на то, о чем в восхищенных тонах пишут газетные писаки. Да и супругу свою захватите, пускай она тоже развлечется. И вы увидите, что у нас на предприятии весьма недурно. А позже вы дадите нам свой ответ. Вас устраивает такой вариант? И кстати, я не обещаю вам легкой работы, скорее наоборот, но вот что я могу вам обещать так это работу интересную. Вам точно некогда будет скучать.

Тринклер колебался. Наше предложение было весьма заманчиво, но вот его прошлый опыт говорил ему не поддаваться на уговоры сразу. Сначала надо все обдумать, взвесить, рассмотреть различные варианты. Не знаю, как долго бы мы тут еще сидели, уламывая его, если бы в этот момент во входную дверь не постучали. Густав Васильевич словно очнулся, встал с кровати и, извинившись перед нами, пошел встречать очередного посетителя. А когда открыл дверь, то из прихожей донесся удивленный женский голос:

— Ты почему цепочку прежде не накинул?

И оправдывающийся шепот Густава:

— Подожди, помолчи, пожалуйста. У нас гости.

И в ту же секунду в комнату вошла хозяйка жилища, молодая супруга Тринклера. Почти ворвалась. Влетела, развевая полами пальто словно крыльями. Встревоженная, метаящая глазами молнии. Увидела нас, смиренно сидящих и улыбающихся, нахмурилась, и хотела было

уже обругать нас за непонятные грехи, но вовремя вступился Густав. Предостерегающе положил руки на плечи взволнованной супруги и успокаивающе сказал:

— Они не от Нобеля, не переживай. И не от Смирнова. Эти господа пришли предлагать мне работу.

— Вот как? — спросила женщина, внимательно нас разглядывая. И, похоже, узнав меня, сменила гнев на милость, глаза ее перестали метать молнии, а голос смягчился ровно настолько, чтобы не казаться грубым. — Что ж, моего супруга интересует работа.

— Вот познакомься, это господа Рыбалко и Козинцев. Ты о них, наверное, слышала. Известные люди в столице.

Мы как полагается по этикету, встали и представились. И вот теперь, когда горячо любимая супруга присоединилась к нашей беседе, все встало на свои места. Мы с ней быстро нашли общий язык. Почти мгновенно она согласилась на экскурсию на наше предприятие и горячо заверила, что Густав Васильевич даст свой ответ, как только рассмотрит все предлагаемые варианты. И не стала скрывать, что они уже готовы были переехать в Германию, где прекрасный изобретатель точно бы нашел себе применение.

Они пришли к нам на завод через пару дней. Густав Васильевич, переболев мигренью, ничем больше не напоминал того расклеенного и уставшего человека. Наоборот, в его движениях, в его фразах чувствовалась уверенность, внутренняя сила и правота, и супруга его, не видевшая более причин защищать хворого мужа, отошла на второй план. Держалась в тени, почти не говорила, а лишь иногда подсказывала Густаву на что следует обратить внимание. В общем, сложилось впечатление, что она выступала в роли серого кардинала.

А через три дня Тринклер дал свой ответ. Он согласился работать у нас, чему мы несказанно обрадовались. Теперь наше направление по производству двигателей было надежно прикрыто. Не было нужды более самому углубляться в мелкие проблемы, все будет решено и без нас. И первым делом поручили ему усовершенствование нашего мотоциклетного двигателя. Тот оказался со своими детскими болезнями, которые необходимо было обязательно решать. И дали свое согласие на постройку и усовершенствование «мотора-тринклера». Тоже будем его у себя производить и продавать всем желающим. А его двигатель и вправду оказался лучше детища Дизеля. И КПД был больше и экономичность выше, да и работать он мог на сырой нефти, что для нынешнего времени имело очень важное значение. Сырая нефть она была и дешевле того же керосина, да и доступнее. Нефтеперерабатывающих заводов по стране было раз-два и обчелся. А что до господина Нобеля... Вся эту суэта возникла из-за того, что тот приобрел права на постройку двигателей Дизеля и приспособил его для работы на той же сырой нефти. И углядел в изобретении Тринклера прямого конкурента. А с конкурентами в это время обходились без сантиментов. Нобель подключил свои связи, надавил на нового директора Путиловского завода через своих юристов и добился того, чтобы пока еще потенциальный конкурент даже не появился на рынке. Обошелся с молодым изобретателем весьма жестко, не только добился увольнения с завода, но и запретил заниматься своим детищем на территории Российской Империи. Так и уехал бы Тринклер в Германию, если бы мы его не уговорили. Сам Нобель, надо полагать, от такого развития ситуации будет не в восторге и наверняка припрется разбираться и к нам. Но мы к этому готовы. Мендельсону уже дано поручение избавить нас от притязаний главного богатея страны и приготовиться к патентной войне. А захочет судиться... Что ж, пускай судится, у нас тоже юристы не по помойкам набирались. Выкрутимся. Нам остается лишь опасаться силового давления, но с этим мы попробуем

разобраться. Нонче мы уже не те, что давеча....

В начале мая тысяча девятьсот второго года в Питере выдалась благостная погода. Солнышко, легкие пушистые облачка, ветерок с воды и теплота.... Хорошо и тепло настолько, что хоть загорай на набережной. И вот в эту прекрасную погоду, под ярким солнышком, мы принялись за съемку нашего первого фильма. Сценарий мною был написан, а если по-честному, то содран с одного из фильмов с Брюсом Ли, где он, в одиночку противостоял китайской банде. Роль Брюса у нас исполнял, естественно, Серафим, а на роль его возлюбленной сильно просилась моя Маришка. Но тут я ей жестко отказал, она даже обиделась. Не по нраву мне, что моя супруга будет играть любовь с другим мужиком, пусть хоть и не натурально. Поэтому, сильно поругавшись с ней по этому поводу, я пошел по театрам и отыскал там нескольких смазливеньких барышень, прекрасно подходивших на эту роль. Ну а после небольших проб, определилась та единственная, что будет в засос перед камерой целовать Серафима. Барышня оказалась не то чтобы без комплексов, но довольно таки легкомысленных взглядов. Небольшая любовная сцена ее совершенно не испугала. Ну а на роль предводителя бесшабашной банды и главного негодяя у нас выступил один из неместных мужиков, что работал в одном из заезжих цирков. Работал там грузчиком, разносил реквизит, помогал на сцене и был тайно влюблен в искусство. Не представляю, как Серафим разглядел в нем талант, но однажды он привел его ко мне на знакомство полностью загримированным и приодетым по случаю. Запустил ко мне в офисный кабинет впереди себя, а сам, спрятавшись за приоткрытой дверью, стал наслаждаться эффектом.

— Здорово, дядя, — прозвучал из проема двери сиплый и недружелюбный голос. — Ты что ль тут самый главный? — спросил вошедший угрожающе и уставился на меня с прищуром, уперев руки в бока.

А я, взглянув на него, вздрогнул, и рука моя сама по себе потянулась к трости. Зашедший был опасен. Очень высок, широк в плечах, неряшливый костюмчик бандитского вида, заправленные в сапоги штаны, картуз с треснувшим козырьком и заломленный на затылок, а глаза..., в жизни не видел такой злобы и притягательности в этих бездонных глазах. Они-то и заставили меня заворожено глазеть на вошедшего, а руки шарить в поисках холодного оружия. А потом я заметил хихикающего в дверной щели Серафима и, обретя уверенность и подбавив в голос металла, строго ответил:

— Ну, я тут самый главный. Главнее некуда. Чего хотел?

— А хочу я с тобой, дядя, поговорить серьезно, — ответил он, сдвинув брови к переносице, и сделал шаг вперед, а кулаком звонко ударил себе в ладонь.

— Ну, давай, поговорим, — ответил я, не торопясь отмыкая ключиком ящик стола и доставая оттуда револьвер. Положил оружие на стол, демонстративно сцепил пальцы и, с усмешкой воззрившись на пугающего, спросил: — Так, о чем ты там поговорить хотел?

И зашедший поплыл. Стушевался, глаза его испугались, взгляд ушел в сторону, руки опустились вдоль тела и он, неуверенно кивнув, ответил:

— Это шутка была, не надо оружия, пожалуйста. Денис я, значит, Ванин. Пришел вот показаться, как просили.

Я все понял. Догадался для чего он пришел, поэтому, усмехнувшись, ответил:

— Кто просил, что просил, чего показывать? — не смягчая голоса, требовательно спросил я и через секунду добавил, — Ну а если пришел, то показывай. Чего сопли жуешь? — и тронул рукоять револьвера, поворачивая ствол в сторону мужика. И со смешком

стал наблюдать за полной его растерянностью и страхом. А через добрый десяток секунд, когда тот так ни на что не решился, сжалился над ним, и громко обратился к своему главному актеру:

— Серафим, а ты чего там прячешься? Выходи-ка давай. Это что за шутки такие дурацкие?

И уса́тый казак, недовольный тем, что его розыгрыш не удался, вошел в дверь.

— Ну вот, Василь Иваныч, вы все испортили, — сказал он, расстроено подкручивая длинный ус пальцем. — А я вам такого человека нашел, попросил его вам показать, на что он способен, а вы...

— А не надо меня пугать, — ответил я, вставая с кресла. — А если бы я всерьез принял его за бандита? Убивать бы пришлось по-настоящему, а потом бы от тела избавляться. Где бы я его закапывал такого здорового?

— Да что вы такое говорите! Это же шутка была. Безобидная, — легкомысленно ответил Серафим, обходя Ванина стороной и протягивая мне ладонь для приветствия. — А вообще, полюбу́йтесь, какого талантливого человека я вам нашел. Правда ведь он вас напугал? Только честно.

— Да уж, напугал не то слово, — признался я, заново разглядывая незнакомца. Сейчас он мне не казался таким уж грозным. Ничего бандитского в его глазах не читалась, да и одежда, что висела мятым кулем на его плечах, оказалась самой обычной робой рабочего. Все-таки правильно говорят, что у страха глаза велики. Вот стоял он с виду обычный мужик, чуть выше меня ростом, с небольшим, наетым мамоном. И штаны под этим мамоном, подвязаны обычной веревкой. С виду батрак батраком, только что вместо лаптей старые стоптанные сапоги.

— Вот, Василь Иваныч, познакомьтесь. Это Ванин Денис, в цирке я его отыскал, за животными дерьмо убирал. Проведите ему пробы, пусть он вам покажет на что способен. Я чувствую, из него выйдет отличный актер.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответил я, не торопя события. — В пятницу я устраиваю кастинг, вот пусть и приходит. А вообще, зачем ты мне этот цирк устроил?

— Ну как зачем? Чтобы вы посмотрели на него с натуры. Ведь талантливый же человек, роль главного бандита он исполнит лучше всех. Вон ведь как вы испугались, когда он зашел. За оружие уже хвататься хотели.

— Ага, а как только я надавил, так сразу и пропал образ. Поплыл Денис Ванин как снеговик под солнцем.

— Это он от недостатка опыта, да и оробел чу́тка. Да и сложно держать образ, когда на тебя смотрит зрачок револьвера. А он ведь знал, кого пугать собирался, я ему все о вас рассказал. Вот и струхнул слегка, так ведь Денис?

А Ванин готов был сквозь землю провалиться. Ему было неловко стоять передо мной, особенно после того как продемонстрировал свой талант. Картуз давно был снят в нестриженной лохматой головы и беспощадно мялся в широких ладонях.

— Вы извините меня, ваше благородие, я не хотел, — негромко сказал он и я, недовольно поморщился:

— Какое я тебе благородие? Я чинов и титулов не имею. Для всех я Василий Иванович, запомни. А для своих работников тем более. Для чужих господин Рыбалко.

Мужик кивнул, еще больше стусевавшись. Что-то я совсем его застращал, стоит ни жив, ни мертв, боится пошевелиться, кепку пальцами аннигилирует. Но ничего, пусть терпит —

не надо было меня пугать.

— Ну так что, Василь Иваныч? — в очередной раз спросил Серафим. — Берете Ванина? Будете смотреть, как он играет?

— В пятницу пусть приходит, — отрезал я. — И на общих основаниях проходит. И баста!

Ванин пришел на кастинг в пятницу, как я и настаивал. И порвал там всех конкурентов с удивительной легкостью. У мужика действительно был актерский талант и на пленке он смотрелся..., гм..., фотогенично? В общем, хорошо он смотрелся в кадре, перетягивал на себя внимание зрителей. Даже Серафим, просмотрев вместе со мною отснятые метры пленки, отчего-то нахмурился. Видимо никак не ожидал, что сам отыскал себе сильного конкурента. Вот и хорошо, значит, зазнаваться не будет.

Отбор на роли проходил весь день. С самого утра я только и делал что смотрел, наблюдал, разговаривал. Крупное объявление в местной газете привлекло внимание разного сорта людей — и обычных пьяниц, решивших попытать удачу и вполне респектабельных людей, одетых по последней моде. Была и парочка настоящих актеров, мужчина и женщина, что пришли на кастинг просто из праздного любопытства. Я их тоже просмотрел, они мне понравились и, щелкнув их физиономии на фотоаппарат, попросил прийти на следующей неделе, когда будет проходить более тщательный осмотр с пробной съемкой по одному из эпизодов сценария. Но это вдруг их оскорбило и повели себя они как самые обычные бабы-хабалки. Раскричались, замахали руками, обозвали меня глупцом и выскочкой и удалились, громко хлопнув дверью. Я не понял, что их обидело, вопросительно посмотрел на Серафима, а тот лишь махнул на умалишенных рукой и покрутил у виска пальцем. Больше я их не видел.

А на следующей неделе мы устроили пробные съемки отобранным претендентам. И вот тут Ванин показал всем класс. Сыграл на камеру так, что даже я, перевидавший сотни первоклассных фильмов, залюбовался. А потом, когда проявили пленку и устроили детальный просмотр кандидатур, выявилась вся его привлекательность. Он на самом деле притягивал к себе взгляд. Хоть и корчил на камеру злобную рожу, дубасил в приступе наигранной ярости невидимого противника и хмурил брови, а все равно, он был чертовски обаятелен. Вот тогда-то Серафим и погрузстнел. Сам-то он уже видел свои кадры и представлял, как он выглядит со стороны. Проигрывал наш казачок своему протезе почти по всем статьям. Лишь несколько вещей было недоступно Ванину — это умение мастерски махать кулаками, ногами и пашкой, и не имел он того рельефного, подкачанного тела и смазливую рожу, на которую клюют девчонки. Вот на это мы и будем брать зрителя. При любой драке в кадре будет наш Серафим рвать на груди рубаху и крутить красивые вертушки. Да целоваться в кадре, как он это умеет. Все бабы будут наши, да и подростки, что потянутся на красивый мордобой, влюбятся в главного героя и не раз и не два будут ходить на наши фильмы. А там глядишь и фотокарточки можно будет с его усатой рожей продавать, и плакаты с карманными календарями. Окупаемость фильма будет зависеть не только от продаж самой картины, но и от сопутствующих товаров. Но это все в будущем, ну а пока мы снимем кино.

На самом деле я не ожидал, что процесс съемки даже такого примитивного фильма окажется настолько кропотливым процессом. Здесь не было мелочей. Надо было учитывать буквально все — от количества подготовленной пленки, освещения и гардероба, до самочувствия актеров и обеспечения их питания. С самого начала я задал высокий стандарт, подозреваю, что мои конкуренты по киноискусству не дойдут до этого еще очень долго.

Эпоха становления, что тут сказать, понимание необходимого приходит только с годами. И я один, замахнувшись сразу на многое, со всем просто не справлялся. Не успевал за всем следить и именно поэтому я попросил Маришку мне помочь. Пусть она и не стала актрисой из-за моего категорического отказа, но зато стала помощницей главного режиссера. Очень полезной, кстати, помощницей. Ее способности навязывать свою волю, да плюс суфразжистские наклонности очень поспособствовали упорядочиванию процесса съемок. Целый день она ходила по площадке с рупором, организовывала процесс, следила за порядком и ругала нерадивых исполнителей. Мне же оставалось только следить за процессом съемок. И сейчас, в самое пекло, когда солнце стояло в зените, я снимал нашего славного Серафима.

— Так, Серафим, давай! — крикнул я рупор и запустил кинокамеру, направляя ее на угол близлежащего дома. В ту же секунду раздался надсадный рык мотора и на улицу чинно и неспешно выкатил наш герой во всей красе. На сверкающем «Руслане», в кожаной косухе с молнией по диагонали, в шлеме, в крагах и в защитных очках. Газанул, красуясь перед случайным зеваками и срывая заднее колесо в занос, и эффектно вкатился в кадр. Красота. Каких трудов нам стоило научить казака управлять этим монстром лучше и не говорить. Битых два месяца он только и делал, что тренировался одновременно держать равновесие, отпускать рычаг сцепления и поддавать газу, чтобы не заглохнуть. Но зато результат весь на пленке. Молодежь с ума сойдет.

— Так, хорошо, — продолжил я направлять действия Серафима. — Теперь останавливайся, байк на подножку.

Он выполнил указания. Я бы мог и не говорить ничего, наш казак и так все помнит, но мне так было удобнее. Вот он поставил «Руслан» на подножку, стащил с лица очки, шлем, скинул краги и слез с мотоцикла, на ходу расстегивая косуху. Вторая камера наехала на него, взяла лицо крупным планом.

Перед самыми съемками мне пришлось усовершенствовать наши камеры. Сильно уж мне не нравилось их низкая частота съемки и вообще качество получаемых кадров. Все время надо было крутить ручку, а это тот еще геморрой. Рука быстро устает, движется неравномерно и в итоге на мы экране видим дерганную картинку около шестнадцати кадров в секунду. Мне это до жути как не нравилось и именно потому я попросил наших электроников придумать нечто, что избавляло бы нашу аппаратуру от этих недостатков. Они и придумали, поставили самый маленький электродвигатель, что смогли найти и через редуктор и ременную передачу присобачили. И теперь, я получал то, что хотел, картинка была более приятной в просмотре без рывков и дерганий, но зато камеры наши стали просто неподъемными. Их уже нельзя было переносить вручную, пришлось ставить на разборные рельсы и уже по ним ездить на операторской тележке. Все по серьезному.

Серафим наслаждался своей работой. Ему это нравилось. Как лихой ковбой он уверенно подошел к замызганной двери кабака, расправил плечи, хрустнул шейными позвонками и неожиданно с ноги всадил в нее, срывая с петель. Дверь от мощного удара улетела глубоко внутрь.

— Стоп, снято! — скомандовал я в рупор. — Отлично получилось, — и уже к своей супруге, — Пленку на проявку. И, Мариш, готовь людей на сцену, где Серафим вылетает из кабака.

— А сама драка? — недоуменно спросила моя супруга.

— Позже снимем. В павильоне, — ответил я нетерпеливо, беря в руки толстый

сценарий в котором помимо текста была нарисована примитивная раскадровка. Что и как в какой последовательности должно происходить, какая картинка должна оказаться на экране. Про раскадровку я вспомнил, гоняя в голове мысли про предстоящие съемки. Все ли учтено, ничего ли не забыл? И очень удачно зацепился мыслью про Терминатора, а потом вспомнил про то, как снимали сам фильм и про режиссера, что держал в руках тетрадь с нарисованными кадрами. И понял, что именно таким приемом голливудские компании облегчали себе жизнь. И ведь действительно, после того как я нашел человека умеющего быстро рисовать, объяснил ему что я хочу видеть и целую неделю простоял над его трепещущей душой, мне стало намного легче представлять, что же я хочу на самом деле увидеть на экране. Да и ориентироваться по сценарию стало намного легче. Вот сейчас в промежутке между этими двумя сценами Серафим должен был в кабаке поиметь жесткий разговор с кабатчиком, набить ему морду, выпытать информацию, а затем, оказаться вышвырнутым вон десятком недовольных завсегдатаев. Но все это можно отснять потом, в павильоне, без посторонних зрителей. А то от зевак никуда не деться, стоят толпой, глазают на происходящее действие, постоянно лезут в кадр, не понимая, что этим очень сильно мешают и вообще серьезно осложняют работу.

Пленку из киноаппарата вытащил помощник и утащил в стоящий неподалеку фургончик. Там у нас походная лаборатория. Он ее проявит, просушит и зарядит в киноаппарат для просмотра. Необходимо сразу же просмотреть ее на предмет брака и, если потребуется переснять всю сцену. Минут через тридцать я с Серафимом и Маришкой дотошно просматривал полученные кадры и в целом остался доволен. Все было хорошо, пленка не подвела, игра нашего казака оказалась на высоте, претензии были лишь к оператору, то бишь ко мне. Руки бы оторвать за такую работу, то, как все получилось на экране, мне категорически не нравилось. Слишком уж примитивно, не дотягивает даже до уровня самых дешевых фильмов из моего будущего. И я сидел перед натянутым полотном, смотрел на вышибающего дверь Серафима и недовольно хмурился. Не так все должно было смотреться, не так.... Дешевенький боевичок получается по меркам будущего.

— Ладно, — обреченно выдохнул я через какое-то время и спросил, отбрасывая к чертям собачьим все внутренние противоречия, — к следующей сцене все готово?

В конце концов, в данную эпоху операторское искусство находится еще в зачаточном состоянии и, если сравнивать нынешние картины с моей первой поделкой, то все выходило не так уж и плохо. Я бы даже сказал, мое творение будет на голову выше всего, что выпускали мои конкуренты.

— Да, все готово, — ответила Маринка. — А мы это переснимать не будем?

— Нет, сойдет. Неплохо получилось.

Мы приступили к следующей сцене. Маринка щелкнула хлопушкой, и массовка из десяти человек под объективом камеры вытолкала казака вон из кабака и высыпала вслед за ним с непреодолимым желанием начистить морду под жаркими лучами весеннего солнышка. И здесь по сценарию Серафим должен скинуть с себя кожаную куртку, нательную рубашку и вступить в отчаянный бой со всей бандой выпивох. Сцена драки была поставлена, отрепетирована и вроде бы ничего не должно было произойти, но то ли Серафим поймал кураж, то ли кто из массовки промедлил и не отвернул вовремя морду, но факт остается фактом — поймав красивую вертушку прямо по щеке, бедолага улетел рыбка к стене кабака, разбрасывая зубы и погружаясь в полете в блаженную нирвану.

— Стоп! — заорал я, срываясь с места. Подбежал к несчастному, повернул голову и

услышал стон. Щека быстро опухала, наливалась свинцовой тяжестью, а изо рта текла струйка крови.

— Как он, целый? — обеспокоенно спросил Серафим и стал оправдываться. — Я же вроде не сильно, чуть-чуть только, а он.... Он не успел отвернуться. Я ж не специально.

— Знаю, что не специально, — ответил я, поворачивая бессознательную голову. — Принесите воды и льда с полотенцем.

Пострадавший медленно приходил в себя. Открыл глаза, рассеянно оглянулся вокруг и, почувствовав боль в челюсти, застонал, ухватившись ладонью за налитую щеку.

— Ты как? Голова болит? — спросил я мужика.

Тот, прикрывая глаза, медленно кивнул. Хотел было что-то сказать, но, едва пошевелив челюстью, осекся, склонился вперед и выплюнул вместе с кровью и тягучей слюной осколки зуба. Я вздохнул разочарованно. Обернулся, нашел глазами свою супругу и, кивнув на пострадавшего, сказал:

— К доктору его. Пусть осмотрит и если понадобится лечение, то пусть лечит. Расходы на нас пусть пишет.

Маринка кивнула и пошла искать, кому бы поручить это дело. И через несколько минут пострадавший трясся в повозке по пути в больницу. Там его осмотрели, оказали первую помощь и удалили осколки двух вышибленных зубов. Мне из личного кармана пришлось заплатить семнадцать рублей. Деньги для меня, конечно, не очень существенные, но и не малые. Целый месячный заработок обычного рабочего. И вот, после этого случая я понял, что и своих актеров, и ассистентов на площадке надо бы застраховать. Тем более что и своя страховая компания имеется. И таким образом моя страховая стала заниматься и актерами. И наипервейшим делом я заставил заключить договор Серафима и Ванина. Они у меня главные актеры, не дай бог что случится, так хоть финансово они будут защищены. Ну и кинокомпанию я после недолгих раздумий предпочел застраховать. Если вдруг мои актеры вдруг сойдут с дистанции и не смогут сниматься длительное время, то кинокомпания из-за этого будет терпеть убытки. А это очень нехорошо и потому, придя к совладельцу моей страховой компании и вдобавок к прекрасному управляющему, я закинул ему эту идею. И после долгого обсуждения за крепким чаем и составления договора с ожесточенным спором по каждому пункту, мы довольные пожали руки. Мой совладелец был доволен новым деньгам и направлению, а я прикрытым риском. И чего уж греха таить, дополнительный доход в мою страховую компанию меня тоже очень устраивал. С этого момента любой, кто работает в кинокомпании на обязательных условиях заключал договор со страховой.

Съемки фильма шли ни шатко, ни валко почти два месяца. Пленки потратил целые километры. Часто приходилось переснимать неудачные кадры, кромсать бракованные, с сожалением отправлять в утиль неудачно проявленные. От самого процесса съемок у меня уже голова шла кругом. С самого утра вставал, быстро закидывал червячку плошку горячей каши с маслом и ехал на натурные съемки, где весь день и проводил на ногах. Хорошо было со светом, длинные дни, белые ночи. Успевали много сделать и часто, чтобы не тратить время на дорогу, оставались ночевать прямо под открытым небом. В палатках, на походных кроватях, что я купил буквально каждому человеку. Обед готовили здесь же и кормили работников за счет компании. Расходов было немеряно и мой бухгалтер, подбивая отрицательный баланс, лишь удрученно качал головой. А я, сжав зубы, терпел, ибо для нашего становления это было совершенно необходимые траты. Расходы на кормежку

персонала это одно — никто не будет работать на голодный желудок, а терять время на то, что каждый будет уходить поиски пропитания, я совершенно не хотел. А вот, например, расходы по приобретению гардероба, реквизита и бытовых вещей это совершенно другое. Покупка земли на окраине столицы и постройка легкого здания под павильонные съемки тоже сожрало немало денег. По сути, это разовое приобретение, впоследствии требующего лишь за собой ухода и ремонта. Необходимо лишь один раз потратить деньги, а дальше будет легче. И именно поэтому, наша первая картина наверняка не отобьет все вложения. Даже если предположить, что она очень сильно заинтересует людей, то и то навряд ли. Слишком уж много уже потрачено. Зато вот вторая картина или даже третья или четвертая..., вот там уже точно мы должны будем выйти как минимум на самоокупаемость.

А вообще, быть причастным к великому искусству оказалась на редкость увлекательным делом. Два месяца ежедневного адского труда для меня пролетели как два дня. Быстро и незаметно. Маришка моя, ставшей мне верной ассистенткой, тоже сильно увлеклась процессом — гоняла своих подчиненных так, что те работали со стопроцентной отдачей и боялись лишней раз напортачить — моя супруга оказалась страшна в праведном гневе. И даже я, глядя на ее разносы, невольно хмурился и наедине, чтобы никто не видел, просил сбавить обороты. Вроде бы она прислушивалась к моим увещаниям, успокаивалась, но проходил день-два и она снова начинала перегибать палку. Ей самой не особо нравилось орать на подчиненных, просто она пока не видела другого способа заставить людей работать честно и с большей отдачей. Впрочем, если не принимать во внимание этот нюанс, она сама отдавала себя работе как никто другой и ей это нравилось. Вполне возможно, что в недалеком будущем она сможет возглавить нашу кинокомпанию, глядишь и найдет она здесь выход своим суффражистским наклонностям. Да и тесть, я думаю, ее занятость одобрит. Одно лишь Маришку огорчало — необходимость быть оторванной от любимой дочери. Но тут спасала Зинаида, что привозила Дашку прямо в жаркие объятия и к нежным поцелуйчикам матери. И полчаса такой ласкательной терапии в день и моя супруга возвращалась к своим обязанностям с удвоенной энергией.

Фильм я монтировал еще месяц. Кропотливо, кадр за кадром подбирал историю, клеивал диалоги, что нарисовал наш художник. Совершенно утомительный процесс и мне он не понравился. Возможно, я был чересчур требователен к себе, и можно было бы обойтись меньшими усилиями, но я сам не мог изменить себе. Уж я-то как никто другой знал к чему надо стремиться. И потому, прикусив нижнюю губу, я впрягся в эту тяжелую телегу и сбросил хомут только когда вклеил последние кадры целующегося со своей экранной любовью Серафима.

На предпремьерный просмотр пригласил всех своих знакомых. И тех с кем работал и тех с кем просто когда-то встречался. Пригласил и журналистов — пушай смотрят, мне не жалко. Их и уговаривать-то особо не пришлось, только заикнулся о приглашении одному из знакомых журналистов, так сразу же мне на домашний посыпались звонки с просьбой разрешить присутствовать представителям других столичных издательств. У них уже рефлекс на мое имя, ибо знают, что рядом со мной всегда можно найти что-то интересное, что можно будет как следует обмусолить. Я им всем любезно разрешил присутствовать — от меня не убудет, а польза несомненная. Зато потом они напишут о моем творении в газетах во всех красках и привлекут всеобщее внимание. А то, что напишут и привлекут, я нисколько не сомневался — очень уж сильно мой фильм отличался от всего того, что видели нынешние зрители. Здесь и формат фильма совсем другой и длительность чуть более часа. И никаких

статических кадров, все в динамике и движении, крупные планы и драки с любовью. Лишь танцев с песнями как индийских фильмах не хватало. Да, черт побери, одна плавность картинки чего только стоила!

Для показа выкупил на целый день зал синематографа, притащил свою аппаратуру и, поставив механиком наиболее талантливого паренька, запустил показ. Бедный тапер старался изо всех сил, пытался подстраиваться под динамику фильма, менял темп игры и под конец совсем вымотался. Последние кадры он сопровождал совсем уж сбивчивой мелодией. Но на его усталую игру уже никто не обратил внимания, потому как все, буквально все приглашенные оказались заморожены новым фильмом. И когда на потолке загорелись электрические свечи, зал разом выдохнул и зашуршал одеждой. И самый первый возглас, что прозвучал в небольшом зале, вопреки моим ожиданиям оказался неожиданно негодующим:

— Это просто возмутительно! Как такое возможно допускать?

И еще два голоса его подхватили:

— Неслыханно! Безобразие! Куда смотрит общественность!

А я, сидя в первом ряду, недоумевал. Не мог понять причины недовольства. Все же вроде неплохо получилось, вон и круглощекий Мендельсон недоуменно крутит головой пытаясь найти незнакомого крикуна.

Я встал, повернулся к залу. Окинул собравшихся тяжелым взглядом, от которого малознавшие меня люди предпочли отвернуться. А кричавший не стал прятаться, вскочил с задних рядов, и гневно тряся в мою сторону кривым пальцем, фальцетом завопил:

— Да как вы можете показывать такое! Как вы себе такое позволяете! Развели тут порнографию, церкви на вас нет!

Вот тут он меня совсем сбил с толку. Порнография? В моем фильме?

— Подождите, не кричите, — сказал я громко и жестом пригласил выйти. — Идите сюда, я вас не очень понимаю. О чем вы говорите?

Но мужчина видимо был из той породы, что проводят жизнь в ругани и скандалах. Мое приглашение он проигнорировал, но, тем не менее, стал пробираться по ряду, топча людям ноги. И при этом не забывал ругаться, обличая меня во всех мерзостях, которые он сумел усмотреть в моем труде. И, по его словам, я оказался и извращенцем и эротоманом и прелюбодеем и вообще.... Сжигать таких как я на костре надо. И вот, дойдя до последнего стула, наступив сидящему на ногу, он выкрикнул последнее «мерзавец» и вышел вон, оставив после себя недоуменно притихший зал.

— Это что такое было? — тихо спросил я Мишку. — Что это за клоун вообще?

— Журналаюга какой-то, — подсказал друг. — Готовься, завтра он тебя раскатает. Может его перехватить, попытаться уговорить?

А я, призадумавшись на секунду, кивнул. Узнать хотя бы из какой он газеты, попробовать подкупить редактора. И Мишка, правильно поняв мой жест, привстал, нашел глазами Орленка, коего он притащил на просмотр и незаметно кивнул в сторону двери. Наш начальник охраны мгновенно сорвался с места, выбежал из зала, впрочем, аккуратно придержав дверь, чтобы та не хлопнула. Будем надеяться, что скандалист не уйдет.

Этот неприятный инцидент не испортил нам вечер. После просмотра состоялся небольшой фуршет по принципу «шведского стола» и гости изрядно накушались как в прямом, так и в переносном смысле. И все или почти все подходили ко мне и выражали свое восхищение от проделанной работы. Сам фильм им очень понравился и это мне льстило.

Было приятно выслушивать витиеватые речи и хвалебные тосты. Особо старались лично высказать свое восхищение люди, не являющиеся моими друзьями, коллегами или близкими знакомыми. Чаще всего подходили люди коих я знал совсем чуть-чуть или же не знал вообще. Незнакомые журналисты так те вообще как акулы описывали вокруг меня сужающиеся круги и просили рассказать меня обо все поподробнее. То есть, говоря языком будущего, просили дать интервью. Что ж, мероприятие для того и предназначалось и потому, после первого насыщения и обмена эмоциями я удовлетворил желание пишущей братии. Отошел с ними в сторонку и честно ответил на все интересующие их вопросы. И они, исписав не один десяток страниц в блокнотах, остались весьма довольны. А вскоре незаметно исчезли, по-видимому готовить статьи к выпуску. Конкуренция в их среде чрезвычайно высока, чуть промедлишь с выпуском и все — твоя статья никому не нужна и значит, твоя работа не оплачивается.

Здесь же в зале присутствовали наши главные актеры — Серафим собственной персоной, Ванин Денис, смущенный вниманием, и главная актриса Настя с обыкновенной фамилией Иванова. Они втроем откровенно купались во всеобщем внимании. Серафим с Настей под ручку ходили пот залу, продолжали играть влюбленных. А вот Ванин, не привыкший быть центром маленькой вселенной, откровенно смущался и потому медленно, но методично накидывался коньяком, впрочем, не забывая хорошо закусывать огромными шматами сала с белым хлебом. На ногах он вроде бы пока еще держался, но вот речь стала изрядно подтормаживать. Я еще не знал как действует на него алкоголь и потому, чтобы не случилось конфуза, вежливо попросил его удалиться. Денис адекватно отнесся к моей просьбе и даже поблагодарил за нее и с облегчением скрылся, оставив все лавры «влюбленной» паре.

К сожалению, Орленок так и не смог догнать скандального журналиста и потому на следующий день в «Новом времени» я читал разгромный отзыв. Вернее Маринка читала вслух за завтраком. Читала и возмущалась откровенной ложью, материлась как самый последний сапожник. Такой я ее еще не видел. Понадобилось нечто действительно возмутительное, чтобы она забыла про рамки приличия и вспомнила жаргон последних деревенских босяков. Я не стал ждать, когда она выругается и дочтет статью до конца, отобрал у нее газету и сам вник в текст. В общем, статейка оказалась мусорной, в которой не было ни слова правды. И главным желанием написавшего подобное было желание как можно глубже макнуть меня в выгребную яму. Персонально меня! Складывалось впечатление, что статейка-то проплаченная! Кому-то я очень сильно я наступил на любимую мозоль. Про сам фильм автор статьи тоже отзывался нелицеприятно. Упоминал убогость картины, пошлость сюжета, бездарность актеров и бескультурие режиссера, что в своем творении взывает к самым низменным чувствам зрителя. Знал бы журналист бытовое значение слова «лох», то, думаю, так бы в своей статье и написал: «Рыбалко — лошара».

Но странное дело, эффект от негативной публикации оказался совсем противоположным. О моем фильме заговорили. Обыватели, болтая меж собой, высказывались в том духе, что были бы не против хотя бы одним глазком взглянуть на творящую пошлятину. Тем более что, статьи в конкурирующих газетах были более правдивы и особенно восхваляли техническую часть картины, где люди двигались на удивление плавно. Перепало и талантом актеров, где особо выделили Ванина. В общем, к выходу картины в продажу всем салонам синематографа и к собственному прокату все было готово, а публика разогрета. Но в самый последний момент пришел запрет на показ и

продажу картины от отдела охраны заведующего цензурным надзором. До выяснения всех обстоятельств. И это была катастрофа. Все договоренности рушились, а деньги, что были авансом получены за будущие продажи копий, возвращены. На следующий день я навестил охранное отделение, где поимел унылую беседу со скучным жандармом. Убеждал его, доказывал, объяснял, но все было бессмысленно. Стандартная фраза «надо проверить» рушила все мои доводы. И потому, я решил устроить второй закрытый показ моей картины, но на этот раз специально для охранного отделения. И тут мне пошли навстречу. Дали неделю на подготовку, сообщив дополнительно, что церковь, обеспокоенная негативным отзывом, тоже желает оценить мое творение. Что ж, церковь ныне сращена с государством, по сути, являясь фундаментом общества. Игнорировать ее требования было просто нельзя. Любое ее недовольство могло сказаться на наших успехах. А потому, за эту неделю я еще раз перекроил картину, досняв и добавив несколько минут специально для церковников. Надеюсь, проскочит.

В том же зале синематографа, на той же аппаратуре я показывал «Два сердца и крепкий кулак» высокой публике. Не более десяти человек в высоких чинах и санах сидели на жестких стульях и с придыханием смотрели на экран. Целый час неотрывно шевелили губами, читая диалоги, и блестели глазами, наблюдая за разворачивающимся лихим действием. Вместо тапера я поставил подходящую пластинку. И вот, когда мелькнули финальные титры и зажегся свет, самый старший из жандармских чинов, повернул голову к своему соседу и громко спросил:

— Ну, как вам, ваше преосвященство? Что скажете?

У священника, мне стыдно признаться, я даже не знал сана — так и обращался к нему «ваше преосвященство». Он глубокомысленно прочистил горло кашлем и ладонью огладил шикарную, по форме напоминающую совковую лопату и черную как смоль бороду. Поправил на груди массивный золотой крест и хорошо поставленным голосом выдал:

— Синема, конечно, увлекательная..., - я воспрял было духом, но следующая его фраза меня сразила наповал, — но показывать такое людям нельзя. Срамота.... М-да....

— Вот и я смотрю — срамота, — охотно поддакнул ему жандарм. — Девки полуголые бегают, целуются почем зря.

— Во-во, — чинно кивнул головой церковник. — Из дому девка убежала, родительского благословения не испросила. А почему ни разу не была показана служба в церкви? Непорядок.

— Вот и я говорю — непорядок, — снова вставил жандармский чин. — Это что же получается, теперь всем бабам из дома можно убегать?

— Во-во, — многозначительно поддакнул «его преосвященство», уничтожая меня надменным взглядом. — А этот ваш негодяй.... Он что же перед своим лихим делом к богу вздумал обращаться, помощи его просить? Пред иконой колени склоняет?

— Вот и говорю — нельзя показывать такое людям.

Они меня размазали. Вдвоем, поддакивая друг друга как влюбленные голубки, разбирали мою картину по кусочкам, находя в ней все новые и новые недостатки. Я даже не знаю, чем заслужил такую неприязнь. С моей точки зрения картина была верхом целомудрия, никакой обнаженки. Ну да, было несколько секунд чуть-чуть сверкнувшего плеча Насти Ивановой, но и только. Это же не повод.... И что делать совершенно не понятно....

— Господа, ваше преосвященство, — подал голос я, не давая обсуждению дойти до

крайней степени. — Предлагаю всем присутствующим подкрепиться. Не гоже обсуждать такое непростое дело на голодный желудок.

И жандармский чин вопросительно посмотрел на своего собеседника и тот едва заметно кивнул.

— Ну что ж, подкрепиться не помешает, — ответил он за всех присутствующих.

И опять «шведский стол» только на этот раз народу было существенно меньше, а закуски и выпивки больше. На алкоголь была моя надежда, может быть он как-то размягчит спешную парочку. И Шустовский коньяк, о котором в последнее время было немало разговоров, должен был сыграть в этом деле главную роль. Коньяк ведь и в самом деле был так хорош, как о нем говорили, не зря же французы не так давно присудили ему Гран-При на своей выставке и разрешили именоваться именно коньяком, а не бренди, как было до недавнего момента. У меня для этого дела закуплено пару ящиков этого замечательного напитка.

За шведским столом дело пошло живее. Его преосвященство, презрев благородный напиток, закидывал в луженую глотку обыкновенную сорокаградусную и закусывал ложками паюсной икрой. Он подобрел, поплыл осоловело глазами, приобрел словоохотливость и после моих настойчивых увещаний, убедительных аргументов и нескольких стопок вдруг признался, что фильм ему все-таки понравился. И жандармский чин поспешил поддакнуть, соглашаясь.

— Только вот, что я вам скажу, голубчик, — менторским тоном, выговаривал мне церковник, — то, что ваша актриса убегает из дому это, конечно, неприятно, но бывает. Смириться с этим можно. Но вот то, что она потом выскакивает замуж без родительского благословения...! Тут уж простите. Эдак все девки последуют этому примеру, а для церкви сие невозможно. И уберите этот богомерзкий и пошлый засос.

Я лишь кивал, внимая истину. Изображал из себя внимательного слушателя, остерегаясь серьезно вступить в споры. Глупо из себя строить борца за идею и отстаивать свои взгляды, в данный момент лучше действовать хитрее. Необходимо смиренно выслушать высокие чины, принять их мнение во внимание, а когда они под действием алкоголя серьезно раздобрееют, следует попытаться вступить в диалог, аккуратно привести свои доводы. Может быть повезет и меня услышат. И тогда возможно смягчат они свою критику и позволят выйти картине с небольшими правками. Плечо обнаженное можно вырезать, откровенно долгий поцелуй тоже, снять и вмонтировать благословение на брак родителей, Ванина, что осеняет себя крестным знаменем, тоже вырезать к чертям собачьим — пусть лучше будет ярым безбожником, справедливо получающего по сусалам. И прочую ерунду подправить тоже. Жалко, конечно, кромсать фильм, но тут уж ничего не поделаешь. Либо так, либо никак. В любом случае, оригинал можно продать за границу, где действительно по достоинству смогут оценить мое творение. Перемонтировать фильм с английскими, немецкими и французскими титрами и пустить в оборот. В той стороне наша цензура не властна, да и клиент побогаче российского — окупиться лента должна гораздо быстрее.

Целый час мы общались. Выпивали, закусывали и чесали языками. Жандармский чин откровенно попал под влияние церковника — поддерживал его мнение во всем, буквально заглядывал ему в рот. Своего мнения у него не оказалось. И потому, поняв это, все общение я стал вести с его преосвященством. И, слава богу, после обильных совместных возлияний я нашел с ним общий язык. Нам удалось прийти к компромиссу — я изрядно перелопачиваю картину и убираю все неудобные и неправильные с точки зрения церкви вещи, а он после

все это дает свое разрешение. Ведь картина ему действительно понравилась, лихость, с которой Серафим расшвыривал негодяев, оказалась ему по душе. Ну а чтобы не обделять вниманием и государева служащего, я поинтересовался и его мнением, и оказалось, что у него с самого начала никаких претензий и не было — никакой политики в фильме не присутствовало. Что ж, хоть по этой части я оказался не тронут.

Повторно фильм комиссии я продемонстрировал спустя две недели, когда лето подходило к концу. Я учел все замечания, исправил все ошибки и как обычно накрыл обильный стол. Но теперь пустил пастись на недешевой поляне высокие чины и сановитых персон прежде показа фильма, желая создать нужное мне благостное настроение. И у меня получилось. Слегка пьяные и с сытым желудком важные персоны смотрели мою картину с некой ленцой. Его преосвященство вообще умудрился вздремнуть и громко всхрапнуть во время просмотра, от чего он потом передо мной немного смутился. Но зато нареканий с его стороны более не последовало, и я наконец-то получил разрешение на продажу и показ своей картины.

Для показа «Двух сердец и крепкого кулака» я на месяц выкупил зал синематографа находящийся в самом центре столицы. Здесь был максимально большой охват зрителя, что для меня очень важно. Для наиболее правильного показа, так чтобы и картинка шла плавно и количество кадров было правильным, нужна была именно наша усовершенствованная аппаратура. Месяца должно мне хватить. Сама картина шла чуть более часа, сеансов за день могло быть около восьми, а при вместимости зала около полутора сотен зрителей.... То за месяц при семидесяти процентном заполнении, при средней цене за билет в сорок копеек я мог бы отбить около десяти-одиннадцати тысяч рублей. Минус половину от заработанного отдать хозяину заведения. Это при хорошем раскладе. Вроде бы неплохие деньги, но наши затраты на картину они не покрывали. Надежда на копии фильма, что мы будем активно продавать и в Российской Империи и за границей.

Очень тяжело оказалось договориться с хозяином бывшего театра ныне приспособленного для просмотра фильмов. У него и так доход был хоть и небольшой, но достаточно стабильный. Крутил одну-две короткометражки в час и заполнял зал с обеда на треть, а к вечеру наполняемость возрастала до уровня восьмидесяти процентов. Так он мне сказал. Стоимость просмотра тоже в районе от пятнадцати-двадцати копеек до рубля-полутора в зависимости от времени сеанса и комфортности места. Тут как и в обычном театре особо ценились балконы с которых было очень удобно смотреть на экран. Да и головы впереди сидящих не мешали. В общем, владелец здания и без меня неплохо жил. И когда я пришел к нему с коммерческим предложением он лишь посмеялся надо мной и не слишком любезно отказал. Мне пришлось применить все свое умение дипломатии и давления, чтобы он хотя бы выслушал мои выкладки. Ну а потом он, подумав пару суток, пошел на встречу и разрешил крутить мне свою киношку, только потребовал за это половину от сборов. Пришлось пойти на это, ибо очень уж удобное место оказалось в плане расположения. Но за его жадность так и хотелось обозвать мироедом. А вообще, стоило бы задуматься о собственной сети кинотеатров. Таких, что отвечали бы нашим с Мишкиным требованиям комфортного просмотра. С небольшим возвышением рядов, удобными креслами, с отдельной операторской будкой. И удобным фойе, где можно будет скоротать время до начала просмотра. Жаль что пока настоящей, а не наркоманской кока-колы, сахарной ваты и попкорна в Империи еще нет. Так бы можно было на этом зарабатывать. Хотя в нынешние времена дополнительный заработок приносили чайные буфеты с их

пирожными и пирожками и горячительными напитками. Только вот денег для строительства собственной сети кинотеатров не было, все и так в производстве. Но это дело со всех сторон выгодное и потому надо бы что-то придумать. Возможно, будет иметь смысл взять кредит в одном из банков. В том же самом Русско-Азиатском, например. Моллер как-то высказывался, что мог бы поспособствовать в этом деле, как-никак хорошее знакомство в управление у него осталось.

На мое счастье прокат «Двух сердец» не провалился. Зритель охотно пошел на сеанс и по достоинству оценил как художественную ценность картину, так и техническую ее часть. Уже знакомых с синематографом очень удивляла та плавность в движениях героев. Глаз на нашей ленте совсем не уставал, голова из-за дергающейся пленки после сеанса не болела. Да и длительность фильма народ признал вполне удачным. Нынешние картины, по моему мнению, были слишком уж коротки — какие-то пятнадцать-двадцать минут. В эту длительность и историю-то нормальную не впишешь и героев не раскроешь. Потому и проигрывал нынешний синематограф тому же самому театру, где зрители героям сопереживали по-настоящему.

По правде, признаться, я ожидал, что к концу прокатного месяца у нас пойдет спад на зрителя. Но я приятно ошибся. Про мой фильм заговорил и простой обыватель, и утонченный аристократ. Как о новом феномене написали в ведущих газетах, перепечатали статьи в зарубежных изданиях. Часто на улице и в ресторанах я стал слышать восторженные пересказы сюжета в лицах и видел, как мальчишки грозно дергали ногами, пытаясь подражать «летающему» Серафиму. Я случайно прочитал в газете, что в народе это прозвище приклеилось к нашему главному актеру едва ли не мгновенно. Серафим наш потом долго обижался и дулся на журналистов, что о нем так написали, но потом плюнул на это дело и перестал обращать внимание. А жанр кинокартин, где главные герои непринужденно, легко и весело мутузят негодяев, получил народное название «как у Серафимки летающего».

Каждый, кто посмотрел мою картину, находил в ней что-то свое, что-то, что ему особо понравилось. Гимназистам и молодым студентам очень приглянулись драки, дамочек всех возрастов привлекла история про горячую любовь, а их кавалеров зацепила наша веселушка Настя Иванова. Наверное, я зря вырезал мимолетную сцену с приобнаженным плечиком, надо было порадовать мужиков. В общем, по истечению месяца, видя не угасающий интерес публики, я договорился с владельцем здания продлить наш договор еще на тридцать дней. И тот, наблюдая такое положение дел, охотно согласился. В деньгах он почти не терял, но зато весьма неплохо зарабатывал на своем буфете, где продавал разные вкусности для дамочек и подростков, и дешевый алкоголь, и разбавленное пиво для мужчин.

С прокатом у нас было все просто замечательно, но что же касается продажи копий самого фильма для других синематографов, то там дело обстояло не так радужно. Наслышанные об успешности картины и желающие ее приобрести владельцы синематографов, приехали ко мне достаточно быстро. И так же быстро разочаровались, когда поняли, что для такого же эффекта им придется приобрести у меня модернизированные кинопроекторы. Весьма недешевые, кстати. Без них не будет той плавности, о которых в восхитительных тонах писалось в газетах. Можно, конечно, и от руки покрутить, но, во-первых, крутить оператору придется быстрее, чем он привык, а во-вторых, заниматься этим дурным делом придется целый час, а ни один человек подобный темп не выдержит. Картинка обязательно или задержается или сбавит в темпе. И тут, либо ты покупаешь у меня громоздкий и дорогой аппарат, либо выходишь из ситуации, нанимая

оператором второго человека. И многие пошли по второму варианту. Так для них было и дешевле и проще. Когда на мою картину перестанут ходить, человека можно и уволить, а вот от купленной аппаратуры уже не избавиться. Что ж, действительно, моя недоработка всплыла в весьма неожиданном месте. И потому, срочно обратившись в наш НИОКР, я потребовал от них новый компактный редуктор, который позволял бы переключать скорость с моих двадцати четырех кадров в секунду до общепринятых шестнадцати. Обещались изготовить через пару недель первый образец.

Вообще, новые производства плодились под нашим контролем как грибы после летнего дождя. Начиналось все с одного небольшого цеха, потом созрел НИОКР, где сейчас помимо исследований налажено небольшое серийное производство настольных телефонов. Далее появились маленький заводик металлообработки в столице, что был нам жизненно необходим и небольшая компания-посредник по поставке угля. Появились большое складское помещение в портовой зоне, моя личная страховая компания, литейный заводик под Новгородом, который сейчас довольно неплохо развивается. Его основным профилем деятельности, как ни странно, стала выплавка различным мелким деталям из цветмета и их последующее хромирование. Литейный завод работал не только для нас, покрывая защитным слоем хрома части деталей мотоцикла и замков, основную массу заказов он принимал со стороны. Очень уж понравилось населению блестящие и коррозионностойкие декоративные детали. А что до выпуска профильного проката, о котором я когда-то подумал, то спецы, прикинув все расходы, сообщили, что перепрофилировать завод будет стоить очень уж больших денег. Дешевле было бы построить новый с нуля. Так что, этот вариант пока откладывается на неопределенное время. Там же под Новгородом полным ходом идет строительство химического завода, где будут производить фенол и карболит. На данный момент там выбран вручную котлован и залит фундамент. Скоро, когда бетон наберется крепости, будут возводить стены. Оборудование, что Мельников закупал по Европам, обещали привезти ближе к следующему году. Потому еще установка, наладка, обучение персонала.... В общем, песня эта долгая, дай-то бог, если мы выйдем на проектную мощность по карболиту к концу следующего года. Опять же, надо что-то придумывать с электричеством. Работа на паровом приводе меня категорически не устраивала. И если в столице Сименс нам пошел на встречу и пообещал в будущем прокинуть в нашу сторону силовые кабели, то в Новгороде все обстояло совсем печально. Для наших нужд электроэнергию нам никто поставить не сможет. Ни сейчас, ни в ближайшем будущем. И все-таки придется нам там стоять свою электростанцию. Черт, а так не хочется ввязываться в эту историю.... Там же, под боком химзавода, будут изготавливать изделия из карболита по заказу со стороны. Тот же Сименс весьма заинтересован в нашем материале и с каждым месяцем просил его все больше и больше. Простой народ пока еще не распробовал карболит, но уже появилось несколько стабильных покупателей, что придумали изготавливать из карболита разнообразные футляры. Для очков, письменных и швейных принадлежностей, для папирос и папиросных гильз. И это хорошо, надо приучать население к новым и удобным материалам. Надо бы нам выпускать еще и различные кислоты для производственных нужд, но это пока терпит. Сейчас, в связи с бушующим кризисом по миру, проблем с покупкой едких веществ не существует. Но это лишь пока. Через несколько лет мы наверняка столкнемся с дефицитом. А если мы сумеем наладить выпуск тротила в больших количествах, то тем более. Для его производства нужны как раз серная и азотная кислоты в

весьма немалых количествах. Покупать их со стороны при будущем дефиците станет нам весьма накладно. Лучше раз крупно потратиться, но зато потом не знать головной боли с доставкой. Да и доход дополнительный не будет лишним. Мельников, кстати, когда работал на Тентелевском заводе, как раз и специализировался на различных кислотах. Для него организовать процесс ее производства раз плюнуть. Надо только ему правильную задачу поставить и организовывать сразу крупное производство, такое, чтобы себестоимость продукта получалась минимальной.

Что касается зеленки, о которой я когда-то удачно прочитал в википедии, то она худобно, но набирала обороты. Медики оценили ее качество и дешевизну. Но тут, правда, много зарабатывать не получалось, сырье не дорогое, растворить кристаллы красителя и разлить по баночкам любой дурак сможет. Вот у нас и появились конкуренты, отбирающие значительную часть рынка. И повлиять на них мы не можем, ибо патентное право здесь бессильно. Единственное, на чем мы выигрываем, так это на громком названии «Антисептик № 1. Зеленка» и умной рекламе, которую помогает продвигать Мишка. Так название «Зеленка» и закрепилось в сознании врачей, а через них и у обывателей. Для пущей эффективности нам бы следовало запустить целую серию медицинских препаратов и материалов. Таких как йод, перекись водорода, стерильные бинты, вату, марлю, лейкопластыри, жгуты и много чего прочего. Но на наши фантазии пока нет ни времени, ни денег. У нас сейчас главная цель — становление моторного транспорта и химической промышленности. Подшипники вот еще головную боль приносят. Завод во Швайнбурге активно поглощал наши средства, модернизировался и пытался выкинуть на рынок новые виды роликовых подшипников. Туда приезжал Мендельсон, разбирался с патентованием, налаживал процесс в местном юридическом отделении. Старательные немцы с энтузиазмом взялись за дело и спустя некоторое время выдали кучу свежих привилегий нового вида подшипники и на новые станки, шлифующих до зеркального блеска ролики. Наверное, мы разделим производство во Швайнбурге. Часть оборудования вывезем в Россию, в тот же самый Новгород, например, поставим завод и будем снабжать всех желающих в стране доступным и относительно недорогим продуктом. Если так, то опять же все будет упираться в деньги и в опытные кадры. И вот так всегда. Наши с Мишкой неуемные амбиции тормозятся обычным дефицитом наличных денег и уже ощутимым отсутствием грамотных кадров. Моллер за наши аппетиты, наверное, нас уже давно проклял и с досадой вспоминал тот день, когда дал свое согласие стать директором нового финансового учреждения. Банк под его управлением изыскивал любую возможность, чтобы достать наличность для нашей жадности.

И вот, в нагромождении различных производств, возникших за коротких четыре года, еще одним кирпичиком этого пазла стало наше новое производство киноаппаратов и кинопроекторов. И возникло оно от безысходности, ибо аппаратов под мои «скромные» требования в нынешнее время просто не существовало. Купленные в Америке аппараты Эдисона были до винтика разобраны нашими инженерами и переделаны под требуемые характеристики. Где-то что-то подправлено, подточено, заменены ненадежные детали, поставлен электродвигатель и редуктор. Оптику для первого раза трогать не стали, но наши инженеры уже вышли на компанию Цейса и попросили их разработать новый объектив, такой чтобы и фокусное расстояние можно было менять и поток света регулировать. Закупили в Америке еще с пяток кинопроекторов, и сейчас идет их активная модернизация с целью последующей продажи кинопрокатчикам. Хотя аппараты и оказались весьма

недешевыми сами по себе, то после нашего вмешательства их стоимость взлетала вообще до небес. И это отпугивало многих мелких и средних прокатчиков. Кстати, шустренько подсуетились французы. Каким-то образом узнав про мои нововведения задолго до выхода фильма, вышли на меня и предложили покупать аппаратуру у них. Мы пока думаем, прикидываем что выгоднее, но судя по всему, дадим им отказ. Не будем покупать у них самую технику, но зато с удовольствием приобретем механическую начинку. А корпуса мы и сами сможем соорудить из того самого карболита. Да и над компактностью поколдуем, а то слишком уж тяжелая и габаритная машинка получалась.

К концу лета мы запустили производство новой картины. Не продолжение «Двух сердец и крепкого кулака», а совершенно новую историю. Тоже боевик, тоже с красивыми драками, но уже без оголтелой городской банды и любви. История была про боксерское восстание в Китае и нашу доблестную армию. Вернее, про небольшой конный отряд, что заблудился при длительном переходе и оказался застигнут врасплох большим отрядом повстанцев. Серафим с Денисом играли двух друзей поручиков, которые после внезапного и подлого нападения, похоронив своих друзей, оторвались от отряда и пошли совершать акт мести. Банальная история, от которой пахнет нафталином, но для этой эпохи сойдет. Для зрелищных сцен со стрельбой и драками лучше идеи и не придумаешь. Сценарий опять написал я, нелепости любезно поправил сам Серафим, а Маришка с вдохновением взялась за организацию процесса. Она же озаботилась костюмами, декорациями в павильоне, подобрала массовку. Все было хорошо, только со злыми китайцами возникла проблема. Кроме наших двух помогаек ни одного азиата в округе и не было. И вот, когда я решил было их попробовать на роли и уже приступил к первым съемкам, как заявился Мишка. Завалился шумно в павильон, постучал сапогами об пол, сбивая грязь, да и подсел рядом со мной на стул, молча уставившись на гримасничающих перед камерой китайцев. А когда я, отсняв дубль, крикнул «Стоп!», пододвинувшись, шепотом спросил меня:

— Ты, Вася, нехороший человек и вообще редиска. Ты зачем их у меня отобрал?

— Чего? — не понял я, оборачиваясь.

Мишка, пододвинувшись еще ближе, почти в самое ухо повторил вопрос:

— Я говорю, ты зачем их у меня отобрал?

— Кого? Ты про китайцев что ли? — догадался я о ком шла речь

— Про них, про них, — кивнул Мишка. — Я их для особого дела приберег, а ты без разрешения их у меня забрал, да еще на всю страну показать их морды хочешь. Нехорошо так поступать, Вася.

Я мотнул болящей головой и поднялся с места оператора. Раскинул в стороны руки, потянулся, хрустнув хрящами позвоночника. Спина затекает от долгого сидения за этой шарманкой.

— А тебе жалко, что ли? — в ответ спросил я. — У меня тут проблема с азиатами, а ты зажлобился как самый последний кулачина. Нехорошо так поступать, Михаил Батькович. Они ж у тебя ни черта не делают, только слоняются по городу, кабаки околачивают. А у меня они при деле.

— Ты, Вась, меня не понимаешь, — по-прежнему негромко сказал друг. — Моим китайцам светиться на экране ну просто никак нельзя. Нельзя в степени абсолютно. Они мне для важного дела нужны. Причем уже совсем скоро. А твой фильм с их мордами мне рушит все планы.

— О чем ты говоришь? Какие такие планы? Для какого дела тебе они нужны?

Мишка вздохнул. Покрутил головой, ища лишние уши, встал со стула и, кивнув головой в сторону двери, предложил:

— Пойдем-ка, уединимся. Надо пошущукаться. Дело серьезное.

Я пожал плечами. Мы вышли из павильона, зашли в небольшую комнату, где стоял небольшой чайный столик и примус со стальным чайником. Тут же в кулечке лежали ломаные остатки печенек.

— Надо же, варвары, подъели, — беззлобно констатировал я факт уничтожения неизвестными лицами единственного закусона к чаю. — Присаживайся, глотнем по кружечке английского с бергамотом, — и, поджигая спичкой горелку, поставил воду закипать.

А Мишка, присев на стул и облокотившись на спинку, сложил руки на груди и с укоризной посмотрел на меня. Я, присев напротив, поставил на стол два стакана в подстаканниках, ливанул туда крепкой заварки, напоминающей чифирь и пододвинул сахарницу. Ложкой Мишка завладел сам, тщательно обтерев ее об платочек.

— Ну-с, рассказывай, — разрешил я, разливая кипяток по стаканам. — Какие у тебя бармалейские планы на своих китайцев?

Мишка хмыкнул. Не спеша бросил в чай пару кусков сахара, методично застучал ложкой. А затем, отхлебнув, сказал:

— Через полтора года война с Японией.

Я кивнул, показывая, что я об этом помню. По нашему уговору после зимы я должен уехать на Дальний Восток, чтобы наладить там производство нашей колючей проволоки и боеприпасов к миномету. Ну и кое-какие вещи туда перевезти — те же самые телефоны, приспособленные к военно-полевым условиям, мотоциклы наши с колясками и без, мопеды и велосипеды. И прочее в таком же духе, чтобы было, что предложить нашим военным уже на месте. Мы понимали, что особо-то в этой войне стране помочь не сможет, но попытаться спасти несколько человеческих жизней стоило. И даже если благодаря нашим усилиям война продлится хотя бы еще на пару месяцев, то это уже будет хорошо. У Японии людские ресурсы не безграничны, глядишь и покатятся их войска обратно к восточному берегу, испытывая недостаток резервов. Ну, это так, всего лишь предположение. Как на самом деле все будет покажет время.

— Про Японию я помню. А китайцы тебе зачем?

— Помнишь наш разговор про Куропаткина? — в свою очередь спросил друг.

— Ну....

— Так вот, Куропаткин до войны должен прокатиться по Дальнему Востоку с инспекцией. Это я помню. Но когда это произойдет, я точно не знаю, но у него остается не так много времени. И, кстати, в данный момент он находится в столице. Понимаешь, на что я намекаю?

— Надо успеть ему морду набить? — со смешком спросил я и Мишка кивнул. — А китайцы каким боком к этому делу?

— Ты что, забыл уже что ли? Мои китайцы будут изображать злобных самураев, что похитят господина Куропаткина, чего тут непонятного?

Я понимающе кивнул. Мишкин план был предельно прост. Похитить главного «торопыгу» русско-японской войны, втайне унижить и подставить Японию с той гнусной целью, чтобы наши на Дальнем Востоке хоть чуть-чуть зашевелились. По слухам и по заметкам в газетах, которые Мишка собирает со всей страны, уже сейчас строительство

укреплений в Порт-Артуре значительно замедлилось — правительство сэкономило деньги. Но эта кажущаяся простота плана таила в себе множество подводных камней и оговорок.

— Ну и скажи, как ты их будешь использовать? Ты с датой определился?

— Надо совершать похищение как можно скорее. В течение месяца. Не ровен час рванет Куропаткин на восток и вспоминай как звали. Дело, в общем-то, несложное. Он хоть и министр, но его с легкостью можно подловить, когда при нем находится самый минимум людей. Например, когда он возвращается из театра.

— У него нет охраны? — удивился я.

— Есть, — недовольно ответил Мишка. — Но я б постеснялся назвать это охраной. Так, сопровождение по статусу. Против неожиданного нападения они ничего противопоставить не смогут.

— Вооружены?

— Конечно.

— Тогда обязательно какой-нибудь дурак стрельнет. Голову на отсечение даю. А вообще, у тебя готов сам план, люди, помещение?

И Мишка на мой вопрос лишь уклончиво качнул головой.

— Только помещение. Я снял на год домишко в Пскове с хорошим подвалом и глухим, высоким забором. Лучше не придумаешь. Но нам и месяца хватит.

— А как ты его будешь в Псков переправлять после похищения? Вся полиция и охранка на уши встанет. Всю столицу перевернут, все дороги перекроют. Все подозрительные кареты досматривать будут. Я уж не говорю про поезда. И на чем ты его повезешь?

Мишка молчал. Крыть нечем. Имелась двухпутная железная дорога, но этот вариант отпадает. Переправлять министра своими силами в карете.... Дороги до Пскова, как бы это сказать, имелись лишь условные. Набитая телегами и тысячью ног направление было, а не дорога. Конечно, кое-где попадалась мощенная «скоростная трасса», но это лишь кое-где. Я вообще до сих пор не понимаю, как Российская Империя разрослась до таких гигантских размеров при таких ужасных дорогах, по которым более или менее с комфортом можно было перемещаться только зимой на санях. Да и то это было сомнительным удовольствием.... В общем, пока довезешь генерала до места, тебя десять раз проверят и пятнадцать раз грохнут. Не-ет, если уж прятать Куропаткина, то только в самой столице или в ее пригородах.

— И что делать?

— У тебя есть похожий дом как в Пскове, но только здесь, в столице?

Мишка мотнул головой.

— По газетным объявлениям надо поехать. А это время. Пока найдешь то, что надо может месяц пройти.

Я согласно кивнул и задумчиво отхлебнул остывающий чай.

— А с людьми у тебя как? Ты вроде бы говорил, что озаботишься этим вопросом.

— С людьми все в порядке. Мои китайцы будут главными актерами перед Куропаткиным. Они будут его пытаться, издеваться над ним, допрашивать. Жестко, но аккуратно, чтобы тот не поплыл. Еще есть три надежных человека, что пойдут на нашу авантюру не спрашивая, а потом язык будут держать за зубами. Конечно, заплатить им хорошо придется и за границу отправить на годик от греха подальше.

— Что за люди? Местные?

— Один сам Василий Орленок, а еще двое его людей из охраны. Что я надумал они пока еще не знают, но уверен, что не откажутся от разового дела. Молчать будут, я в них уверен.

Эти двое очень сильно подсели на идеологию социалистов-революционеров и, похоже, только и ждут момента, чтобы применить свои силы на какое-нибудь «благое» дело. Узнают, что мы самого Куропаткина пойдём похищать — побегут впереди телеги.

Я поперхнулся чаем. Расплескал его по столу, запачкал брюки. Этого мне еще не хватало!

— Мишка, ты с ума сошел? Нам еще с эсерами связываться не хватало! И они у нас еще и работают?!

И мой друг удивленно пожал плечами.

— Ну, работают. И что? Ребята работающие, ответственные. Революционными идейками только интересуются, на собрание партийных ячеек не ходят. Конечно, кто-то их тщательно обрабатывает, литературку им подкидывает, но это все. Орленок говорит, что их еще не сильно засосало, но в нашем деле эти двое будут участвовать охотно. А потом, мы их в Америку отправим, охранять нашу юридическую контору. И никто не узнает. Так что риск раскрыться через них минимален. У них и семей-то нет, чтобы здесь задерживаться.

— А у тебя Орленок уже все знает что ли?

Мишка кивнул.

— Я с ним намеками поговорил и он понял. А потом согласился участвовать. Его тоже можно потом в длительную командировку отправить. Например, сопровождать по европам нашего главного химика. А то он жаловался, что неуютно ему с крупными суммами в одиночку перемещаться. Охрану просит. Главное, до «кровавого воскресенья» их продержат за границей от греха подальше, а потом охранке не до этого будет.

— Ну, ладно, будем считать что убедил, — поддался я Мишкиным аргументам. — Допустим..., дом мы найдем, людей подключим.... А сам план похищения у тебя есть?

— Есть один. Довольно простой, но он обязан сработать без всяких сюрпризов. И людей хватит для этого плана.

— Давай, рассказывай, — потребовал я, подливая в стакан горячей воды. И Мишка, для страховки выглянув за дверь, меня просветил....

Что ж, план действительно был довольно прост. Поймать момент, когда Куропаткин будет проезжать в закрытом экипаже и, подменив или подкупив возницу, увезти его в нужное нам место. А там уже и делать с ним что хочешь, предъявив в качестве убедительного аргумента несколько револьверных стволов. Сопровождающие Куропаткина внутри экипажа сделать ничего не смогут, остается лишь вопрос с внешней охраной. Будут ли они вообще и в каком количестве? Надо бы аккуратно понаблюдать за господином военным министром, узнать, как он привык перемещаться по городу. Ну а потом, пересадить его уже в другой крытый экипаж и увезти без лишних свидетелей куда нам требуется. Ну а китайцы обязательно должны светить своей физиономией и громко бросать фразы на японском, так, чтобы ни у кого из сопровождающих не возникло ни тени сомнения в причастности к похищению японской разведки. С японским языком, правда, была проблема, ибо наши китайцы не знали на нем ни слова. Ну ничего, для того, чтобы бросить пыль в глаза достаточно и того словарного запаса, что я вынес со своих тренировок по каратэ. Счет от одного до десяти, названия ударов, обращение к тренеру и прочую ерунду. Никто их все равно не поймет, но в сознании свидетелей отложится чужестранная и неприятная речь.

— Ну, что скажешь? — поинтересовался моим мнением друг, выжидательно всматриваясь в лицо.

Я неуверенно пожал плечами:

— План вроде бы и не плох, но что-то слишком просто. Все ли учтено?

— Чем проще, тем лучше, — парировал Мишка. — Всего, конечно, не учтешь, но у нас особого выбора-то и нет. Мы с тобой в этом деле дилетанты, вот и будем действовать по-дилетантски.

— А, например, будет у него внешняя охрана из четырех конных, что тогда делать будем? Стрелять их?

И тут Мишка пожал руками. Что делать в этом случае он не знал. Но при любом раскладе сначала необходимо был провести хотя бы минимальную разведку. То есть определить при какой охране перемещается Куропаткин по городу. И вот на этом мы и остановились. Орленок со своими подопечными проследят за наиболее частым маршрутом военного министра и сосчитают охрану, а Мишка займется поиском подходящего дома. Ну а я оказался временно не при делах и потому продолжаю снимать свою синему. Хотя..., к черту эту синему. Весь сценарий полетел к черту. Придется его переписывать и вместо китайских боксеров использовать тему русско-английского противостояния. В Крым уехать на натурные съемки, да и с солнышком там веселее. А может быть Чаплина попытаться за это время отыскать? Или Бастера Китона? Когда они там сниматься начали? Может быть, они уже пытаются счастье на ниве кинокомедий?

Тему сценария мне пришлось серьезно переделывать. Перечеркал весь слева направо и сверху вниз, а время действия перенес в прошлое во времена Севастопольской войны. Мне показалось, что так будет лучше, а зрителям тема гораздо ближе, нежели абстрактные китайские боксеры. И пока Маришка подготавливала все необходимое для павильонных съемок в столице, я решил скататься в Москву. К тестю и теще в гости. Прихватил с собой непоседливую Дашку и Зинаиду, чтобы помогала мне за ней присматривать. Я не просил в телеграмме встретить меня. Незачем. Багажа взял с собой по минимуму, пробыть собирался от силы неделю. Устроил себе, так сказать, псевдоотпуск. От вокзала до дома Мальцевых добрался на извозчике и, держа на руках Дашульку, зашел через калитку. Меня увидели в окно и девушка, что работала прислугой, радостно выскочила на крыльцо.

— Василий Иванович! — радостно воскликнула она. — Как же вы неожиданно. Так радостно!

Это была не наигранная радость, она действительно была рада меня видеть. Уж не знаю в чем причина, но каждый раз, когда она меня видела, всегда вспыхивала румяными щечками и крутилась вокруг меня, пытаясь удовлетворить любые мои пожелания. А ведь помнится первый раз, когда я ее увидел, Оксана была совсем еще подростком, стеснительным и немного неуклюжим. На следующее утро после «приятной» встречи с Бурным, она скромно просила меня спуститься на завтрак. М-да, девчушка подросла, оформилась, стала приятной для мужского взгляда. И выскочила недавно замуж за молодого учителя.

— Что же вы, давайте сюда Дашеньку, — пролепетала она и со смешным усюсюканьем отобрала у меня ребенка. А та и рада, что переменила руки, сразу потянулась за яркими лентами, выдирая их из волос.

— Степан Ильич-то дома? — спросил я, заходя в дом. Чемодан и трость прислонил к стене, скинул шляпу, расстегнул пиджак.

— Нет, он на складах, — ответила она, морщась от того, что моя дочура очень уж сильно дернула за волосы. — Я сейчас за ним пошлю.

— Не надо, — ответил я, — пусть будет сюрприз. А любимая теща где?

— Ольга Даниловна на несколько дней к подруге поехала. Тут недалеко. Да вы проходите, пожалуйста. Я сейчас прикажу обед готовить и баньку растопить. Будете?

— Да, не помешает, — ответил я, — а то после поезда весь в саже. Сквозняки по вагону так и ходили... А еще первый класс называется.

Уже вечером, когда солнце зашло за крыши домов, а я сидел разогретый в бане и потягивал холодное пиво, прибыл глава Мальцевых. Степан Ильич узнал, что я у него в гостях, обрадовался и, скинув с себя сапоги и верхнюю одежду, завалился в ярко освещенный и влажный предбанник.

— Иваны-ыч! — зарычал он счастливо. — Чертяка, что ж ты не предупредил? Я б тебя встретил, как полагается.

И подойдя ко мне, стиснул в медвежьих объятиях, по традиции щекоча густой бородой. Даже приподнял меня, не смотря на свой возраст.

— Молодец! Хорошо, что приехал. И Дашку молодец, что привез. А то к вам в столицу не наездишься... Ну-с? Парился уже, да?

Я хмельно кивнул.

— Ниче, еще раз сходишь, — решил он за меня и, скидывая с себя штаны, рубаху, а потом и все остальное, кивнул, зовя следом. — Пошли, Иваныч, кости погреем. Поболтаем. Расскажешь мне чего у тебя и как. Автомобили еще не начал делать? А Маришка чего же не приехала?

— А Маришка теперь у меня при делах. Вся в трудах и в заботе. Новый фильм к съемкам подготавливает.

— А, это хорошо, что ты ее к делу пристроил, — удовлетворенно ответил тесть, плотно прикрывая низкую дверь в парилку. — Все меньше будет о своей ерунде думать. Кстати, видел я твою синему — увлекательно, черт побери. Со мной потом мужики долго спорили, говорили, что нельзя так ногами лягаться — все яйца порвешь. Не верили мне, когда говорил, что я лично с Серафимкой Озирным знаком.

Наши с ним посиделки в бане затянулись до глубокой ночи. Мы изрядно напарились, напились пивом, наболталась обо всем на свете. Как мужик Степан Ильич был достаточно жесток, особенно с посторонними. Даже со своими сыновьями он общался немного грубо, не терпя их промашки и слабости, но вот со мной он почему-то смягчался. Не был так суров, мог выслушать мое мнение, что ему было не свойственно и, кажется, он меня чуть-чуть уважал. Уж не знаю за какие заслуги, но и Маришка и теща говорили мне, что я заставил каким-то образом относиться к себе не так как к остальным. И если Мальцев старший мог посторонним людям и крепкое словцо бросить, а своим сынам и невесткам он вообще спуску не давал, то со мной он такого не позволял. Можно сказать, он допустил меня в некий узкий круг общения, куда пускались лишь избранные. И кажется именно поэтому его старший сын Савва со мною и пытался соревноваться, пускал пыль мне в глаза. Хорошо, что он не видит сейчас моих посиделок с тестем, а то бы опять стал приставать ко мне со всякими глупостями. Мне еще предстоит с ним встретиться на неделе, посмотреть, наконец, своими глазами на его магазин. Говорят, он неплохо поднялся на моих мопедах и велосипедах. Имеет стабильный доход, присматривает площади для второго салона. И ходит теперь перед отцом гоголем, пальцы веером, как будто что-то ему доказал. Хвастался, что насовсем вырвал из себя деревню, вытащил из навозной кучи и стал настоящим горожанином. Я думал, что Ильичу будет обидно за такое сравнение, но ничуть не бывало. Тот лишь глядел на своего старшего с усмешкой и изредка грубо осекал, когда Савва выходил за рамки приличий.

На следующий день Степан Ильич потащил меня по своим магазинам и складам. Мне все равно делать было нечего, а так хоть новые впечатления приобрету. И пока мы ехала на скрипучей бричке, он все рассказывал мне о том, как Савва поднялся. И в его голосе я слышал удовлетворение. Хоть и резки они были оба и порою орали друг на друга, так что стекла дрожали, а все равно, Ильич был горд своим сыном.

— Эх, Иваныч, а в мои года такой техники не было, — вздохнул тесть, щелкнув вожжами по крупу ленивой лошади. — Даже поверить трудно, что это на самом деле. Вроде бы железо, а само едет. И как едет! Мне Савка тут как-то показывал твоего «Руслана», так по нему сразу видна мощь. А потом он наперегонки с Бурным ездил. Вот это я понимаю!

— И как? — спросил я заинтересованно. — Кто выиграл?

— Петька на Бурном, конечно же, но все равно твоя мотоцикла удивительная штука. Лошадь ведь быстро устанет, а твоя железка хоть сутки может ехать — ничего ей не будет. Пока седок не упадет.

— Ну, до суток нам еще работать и работать, — не слишком довольно ответил я. — Нет еще нужной надежности.

— Это не беда. Она появится, я уверен. Не будут твои мотоциклы ломаться. Хотя Савка доволен, что к нему приезжают ремонтироваться, говорит, что на этом много зарабатывает. И хочет убедить тебя, чтобы ты увеличил..., как там его..., какой-то там срок....

— Гарантийный?

— Во-во, говорит, что больно уж выгодно людей привязывает.

— Ну да, есть такое дело, — согласился я с выводами родственника. — Но это ему выгодно, а вот мне совсем наоборот. Так что пусть даже мне не заикается, все равно откажу.

— Ну, как знаешь, у тебя своя голова на плечах. А может, заедем к нему сегодня?

— Может и заедем, — уклончиво ответил я. — Если по пути будет.

— Будет, — пообещал мне тесть и направил лошадь на соседнюю улицу. — Здесь близко, заскучать не успеешь.

Савву мы в его магазине не обнаружили. Но зато за витриной имелся в наличии единственный «менеджер по продажам». Он, ловко славировав между сверкающими мотоциклами, подскочил было к нам, думая, что мы потенциальные покупатели, но узрев сначала отца хозяина, а затем и меня, охнул и замер растерянно. Ильич засмеялся.

— Ну что застыл, не видишь кто пришел? Давай, зови Савку.

— Так нету его, — ответил молодой парень с зализанной челкой и щегольскими усиками. — И будет только к вечеру. Товар на станции принимает. Ваш товар, Василий Иванович, — добавил продавец, подобострастно склонив голову. — Пять мопедов, два мотоцикла с коляской и около двух десятков велосипедов.

— Что, хорошо продается? — поинтересовался я, между прочим.

— Не сказать, чтобы очень хорошо, но весьма неплохо, — ответил парень. — Нам грех жаловаться. Сосед наш уже который месяц ходит недовольный, ругаться иногда приходит.

— Это который сосед, Рыжий Петруха что ли? — вставил голос Ильич.

— Он самый, Степан Ильич. На прошлой неделе Савве Степанычу приходил морду бить, но так и ушел ни с чем. Только рубаху зазря порвал.

— Ха-ха, так ему и надо, долдону, — весело ответил тесть и заулыбался в бороду. — Что, совсем у него плохо? Говорил же я ему, чтобы не влезал в это дело. Прогорит. Вот и вышло по-моему.

Пришлось требовать пояснений. Оказалось, что имелся некий господин Рыжков, который являлся одним из купцов, с которым довольно часто конкурировал сам Мальцев. Куда бы тесть не сунулся, в какую бы сторону со своей торговлей не залез, через какое-то время на горизонте появлялся это наглец и отбирал часть рынка. И продолжалось такое довольно долго, уже более полутора десятка лет. И вот теперь, когда Савва отделился от отца и занялся своим делом, этот самый Рыжков влез и в его огород, также организовав конкурентные продажи населению мото- и велотехники. Но если Савва все покупал у меня и имел, таким образом, прекрасные образцы техники, то тот купец приобретал технику у сторонних производителей, частью у наших, российских, а частью у зарубежных. И понятно, что при более или менее одинаковых продажных ценах, моя техника выигрывала за счет более совершенных технологий. Да и сервисное обслуживание было у меня более или менее налажено. Не так как в моем мире, конечно, но эту сферу бизнеса мы развиваем именно в том направлении. Надо приучать покупателей следовать рекомендациям производителя и своевременно обращаться за техническим обслуживанием. И дело, хоть и со

скрипом, но идет. Местные кулибины любящие поковыряться в железках на нашу гарантию плюют и ремонтируют все сами, но зато простые обыватели, не знакомые с моторами, с удовольствием спихивают все заботы о здоровье железных коней на нас. И им мороки меньше, и нашим продавцам дополнительный заработок. И только наше предприятие берет на себя обременение по гарантийным ремонтам. И это весьма накладно, но мы терпим и всеми силами боремся над качеством наших мопедов и мотоциклов. Мне посторонние люди часто говорили, что зря мы взвалили на себя такие невыгодные обязательства и порою не имеем никакой прибыли с наших мотоциклов и надобно поступать так же как и все — скидывать заботы по ремонту на покупателей. И я их молча выслушивал, не вступая в споры которые мне уже надоели, и делал все по-своему. Делал так, как считал нужным. Гарантийный период хоть и был якорем на нашем мотоциклетном бизнесе, но он уже стал приносить свои плоды. Покупатель понял, что наша компания его не обманет и бесплатно отремонтирует его покупку. И поэтому охотнее покупали именно нашу продукцию, игнорируя конкурентов. Уже сейчас в неделю мы продавали около трех десятков относительно недорогих «Уралов» и по пять штук шикарных «Русланов». А совсем уж дешевые мопеды с новым названием «Днепр» в неделю уходило более полусотни. И с каждым месяцем медленно, но верно продажи все возрастали. Впереди, правда, зима и ожидается серьезный спад, но, тем не менее, тенденция налицо. Следующий год обещал быть более удачным. А еще хорошо бы заинтересовать нашей техникой военных. Надо бы как-то их убедить. И конфликт возле корейского полуострова может нам в этом помочь.

— А что, далеко у вас тут сервис? — спросил я счастливого парня, что лыбился прямо передо мной. — Можно его посмотреть?

— Да, конечно, Василий Иванович, вам все можно. Вон дверь на задний двор, там у нас ремонт налажен. Пойдемте, я вам все покажу.

В общем-то, смотреть там было особо не на что. На заднем дворе образовалась небольшая постройка, в которой стояло несколько верстаков с тисками, маленький токарный и сверлильный станочки, ручной пресс и подставки, что позволяли стоять технике строго вертикально. За одним из верстаков трудился серьезный мужичок, который с умным видом раскидывал небольшой двигатель от «Урала». Услышав хлопнувшую дверь, не отрываясь от занятия, он громко и не слишком довольно произнес:

— Дверь закрывайте, сколько можно говорить. Дует! — и только потом поднял голову. Кивнул приветственно Степану Ильичу, менеджера вовсе проигнорировал, а на мне задержал взгляд, напрягая память.

Я поздоровался и с интересом подошел к столу, окидывая фронт работ. И все стало понятно — мужик менял прокладки, которые очень уж часто у нас прогорали. Паронит бы нам сделать и было бы счастье. Но вот беда, о нем я не знал вообще ничего, и потому как нам его получить оставалось лишь гадать. Уже сейчас частью мы перешли на медные прокладки и проблема вроде бы решилась. А тот «Урал», что сейчас перебирал ремонтник, был из самых первых выпусков.

Меня мужчина так и не вспомнил и потому никаких восторгов в его голосе и не присутствовало:

— А Саввы здесь нет, — глухо сообщил он, глядя на старшего Мальцева.

— Мы знаем, — ответил тесть, подходя к захламленному верстаку. И кивнув на грязный двигатель, ехидно спросил, — что, ломается железяка-то?

— А, зараза, замучила меня эта ваша техника, по ночам уже снится. Одно и тоже

каждый день, — раздраженно ответил мужчина, схватив с верстака ветошь и энергично, словно таким образом выпуская свое недовольство, принялся оттирать мазутные пальцы. И при этом громко ворча, проклиная свою работу. — Масло поменяй, фильтра поменяй, цепь натяни, тросики натяни, бак от дерьма почисти, колеса подкачай.... Тьфу! Надоело хуже редьки, никакого творчества. Одно и тоже каждый день.... И ломается все время, зараза.

— То есть, техника дрянь? — со смешком спросил Ильич, поглядывая на меня.

— Дрянь, конечно, — чистосердечно признался мужик.

— И что, неужели все так плохо? Поди заграничные-то получше будут?

— Да ну вас, — совсем уж раздраженно махнул рукой мужик, — чего спрашиваете?

Сами и так знаете. Разбирал я как-то заграничные двигателя, так скажу вам, что и у них не все хорошо. Тоже часто ломаются. Нету надежности ни у кого! А уж как масло нагорает! В керосине приходится детали сутками отмачивать!

Слова этого мужчины были для меня как ружейные выстрелы, такие же хлесткие, режущие слух и болезненные. Обо всем, что он говорил, я знал и так, но, черт побери, все равно было очень неприятно их слышать. И все из-за молодости нашего производства, отсутствия серьезного опыта и несовершенных смазочных материалов. Когда там еще появится синтетика, полусинтетика или же простое, но качественно минеральное масло для моторных движков с нужными присадками? Нынешнее очень уж сильно горит, а в будущем, когда мы станем идти по пути повышения оборотов, проблема обострится еще больше. Вот и приходится сейчас мучиться, часто промывать моторы в керосине.

— Тебя как зовут-то? — спросил я мужика, когда тот перестал ворчать и бросил ветошь на стол.

— Дмитрий я. А что?

— Давно с моторами возишься?

— С подобными, — он кивнул на разобранный двигатель, — пару лет. До этого с другими работал.

— У Саввы давно работаешь?

— С полгода, а что?

— Самоучка?

Мужик развел руками. Можно было и не спрашивать, слишком уж молодая отрасль. На мотористов нашего профиля никто еще специально не учит. А надо бы.... Мы при заводе открыли что-то наподобие класса техникума, где по вечерам опытные рабочие передают свои умения молодежи. И приглашаем читать лекции преподавателей из университетов, чтобы те отдавали свои знания не легкомысленным студентам, у которых в одно ухо влетело, а в другое вылетело, а уже состоявшимся опытным рабочим и инженерам, которые усваивали и переосмысливали материал сугубо с практической точки приложения. И надо сказать, что приглашение преподавателей хоть и стоило нам хороших денег, но оно себя оправдывало. Грамотность наших кадров медленно, но верно повышалась, что положительно сказывалось на качестве работ. Так вот, имея этот опыт, можно организовать нечто подобное и по теории строительства и эксплуатации двигателей внутреннего сгорания. С преподавательским составом, правда, будет беда, таких специалистов днем с огнем не сыщешь. Поэтому придется воспитывать своих. Тот же Тринклер в какой-то мере сможет потянуть это дело. Да и обучить наших партнеров как грамотно ремонтировать наши мотоциклы тоже необходимо. Гарантийный ремонт именно это и подразумевает.

— Ты, Дмитрий, я смотрю, любишь с техникой возиться, — сказал я, подходя к

верстаку. — Ты у Саввы Степаныча один такой или еще есть подобный тебе?

— Один я такой, — признался он. — Сложно найти грамотного помощника. А инженеры денег требуют.

— А ты значит забесплатно?

— Ну почему же? Свой честный рупь я имею.

— А в столицу не думал перебраться?

— В столицу, скажете тоже. Да кому я там нужен? Там и своих без работы хватает. Ну, приеду я туда, а дальше куда?

— А на «Русские Заводы», например?

— Ну, вы хватили, — засмеялся словно от веселой шутки Дмитрий. — Туда же просто так не попасть. Слышал, что очередь там большая. И чем я там заниматься буду в этой столице, дожидаясь телеграммы? А тут мне у Саввы Степаныча вполне неплохо. Да и с техникой я здесь могу спокойно заниматься.

Что ж, хозяин-барин. Не желает мужик срываться с теплого места — его дело. Да и у Саввы работника воровать тоже не очень хорошо. Поэтому я промолчал и лишь покивал головой, показывая, что принимаю его доводы. А после, сказал:

— Ты, когда отсюда решишь уходить, и если вдруг возникнут сложности с работой, то к Степану Ильичу обратись. Он подскажет тебе адресок, где меня можно найти. И если надумаешь перебраться в столицу, то я помогу тебе с работой. И вот тебе номер телефона, чтобы позвонить смог с вокзала, — на первой попавшейся бумажке я карандашом вывел несколько цифр. — Мне разбирающиеся работники нужны, — и с этими словами я вышел из помещения на свежий воздух. Следом за мной степенно вышел тесть, а в щель закрывающейся двери я услышал недоуменный голос Дмитрия, который спрашивал у парня, что продавал мои мотоциклы.

— А это кто такой был?

С Саввой я встретился следующим днем. Приперся он в старый дом, где жил раньше и поймал меня за утренней тренировкой, без которой я уже не мог обходиться. Не размявшись с самого утра, я целый день ощущал себя не в той тарелке. И к моему удивлению он не повел себя, так как обычно, а терпеливо дождался, когда я освобожусь и только потом поздоровался со мной за руку:

— Здравствуй, Иваныч. Рад, что приехал. Честно.

Не похоже на него это. Наглости поубавилось у него что ли?

— И тебе привет. Как дела твои?

— Грех жаловаться, — ответил он довольно и похлопал по внутреннему карману пиджака, где обычно лежал толстый кошель. — Хорошо торгуюсь, люди раскушали твою технику. И на ремонтах неплохо получается заработать.

— Ну что ж, рад за тебя, — только и оставалось мне ответить. С моей точки зрения наши мотоциклы и мопеды были слишком уж далеки от идеала, но вот местный люд, неизбалованный качественными агрегатами, радовался и этому. И после этих слов я отошел в сторону, чтобы обтереться полотенцем. Разговаривать со своим родственником у меня не было никакого желания. А что до деловых отношений, то на этот случай у нас есть договор, в котором довольно жестко регламентировались все торговые условия. И в случае недоразумений с Савкой всегда разбирался наш юрист безо всяких скидок на наше родство. И я в это дело не вмешивался.

— Слушай, Иваныч, — сказал вдруг Савва после затянувшейся паузы, — я тут сказать тебе хочу... Ты уж не держи на меня зла, за то, что я с тобой так раньше. А? Я ж с тобой так, по-родственному. Испытать тебя хотел. А теперь вижу, что хороший ты мужик, деловой. На мякине тебя не проведешь. Ты уж извини меня за то, что я с тобою так....

И он замолчал, ожидая моего ответа. Удивительно мне было видеть его слегка смущенную рожу, видимо это неуклюжее извинение далось ему весьма нелегко. И я смотрел на него и подозревал, что нету искренности в этих словах. Какая-то здесь скрытая корысть. Не тот Савва человек, чтобы извиняться. Димка, брат его, тот еще может признать свою неправоту, а вот Савка нет. Этот будет переть до последнего, не признавая свою ошибку. И благодаря этому качеству он мог горы лбом прошибать, но только до тех пор, пока не попадется гора покрепче. И встретив ее, он скорее разобьет себе голову, чем свернет с дороги. Это прошибное качество само по себе в торговом деле весьма ценное, но все же надо уметь вовремя останавливаться. И вот именно в этом деле Савве помогала его супруга. Лаской и нежностью она часто отговаривала своего бронелобого от неверных действий и направляла по другому пути. Не верю я ему ни на грош, не может он по собственной инициативе такие слова говорить. Не иначе как его жена здесь руки приложила.

Я выпрямился, отложил в сторону влажное полотенце. Посмотрел с прищуром на него.

— Ты не думай, я без всякого умысла такое говорю. Ни перед кем я еще не извинялся. Только перед тобой, Иваныч. Ошибался я в тебе, считал, что не ровня ты нашей Маришке. За нее переживал.

Как бы то ни было, но отказывать человеку, пусть даже и Савке, в таких словах нельзя. И потому я, переборов внутренний протест, принял его извинения, но при этом ни на секунды не забывая о том, какой личностью Савва на самом деле является:

— Хорошо, — сказал я, кивнув. — Принимается.

И после этих слов мой родственник заметно повеселел и вздохнул облегченно, словно сбросил с плеч двухпудовый мешок. А потом платком вытер испарину с переносицы.

— Вот и славно, вот и хорошо, — заговорил он радостно. — А то моя всю плешь мне проела — иди, говорит, пока он здесь, встретиться. В гости пригласи, а то неправильно это, за столько лет ни разу у нас Маришкин муж не был.... Ну что, придешь в гости?

Все же я был прав, без Савкиной жены здесь не обошлось. Все-таки женский такт, ласка и мудрость могут с мужиком делать все что угодно. Некоторые вон, благодаря супругам, генералами становятся, а Савка таким образом стал неплохим купцом. И после его неожиданного признания, из моего рта сорвался легкий и неожиданный смешок. Совершенно необидный. И я пообещал Савке:

— Хорошо, приду с удовольствием. Завтра. Я же твоих детей толком-то на свадьбе и не рассмотрел. Вот и будет возможность познакомиться получше.

На следующий день я сходил к нему в гости. Первый раз здесь был. Новый высокий кирпичный дом с подворьем. Банька деревянная, амбар для запасов и склад, в котором временно стояли мои мотоциклы и велосипеды, упакованные в ящики. Как потом узнал, Савва, принимая товар на станции, частенько оставлял его у себя дома, пользуясь тем, что его дом гораздо ближе к вокзалу, нежели салон. А потом, следующим днем он не спеша перевозил товар на склад. Двое хулиганского нрава пацанов одиннадцати и восьми лет не проявили ко мне никакого интереса и после первой церемонной встречи, испарились по своим пацаньим делам. Зато супруга Саввы, Ульяна Викторовна, при нашей встрече так и засветилась радушием, проводила меня в дом, накормила, напоила, экскурсию по дому и

участку провела и общалась со мною без умолку. Голосок у нее оказался очень приятный, бархатный, мелодичный. Очень красивая женщина, чрезвычайно общительная, обходительная, казалось, что она никаким образом не подходит в пару грубому, наглому и прямолинейному Савве. Но, как я и говорил, она умела подбирать к своему супругу крохотный ключик. А еще она оказалась беременна третьим ребенком, но выдающийся живот несколько не мешал ей быть гостеприимной хозяйкой. И она частенько поддакивала Савве, направляя его мысль в нужную ей сторону. И делала это так ловко, что мой родственник даже не догадывался, что высказанная им мысль на самом деле была искусно внушена его Ульяной. И вспомнив, что тесть как-то хвастался моими шашлыками, она нежно, поглаживая мужа по плечу, попросила его зарезать овцу. А меня, стало быть, приготовить на углях знаменитое угощение. И вот, в самый полдень, когда позднее сентябрьское солнце стало хорошо припекать, Савка, поигрывая в широкой ладони блестящим лезвием, позвал меня в хлев, вершить убийство бедного животного. Выбрал в стойле самую грустную овечку, отделил ее от остальных, так, чтобы те не видели казни, и накинул на ее шею веревку. Притянул к столбу, плотно привязав и, зажав обреченное животное между ног, оттянул ее голову вверх и быстрым движением проткнул острым ножом горло и резко от себя дернул, перерезая все на своем пути. Овца рванулась, но ей уже ничего не могло помочь. А Савва, сделав свое дело, отпустил ее и, отойдя в сторону, закурил, глядя как животное дергается, окропляя дощатый настил вытекающей кровью и мучительно умирая.

— Подожди, это еще не все, — сказал он, заметив, что овца затихла. — Надо еще пождать. Потом поможешь мне ее подвесить и шкуру снять.

Я впервые в жизни присутствовал при таком событии. И на меня это произвело огромное впечатление. Видеть как хладнокровно, без малейшей эмоции убивают живое существо.... Блин, храбрец хренов.... Я не боюсь вида крови, самого не раз зашивали, видел ломаные руки и ноги и всегда я считал себя в этом плане психически устойчивым. Но вот сейчас, видя как умирающее животное, бессильно бьется, не желая прощаться с жизнью, я переменял свое мнение о себе. Все-таки я дитя другого мира, более гуманного или, я бы даже сказал, более сопливого, пускающего слюни по любому незначительному поводу. И только сейчас я в полной мере осознал, что до сих пор еще не вжился в эту эпоху, много во мне еще этой цивилизованной мишуры. И вот в связи с этим возникал вопрос, а смогу ли я участвовать в похищении Куропаткина. Даже если пройдет все гладко и не придется стрелять в человека? А если придется? Человек ведь не овца, он мне по ночам потом снится будет.

А животное меж тем окончательно затихло и перестало биться. Голова повисла на веревке, остекленевшие, безжизненные глаза уставились в грязный угол сарая, а язык словно тряпка вывалился изо рта.

— Ну что, пойдём? — спустя какое-то время спросил Савва и, не дожидаясь моего ответа, принялся отвязывать тушу от столба. — Бери за задние, перенести надо. Вон туда....

Все-таки я взял себя в руки. Поджав губы, чтобы не было заметно моего потрясения, я помог Савке сначала подвесить овцу за подрезанную ногу, а потом и снять шкуру. И уже в самом конце, когда он бросил в таз самые лучшие мясные куски, я, немного придя в себя, спросил его о том, что занимало меня все время с момента нашего знакомства:

— Слушай, Савва. Ты же вроде небедный человек, отец твой тоже, так?

— Ну..., - невнимательно ответил он, ловко отделяя часть ноги по бедренному суставу.

— Я вот чего не пойму. Почему вы при себе скотину держите? Ведь мороки с ней столько, ухаживать за ней, а купить мясо и молоко на рынке вы всегда можете.

И тут он посмотрел на меня как-то свысока и, утерев лоб рукавом, ответил усмехнувшись:

— Сразу видно, что ты городской, Иваныч. Жил бы в деревне и знал бы, что такое голод, ни за что б от скотины не отказался. Она тебя при любом раскладе прокормит. Да хоть бы одним молоком и яйцами. И выменять на хлеб можно. А откажешься от нее и все — будто и нету тебя. Понял?

— Что, только из-за этого? Так ведь это же простая привычка.

— Сам ты «привычка», — недовольно буркнул Савва. — Городской ты, вот и все. А вообще я мясо тебе отделил, а дальше и без тебя сам справлюсь. Так что ты иди, готовь свой шашлык-машлык.

Я пожал плечами и оставил своего родственника разделять тушу в одиночку, а сам принялся за любимое дело. И хоть здесь не было ни мангала, ни шампуров, но зато имелись кирпичи, с легкостью заменяющие емкость для углей и дровишки из которых можно настругать на замену шампуров. И самое главное имелось свежайшее, еще теплое мясо, которое не требует никакого маринада. Лишь выдержать слегка в луке, пока прогорают дрова, да присыпать сверху солью. И уже через полчаса я собрал вокруг себя всю семейку Саввы. Даже пацаны, почуявшие вкусный запах, прибежали с улицы и с интересом закрутились возле меня.

Ну а потом был сытный обед и вкуснейший в моей жизни шашлык, который мы с Саввой запивали холодной водочкой. Мальчишки, сожравшие по два шампура, отвалились от стола со счастливым видом и, блаженно постанывая, уползли в дом переваривать. А мы, то есть я, Савва и Ульяна остались сидеть под ласковым солнцем последних теплых сентябрьских деньков и мерно беседовать. Болтали обо всем, о погоде, о столице, о делах в бизнесе, о делах семейных. Казалось, перебрали все темы, Ульяна как настоящая женщина трещала без умолку и задавала вектор разговора, а Савва аккуратно, искоса поглядывая на супругу, опрокидывал в плотку стопку за стопкой. И поэтому неудивительно, что в какой-то момент он вдруг отвалился от стола, решив сходить до ветру, и так и не вернулся. Как обычно хмель в голове потянул его на приключения. Может, вернется вечером и дай-то бог если целым. Любил он все-таки подраться. Я думал, что Ульяна забеспокоится по этому поводу, запереживает, но ошибся. У нее имелась более важная миссия. Я это чувствовал все время. И вот, когда она решила, что лучшего момента ей не найти, отодвинула на край стола початую бутылку и проникновенным бархатным голосом, от которого меня бросало в дрожь, спросила:

— Ну и как тебе наш дом, Василий? Нравится?

Я лениво кивнул:

— Да, нравится. Хороший дом, основательный такой.

— В прошлом году ставили, — довольно сообщила она. — Целых семь комнат! Два этажа! И ретирадная как у тебя в столице. Савва настоял так сделать. Все как у настоящих аристократов.

— Ну, я-то не аристократ, — отмахнулся я, и последующая ложь у меня полилась сама собой. — И никогда им не стану. Я ж, Ульяна, из самых что ни на есть настоящих пролетариев. Бывший голоштанник, пузо к спине прилипало по-настоящему, а ботинки мои все время кашу хлебали. На заводе трудился как Папа Карло, не разгибая спины.

— Как кто? А кто это Папа Карло?

— Да был в моем прошлом один деятель, — выкрутился я, лентясь вспомнить в какие года был написан рассказ про Буратино. — Шибко трудолюбивый итальянец. Сынок у него потом сбежал с пятью золотыми, да на лихих людей нарвался.

— И что, убили его? — ахнула она.

— Да не, он их обхитрил, да обратно к бате вернулся с прибылью.

Похоже, что Толстой еще не написал свою историю про золотой ключик, иначе Ульянка точно бы о нем знала. И потому я, наблюдая за ее искренним сопереживанием, сдержал смех и решил не признаваться в розыгрыше. Некрасиво с моей стороны получилось. И решив сменить тему разговора, кивнул на ее «положение» и спросил:

— Когда ждете?

— К Рождеству, — ответила она довольно и погладила живот.

— Мальчик, девочка?

— Я девочку хочу. Да и тетка одна говорит, что по всему девка будет. Хватит уже мне пацанов. Сладить с ними не могу — сорванцы такие. Не слушаются меня, только Савву боятся и его ремня, — она тяжело вздохнула. — Но его часто дома не бывает. Все время либо в магазине, либо по делам разъезжает.

Я покивал понимающе.

— Как назвать хотите?

— Не знаю еще, не решила. Посмотрим на какой день выпадет. Посмотрим, кто святым будет, а там и с батюшкой посоветуемся. А потом окрестим.

Я кивнул:

— Да, это как полагается. У меня Дашка ух как орала, когда ее в купель опускали. Думал, захлебнется девчонка.

И вот тут, похоже и настал тот момент, ради которого я был приглашен в дом. Ульяна даже внутренне подобралась и, подвинувшись чуть-чуть ко мне, вдруг спросила:

— А крестные у твоей дочери кто?

— Друг мой Михаил, ты его на свадьбе видела и Лариса Мендельсон.

— Да, я ее помню, — кивнула Ульяна. — Хорошая женщина, добрая. И мужа я ее помню такого в очках..., Яков, кажется? Пстой, а разве он не иудейской веры?

— Выкрест, — сказал я со знанием дела. — Его дед с бабкой перешли в лютеранскую веру в Германии, а он сам потом в православие.

— А-а, а фамилию почему не поменяли тогда?

Я пожал плечами. Таким вопросом я не задавался. И Ульяна, не вникая в подробности, продолжила гнуть свою тему:

— А вот мы для нашего будущего ребеночка еще не выбрали крестных. Савва, конечно, предложил своего одного друга, но мне он не нравится. Такой же грубиян как мой благоверный и пьянь.... А может быть ты, Василий станешь нашим крестным?

И она с такой надеждой посмотрела на меня, так умоляюще на меня взглянула, что я понял — отказаться я не смогу. Да и нет ничего в этом страшного. Я, так понимаю, весь смысл в этом действии такой, чтобы в случае смерти настоящих родителей, ребенок не остался на улице, а его приютили бы крестные отец и мать. Своего рода церковная забота о сиротах. Что ж, не особо колеблясь, я согласился пойти навстречу Ульяне. Возможно, со стороны я кажусь слишком уж мягкотелым или даже мямлей, но это не так. Это всего лишь видимость. На самом деле я просто добрый. А отказать своей родственнице в такой малости

я не мог. Да и сама Ульяна мне нравилась, каким-то магическим способом она притягивала к себе. Но нравилась не в эротическом смысле, мне не хотелось затащить ее в постель и прокувыркаться с нею всю ночь. Совсем наоборот, мне доставляло удовольствие просто беседовать с ней. Бывают такие люди — присядешь к ним с кружкой чая и не замечаешь, как пара часов пролетело. Ну а то, что извинение Саввы было срежесированно его супругой именно для этой цели, я Ульяне ставить в вину не стал. На ее месте любая женщина желала бы иметь в крестных родителях для своих детей людей состоятельных и влиятельных. И в ее глазах я именно таким и был.

— Хорошо, я не против, — дал я ей свой ответ. — А матерью кто будет?

— А крестной матерью я думаю попросить стать Анну Павловну. Если она, конечно, не воспротивится.

— Жenu Михаила? — удивился я.

И Ульяна с замиранием сердца кивнула. Как же ей хотелось прислониться к нам еще и с этой стороны. В ее глазах это желание читалось вполне отчетливо. Но вот тут я ей помочь не смог. Не в моих это силах. Я мог лишь передать ее просьбу, а решать все же самой супруге Мухи. И я ей об этом сказал.

— А может я ей письмо напишу, а ты ей передашь? — предложила она.

— Хорошо, давай так и сделаем. Но ты сама должна понимать, что она может отказаться. Все-таки вы чужие люди, виделись всего один раз.

— И все-таки я напишу, — решила она и, не откладывая дело в долгий ящик, сбегала за бумагами и канцелярией и тут же при мне настрочила длинное письмо, проговаривая вслух слова. Запечатала его и вручила мне как некую драгоценность.

Савва вечером так и не вернулся. Всю ночь шлялся где-то, куролесил и пришел уже утром, когда у всех все честных людей начался трудовой день. Ульяна ни слова не сказав своему благоверному, поставила перед ним сковороду с яичницей на шкварках, тот ее с аппетитом съел и, опрокинув в глотку кружку парного молока, поднимаясь, сообщил:

— Ну, все, я по делам.

Ульяна безразлично кивнула. Как я потом понял, Савва, обидевшись на свою супругу, специально не ночевал дома, а прохрапел всю ночь у соседа. Обиделся на то, что та смогла настоять на своем и заставила его притащить меня в гости. Нежностью и лаской переломила упрямство мужа, а тот понял, что произошло, когда было уже поздно. Вот и дулся как подросток, пыхтел перед супругой, надувая щеки, показывая свою обиду. На меня же, переночевавшего в их доме, он вообще старался не смотреть. Так и ушел бы он вон из дома, если б я его не окликнул:

— Савва, подожди, разговор есть.

— Ну? — не слишком дружелюбно ответил он, накидывая верхнюю одежду.

— Есть предложение по торговле. Выгодное. Можно по дороге поговорить.

И вот тут он ожил. Все-таки дела торговые это его конек и любимое дело. Деловая хватка ему досталась от отца. И он, не думая ни секунды, кивнул мне, приглашая составить компанию. И уже в повозке я ему сообщил:

— Есть у меня некий товар из Америки, и я хотел бы его тебе показать. Думаю отдать тебе оптовую торговлю им по Москве. Может быть еще и по Владимиру, Рязани и Нижнему Новгороду. Товар новый, для людей еще незнакомый, но весьма перспективный. В будущем можно неплохо заработать. На рекламу, правда, придется потратиться.

— А что за товар-то? — спросил он, правя лошадь в сторону своего магазина.

— Бритвенный станок нового образца от господина Жилета. У нас почти пятьдесят процентов его акций.

— Гм, не слышал про такого.

— Неудивительно. Он в Америке совсем недавно появился, а в Питер первая тысяча станков пришла с месяц назад. И пока мы ищем торговых партнеров, кто смог бы организовать оптовую торговлю этим товаром. Ну а раз ты неплохо продаешь нашу технику, то, стало быть, тебе первому и предлагаю.

Он посмотрел на меня, поежился от утренней прохлады.

— А что за станок такой? Большой?

— Да нет, не очень, — ответил я.

— Стол-то хоть не развалиться?

— Стол? — не понял я. — А причем тут стол?

— Ну, ежели небольшой, но все же тяжелый, то зачем он нужен? Поставить один раз на место, я думаю, можно, а дальше? Там что, морду надо подставлять, а он сам тебя бреет? А ежели вместе с усами полноса отрежет? Или уши?

Я смотрел на него, не понимая юмора, а он на меня. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем я понял, что он имеет в виду и потому, чтобы исправить недоразумение, торопливо залез во внутренний карман пальто и вытащил на свет божий бордового цвета карболитовую коробку. Раскрыл ее и продемонстрировал Савве содержимое. Тот взял ее в руки, достал станок и, сдвинув брови, принялся рассматривать. А когда увидел зажатое тонкое лезвие, взгляд его просветлился и он громко, откинувшись назад и схватившись за бока, заржал.

— Станок! Аха-ха! Станок...! А я-то думал...!

И хохотал он долго и заливисто. И я вместе с ним посмеялся над недоразумением. А ведь действительно, что должен подумать человек при упоминании «станка»? А подумает он о некой тяжелой и массивной бандуре, которую надо приводить в движение внешним двигателем. И он ни за что не подумает о небольшой безопасной бритве как о станке. Вообще, думая о сбыте в Москве, я предполагал, что этим займется мой тесть. У него и магазинчики свои есть со складами и кое-какая оптовая торговля. Мой бритвенный станочек как раз бы ему и подошел. И я ему сделал такое предложение, но он почему-то отказался и посоветовал обратиться к своему старшему сыну. Вот и пришлось мне вести переговоры с моим не очень любимым родственником.

Надо отдать должное Савве, он быстро понял все прелести бритвенного станка. И то, что он безопасный и то, что от брадоброя можно отвязаться и то, что лезвия там сменные, которые время от времени необходимо докупать. Машинка для заточки тоже прилагалась. Одни удобства и масса высвобожденного времени. Эту новинку я как-нибудь в фильме протащу, покажу, так сказать, товар лицом, но это чуть попозже. Или же первый в мире рекламный ролик запущу, и буду впихивать его вместе со своей картиной. Но и это, опять же, чуть позже. А пока мы лишь ограничиваемся первой пробной партией новой бритвы и рекламными проспектами для наших оптовиков. Так вот, Савва, оценив новинку, с удовольствием согласился быть нашим представителем в Москве. Но представлять нас в Нижнем Новгороде отказался наотрез, сообщив, что в данный момент туда перебирается его брат Дмитрий, который тоже отвалился от империи отца. А вот этого я не знал, Ильич ни словом не обмолвился. Что ж, если так, то хорошо. Надо будет выйти на среднего шурина и

сделать ему чрезвычайно выгодное предложение, которое поможет встать на ноги. Да и отношения у меня с Димкой намного лучше, не такие натянутые как с Саввой, и в торговле он тоже не первый день. В общем, хороший вариант получается, только вот Ильич один со своей империей остается, разлетелись его помощники. Петька хоть и попрос за это время, но все еще учится в своей гимназии и все так же рассекает на Бурном, пугая людей. Тесть привлекает его уже к делу, но пока не слишком серьезно. Ждет, когда закончит свою учебу. Как же, деньги уплочены, значит надо пользоваться по максимуму.

Неделя что я провел в Москве пролетала до обидного быстро. Вроде только приехал и принял с дороги баньку, а уже пришлось снова пускаться в путь. Съездил в Нижний, с удовольствием навестил Дмитрия. Погостил там три дня, сделал ему выгодное предложение от которого он не смог отказаться, да и покатил обратно в столицу. И опять я пилил в продуваемом насквозь вагоне первого класса. Какое-то невезение прямо — утром следующего дня я зашмыгал носом и слег с температурой. И заломило, закрутило в мышцах и суставах, а голова налилась свинцом. Четыре дня меня отпаивали лекарствами и горячим куриным бульоном, целых семь дней я не мог свободно дышать носом. И именно сейчас я с ностальгией вспомнил старый добрый нафтизин и парацетамол, что очень сильно облегчали жизнь больному человеку. И вот лежал я такой из себя напоминающий зомби и в полусознательном состоянии пытался решать какие-то дела. Узнал, что в то время пока я находился в первопрестольной нами заинтересовались-таки флотские. Прислали человека от самого Попова, и теперь некий мичман Власьев сидит у нас в лабораториях и вникает во все детали. Говорят, что уже который день ходит как умалишенный, настолько его впечатлили наши достижения. А это значит, что довольно скоро и сам профессор Попов может к нам пожаловать или кто-то из самой верхушки военного флота. Должны же в конце-то концов окупиться наши старания? И хотя пока с надежностью у нас имелись проблемы, но все это решаемо. Наши электроники под надзором Мишки все время придумывают что-то новое, а сам Мишка, вспомнив свое прежнее увлечение, заново сел за учебники по электрике и электротехнике. И, конечно же, со своим послезнанием сразу же стал выдавать на гора новые идеи, от которых у изумленных электроников срывало свистки. Я сам лично слышал, как он в их лаборатории сыпал терминами «полупроводник», «транзистор», «монокристаллический кремний», «магнетрон», «электроннолучевая трубка» и соблазнял слушателей фантастическими рассказами. Боюсь, свергнет он их в этот блуд, не отмолимся. Очень уж много шансов на то, что потраченные в этом направлении деньги не окупятся или окупятся ну о-очень не скоро.

А что по поводу нашего радиовещания, то в этом направлении дела у нас ведутся довольно хорошо. Вышка на сто пятьдесят метров уже поставлена в прямой видимости от нашего цеха НИОКР, электричество подведено и сейчас ведется монтаж оборудования. По городу поставили несколько репродукторов, один из них в нашем арендуемом кинотеатре и, скорее всего к Рождеству мы сможем выйти в эфир. Пока будем гнать одну лишь музыку, ну а живчика пустим, когда отладим все оборудование и найдем болтливую парочку с приятными голосами. Новостной отдел, опять же, нужен обязательно. Увижу ли я это или нет, я не знаю, может быть к тому времени буду уже на Дальнем Востоке. Но любому дурачку понятно, что триумф нам обеспечен. О нашем новшестве обязательно заговорят во всем мире, и предприимчивые люди потянутся к нам за опытом и возможностью заработать. Ну и за оборудованием для вещания, конечно же. А это значит, что помимо выпуска передатчика и сопутствующего оборудования нам надо бы еще озаботиться обучением людей, что будут ездить по свету и монтировать его. И кстати, надо бы подумать о том, чтобы показать наше детище на всемирной выставке. Первый приз мы сорвем там обязательно.

Ну а пока я отлеживался по болезни в постели и изредка в зомбированном виде посещал

офис, Маринка подготавливала павильоны к новому фильму, а Мишкины диверсанты следили за Куропаткиным. Я у своего друга поинтересовался успехами, и он охотно поделился. Как мы и предполагали охрана у Куропаткина есть. Постоянно ездят с ним в карете два вооруженных человека, да конное сопровождение из четырех жандармов. Иногда карета, судя по тому как тяжело тянули ее могучие кони, была блиндированной, что являлось для нас хорошим плюсом. Извозчик тоже был из жандармских и потому просто подменить его, подкупив, не получалось. Значит, по плану придется ему бить в рожу так, чтобы тот потерял сознание, вязать конечности и брать вожжи в свои руки. И в этом случае блиндированная карета будет хорошо защищать спину возницы, если сидящие внутри вдруг что-то заподозрят. По плану перехватить карету легко, не сложно направить ее в нужный нам проулок и перегрузить Куропаткина в другой транспорт. Но вот с конным сопровождением была проблема. Четверо злых и вооруженных до зубов жандармов для нас представляли серьезную угрозу. И как с ними расправиться мы пока не представляли. А это значит, мы пока не дергаемся, обдумываем различные варианты и следим за генералом, выжидая. Мишка, купив карту столицы, ежедневно наносит маршруты военного министра, отмечает адреса его визитов, пытается найти систему в его перемещениях и подобрать наиболее удобный момент.

Прядя в себя после болезни, я с удивлением обнаружил, что на заводе у меня вдруг не оказалось срочных дел. Вроде бы все крутилось, вертелось, вопросы решались без моего и Мишкиного участия, а Попов управлял нашей машиной железной рукой. Кнопки рублились, скрепки гнулись, велосипеды собирались, а мотоциклы продавались. Наш банкир затеял очередной, третий выпуск облигаций и сейчас идет их удачное размещение и, причем не только в России, но и в Германии. Через берлинское отделение банка за два месяца удалось реализовать бонды на сумму в двести тысяч рублей. Для начала и это неплохо, нам любая мелочь будет в кассу. Сейчас главное засветиться в банковской среде Германии, сделать так, чтобы тебя узнавали. Тогда и облигации будут покупать охотнее и проценты по купону можно будет снизить. Ну а пока процентный доход составлял целых шесть с половиной годовых, что автоматически делало их очень привлекательными. Обычно, наши фабриканты редко когда размещали свои займы выше пяти-пяти с половиной. Не говоря уже про иностранные размещения, где процентный доход был обычно еще ниже. Давая повышенный процент, мы не боялись оказаться в убытке — наше послезнание все отобьет. Гораздо важнее для нас был приток капитала, пусть даже и такого дорогого заемного.

В общем, побродив по цехам и кабинетам родного офиса, я, так и не найдя чем себя занять, решил озаботился съемками коротеньких документальных роликов о нашем предприятии. Придумал сделать серию из пяти небольших фильмов по несколько минут каждый. Набросал темы, составил план, взял в помощники пару толковых ребят, что показали себя еще при съемках первого фильма, да и приперся на предприятие со своей бандурой. Разложили рельсы и проехали по цеху, снимая удивительную для данной эпохи чистоту и порядок цеха. Обязательно сделал так, чтобы в кадре мелькнули опрятные рабочие, а Валентина назначил своим главным героем. Он будет у меня своеобразным экскурсоводом, который пройдет по всем пяти фильмам и поможет показать зрителю все самое интересное. Конечно же, обязательно покажем и нашу бытовку с горячим душем, и ясли для малышни и вечернее обучение работяг. Много хочется показать, продемонстрировать людям как обязано быть на нормальном производстве. Пусть рабочий люд видит к чему надо стремиться в своих требованиях, а фабриканты пускай думают, как

им это обеспечить. Затронул и страхование своих людей и отлично работающий профсоюз. В общем, подлил я масла в огонь, думается что теперь, при будущих забастовках, рабочие будут требовать от своих хозяев куда как больше, чем это обычно было.

Пара толковых ребят, что работали со мной на документалке, проявили себя весьма с неплохой стороны. Уцепившись за возможность хорошей и творческой работы, они впахивались со всем усердием на которое были способны. Чутко ловили мои слова, пожелания, перенимали опыт и учились работать с камерой. Еще на первом фильме я заметил одного из них и попробовал посадить за вторую камеру и тот, быстро все ухватив, здорово мне помог. Второй же, определился чуть позже. Я заметил его интерес уже под конец съемок и, чуть погодя, решил и его попробовать. И не прогадал. Паренек хоть и был молод и без жизненного опыта, но способности к творчеству у него проглядывались. И вот сейчас, я его тестирую. Посадил его на операторскую тележку и следил за тем как он работает. Сам же я, выступил в роли главного режиссера, определяя тему съемок и постановку кадра. Надо готовить профессионалов. Создание фильмов хоть и довольно увлекательное занятие и способно с головой поглотить тебя, но все же в будущем я не смогу уделять этому процессу даже малую толику своего внимания. Скоро в стране закрутится-завертится, страна забурлит, я буду вовлечен в другие процессы, а потому важно, чтобы наша киностудия продолжила работать без моего участия. Вот Маришка довольно неплохо проявила себя в организаторских моментах, значит, она и будет генеральным директором киностудии. А эти два парня, если покажут себя с лучшей стороны, станут нашими операторами. Для следующего фильма этого нам хватит, а вот на более позднее время мы подберем себе дополнительный персонал. Надо нам организовывать настоящую медиаимперию. И надо бы озаботиться строительством настоящего кинотеатра, такого чтобы и зрителей было несколько сотен, и сидели они с возвышением, так, чтобы высокие прически дам не мешали просмотру. А еще лучше строить сразу мультиплекс на три зала. Идея многозального кинотеатра, конечно, хороша, но, надо признаться честно, преждевременна. Нет пока еще такого количества картин, чтобы можно было обеспечивать постоянный интерес зрителя. А это значит, что первый кинотеатр будет у нас однозальным, таким, каким я его помнил еще по советским временам. И вот с этими мыслями я обратился к уже знакомому подрядчику и попытался ему обрисовать, что же я хочу увидеть. А тот и рад стараться, взял мой набросанный от руки рисунок, уточнил кое-какие детали и пообещал первый эскиз выдать уже через пару месяцев. И если меня все устроит, то приступать к строительству настоящего кинотеатра можно будет уже с весны. Надо только лишь место подобрать.

Время штука все-таки эфемерная и не поддается влиянию. Вроде бы не так давно была весна, распускались листочки, грело солнышко, а оглянуться не успел, как пролетело лето с осенью теплой, и повалил первый снег. Ослепительно белый, крупными хлопьями падал он стеной с неба и укрывал грязную, в вечной копоти столицу, свежим, радующим глаз одеялом. Снегопад зарядил с самого утра и я как замороженный смотрел на белых, кружащихся по воздуху мух. Конечно, этот снег сразу же таял, превращая дороги и тротуары в жуткую слякоть. Но если не смотреть под ноги, а любоваться только укрытыми крышами и присыпанными деревьями, то настроение лишь улучшалось. И именно этим я и занимался, когда меня везли в открытом фаэтоне до нашего офиса. Укутавшись в теплое пальто и натянув поглубже меховую шапку, я откинулся на спинку сидения и, запрокинув голову

вверх, с блаженной улыбкой любовался погодой. Да, черт возьми, именно из-за таких моментов я люблю раннюю зиму.

И вот с этим радостным и чистым настроением я завалился к себе в офис. В холле скинул пальто и шапку гардеробщику, в кабинете переобулся в легкую обувь и, желая продлить радостное чувство, наплевал на бумаги оставленные на подпись. И плюхнувшись в кресло, развернулся в сторону большого окна и счастливый продолжил созерцание. В соседнем крыле мелькнул Моллер. Он меня заметил и с улыбкой махнул ладонью, здороваясь. Я взаимно поприветствовал. Кивнул в сторону заснеженного города, он понимающе улыбнулся и показал большой палец.

Но идиллия моя продолжалась недолго. Дела звали. Бумаг накопилось довольно много, и все они требовали внимания. Просто так не подписать, обязательно в каждую бумажку надо вчитаться и если что-то непонятно, начать разбираться. Вызывать к себе ответственного за документ и выслушивать его мнение. Ну или с недавнего момента можно просто позвонить в нужный мне кабинет и потребовать объяснения. Стало это возможным благодаря нашему внутреннему телефонному коммутатору, что не так давно смонтировала нам телефонная компания. Двух барышень с длинными руками и звонкими голосами взяли и посадили в тесную, но в ярко освещенную и проветриваемую каморку.

И выдохнув, я отвернулся от большого окна, пододвинулся к столу и пододвинул к себе пачку документов. Большую такую, увесистую, словно ее мне насобирал сам граф Толстой. Первые листы подмахнул почти не глядя, дело знакомое, консультаций не требовало. Затем, попалась на глаза писулька служебная, что прошла до меня с самого низа. Вчитался в нее, почесал задумчиво нос. Опять Шабаршин что-то мутит, опять что-то через него рабочие требуют. Какую-то библиотеку цеховую просят сделать, такую, чтоб техническую литературу могли читать не только инженеры. Что ж, дело-то в общем хорошее, но только непонятно, почему это предложение пошло через профсоюз. Это забота локального директора, но никак не профсоюзного лидера. Опять он не тем стал заниматься. Энтузиазм его слишком уж велик. Я, конечно, рад за наших рабочих и вполне доволен, что они у нас по факту находятся на привилегированном положении, но все же надо и меру знать. Сегодня через профсоюз требуют библиотеку, завтра спортзал, потом захотят выдать каждому по велосипеду и вообще организовать транспорт до рабочего места! Обнаглели! Нет, я все понимаю, дело это хорошее и правильное, но надо и меру знать. И так у меня слишком хорошо живут, гораздо лучше, чем у соседей на Путиловском, а Шабаршину следовало бы еще раз напомнить в чем заключается роль профсоюза. Не требовать от начальства всяческих материальных благ, а добиваться нормальных условий труда, соблюдения техники безопасности и повышения заработных плат. И если с зарплатой у моих людей все в порядке, а за соблюдением техники безопасности стала пристально следить моя страховая компания, то про условия труда наш профсоюз стал, похоже, забывать. Даже я вижу, что быт у моих рабочих стали не ахти. Людей на производстве сильно прибавилось, а, например, душевая комната, как была три года назад на четыре помывочных места, так до сих пор и осталась. И вот почему бы Шабаршину не заняться этим, а? Или еще вариант, конфетки для малых детишек рабочих в подарок от предприятия и профсоюза на Рождество и Новый Год? А что, я думаю можно внедрить неплохую традицию. В общем, пододвинул я к себе внутренний телефон, дождался ответа Шабаршина и высказал я ему все, что о нем думаю. Нелицеприятно так, довольно жестко. Кажется, он понял. В конце моего строгого монолога он попросил лишь выбросить этот глупый листок в корзину и не вспоминать более о нем.

Что я с удовольствием и сделал. А следом поставил себе в ежедневнике поднять тему доступной библиотеки на нашем следующем совещании директоров. Идея-то и вправду хорошая, особенно для тех, кто стремится чего-то достичь на нашем предприятии. Стало у наших рабочих модно обучаться и посещать вечерние занятия. Видят они, что их старания приносят хорошие плоды — кому денежка за повышение квалификации дополнительная капает, а кому и продвижение по службе. Валентин наш Пузеев, в нашем НИОКРЕ вообще встал на особое положение — ему и зарплата и почет и «Руслан» по себестоимости. Гоняет теперь по столице, собирая вокруг своей блестящей техники зевак. Даже сейчас, в самый снегопад и грязь, наверняка прикатил на работу на своем агрегате.

Ближе к обеду в кабинет ввалился Мишка. Разрумяненный, гладко выбритый, по парадному одетый, так словно ему на великосветский прием предстояло идти. Прошел к своему месту, положил портфель на стол и, поежившись, словно от мороза, сел на стул. Скопился на мою озабоченную рожу, хмыкнул и пробурчал недовольно:

— Не понимаю, как тебе может нравиться такая погода.... Мерзость, а не погода. Лужи, слякоть, грязи по колено. Только в сапогах и в плаще можно по городу передвигаться.

Я поднял голову. Да уж, вид у моего друга был слишком уж несчастный.

— Ничего ты не понимаешь в колбасных отрезках, — парировал я. — Это даже лучше чем загорать на пляже. А грязь и слякоть..., ну не своими же ногами ты ее месить. Привозят тебя как белого человека к самому крыльцу, под белы ручки проводят, едва дорожку не раскатывают.

— Но-но, ты с пляжами-то свою мерзкую погоду не сравнивай. Ах, ну да..., ты и был-то всего на двух и те с камнями и с мусором.

— Ну да, мы не то, что вы, господин буржуй. Мы народ пролетарский, малым довольствуемся. Пойдет первый снежок, вот нам и радость.

Мишка не захотел со мной спорить. Махнул на меня рукой и залез в недра тощего портфеля. Вытащил несколько бумажек, погонял их в пальцах и затем поинтересовался:

— Вась, а вы сегодня с Маришкой, что вечером делать будете?

Я пожал плечами.

— Не знаю еще. А что?

— Да вот тут у меня случайно несколько билетиков в театр образовалось. На сегодняшнее число. Не желаешь культурно обогатиться?

Я отложил в сторону ручку, откинулся на спинку стула.

— Ну, в принципе, можно. А что будут показывать?

— Не поверишь, — произнес Мишка, — Горького «Мещане».

— Премьера?

— Да нет, похоже. Уже пару месяцев спектакль идет. Ну, так что?

— Ладно, давай сюда парочку. Сходим мы, развеемся.

И Мишка, потянувшись, передал мне билеты. Будет чем вечером заняться, какое-никакое, а развлечение. Даже сейчас, после нескольких лет пребывания в прошлом, я до сих пор не мог привыкнуть к пустым вечерам. Ни тебе телевизора, ни компьютера с его игрушками и всемогущим интернетом. Книжки читать надоело, на газеты смотреть не могу, по гостям тоже не находишься. На нарды тут подсел недавно, которые в данную эпоху носят название «трик-трак». Заходит по вечерам сосед, азартно режемся с ним иногда, но все равно скучно. Хоть еще детей делай, чтобы время занять. Но даже это ежедневное кувырканье под одеялом, надоедает. Честно слово, иногда бывают дни, когда я просто хочу

отдохнуть и ничего не делать. И даже секса мне не нужно.

Маришка обрадовалась перспективе проветриться и выгулять себя в свет. После моего звонка она до самого выезда приводила себя в порядок. Достала из шкафа новое платье, накрутила вавилоны, подкрасила губки и облачилась в драгоценности. И когда я через несколько часов приехал домой, то застал ее уже в походно-боевом режиме — оставалось лишь натянуть сапожки и накинуть на плечи шубку.

— Ну, просто красавица, — восхитился я, — Нефертити завидует. Только рано ты разоделась, подождать придется.

— Зачем? — покругившись у зеркала, спросила супруга. — Я готова, можно ехать.

— А я еще не готов. Мне б хотя бы костюмчик переодеть, да туфли другие, а то срамота прямо. Подумают, что это я при супруге выгуливаюсь, а не она при мне.

И Маришка, кинув через зеркало оценивающий взгляд, вынужденно согласилась. Я хоть и был в дорогой английской тройке, но в совершенно не предназначенной для выходов в свет. Здесь нужно что-то абсолютно другое. В этом плане со вкусом у меня не ахти и окажись я в подобном положении в своем времени, наверное, растерялся бы. У меня и костюмов-то приличных не было, только футболки, рубашки, да пуловеры с джинсами. Сейчас же все проще. Есть этикет, по нему положено то-то и то-то и ты, не ломая голову, просто во все это облачаешься как в униформу. По крайней мере, я так к этому относился. Другие же, даже в этих узких правилах умудрялись лавировать и выделяться из богатой толпы. И вроде бы на приемах или деловых встречах приходили люди в таких костюмах, что оценивая покрой и качество ткани, понимал, что к этому облачению приложили очень уж много времени и внимания.

В театр мы отправились через полчаса. И не спеша, под все еще валящим снегом, который покрывал крышу нашей кареты, подкатили к главному входу. Я распахнул дверцу и, опустив ногу на приступок, сошел. Карета скрипнула и качнулась когда избавилась от ноши. Следом, подав руку, сошла Маринка. Радостная от предстоящего развлечения и общения. Ухватила меня за локоть и, аккуратно поддерживая подол платья, чтобы не запачкаться, пошла к входу.

Внутри мы встретили Мишку с супругой. Они как раз снимали верхнюю одежду, отряхались от снега.

— Кажется мы рано, — после того как поздоровался с Анной Павловной, сказал я. И огляделся.

Народу было еще не много. Представление начнется часа через полтора. Поэтому можно просто походить по театру, поболтать и по бокальчику шампанского в буфете пропустить. Маришка меня оставила и, увязавшись за супругой Мишки, отошла к окну. Там они и проболтали, так, словно и не виделись они третьего дня. Встретили знакомую семейную чету и, женщины, образовав тесный кружок, принялись обсуждать последнюю моду. Ну а мы с Мишкой, присев на скамью в холле, углубились в обсуждение дел. Как-то само так получилось, вроде бы и не хотели об этом говорить, но стоило только заикнуться, как остановить мысль было просто невозможно. И разговор у нас зашел о ПВХ.

Прошло уже больше года как мои химики заново нашли способ получения этого по-настоящему уникального вещества. И уже год они бьются над ним, пытаюсь понять, каким образом можно изменить его свойства. Ведь тот ПВХ, что они получили совсем не подходил для коммерческого использования — слишком уж при высокой температуре плавился. А нам нужно плавление при ста восьмидесяти-двухстах градусах. Вот и ломают головы подопечные

Мельникова, думают как добиться этих свойств. Еще колдуют над добавками, что будут улавливать вырвавшийся из молекулы атом хлора, подбирают экспериментальным путем. И этот процесс ой как долог. Мне казалось, что счастье и богатство вот оно, совсем близко, только руку протяни, а оказалось, что это не так. Проект «ПВХ» пока только и делает, что тянет деньги и даже финиша пока не видно. А попутно еще изобретаются экструзионные станки. На нашем питерском заводике, где изготавливают оснастку и который сейчас потихоньку превращается в станкостроительный, выточили конический шнек с цилиндром, а в Новгороде их захромировали. Там же отлили станину, а редуктор в единичном экземпляре изобрели и воплотили в металле в НИОКРе. Под моим контролем сделали простейшую щелевую фильеру, по которой я смогу понять насколько хорошо у нас все получилось. Осталось лишь нам получить несколько сот килограммов самого ПВХ, да придумать как контролировать процесс нагрева. наших электроников я озадачил, и они бьются над этой темой почти целый год. Но пока не слишком результативно. Что-то у них там не выходит. Конечно, для экспериментов процесс нагрева можно проконтролировать и вручную, назначить специального человека, но для промышленного производства такой вариант не годится. Нам просто позарез необходимы термодатчики и термопары.

Время пролетело незаметно. Вроде и разговаривали мы недолго, а заметить не успели, как театр оказался битком набит народом. Это не премьера, и потому количество бриллиантов и золота на зрителях было значительно меньше, чем на опере с Собиновым. Народ был попроще, победнее, пыль в глаза если и пускали, то совсем незначительно. На их фоне моя супруга с ее изумрудами смотрелась просто сногшибательно. Чем она и пользовалась, демонстрирую свое богатство незнакомым дамам.

Постепенно зрители стали проходить в залу и заполнять места. Стало свободнее и мы с Мишкой, поднявшись, решили пока не поздно пройти в ложу. И вдруг что-то изменилось. Я это понял по Мишкиному лицу. Оно внезапно замерло, фраза оборвалась на полуслове, а взгляд его устремился ко входу.

— Что? — спросил я, оборачиваясь в надежде увидеть причину его изменений. Но заметил лишь широкую спину мужчины в шинели и его немолодую спутницу. Они спешно скидывали с себя верхнюю одежду, стряхивали снег. Торопились на спектакль.

— Вот это да! — выдохнул потрясенный Мишка. — Я, значит, планы всякие строю, голову ломаю, а он, видите ли, сам пришел. Один и без охраны.

Я догадался о ком шла речь и получше взгляделся в прихорашивающегося перед высоким зеркалом мужчину. И когда он повернулся лицом, узнал господина Куропаткина собственной персоной. Лет пятьдесят, красивый, статный, в бороде ни единого седого волоса. Они успели, Алексей Николаевич, пригладив бороду и усы и поправив прическу, уступил место у зеркала супруге. А затем, терпеливо дождавшись ее, взял под локоток и степенно пошел на свое место. Надо полагать, что теперь, когда его заметили, спектакль без него не начнут.

— Вот что, Вася, — вдруг шепотом, склонив голову, заговорил мой друг. — Лучшего момента нам не придумать. Надо выполнять наш план или сейчас или никогда.

Я обернулся — не подслушивает ли кто?

— А у тебя все готово?

— Да, — горячо сказал он. — Все на местах, ждут только команды. Дом я давно снял, карета подготовлена.

— А мы успеем?

Мишка глянул на свои швейцарские хронометры. Прикинул в уме требуемое время.

— Должны. Мне бы главное до телефона добраться, а там все отработано. Да ты и сам об этом знаешь прекрасно. Надо только дополнительно маршрут отработать. Одно плохо, мне надо исчезнуть, а меня уже многие видели.

— Постой-постой, — попридержал его я. — Ты на меня что ли не рассчитываешь?

— Вася, да мне сейчас придется ужом извернуться, чтобы объяснить свое исчезновение. Привел вас всех на представление, а сам куда-то смылся. А если мы вдвоем с тобой исчезнем, то нас просто не поймут. Наши же женщины и не поймут. А потом, когда в газетах растреляют, смогут догадаться, куда мы сбежали. Оно нам надо? Поэтому, Вася, ты давай, оставайся здесь, выгуливай наших женщин, а я уж как-нибудь без тебя справлюсь.

— У нас и так людей мало, — засомневался я в правильности решения друга. — Не лучше ли отложить?

— До каких пор можно откладывать? Лучше момента мы не придумаем. Охраны в театре я не вижу, снаружи только что. Погодка самая подходящая. Нет, надо делать прямо сейчас.

Он был очень убедителен. Казалось, его эта неожиданная встреча даже встряхнула, в глазах появился блеск. Мишка по природе легкий авантюрист и видимо, поэтому он так быстро принимает решения. Что по открытию своего дела, что по путешествию в прошлое. Я же более консервативен, меня труднее столкнуть с пьедестала.

— Все, решено, — твердо заявил он. — Ты, давай, веди наших дам на представление, развлекай их, как можешь, а я убегаю творить историю. Справлюсь без тебя. Ты меня только прикрой перед Аннушкой. Если будет задавать вопросы, придумай что-нибудь убедительное.

Ох, не нравилась мне эта неожиданная поспешность. Не к добру это. Да и свидетелей того, что Мишка посещал театр, было предостаточно, и то, что он исчезнет тоже не останется незамеченным. И вопросы действительно возникнут. И не только у Мишкиной супруги.

— Может мне тебе нос разбить для убедительности? — предложил я. — Вот тебе и причина внезапного ухода.

— Не понял?

— Кровью запачкаешь сорочку, — пояснил я. — Любой тебя поймет и вопросы снимутся.

И Мишка, на пару секунд выпав из реальности, выдал другой рецепт. Оглянувшись и убедившись, что на него никто не смотрит, попросил его закрыть, а сам, прикрываясь платком, засунул мизинец в нос и, сморщившись, что есть силы ковырнул им. И кровь, обильно закапав, окропила белоснежную рубаху.

— Порядок, теперь можно сбегать, — удовлетворенно сказал Мишка, шмыгнув. — Теперь это железный аргумент.

Конечно же, Анна Павловна, едва подойдя и увидев испачканную сорочку, всплеснула руками и первым делом попыталась оттереть расплывающееся пятно платочком. Но, быстро поняв всю глупость, отложила свои попытки и сама уже предложила съездить домой, переодеться. И попыталась было составить ему компанию. Мишке стоило больших трудов ее отговорить.

— Не стоит, Ань. Ну, зачем тебе пропускать представление? Пропадут билеты понапрасну. Василий с Мариной тебе компанию составят, а потом до дома довезут. А я отлежусь пока, в себя приду.

Он, не дожидаясь ее возражения, подошел к гардеробу и затребовал свое пальто.

— И вправду, Аня, ну пошла кровь носом у него, ничего же страшного не случится. Сорочку запачкал — плохо. Если б не это, то никуда б он не поехал. Да?

— Именно, — согласился Мишка. — Нет, Анечка, не стоит надо мною трястись. У тебя был запланирован культурный выход, отдых от быта, вот и отдыхай. Без меня, конечно, но сама же видишь. Нельзя мне в таком виде.

Мы ее убедили. Она сдалась, расстроено выдохнула и помогла Мишка надеть пальто.

— Я не понимаю, — охнула она, заботливо застегивая ему пуговицы на пальто, — как так можно, Мишенька? Ну почему кровь?

— Не знаю, Анечка, — терпеливо отвечал он. — Давление, наверное. Целый день в голове шумит, аспирин пил — не помогал.

— И ты все же повез меня в театр? — покачала она головой. — Надо было дома остаться, полежать.

И Мишка лишь виновато улыбнулся.

— Думал ничего страшного. Пройдет. А оно вон как оказалось.

— Не думаете вы мужчины о своем здоровье, — недовольно сказала супруга Мишки, — все хорохоритесь, бодритесь, а как приходит время, то просто ложитесь и умираете. Нельзя так относиться к себе, беречься надо.

И в тон ей поддакнула Маришка:

— Да-да, я сколько раз говорила Васе, чтоб не обливался холодной водой — простудится. Но он же меня не слушает.

— Да ладно, было-то всего несколько раз, — возразил я. Тот опыт обливания месячной давности мне совсем не понравился и потому, через пару недель мучений я прекратил свое садистское закаливание.

А меж тем, Мишка полностью облачился в пальто, напялил шапку и теперь лишь стоял, выслушивая заботливую отчетку супруги. Я видел, как он хотел отсюда сбежать, топтался, едва сдерживая свои ноги. Он взглянул на меня, моля о помощи.

— Ну, все-все, отпусти его, Аня. Пускай уже едет. Ему переодеться нужно и полежать.

— Ладно уж, езжай, — нехотя ответила она и передала свой носовой платок Мишке. — Вот, возьми. А свой выброси уже.

Что-то Мишка себе там серьезно скovyрнул. Кровь и не думала останавливаться, все текла и текла. Платок супруги он тут же приложил к носу, и, буркнув нам на прощание, поспешил выйти. Я напоследок ему крикнул:

— Снег приложи, быстрее остановится, — а когда за ним захлопнулась дверь, повернулся к дамам и, согнув руки в локтях, изображая хорошее настроение, предложил, — Ну-с, пройдемте в ложу, барышни. Уж нас-то точно никто ждать не будет. Представление начинается!

А по приходу в ложу меня ждал еще один сюрприз. А именно сам господин Куропаткин с супругой. Они уже сидели на мягких стульях и, вполголоса переговариваясь, посматривали на задернутую портьеру. Едва мы зашли, оба обернулись.

— Добрый вечер, — церемонно поздоровался я, скрывая удивление.

Куропаткин молча склонил голову и с интересом проследил за моими дамами. Удивило его то, что они обе зашли в ложу, держа меня под руку. Жена же его, бросив оценивающий взгляд, поприветствовала, но не найдя ничего интересного в наших персонах, снова обратила свой взгляд на прикрытую сцену. А затем, достав театральные очки, принялась

тщательно разглядывать посетителей в партере и в соседних ложах. Похоже, заметила кого-то из знакомых, добродушно помахала ладошкой и улыбнулась уголками губ.

А меж тем я учтиво рассадил своих барышень, присел сам и, выдохнув, поймав кураж, громко сказал:

— Ну, все, мы пришли. Теперь можно и начинать!

Куропаткин хмыкнул в бороду, а его супруга неодобрительно скосилась на меня. Не понравилась ей моя выходка.

И словно кто-то из распорядителей только и ждал этих слов. Портьера скользнула в сторону и зрителям предстали декорации зажиточного мещанского дома. На неширокой оттоманке восседала симпатичная дама и лениво делала вид, что читает книгу, а другая молодая особа у стола что-то вышивала.

— Взошла луна, — громко продекламировала из книги читающая. — И странно было видеть, что от нее, такой маленькой и грустной, на землю так много льется серебристо-голубого, ласкового света..., - она оторвалась от страницы со вздохом, кинула небрежно книгу на колени. — Темно.

— Ах, зажечь лампу? — спросила швея.

— Не надо. Устала читать....

В общем, я понял, что спектакли люблю я чуть-чуть больше чем оперы. Здесь смысла поболее, разговоры живее и эмоции кой-какие присутствуют. Но все равно, скука смертная. Уже после четверти часа я откровенно заскучал, зазевал и заклевал носом. То, что происходило на сцене, меня абсолютно не трогало. Горький, конечно, гениальный мужик, поднимал в своих произведениях остросоциальные темы, за что его потом и полюбили большевики, но вот его пьеса про внутрисемейные скандалы зажиточных мещан не лучшее его произведение. Когда он там «Мать» должен написать? Кажется еще до революции, да? Может воспользоваться ситуацией да и встретиться с ним, пригласить на свои заводы? Пущай проникнется нашей атмосферой, может чего другое напишет. Или заказать ему произведение, в эти времена такое практиковалось. Горький, в желании заработать, думаю, не откажет.

Со скуки я стал рассматривать зрителей. Конечно, были среди них настоящие ценители искусства, такие, что не пропускают ни одно мало-мальски значимого представления. Но в основном в партере присутствовали обычные горожане, или мещане, если определять по сословию. Не слишком богатые, без претензий на пафос и кич. Пришли в театр развлечься, провести свободное время с супругами, любовницами и невестами. Весь более или менее бомонд собрался в ложах. Что справа от нас, что слева золота и бриллиантов хватило бы, чтобы построить для моих нужд совсем немаленький заводик. Даже у моей супруги кольцо сверкало зеленью изумрудов так, что любому было понятно — муж у дамочки при серьезных деньгах. Хотя, если честно, изумруды мне всегда напоминали на вид бутылочное стекло, такие же зеленые, иногда мутноватые с трещинками. Но Маришке нравилось, она своими драгоценностями гордилась, а это главное.

Я в очередной раз глубоко, устало вздохнул. Маришка и Анна Павловна, занятые сценой, этого не заметили, а вот Куропаткину, который скучал так же как и я, чуть повернув и склонив ко мне голову, шепотом спросил:

— Вы, видимо, тоже считаете, что талант Горького сильно преувеличен?

Я бросил взгляд на его супругу, а затем, увидев, что она всецело поглощена зрелищем, также шепотом ответил:

— Если только самую малость. Это его пьеса не очень удачна, по моему мнению, но я верю, что у него все впереди. По бесталанным пьесам спектакли обычно не ставят.

— Может быть, — с сомнением ответил министр. — А вы еще не видели его новую пьесу «На дне»?

— Нет, к сожалению. Говорят, что в Москве она имеет оглушительный успех.

— Оглушительный — это громко сказано. Ставить пьесы о нищих много таланта не нужно. Люди о нем говорят, потому что им показали самую грязь. Воры, проститутки, босяки и шулера. Дали зрителю извозиться в дерьме, вот вам и весь успех.

— М-да, наверное, вы правы, — был вынужден согласиться я. Саму пьесу «На дне» я не читал, не смотрел, поэтому и судить о степени одаренности написавшего по ней не могу.

Сказав это, Куропаткин снова сел прямо и со скучающим видом уставился на сцену. Но не прошло и пяти минут, как он опять, склонившись, произнес:

— Нет, честное слово я вам говорю, не написал бы Горький о жизни в ночлежке, никто бы о нем и не говорил. Это не талант, голубчик, смею вас уверить.

— И все же могу вам возразить, — ответил я, увлекаясь беседой. — Настоящий бездарь, написавший пьесу, никогда не сможет заинтересовать театралов. Что бы он там не написал. Так что, Горький, надо ему отдать должное, что-то там, в закромах души данное от Бога имеет. Вспомните хотя бы «Старуху Изергиль».

— Бессарабские сказки, — хмыкнул он и замолчал на некоторое время. А затем, подумав, тихо сказал. — А вы знаете, я, пожалуй, соглашусь с вами. Горький, конечно не Пушкин и не Лермонтов, но что-то данное от Бога у него есть. Это правда.

— Да уж, он совсем не Пушкин, — согласился я, улыбаясь.

Куропаткин опять выпрямился, пропал на несколько минут. Затем, опять склонившись, прошептал:

— Мы, кажется, с вами незнакомы. Куропаткин Алексей Николаевич.

— Тот самый? — делано удивился я.

Министр кивнул:

— Тот самый.

— Гм, неожиданно, — соврал я и представился в свою очередь шепотом. — Рыбалко, Василий Иванович.

— Неужели тот самый? — уже министру настала пора удивляться.

— Да, собственной персоной. Честно признаюсь, не ожидал, что вы обо мне наслышаны.

— Да кто ж о вас в столице не знает? — хмыкнул он. — А я-то смотрю, что лицо знакомое, а вспомнить не могу.

— М-да, а я вас к своему стыду вообще не узнал. Прошу меня извинить.

— Не стоит, голубчик. Пустое, — снисходительно ответил Куропаткин. И, пододвинувшись ко мне вместе со стулом, он шепотом спросил, — А скажите, Василий Иванович, вот я все время задавался вопросом. Вы такой известный человек, можно сказать, что проповедуете социалистические идеи, а вы случайно не социал-демократ? А может быть социалист-революционер? Вами охранка еще не интересовалась?

— Бог миловал, — ответил я потрясенно и горячо перекрестился. — Было дело, с Зубатовым в Московском отделении встречался, чай с баранками пил, но только лишь с той целью, чтобы удовлетворить его интерес к моим новшествам. Да и политическую деятельность я не веду, никаких подозрительных знакомств не имею. Видимо поэтому я

охранке и не интересен.

— Ах, Зубатов. Как же, наслышан про него. Любит он с подозреваемыми о жизни поговорить, это правда. За что его часто критикуют.

Куропаткин усмехнулся в бороду, хотел было еще что-то спросить, но супруга его, которой надоело наше шушуканье, попросила не мешать наслаждаться зрелищем. И Алексей Николаевич, пожав плечами словно извинившись, сел на стуле ровно и перенес свое внимание на сцену.

Я еле дождался антракта. Куропаткин, не смотря на все мое к нему предубеждение, мне показался довольно приятным человеком. Совсем не надменным, каким я его ожидал, а легким в общении.

В перерыве я представил ему и его супруге своих спутниц. А потом, оставив их, мы отошли в сторону и устроили перекур. Куропаткин попытался меня угостить английским табаком, но я отказался и очень сильно удивил его, сообщив о здоровом образе жизни. И он в одиночку затянулся, выпустил дым в потолок и, словно разоблачая меня, сказал:

— Ну-с, Василий Иванович, давайте говорить начистоту. Как есть, без утайки. Вы же не случайно оказались со мною в ложе, да?

— Господи, Алексей Николаевич, как можно?! — мое удивления было по-настоящему искренним. Ведь я и вправду оказался рядом с министром совершенно случайно.

— Да, ладно-ладно, не оправдывайтесь. Я достаточно долго живу на этом свете и много чего повидал. И в такие совпадения я не верю, увы. Тем более я знаю что места, на которых вы располагались, были выкуплены на весь сезон. И я даже знаю, кем выкуплены. Поэтому, вам не имеет смысла отрицать очевидного. Итак, голубчик, зачем вы искали встречи со мной?

— Господь с вами, Алексей Николаевич, — еще раз я попытался оправдаться. — Наша с вами встреча совершенно случайно, могу вам на кресте поклясться. Я на самом деле не искал специально встречи с вами.

— Да полно вам, Василий Иванович, лукавить, — не поверил он мне. — Ведь я не хотел сегодня никуда ехать, думал провести вечер в спокойной обстановке. Но супруге моей предложили места в этой ложе и она согласилась. И вот мы приходим, устраиваемся на местах и что же мы видим? А видим мы вас, человека в столице весьма известного. Человека, который заигрывает с рабочими, вводит всяческие новшества и является безо всякой скромности личностью весьма оригинальной и вдобавок преподносит людям многие свои изобретения. Я знаю, что вы пытаетесь продать флотским ваше новое радио, но у вас пока не очень это получается. В министерство вы там что-то писали с новыми предложениями, но, как я понимаю, вашу инициативу пока не поддержали.... Знаете, мне не очень нравится, что меня хотят использовать и будь на вашем месте кто-нибудь другой, я б с ним даже разговор не завел. Но вы, как персона весьма необычная, меня даже заинтересовали. Такой способ встречи со мной еще ни разу не испытывали. Итак, любезный Василий Иванович, скоро закончится антракт. Говорите живее, чего вы от меня хотите?

Неделя что я провел в Москве пролетала до обидного быстро. Вроде только приехал и принял с дороги баньку, а уже пришлось снова пускаться в путь. Съездил в Нижний, с удовольствием навестил Дмитрия. Погостил там три дня, сделал ему выгодное предложение от которого он не смог отказаться, да и покатил обратно в столицу. И опять я пилил в продуваемом насквозь вагоне первого класса. Какое-то невезение прямо — утром следующего дня я зашмыгал носом и слег с температурой. И заломило, закрутило в мышцах и суставах, а голова налилась свинцом. Четыре дня меня отпаивали лекарствами и горячим куриным бульоном, целых семь дней я не мог свободно дышать носом. И именно сейчас я с ностальгией вспомнил старый добрый нафтизин и парацетамол, что очень сильно облегчали жизнь больному человеку. И вот лежал я такой из себя напоминающий зомби и в полусознательном состоянии пытался решать какие-то дела. Узнал, что в то время пока я находился в первопрестольной нами заинтересовались-таки флотские. Прислали человека от самого Попова, и теперь некий мичман Власьев сидит у нас в лабораториях и вникает во все детали. Говорят, что уже который день ходит как умалишенный, настолько его впечатлили наши достижения. А это значит, что довольно скоро и сам профессор Попов может к нам пожаловать или кто-то из самой верхушки военного флота. Должны же в конце-то концов окупиться наши старания? И хотя пока с надежностью у нас имелись проблемы, но все это решаемо. Наши электроники под надзором Мишки все время придумывают что-то новое, а сам Мишка, вспомнив свое прежнее увлечение, заново сел за учебники по электрике и электротехнике. И, конечно же, со своим послезнанием сразу же стал выдавать на гора новые идеи, от которых у изумленных электроников срывало свистки. Я сам лично слышал, как он в их лаборатории сыпал терминами «полупроводник», «транзистор», «монокристаллический кремний», «магнетрон», «электроннолучевая трубка» и соблазнял слушателей фантастическими рассказами. Боюсь, свергнет он их в этот блуд, не отмолимся. Очень уж много шансов на то, что потраченные в этом направлении деньги не окупятся или окупятся ну о-очень не скоро.

А что по поводу нашего радиовещания, то в этом направлении дела у нас ведутся довольно хорошо. Вышка на сто пятьдесят метров уже поставлена в прямой видимости от нашего цеха НИОКР, электричество подведено и сейчас ведется монтаж оборудования. По городу поставили несколько репродукторов, один из них в нашем арендуемом кинотеатре и, скорее всего к Рождеству мы сможем выйти в эфир. Пока будем гнать одну лишь музыку, ну а живчика пустим, когда отладим все оборудование и найдем болтливую парочку с приятными голосами. Новостной отдел, опять же, нужен обязательно. Увижу ли я это или нет, я не знаю, может быть к тому времени буду уже на Дальнем Востоке. Но любому дурачку понятно, что триумф нам обеспечен. О нашем новшестве обязательно заговорят во всем мире, и предприимчивые люди потянутся к нам за опытом и возможностью заработать. Ну и за оборудованием для вещания, конечно же. А это значит, что помимо выпуска передатчика и сопутствующего оборудования нам надо бы еще озаботиться обучением людей, что будут ездить по свету и монтировать его. И кстати, надо бы подумать о том, чтобы показать наше детище на всемирной выставке. Первый приз мы сорвем там обязательно.

Ну а пока я отлеживался по болезни в постели и изредка в зомбированном виде посещал

офис, Маринка подготавливала павильоны к новому фильму, а Мишкины диверсанты следили за Куропаткиным. Я у своего друга поинтересовался успехами, и он охотно поделился. Как мы и предполагали охрана у Куропаткина есть. Постоянно ездят с ним в карете два вооруженных человека, да конное сопровождение из четырех жандармов. Иногда карета, судя по тому как тяжело тянули ее могучие кони, была блиндированной, что являлось для нас хорошим плюсом. Извозчик тоже был из жандармских и потому просто подменить его, подкупив, не получалось. Значит, по плану придется ему бить в рожу так, чтобы тот потерял сознание, вязать конечности и брать вожжи в свои руки. И в этом случае блиндированная карета будет хорошо защищать спину возницы, если сидящие внутри вдруг что-то заподозрят. По плану перехватить карету легко, не сложно направить ее в нужный нам проулок и перегрузить Куропаткина в другой транспорт. Но вот с конным сопровождением была проблема. Четверо злых и вооруженных до зубов жандармов для нас представляли серьезную угрозу. И как с ними расправиться мы пока не представляли. А это значит, мы пока не дергаемся, обдумываем различные варианты и следим за генералом, выжидая. Мишка, купив карту столицы, ежедневно наносит маршруты военного министра, отмечает адреса его визитов, пытается найти систему в его перемещениях и подобрать наиболее удобный момент.

Прядя в себя после болезни, я с удивлением обнаружил, что на заводе у меня вдруг не оказалось срочных дел. Вроде бы все крутилось, вертелось, вопросы решались без моего и Мишкиного участия, а Попов управлял нашей машиной железной рукой. Кнопки рублились, скрепки гнулись, велосипеды собирались, а мотоциклы продавались. Наш банкир затеял очередной, третий выпуск облигаций и сейчас идет их удачное размещение и, причем не только в России, но и в Германии. Через берлинское отделение банка за два месяца удалось реализовать бонды на сумму в двести тысяч рублей. Для начала и это неплохо, нам любая мелочь будет в кассу. Сейчас главное засветиться в банковской среде Германии, сделать так, чтобы тебя узнавали. Тогда и облигации будут покупать охотнее и проценты по купону можно будет снизить. Ну а пока процентный доход составлял целых шесть с половиной годовых, что автоматически делало их очень привлекательными. Обычно, наши фабриканты редко когда размещали свои займы выше пяти-пяти с половиной. Не говоря уже про иностранные размещения, где процентный доход был обычно еще ниже. Давая повышенный процент, мы не боялись оказаться в убытке — наше послезнание все отобьет. Гораздо важнее для нас был приток капитала, пусть даже и такого дорогого заемного.

В общем, побродив по цехам и кабинетам родного офиса, я, так и не найдя чем себя занять, решил озаботился съемками коротеньких документальных роликов о нашем предприятии. Придумал сделать серию из пяти небольших фильмов по несколько минут каждый. Набросал темы, составил план, взял в помощники пару толковых ребят, что показали себя еще при съемках первого фильма, да и приперся на предприятие со своей бандурой. Разложили рельсы и проехали по цеху, снимая удивительную для данной эпохи чистоту и порядок цеха. Обязательно сделал так, чтобы в кадре мелькнули опрятные рабочие, а Валентина назначил своим главным героем. Он будет у меня своеобразным экскурсоводом, который пройдет по всем пяти фильмам и поможет показать зрителю все самое интересное. Конечно же, обязательно покажем и нашу бытовку с горячим душем, и ясли для малышни и вечернее обучение работяг. Много хочется показать, продемонстрировать людям как обязано быть на нормальном производстве. Пусть рабочий люд видит к чему надо стремиться в своих требованиях, а фабриканты пускай думают, как

им это обеспечить. Затронул и страхование своих людей и отлично работающий профсоюз. В общем, подлил я масла в огонь, думается что теперь, при будущих забастовках, рабочие будут требовать от своих хозяев куда как больше, чем это обычно было.

Пара толковых ребят, что работали со мной на документалке, проявили себя весьма с неплохой стороны. Уцепившись за возможность хорошей и творческой работы, они впахивались со всем усердием на которое были способны. Чутко ловили мои слова, пожелания, перенимали опыт и учились работать с камерой. Еще на первом фильме я заметил одного из них и попробовал посадить за вторую камеру и тот, быстро все ухватив, здорово мне помог. Второй же, определился чуть позже. Я заметил его интерес уже под конец съемок и, чуть погодя, решил и его попробовать. И не прогадал. Паренек хоть и был молод и без жизненного опыта, но способности к творчеству у него проглядывались. И вот сейчас, я его тестировал. Посадил его на операторскую тележку и следил за тем как он работает. Сам же я, выступил в роли главного режиссера, определяя тему съемок и постановку кадра. Надо готовить профессионалов. Создание фильмов хоть и довольно увлекательное занятие и способно с головой поглотить тебя, но все же в будущем я не смогу уделять этому процессу даже малую толику своего внимания. Скоро в стране закрутится-завертится, страна забурлит, я буду вовлечен в другие процессы, а потому важно, чтобы наша киностудия продолжила работать без моего участия. Вот Маришка довольно неплохо проявила себя в организаторских моментах, значит, она и будет генеральным директором киностудии. А эти два парня, если покажут себя с лучшей стороны, станут нашими операторами. Для следующего фильма этого нам хватит, а вот на более позднее время мы подберем себе дополнительный персонал. Надо нам организовывать настоящую медиаимперию. И надо бы озаботиться строительством настоящего кинотеатра, такого чтобы и зрителей было несколько сотен, и сидели они с возвышением, так, чтобы высокие прически дам не мешали просмотру. А еще лучше строить сразу мультиплекс на три зала. Идея многозального кинотеатра, конечно, хороша, но, надо признаться честно, преждевременна. Нет пока еще такого количества картин, чтобы можно было обеспечивать постоянный интерес зрителя. А это значит, что первый кинотеатр будет у нас однозальным, таким, каким я его помнил еще по советским временам. И вот с этими мыслями я обратился к уже знакомому подрядчику и попытался ему обрисовать, что же я хочу увидеть. А тот и рад стараться, взял мой набросанный от руки рисунок, уточнил кое-какие детали и пообещал первый эскиз выдать уже через пару месяцев. И если меня все устроит, то приступать к строительству настоящего кинотеатра можно будет уже с весны. Надо только лишь место подобрать.

Время штука все-таки эфемерная и не поддается влиянию. Вроде бы не так давно была весна, распускались листочки, грело солнышко, а оглянуться не успел, как пролетело лето с осенью теплой, и повалил первый снег. Ослепительно белый, крупными хлопьями падал он стеной с неба и укрывал грязную, в вечной копоти столицу, свежим, радующим глаз одеялом. Снегопад зарядил с самого утра и я как замороженный смотрел на белых, кружащихся по воздуху мух. Конечно, этот снег сразу же таял, превращая дороги и тротуары в жуткую слякоть. Но если не смотреть под ноги, а любоваться только укрытыми крышами и присыпанными деревьями, то настроение лишь улучшалось. И именно этим я и занимался, когда меня везли в открытом фаэтоне до нашего офиса. Укутавшись в теплое пальто и натянув поглубже меховую шапку, я откинулся на спинку сидения и, запрокинув голову

вверх, с блаженной улыбкой любовался погодой. Да, черт возьми, именно из-за таких моментов я люблю раннюю зиму.

И вот с этим радостным и чистым настроением я завалился к себе в офис. В холле скинул пальто и шапку гардеробщику, в кабинете переобулся в легкую обувь и, желая продлить радостное чувство, наплевал на бумаги оставленные на подпись. И плюхнувшись в кресло, развернулся в сторону большого окна и счастливый продолжил созерцание. В соседнем крыле мелькнул Моллер. Он меня заметил и с улыбкой махнул ладонью, здороваясь. Я взаимно поприветствовал. Кивнул в сторону заснеженного города, он понимающе улыбнулся и показал большой палец.

Но идиллия моя продолжалась недолго. Дела звали. Бумаг накопилось довольно много, и все они требовали внимания. Просто так не подписать, обязательно в каждую бумажку надо вчитаться и если что-то непонятно, начать разбираться. Вызывать к себе ответственного за документ и выслушивать его мнение. Ну или с недавнего момента можно просто позвонить в нужный мне кабинет и потребовать объяснения. Стало это возможным благодаря нашему внутреннему телефонному коммутатору, что не так давно смонтировала нам телефонная компания. Двух барышень с длинными руками и звонкими голосами взяли и посадили в тесную, но в ярко освещенную и проветриваемую каморку.

И выдохнув, я отвернулся от большого окна, пододвинулся к столу и пододвинул к себе пачку документов. Большую такую, увесистую, словно ее мне насобирал сам граф Толстой. Первые листы подмахнул почти не глядя, дело знакомое, консультаций не требовало. Затем, попалась на глаза писулька служебная, что прошла до меня с самого низа. Вчитался в нее, почесал задумчиво нос. Опять Шабаршин что-то мутит, опять что-то через него рабочие требуют. Какую-то библиотеку цеховую просят сделать, такую, чтоб техническую литературу могли читать не только инженеры. Что ж, дело-то в общем хорошее, но только непонятно, почему это предложение пошло через профсоюз. Это забота локального директора, но никак не профсоюзного лидера. Опять он не тем стал заниматься. Энтузиазм его слишком уж велик. Я, конечно, рад за наших рабочих и вполне доволен, что они у нас по факту находятся на привилегированном положении, но все же надо и меру знать. Сегодня через профсоюз требуют библиотеку, завтра спортзал, потом захотят выдать каждому по велосипеду и вообще организовать транспорт до рабочего места! Обнаглели! Нет, я все понимаю, дело это хорошее и правильное, но надо и меру знать. И так у меня слишком хорошо живут, гораздо лучше, чем у соседей на Путиловском, а Шабаршину следовало бы еще раз напомнить в чем заключается роль профсоюза. Не требовать от начальства всяческих материальных благ, а добиваться нормальных условий труда, соблюдения техники безопасности и повышения заработных плат. И если с зарплатой у моих людей все в порядке, а за соблюдением техники безопасности стала пристально следить моя страховая компания, то про условия труда наш профсоюз стал, похоже, забывать. Даже я вижу, что быт у моих рабочих стали не ахти. Людей на производстве сильно прибавилось, а, например, душевая комната, как была три года назад на четыре помывочных места, так до сих пор и осталась. И вот почему бы Шабаршину не заняться этим, а? Или еще вариант, конфетки для малых детишек рабочих в подарок от предприятия и профсоюза на Рождество и Новый Год? А что, я думаю можно внедрить неплохую традицию. В общем, пододвинул я к себе внутренний телефон, дождался ответа Шабаршина и высказал я ему все, что о нем думаю. Нелицеприятно так, довольно жестко. Кажется, он понял. В конце моего строгого монолога он попросил лишь выбросить этот глупый листок в корзину и не вспоминать более о нем.

Что я с удовольствием и сделал. А следом поставил себе в ежедневнике поднять тему доступной библиотеки на нашем следующем совещании директоров. Идея-то и вправду хорошая, особенно для тех, кто стремится чего-то достичь на нашем предприятии. Стало у наших рабочих модно обучаться и посещать вечерние занятия. Видят они, что их старания приносят хорошие плоды — кому денежка за повышение квалификации дополнительная капает, а кому и продвижение по службе. Валентин наш Пузеев, в нашем НИОКРЕ вообще встал на особое положение — ему и зарплата и почет и «Руслан» по себестоимости. Гоняет теперь по столице, собирая вокруг своей блестящей техники зевак. Даже сейчас, в самый снегопад и грязь, наверняка прикатил на работу на своем агрегате.

Ближе к обеду в кабинет ввалился Мишка. Разрумяненный, гладко выбритый, по парадному одетый, так словно ему на великосветский прием предстояло идти. Прошел к своему месту, положил портфель на стол и, поежившись, словно от мороза, сел на стул. Скопился на мою озабоченную рожу, хмыкнул и пробурчал недовольно:

— Не понимаю, как тебе может нравиться такая погода.... Мерзость, а не погода. Лужи, слякоть, грязи по колено. Только в сапогах и в плаще можно по городу передвигаться.

Я поднял голову. Да уж, вид у моего друга был слишком уж несчастный.

— Ничего ты не понимаешь в колбасных отрезках, — парировал я. — Это даже лучше чем загорать на пляже. А грязь и слякоть..., ну не своими же ногами ты ее месить. Привозят тебя как белого человека к самому крыльцу, под белы ручки проводят, едва дорожку не раскатывают.

— Но-но, ты с пляжами-то свою мерзкую погоду не сравнивай. Ах, ну да..., ты и был-то всего на двух и те с камнями и с мусором.

— Ну да, мы не то, что вы, господин буржуй. Мы народ пролетарский, малым довольствуемся. Пойдет первый снежок, вот нам и радость.

Мишка не захотел со мной спорить. Махнул на меня рукой и залез в недра тощего портфеля. Вытащил несколько бумажек, погонял их в пальцах и затем поинтересовался:

— Вась, а вы сегодня с Маришкой, что вечером делать будете?

Я пожал плечами.

— Не знаю еще. А что?

— Да вот тут у меня случайно несколько билетиков в театр образовалось. На сегодняшнее число. Не желаешь культурно обогатиться?

Я отложил в сторону ручку, откинулся на спинку стула.

— Ну, в принципе, можно. А что будут показывать?

— Не поверишь, — произнес Мишка, — Горького «Мещане».

— Премьера?

— Да нет, похоже. Уже пару месяцев спектакль идет. Ну, так что?

— Ладно, давай сюда парочку. Сходим мы, развеемся.

И Мишка, потянувшись, передал мне билеты. Будет чем вечером заняться, какое-никакое, а развлечение. Даже сейчас, после нескольких лет пребывания в прошлом, я до сих пор не мог привыкнуть к пустым вечерам. Ни тебе телевизора, ни компьютера с его игрушками и всемогущим интернетом. Книжки читать надоело, на газеты смотреть не могу, по гостям тоже не находишься. На нарды тут подсел недавно, которые в данную эпоху носят название «трик-трак». Заходит по вечерам сосед, азартно режемся с ним иногда, но все равно скучно. Хоть еще детей делай, чтобы время занять. Но даже это ежедневное кувырканье под одеялом, надоедает. Честно слово, иногда бывают дни, когда я просто хочу

отдохнуть и ничего не делать. И даже секса мне не нужно.

Маришка обрадовалась перспективе проветриться и выгулять себя в свет. После моего звонка она до самого выезда приводила себя в порядок. Достала из шкафа новое платье, накрутила вавилоны, подкрасила губки и облачилась в драгоценности. И когда я через несколько часов приехал домой, то застал ее уже в походно-боевом режиме — оставалось лишь натянуть сапожки и накинуть на плечи шубку.

— Ну, просто красавица, — восхитился я, — Нефертити завидует. Только рано ты разоделась, подождать придется.

— Зачем? — покрутившись у зеркала, спросила супруга. — Я готова, можно ехать.

— А я еще не готов. Мне б хотя бы костюмчик переодеть, да туфли другие, а то срамота прямо. Подумают, что это я при супруге выгуливаюсь, а не она при мне.

И Маришка, кинув через зеркало оценивающий взгляд, вынужденно согласилась. Я хоть и был в дорогой английской тройке, но в совершенно не предназначенной для выходов в свет. Здесь нужно что-то абсолютно другое. В этом плане со вкусом у меня не ахти и окажись я в подобном положении в своем времени, наверное, растерялся бы. У меня и костюмов-то приличных не было, только футболки, рубашки, да пуловеры с джинсами. Сейчас же все проще. Есть этикет, по нему положено то-то и то-то и ты, не ломая голову, просто во все это облачаешься как в униформу. По крайней мере, я так к этому относился. Другие же, даже в этих узких правилах умудрялись лавировать и выделяться из богатой толпы. И вроде бы на приемах или деловых встречах приходили люди в таких костюмах, что оценивая покрой и качество ткани, понимал, что к этому облачению приложили очень уж много времени и внимания.

В театр мы отправились через полчаса. И не спеша, под все еще валящим снегом, который покрывал крышу нашей кареты, подкатили к главному входу. Я распахнул дверцу и, опустив ногу на приступок, сошел. Карета скрипнула и качнулась когда избавилась от ноши. Следом, подав руку, сошла Маринка. Радостная от предстоящего развлечения и общения. Ухватила меня за локоть и, аккуратно поддерживая подол платья, чтобы не запачкаться, пошла к входу.

Внутри мы встретили Мишку с супругой. Они как раз снимали верхнюю одежду, отряхались от снега.

— Кажется мы рано, — после того как поздоровался с Анной Павловной, сказал я. И огляделся.

Народу было еще не много. Представление начнется часа через полтора. Поэтому можно просто походить по театру, поболтать и по бокальчику шампанского в буфете пропустить. Маришка меня оставила и, увязавшись за супругой Мишки, отошла к окну. Там они и проболтали, так, словно и не виделись они третьего дня. Встретили знакомую семейную чету и, женщины, образовав тесный кружок, принялись обсуждать последнюю моду. Ну а мы с Мишкой, присев на скамью в холле, углубились в обсуждение дел. Как-то само так получилось, вроде бы и не хотели об этом говорить, но стоило только заикнуться, как остановить мысль было просто невозможно. И разговор у нас зашел о ПВХ.

Прошло уже больше года как мои химики заново нашли способ получения этого по-настоящему уникального вещества. И уже год они бьются над ним, пытаюсь понять, каким образом можно изменить его свойства. Ведь тот ПВХ, что они получили совсем не подходил для коммерческого использования — слишком уж при высокой температуре плавился. А нам нужно плавление при ста восьмидесяти-двухстах градусах. Вот и ломают головы подопечные

Мельникова, думают как добиться этих свойств. Еще колдуют над добавками, что будут улавливать вырвавшийся из молекулы атом хлора, подбирают экспериментальным путем. И этот процесс ой как долог. Мне казалось, что счастье и богатство вот оно, совсем близко, только руку протяни, а оказалось, что это не так. Проект «ПВХ» пока только и делает, что тянет деньги и даже финиша пока не видно. А попутно еще изобретаются экструзионные станки. На нашем питерском заводике, где изготавливают оснастку и который сейчас потихоньку превращается в станкостроительный, выточили конический шнек с цилиндром, а в Новгороде их захромировали. Там же отлили станину, а редуктор в единичном экземпляре изобрели и воплотили в металле в НИОКРе. Под моим контролем сделали простейшую щелевую фильеру, по которой я смогу понять насколько хорошо у нас все получилось. Осталось лишь нам получить несколько сот килограммов самого ПВХ, да придумать как контролировать процесс нагрева. наших электроников я озадачил, и они бьются над этой темой почти целый год. Но пока не слишком результативно. Что-то у них там не выходит. Конечно, для экспериментов процесс нагрева можно проконтролировать и вручную, назначить специального человека, но для промышленного производства такой вариант не годится. Нам просто позарез необходимы термодатчики и термопары.

Время пролетело незаметно. Вроде и разговаривали мы недолго, а заметить не успели, как театр оказался битком набит народом. Это не премьера, и потому количество бриллиантов и золота на зрителях было значительно меньше, чем на опере с Собиновым. Народ был попроще, победнее, пыль в глаза если и пускали, то совсем незначительно. На их фоне моя супруга с ее изумрудами смотрелась просто сногшибательно. Чем она и пользовалась, демонстрирую свое богатство незнакомым дамам.

Постепенно зрители стали проходить в залу и заполнять места. Стало свободнее и мы с Мишкой, поднявшись, решили пока не поздно пройти в ложу. И вдруг что-то изменилось. Я это понял по Мишкиному лицу. Оно внезапно замерло, фраза оборвалась на полуслове, а взгляд его устремился ко входу.

— Что? — спросил я, оборачиваясь в надежде увидеть причину его изменений. Но заметил лишь широкую спину мужчины в шинели и его немолодую спутницу. Они спешно скидывали с себя верхнюю одежду, стряхивали снег. Торопились на спектакль.

— Вот это да! — выдохнул потрясенный Мишка. — Я, значит, планы всякие строю, голову ломаю, а он, видите ли, сам пришел. Один и без охраны.

Я догадался о ком шла речь и получше взгляделся в прихорашивающегося перед высоким зеркалом мужчину. И когда он повернулся лицом, узнал господина Куропаткина собственной персоной. Лет пятьдесят, красивый, статный, в бороде ни единого седого волоса. Они успели, Алексей Николаевич, пригладив бороду и усы и поправив прическу, уступил место у зеркала супруге. А затем, терпеливо дождавшись ее, взял под локоток и степенно пошел на свое место. Надо полагать, что теперь, когда его заметили, спектакль без него не начнут.

— Вот что, Вася, — вдруг шепотом, склонив голову, заговорил мой друг. — Лучшего момента нам не придумать. Надо выполнять наш план или сейчас или никогда.

Я обернулся — не подслушивает ли кто?

— А у тебя все готово?

— Да, — горячо сказал он. — Все на местах, ждут только команды. Дом я давно снял, карета подготовлена.

— А мы успеем?

Мишка глянул на свои швейцарские хронометры. Прикинул в уме требуемое время.

— Должны. Мне бы главное до телефона добраться, а там все отработано. Да ты и сам об этом знаешь прекрасно. Надо только дополнительно маршрут отработать. Одно плохо, мне надо исчезнуть, а меня уже многие видели.

— Постой-постой, — попридержал его я. — Ты на меня что ли не рассчитываешь?

— Вася, да мне сейчас придется ужом извернуться, чтобы объяснить свое исчезновение. Привел вас всех на представление, а сам куда-то смылся. А если мы вдвоем с тобой исчезнем, то нас просто не поймут. Наши же женщины и не поймут. А потом, когда в газетах растреляют, смогут догадаться, куда мы сбежали. Оно нам надо? Поэтому, Вася, ты давай, оставайся здесь, выгуливай наших женщин, а я уж как-нибудь без тебя справлюсь.

— У нас и так людей мало, — засомневался я в правильности решения друга. — Не лучше ли отложить?

— До каких пор можно откладывать? Лучше момента мы не придумаем. Охраны в театре я не вижу, снаружи только что. Погодка самая подходящая. Нет, надо делать прямо сейчас.

Он был очень убедителен. Казалось, его эта неожиданная встреча даже встряхнула, в глазах появился блеск. Мишка по природе легкий авантюрист и видимо, поэтому он так быстро принимает решения. Что по открытию своего дела, что по путешествию в прошлое. Я же более консервативен, меня труднее столкнуть с пьедестала.

— Все, решено, — твердо заявил он. — Ты, давай, веди наших дам на представление, развлекай их, как можешь, а я убегаю творить историю. Справлюсь без тебя. Ты меня только прикрой перед Аннушкой. Если будет задавать вопросы, придумай что-нибудь убедительное.

Ох, не нравилась мне эта неожиданная поспешность. Не к добру это. Да и свидетелей того, что Мишка посещал театр, было предостаточно, и то, что он исчезнет тоже не останется незамеченным. И вопросы действительно возникнут. И не только у Мишкиной супруги.

— Может мне тебе нос разбить для убедительности? — предложил я. — Вот тебе и причина внезапного ухода.

— Не понял?

— Кровью запачкаешь сорочку, — пояснил я. — Любой тебя поймет и вопросы снимутся.

И Мишка, на пару секунд выпав из реальности, выдал другой рецепт. Оглянувшись и убедившись, что на него никто не смотрит, попросил его закрыть, а сам, прикрываясь платком, засунул мизинец в нос и, сморщившись, что есть силы ковырнул им. И кровь, обильно закапав, окропила белоснежную рубаху.

— Порядок, теперь можно сбегать, — удовлетворенно сказал Мишка, шмыгнув. — Теперь это железный аргумент.

Конечно же, Анна Павловна, едва подойдя и увидев испачканную сорочку, всплеснула руками и первым делом попыталась оттереть расплывающееся пятно платочком. Но, быстро поняв всю глупость, отложила свои попытки и сама уже предложила съездить домой, переодеться. И попыталась было составить ему компанию. Мишке стоило больших трудов ее отговорить.

— Не стоит, Ань. Ну, зачем тебе пропускать представление? Пропадут билеты понапрасну. Василий с Мариной тебе компанию составят, а потом до дома довезут. А я отлежусь пока, в себя приду.

Он, не дожидаясь ее возражения, подошел к гардеробу и затребовал свое пальто.

— И вправду, Аня, ну пошла кровь носом у него, ничего же страшного не случится. Сорочку запачкал — плохо. Если б не это, то никуда б он не поехал. Да?

— Именно, — согласился Мишка. — Нет, Анечка, не стоит надо мною трястись. У тебя был запланирован культурный выход, отдых от быта, вот и отдыхай. Без меня, конечно, но сама же видишь. Нельзя мне в таком виде.

Мы ее убедили. Она сдалась, расстроено выдохнула и помогла Мишка надеть пальто.

— Я не понимаю, — охнула она, заботливо застегивая ему пуговицы на пальто, — как так можно, Мишенька? Ну почему кровь?

— Не знаю, Анечка, — терпеливо отвечал он. — Давление, наверное. Целый день в голове шумит, аспирин пил — не помогал.

— И ты все же повез меня в театр? — покачала она головой. — Надо было дома остаться, полежать.

И Мишка лишь виновато улыбнулся.

— Думал ничего страшного. Пройдет. А оно вон как оказалось.

— Не думаете вы мужчины о своем здоровье, — недовольно сказала супруга Мишки, — все хорохоритесь, бодритесь, а как приходит время, то просто ложитесь и умираете. Нельзя так относиться к себе, беречься надо.

И в тон ей поддакнула Маришка:

— Да-да, я сколько раз говорила Васе, чтоб не обливался холодной водой — простудится. Но он же меня не слушает.

— Да ладно, было-то всего несколько раз, — возразил я. Тот опыт обливания месячной давности мне совсем не понравился и потому, через пару недель мучений я прекратил свое садистское закаливание.

А меж тем, Мишка полностью облачился в пальто, напялил шапку и теперь лишь стоял, выслушивая заботливую отчетку супруги. Я видел, как он хотел отсюда сбежать, топтался, едва сдерживая свои ноги. Он взглянул на меня, моля о помощи.

— Ну, все-все, отпусти его, Аня. Пускай уже едет. Ему переодеться нужно и полежать.

— Ладно уж, езжай, — нехотя ответила она и передала свой носовой платок Мишке. — Вот, возьми. А свой выброси уже.

Что-то Мишка себе там серьезно скovyрнул. Кровь и не думала останавливаться, все текла и текла. Платок супруги он тут же приложил к носу, и, буркнув нам на прощание, поспешил выйти. Я напоследок ему крикнул:

— Снег приложи, быстрее остановится, — а когда за ним захлопнулась дверь, повернулся к дамам и, согнув руки в локтях, изображая хорошее настроение, предложил, — Ну-с, пройдемте в ложу, барышни. Уж нас-то точно никто ждать не будет. Представление начинается!

А по приходу в ложу меня ждал еще один сюрприз. А именно сам господин Куропаткин с супругой. Они уже сидели на мягких стульях и, вполголоса переговариваясь, посматривали на задернутую портьеру. Едва мы зашли, оба обернулись.

— Добрый вечер, — церемонно поздоровался я, скрывая удивление.

Куропаткин молча склонил голову и с интересом проследил за моими дамами. Удивило его то, что они обе зашли в ложу, держа меня под руку. Жена же его, бросив оценивающий взгляд, поприветствовала, но не найдя ничего интересного в наших персонах, снова обратила свой взгляд на прикрытую сцену. А затем, достав театральные очки, принялась

тщательно разглядывать посетителей в партере и в соседних ложах. Похоже, заметила кого-то из знакомых, добродушно помахала ладошкой и улыбнулась уголками губ.

А меж тем я учтиво рассадил своих барышень, присел сам и, выдохнув, поймав кураж, громко сказал:

— Ну, все, мы пришли. Теперь можно и начинать!

Куропаткин хмыкнул в бороду, а его супруга неодобрительно скосилась на меня. Не понравилась ей моя выходка.

И словно кто-то из распорядителей только и ждал этих слов. Портьера скользнула в сторону и зрителям предстали декорации зажиточного мещанского дома. На неширокой оттоманке восседала симпатичная дама и лениво делала вид, что читает книгу, а другая молодая особа у стола что-то вышивала.

— Взошла луна, — громко продекламировала из книги читающая. — И странно было видеть, что от нее, такой маленькой и грустной, на землю так много льется серебристо-голубого, ласкового света..., - она оторвалась от страницы со вздохом, кинула небрежно книгу на колени. — Темно.

— Ах, зажечь лампу? — спросила швея.

— Не надо. Устала читать....

В общем, я понял, что спектакли люблю я чуть-чуть больше чем оперы. Здесь смысла поболее, разговоры живее и эмоции кой-какие присутствуют. Но все равно, скука смертная. Уже после четверти часа я откровенно заскучал, зазевал и заклевал носом. То, что происходило на сцене, меня абсолютно не трогало. Горький, конечно, гениальный мужик, поднимал в своих произведениях остросоциальные темы, за что его потом и полюбили большевики, но вот его пьеса про внутрисемейные скандалы зажиточных мещан не лучшее его произведение. Когда он там «Мать» должен написать? Кажется еще до революции, да? Может воспользоваться ситуацией да и встретиться с ним, пригласить на свои заводы? Пущай проникнется нашей атмосферой, может чего другое напишет. Или заказать ему произведение, в эти времена такое практиковалось. Горький, в желании заработать, думаю, не откажет.

Со скуки я стал рассматривать зрителей. Конечно, были среди них настоящие ценители искусства, такие, что не пропускают ни одно мало-мальски значимого представления. Но в основном в партере присутствовали обычные горожане, или мещане, если определять по сословию. Не слишком богатые, без претензий на пафос и кич. Пришли в театр развлечься, провести свободное время с супругами, любовницами и невестами. Весь более или менее бомонд собрался в ложах. Что справа от нас, что слева золота и бриллиантов хватило бы, чтобы построить для моих нужд совсем немаленький заводик. Даже у моей супруги кольцо сверкало зеленью изумрудов так, что любому было понятно — муж у дамочки при серьезных деньгах. Хотя, если честно, изумруды мне всегда напоминали на вид бутылочное стекло, такие же зеленые, иногда мутноватые с трещинками. Но Маришке нравилось, она своими драгоценностями гордилась, а это главное.

Я в очередной раз глубоко, устало вздохнул. Маришка и Анна Павловна, занятые сценой, этого не заметили, а вот Куропаткину, который скучал так же как и я, чуть повернув и склонив ко мне голову, шепотом спросил:

— Вы, видимо, тоже считаете, что талант Горького сильно преувеличен?

Я бросил взгляд на его супругу, а затем, увидев, что она всецело поглощена зрелищем, также шепотом ответил:

— Если только самую малость. Это его пьеса не очень удачна, по моему мнению, но я верю, что у него все впереди. По бесталанным пьесам спектакли обычно не ставят.

— Может быть, — с сомнением ответил министр. — А вы еще не видели его новую пьесу «На дне»?

— Нет, к сожалению. Говорят, что в Москве она имеет оглушительный успех.

— Оглушительный — это громко сказано. Ставить пьесы о нищих много таланта не нужно. Люди о нем говорят, потому что им показали самую грязь. Воры, проститутки, босяки и шулера. Дали зрителю извозиться в дерьме, вот вам и весь успех.

— М-да, наверное, вы правы, — был вынужден согласиться я. Саму пьесу «На дне» я не читал, не смотрел, поэтому и судить о степени одаренности написавшего по ней не могу.

Сказав это, Куропаткин снова сел прямо и со скучающим видом уставился на сцену. Но не прошло и пяти минут, как он опять, склонившись, произнес:

— Нет, честное слово я вам говорю, не написал бы Горький о жизни в ночлежке, никто бы о нем и не говорил. Это не талант, голубчик, смею вас уверить.

— И все же могу вам возразить, — ответил я, увлекаясь беседой. — Настоящий бездарь, написавший пьесу, никогда не сможет заинтересовать театралов. Что бы он там не написал. Так что, Горький, надо ему отдать должное, что-то там, в закромах души данное от Бога имеет. Вспомните хотя бы «Старуху Изергиль».

— Бессарабские сказки, — хмыкнул он и замолчал на некоторое время. А затем, подумав, тихо сказал. — А вы знаете, я, пожалуй, соглашусь с вами. Горький, конечно не Пушкин и не Лермонтов, но что-то данное от Бога у него есть. Это правда.

— Да уж, он совсем не Пушкин, — согласился я, улыбаясь.

Куропаткин опять выпрямился, пропал на несколько минут. Затем, опять склонившись, прошептал:

— Мы, кажется, с вами незнакомы. Куропаткин Алексей Николаевич.

— Тот самый? — делано удивился я.

Министр кивнул:

— Тот самый.

— Гм, неожиданно, — соврал я и представился в свою очередь шепотом. — Рыбалко, Василий Иванович.

— Неужели тот самый? — уже министру настала пора удивляться.

— Да, собственной персоной. Честно признаюсь, не ожидал, что вы обо мне наслышаны.

— Да кто ж о вас в столице не знает? — хмыкнул он. — А я-то смотрю, что лицо знакомое, а вспомнить не могу.

— М-да, а я вас к своему стыду вообще не узнал. Прошу меня извинить.

— Не стоит, голубчик. Пустое, — снисходительно ответил Куропаткин. И, пододвинувшись ко мне вместе со стулом, он шепотом спросил, — А скажите, Василий Иванович, вот я все время задавался вопросом. Вы такой известный человек, можно сказать, что проповедуете социалистические идеи, а вы случайно не социал-демократ? А может быть социалист-революционер? Вами охранка еще не интересовалась?

— Бог миловал, — ответил я потрясенно и горячо перекрестился. — Было дело, с Зубатовым в Московском отделении встречался, чай с баранками пил, но только лишь с той целью, чтобы удовлетворить его интерес к моим новшествам. Да и политическую деятельность я не веду, никаких подозрительных знакомств не имею. Видимо поэтому я

охранке и не интересен.

— Ах, Зубатов. Как же, слышан про него. Любит он с подозреваемыми о жизни поговорить, это правда. За что его часто критикуют.

Куропаткин усмехнулся в бороду, хотел было еще что-то спросить, но супруга его, которой надоело наше шушуканье, попросила не мешать наслаждаться зрелищем. И Алексей Николаевич, пожав плечами словно извинившись, сел на стуле ровно и перенес свое внимание на сцену.

Я еле дождался антракта. Куропаткин, не смотря на все мое к нему предубеждение, мне показался довольно приятным человеком. Совсем не надменным, каким я его ожидал, а легким в общении.

В перерыве я представил ему и его супруге своих спутниц. А потом, оставив их, мы отошли в сторону и устроили перекур. Куропаткин попытался меня угостить английским табаком, но я отказался и очень сильно удивил его, сообщив о здоровом образе жизни. И он в одиночку затянулся, выпустил дым в потолок и, словно разоблачая меня, сказал:

— Ну-с, Василий Иванович, давайте говорить начистоту. Как есть, без утайки. Вы же не случайно оказались со мною в ложе, да?

— Господи, Алексей Николаевич, как можно?! — мое удивления было по-настоящему искренним. Ведь я и вправду оказался рядом с министром совершенно случайно.

— Да, ладно-ладно, не оправдывайтесь. Я достаточно долго живу на этом свете и много чего повидал. И в такие совпадения я не верю, увы. Тем более я знаю что места, на которых вы располагались, были выкуплены на весь сезон. И я даже знаю, кем выкуплены. Поэтому, вам не имеет смысла отрицать очевидного. Итак, голубчик, зачем вы искали встречи со мной?

— Господь с вами, Алексей Николаевич, — еще раз я попытался оправдаться. — Наша с вами встреча совершенно случайно, могу вам на кресте поклясться. Я на самом деле не искал специально встречи с вами.

— Да полно вам, Василий Иванович, лукавить, — не поверил он мне. — Ведь я не хотел сегодня никуда ехать, думал провести вечер в спокойной обстановке. Но супруге моей предложили места в этой ложе и она согласилась. И вот мы приходим, устраиваемся на местах и что же мы видим? А видим мы вас, человека в столице весьма известного. Человека, который заигрывает с рабочими, вводит всяческие новшества и является безо всякой скромности личностью весьма оригинальной и вдобавок преподносит людям многие свои изобретения. Я знаю, что вы пытаетесь продать флотским ваше новое радио, но у вас пока не очень это получается. В министерство вы там что-то писали с новыми предложениями, но, как я понимаю, вашу инициативу пока не поддержали.... Знаете, мне не очень нравится, что меня хотят использовать и будь на вашем месте кто-нибудь другой, я б с ним даже разговор не завел. Но вы, как персона весьма необычная, меня даже заинтересовали. Такой способ встречи со мной еще ни разу не испытывали. Итак, любезный Василий Иванович, скоро закончится антракт. Говорите живее, чего вы от меня хотите?

12

13

И он, дымя, смотрел на меня, требуя немедленного ответа. А я хлопал растерянно

глазами и соображал. Ведь и Мишке билеты в ложу достались «случайно». Он их не покупал, ему кто-то их подарил. И возникает вопрос — кто же нас хотел свести? И для какой цели?

— Итак, Василий Иванович, я жду ответа.

Я открыл было рот, но тут же его закрыл. Потом опять открыл, но с моих уст не слетело ни звука. Я не знал, что сказать, я растерялся. Наконец, через какое-то непродолжительное время, показавшееся мне вечностью, я смог собраться с мыслями и ответить:

— Алексей Николаевич, прошу меня простить за эту ситуацию. От всего сердца примите мои извинения. Вы правы в том, что мне есть, что предложить вам как военному министру, но я готов еще раз настоять — я нашу встречу не планировал, она совершенно случайна. Но..., - чуть повысив голос, продолжил я, заметив, что Куропаткину не нравятся мои отмазки, — ...но я даже рад этому. Потому что скоро у нас предстоит война с Японией, а мне есть чем помочь нашим войскам и нашему гарнизону в Порт-Артуре. Пока есть время....

Куропаткин раздраженно фыркнул:

— И вы туда же? И вы тоже хотите мне навязать мнение этого Жириновского, да? Не будет никакой войны! И перестаньте читать этого фигляра, который ни черта не смыслит в большой политике.

Я вздохнул. Ну как тут его убедить? Может Мишка и прав в том, что ему надо просто настучать по морде и подставить японцев? Может быть тогда он поверит?

— В любом случае..., - грустно выдохнул я, не скатываясь в ненужные сейчас споры. — Я могу наладить производство взрывчатки — тринитротолуола, иначе называемого тротилом. У нас есть технология, у нас есть возможности. Нет только денег и времени. И вашего покровительства. Наши химики произвели несколько десятков пудов в лаборатории этого вещества и сейчас мы активно его испытываем. В том числе пытаемся создать новый тип артиллерии, которая очень хорошо будет подходить для уничтожения противника на закрытых позициях. И вот поэтому я смею просить вашей помощи. Без вас мы не успеем к конфликту, без вашего влияния у нас на то, чтобы выйти на промышленные масштабы производства, уйдет слишком много драгоценного времени. Тротил мог бы заменить мелинит в наших снарядах, избавив их от ряда проблем. Да он и безопаснее в производстве и, что немаловажно для военного ведомства, гораздо дешевле.

Он молчал и смотрел на меня. Про папиросу забыл и она, не поддерживаемая тягой, потухла. Он это заметил, раздраженно достал спички и нервно раскурил.

— Тротил, говорите? — глухо спросил он, после глубокой затяжки. — Это им германцы свои снаряды снаряжают?

— Да, он самый. Мы готовы его производить, но своими силами мы не сможем быстро наладить промышленное производство.

— И в каких объемах вы готовы уже сейчас его выпускать?

— Трудно сказать, — ответил я честно, — ведь я не готовился к нашей встрече. Точных данных у меня нет. Но если говорить приблизительно, то в сутки с полпуда, я думаю, сможем осилить.

Он снова замолчал, погрузился в собственные мысли. Не пророня ни слова, докурил и притушил папиросу об спичечный коробок. Деликатно стоящая в стороне супруга, улучила удобный момент и подошла. Строго посмотрела на меня, показывая свое недовольство.

— Спектакль начался, — сообщила она.

— Ах, да-да, сейчас, — кивнул Куропаткин. — Ты иди, дорогая, а я через пару минут

подойду.

И она неторопливо ушла, все время оглядываясь. А Алексей Николаевич, подождав чуть-чуть, сказал:

— Полпуда в сутки это, конечно, мало. И странно, что я ничего не знал о том, что вы занимаетесь этим веществом. Вы разрешение-то получали или нет? Охранка вас контролирует?

Я отрицательно мотнул головой. Был такой грешок, очень серьезный. Всю лабораторию мы основали совершенно секретно.

— М-да, видно вы с ума сошли, Василий Иванович. После того, как эсеры взрывают кого ни попадя, а охранка за ними гоняется и закрывает их лаборатории, вы решили вот так втайне делать взрывчатку? Да если б о вас случайно узнали, то всех вас без исключения на каторгу отослали. Сразу же.... Не смотря на титулы и владения.

— Пришлось рискнуть, — попытался оправдаться я. — Времени слишком уж мало.

— Да куда ж вы торопитесь-то! — воскликнул он. — На войну с японцами?

Я не ответил, это был риторический вопрос. И Куропаткин лишь покачал головой. А меж тем наша беседа задерживалась и это наверняка стало заметно для всех остальных. Пора было возвращаться в ложу.

— Вот что, голубчик, — решил министр. — Давайте сделаем так. Завтра или нет..., следующим днем я пришлю к вам человека. Он все у вас посмотрит, поговорит с вами и вашими химиками, а потом он обо всем мне доложит. Вы отдадите ему всю взрывчатку, что вы успели нахимичить и более не производите ни фунта. Ну а уж после этого мы и будем решать, что с вами делать. Договорились?

— С радостью, — ответил я довольно. Как же все удачно складывается. Вышли на самого министра, а не на каких-то чинуш, которые строили бы из себя пуп земли. И, похоже, он заинтересовался, а это значит, что нам может быть открыта зеленая дорога. — Только, Алексей Николаевич, у нас помимо тротила и артиллерия нового типа имеется. Весьма перспективная и с убойной эффективностью.

— Ах, ну да, ну да..., - уже теряя интерес, произнес Куропаткин. — А знаете что? Вот будет у вас мой человек, так вы ему вашу артиллерию и покажите. И если он решит, что дело стоящее, то я распоряжусь созвать комиссию и вы нам все и продемонстрируете. Ну а теперь, голубчик, нам пора бы возвратиться в ложу. А то наши дамы наверняка волнуются.

В общем, наша случайная встреча, пошла нам на пользу. Вслед за Куропаткиным я вернулся, сел на свое место и погрузился в раздумье. То, что я протолкнул свои изделия военным это очень хорошо. Но вот то, что уже через час-два мы собираемся самым активным образом вмешиваться в историю, и похищать министра, уже вызывает... гм... сомнение. И это породило во мне, как говорят психологи, когнитивный диссонанс. С одной стороны Куропаткин должен нам помочь в продвижении взрывчатки, миномета и возможно множества других изобретений. Это положительно скажется на обороноспособности страны. А с другой мы должны ему начистить морду с той целью, чтобы он как можно серьезнее отнесся к японской угрозе и перестал считать их мизерной фигурой на мировой карте. И то и то нам идет на пользу, и то и то может оказаться бесполезным. И вот я сидел в задумчивости, не понимая, что в данной ситуации для нас и для страны в целом целесообразнее, и приходил в полную растерянность. А решать надо было быстро, пока не закончился спектакль. И еще некстати вспомнилось, что наша встреча оказалась кем-то тщательно срежиссированна. И я едва не поддался глупой панике. Завертел головой, в

тщетной надежде найти невидимого режиссера, но вовремя одумался. И как ни странно, но этот факт позволил мне принять единственно верное решение — похищать Куропаткина нельзя. Нельзя ни при каких обстоятельствах. Мы находимся под наблюдением у очень серьезных людей. Ладно, мною можно было довольно легко сманипулировать — я рыбка на самом деле довольно мелкая и малозначимая, но вот чтобы самим военным министром! Нет, наверняка здесь сама охранка выступила в роли невидимого игрока. И поняв это, я ошеломленно замер, а затем тихо встал, извинился перед министром и его супругой, бросил Маринке поспешное «мне надо срочно отлучиться» и вышел вон из ложи. Почти бегом спустился к гардеробу, потребовал свое пальто и шапку. Вырвал их из рук подавшего и, на ходу надевая, помчался к выходу. И в этот момент мне наперерез выдвинулись две крепкие фигуры. В штатском.... И едва взглянув на их морды, понял — все пропало. Эти два мордворота пришли по мою душу. Шли наперехват, стремясь отсечь от выхода. Лица серьезные, решительные. И это придало мне силы. Я рванул что было мочи, сильно толкнул того, что подходил справа, тростью наотмашь хлестанул по лицу левого и, прорвавшись, почти убежал. Тот, кому пришелся удар тростью, ошеломленно согнулся и, держась за разбитое лицо, закричал:

— Стой, сука! Куда? Держи его, Силыч, уйдет!

Но я рванул еще быстрее. Лишь бы вырваться, предупредить Мишку. Главное сейчас не дать ввязаться в похищение министра. Стоит только его тронуть и все пропало — повяжут и самого Мишку и меня, да и наших родных заденут. И тогда прощай Великая Россия, здравствуй кандалы. Ну а то, что я оказывал сопротивлениям властям, так это по сравнению с похищением сущие пустяки. Тут можно попробовать или отбрехаться или откупиться. На адвокатов я не поскоплюсь. К тому же они и представиться не успели, а значит суд будет на моей стороне.

Я уже был почти на улице, почти толкнул плечом тяжелую дверь. Швейцар, пытавшийся меня задержать, улетел в сторону и некрасиво растянулся на полу, полируя мрамор большим пузом.

Но третью фигуру, входящую в широкие двери, я уже не мог миновать. Неожиданный удар в лицо на мгновение ослепил меня. Я сделал шаг назад, по наитию уклонился от следующего удара, сам махнул тростью, как учил Серафим, но ни в кого не попал. И только потом заметил, что мой неожиданный противник сам отступил от меня на пару шагов назад и угрожающе поднял револьвер:

— Не двигайтесь, Василий Иванович, — тоном, не терпящим возражений, сказал человек. — Стрелять буду.

И все..., деваться мне было некуда. Для неожиданного броска мой противник стоял слишком уж далеко — его пуля настигнет меня быстрее, чем я смогу выбить из его рук оружие. Сзади уже подобралась те двое, с боков дверной проем и медленно захлопывающаяся створка двери.

— Поднимите руки, не усугубляйте ситуацию, — сказал тот, что был вооружен. И в ту же секунду те двое жлобов навалились на меня, повалили на грязный пол и стали крутить руки. Жестко, умело..., больно. Сжав зубы, я вытерпел унижение, не проронил ни звука. Меня подняли. Что-то горячее хлынуло из опухшей брови. Я мотнул головой, и кровь брызгами полетела в сторону, пачкая все вокруг.

— Черт, вытрете ему морду, — сказал тот, что бил меня. И тут я узнал его голос. Именно этот голос я слышал тогда на перроне вокзала в Москве, именно этот человек

просил меня проехать к Зубатову. Я поднял на него голову и вперился в лицо здоровым глазом. Да, это был именно помощник Зубатова.

— Узнали меня, Василий Иванович? — усмехнулся он и, убирая оружие в карман, кивнул своим подчиненным. — В карету его, да только аккуратно. Второй глаз не подбейте.

И меня, выворачивая руки, потащили на улицу. Не слишком вежливо затолкнули в высокую, черную карету, помогли заботливыми пинками. Посадили по центру, сами же сели с боков, хороня даже малейшую мысль о побеге. Забрался в карету и старший, устроился напротив меня. Имени его я, к сожалению, не помню.

Связанные за спиной руки причиняли сильное неудобство. Ремни врезались в кожу, мешали кровообращению. Сидеть ровно не получалось, пришлось склониться словно униженному. Лучше бы наручники использовали. Карета тронулась.

— Потрудитесь объясниться, — потребовал я грозно, исподлобья глядя на помощника Зубатова. — Что это за шуточки?

— Шуточки, Василий Иванович? — делано удивился он. — Отнюдь. Мы вполне серьезны.

— И что все это значит? За что меня арестовали?

— Господи, к чему такие громкие слова? Вас не арестовали, а всего лишь сопровождают на беседу. Хотя, вынужден согласиться с вашим возмущением — получилось все из рук вон плохо. Ну, так вы ж должны нас понять, да? Зачем вы драться начали, убежать? Палкой своей моему человеку лицо разбили. А он, между прочим, жандармских чинов. Не побежали бы вы, не стали б размахивать тростью — мы б и подошли к вам и пригласили по-человечески и со всем уважением. Так что, извиняйте, Василий Иванович, сами виноваты. Вот зачем вы убежали?

— Встречный вопрос, а что я должен был делать, видя как две гнусные рожи пытаются меня отсечь от единственного выхода? — глухо прорычал я, вкладывая в интонацию все мое недовольство и ярость.

— Гм, действительно..., - усмехнулся собеседник, проигнорировав мой посыл. — И что же вы подумали, увидев их?

Я дернулся. Он надо мной издевался, не иначе. Разговаривал со мной со смешком на устах, поигрывал пальцами, находя мое отчаянное положение забавным. Ремни опять врезались в запястья.

— Развяжите руки, не убегу, — сказал я, глядя ему в глаза.

Но он легкомысленно мотнул головой.

— Придется потерпеть, — сказал он, чуть склоняя голову. — При всем уважении к вам лично, Василий Иванович, после того как вы избили моих людей и чуть не убежали, я не могу себе позволить дать вам такую роскошь как находится в карете с развязанными руками. Увы, но вы должны меня понять. Это не моя прихоть.

Тащились мы по городу едва ли не час. Тряслись по обледенелой дороге, подпрыгивали на каждом ухабе. По приезду меня вытащили, провели через черный ход какого-то большого здания и, проведя по темному коридору, запихнули в сырую комнату, предварительно освободив руки. Все, чувствую — попал.

Сейчас поздний вечер, почти ночь. В комнате одинокая кровать, в углу ведро для нечистот. Окна нет, только узкая застекленная отдушина под потолком с толстыми прутьями. Кроме моей персоны в камере никого нет. Поговорить не с кем, узнать куда я попал не от кого. Хотя, по приезду сюда меня передавали по документам, записывали мою

персону в журнале и расписывались. Так что точно я в охране.

Я еле дождался утра. Всю ночь не спал из-за пережитого и холода, думал, вспоминал произошедшее. Сидел на кровати, поджав ноги, кутался в свое пальто. И прикидывал на чем же мы могли провалиться. Перебрал в уме все варианты, даже самые фантастические и пришел к выводу, что кто-то на нас стучит. Кто-то, кому были известны наши замыслы. А таких немного. Всего-то пять человек, исключая меня и Мишку. Вроде и причастных-то раз-два и обчелся, а попробуй догадайся. Так я и промучился всю ночь, но так и не смог решить эту головоломку.

Мне принесли поесть — невкусную пшенку на прогорклом масле, кусок черного хлеба, пахнувший кислятиной и стакан крепкого чая. Кое-как впихнув в себя это, я принялся ждать. Прошел час, два. Поднялось солнце и заглянуло скудным лучиком в мою темную конуру. Наконец я услышал звук отпираемого засова, и дверь в мою темницу отворилась.

— На выход, — прозвучал унылый голос меланхолического стражника.

Поежившись, я вышел. Странно, но наручники на меня надевать не стали. Только толкнули в спину и задали направление:

— Прямо.

Я, заложив руки за спину, неспешно пошел. Затем у второй двери перепоручили меня другому стражнику. Он-то и отвел меня помятого, с заплаканным глазом в кабинет. Постучался, дождался ответа и протолкнул меня внутрь. А там... Зубатов, собственной персоной. Сидел за столом, улыбался мне как старому другу. Увидав, что я нерешительно остановился у порога, привстал, ладонью показал на стул перед его столом.

— Рад вас видеть, Василий Иванович, в добром здравии. Да вы не стойте присаживайтесь, В ногах правды нет. И пальто свое снимайте, здесь теплее, чем в наших казематах.

Здесь и вправду было жарко натоплено. В камине трещали полешки, выпускали жар по кабинету.

Я исполнил его пожелание. Скинул грязное пальто, повесил на стоящую в углу вешалку и присел на стул с жесткой набивкой. Поежился.

— Замерзли? — участливо спросил Сергей Васильевич.

— Ага, — уныло кивнул я. — Не в хоромах ночевал.

— Ну, что ж поделать, — развел он руками, словно извиняясь. — Сами понимаете, иначе никак.... Чайку горячего будете? Для сугреву.... Или вам чего покрепче?

— Можно... покрепче, но только чая.

И Зубатов распорядился организовать нам горячий самовар с угощением. И уже через несколько минут я грел руки об неглубокую фарфоровую чашку и ждал суровой отповеди.

А Зубатов сидел молча, улыбался, смотрел на меня и чего-то ждал. Я, ничего не говоря, отхлебывал горячий напиток. Пауза затянулась.

— Мне, наверное, надо поздравить вас с повышением? — произнес я невесело.

— Спасибо. Да вот уже неделю как тут работаю. За заслуги....

— Поздравляю, — без эмоций сказал я. — Все же в столице ваши способности будут весьма востребованы. Вот и до меня ваши руки добрались. Что за цирк, Сергей Васильевич? Что за нападение? Я вам кто, крестьянин с дырявым лаптем знакомств в столице не имеющий? Я требую объяснения.

Он со вздохом кивнул. Мое раздраженное требование его ни капельки не задело.

— За поздравления спасибо, — меланхолично сказал он. — Вы, конечно же, человек в

Петербурге известный, спору нет. И связи кое-какие у вас имеются, я в этом уверен. Поэтому..., Василий Иванович, буду с вами разговаривать откровенно. И вы уж простите — нелицеприятно. Но могу сказать — вам очень повезло, что на вашем пути встретился именно я, а не кто-то другой. Скажу по секрету, я очень горячо попросил Плеве отдать мне вас как моего старого и доброго знакомого, хоть это и не соотносится с моими должностными обязанностями. Мне стоило больших трудов его уговорить.... Вы со своим другом уже довольно долгое время находитесь у МВД в разработке, за вами давно и пристально наблюдают. А теперь вы такую кашу заварили, что вам будет сложно объясниться даже мне. Вы меня понимаете?

— Не очень, — ответил я, решив не раскрываться до последнего. Кто его знает, может Мишкина провокация успешно сорвалась? А мы сейчас просто побеседуем за чашкой крепкого чая, да разойдемся по своим делам.

Зубатов улыбнулся мне.

— Не верите, да?

— Во что, Сергей Васильевич? Не понимаю вас.

— Да бросьте вы, Василий Иванович. Мы с вами взрослые люди. Мы б не стали вас брать, если б не было на то причин. С этим-то вы согласны?

— Да вот я и не понимаю, почему вы на меня набросились. Вроде ничего предосудительного не делал. Ну, разве что, рабочих своих облизывал, да рассказывал об этом всему миру. Многие меня за это и ненавидят. Может вы меня из-за этого и арестовали? Я кому-то наступил на любимую мазоль и не извинился? Как Баринцеву в прошлом?

— Нет, не из-за этого. И, Василий Иванович, мы вас не арестовали.

— А как тогда все это понимать?

— Ну..., - несколько театрално развел руками Зубатов, — можно сказать, мы вас пригласили на дружескую беседу. Только и всего. Признаюсь честно, разрешение у прокурора я на ваш арест еще не получал. А я приказал вас остановить, чтобы вы не натворили глупостей.

Я прикрыл глаза. Тепло в кабинете начинало действовать на меня коварно. Я пригрелся, и бессонная ночь и нервы дали о себе знать. Захотелось спать. Но я мотнул головой, прогоняя дрему, залпом опрокинул в себя чуть остывший чай и, набравшись наглости, попросил налить еще кружечку. Но на этот раз как можно крепче, чтобы меня не разморило окончательно.

— Сергей Васильевич, не понимаю о чем вы, какая дружеская беседа, какие глупости? — продолжил гнуть я свое. — Вы на меня напали, избили, нанесли увечье, а затем бросили в ваши подвалы. Я попросил объясниться вашего помощника, но промычал мне нечто невразумительное. И я не понимаю, в чем виноват. Скорее тут ваша вина — набросились на меня без предупреждения.

— Гм, согласен, не очень аккуратно получилось, мои люди слегка переусердствовали. И я должен принести вам за это свои извинения. Но и вы моих людей поймите. Зачем вы от них убегали? И потом, вы первый их ударили.

— Я принял их за преступников, — нагло заявил я. — А что бы вы на моем месте подумали? Представьте, я спешно покидаю театр, а мне наперерез движутся два амбала с самыми гнусными рожами. Им бы для начала следовало представиться.

Я смотрел на Зубатова открыто, без злобы. А он, умело скрывая эмоции под аккуратными усами, тарачился на меня. Опять возникла пауза. Я не знаю по своей истории,

каким человеком был господин Зубатов — добрым или злым, любили ли ломать людей или вести задушевные беседы. Но вот по моему небогатому опыту, понимал, что он предпочитает людей уговаривать, переманивать на свою сторону. И вот, имея в виду эту черту его характера, я и решил строить с ним свою беседу.

— А еще ваш помощник меня в лицо ударил. Бровь сильно рассек, а медицинскую помощь мне так и не оказали.

Зубатов не ответил мне на эти претензии, а предпочел перевести разговор на свои рельсы:

— А, между прочим, я с вашим другом уже имел весьма увлекательную беседу. И знаете что? Он очень много чего интересного мне сообщил. А особенно о том, как вы хотели сблизиться с военным министром. И китайцев мы ваших тоже задержали. И, представьте себе, у нас есть очень серьезные предположения, что один из них является японским шпионом. Самым настоящим.... Вы понимаете, что это значит?

Уж не знаю, на понт ли меня брал Зубатов или правду говорил, но мне стоило больших усилий сдержать свои эмоции. Если среди Мишкиных китайцев и был настоящий шпион, то очень уж умело он маскировался. Хотя..., вот сейчас, после замечания Зубатова, я стал понимать, почему один из них как-то не так произносил фразы на японском, когда я пытался обучить трещать по ихнему. Как-то по-другому, еле уловимо, но по-другому. Я тогда еще подумал, что у парня талант, схватывает все на лету, а оно видите, как оказалось.

— А может вы мне тогда и протокол допроса покажете? — совсем уж обнаглел я. Играл я до последнего.

Зубатов вздохнул, прикрыл на секунду покрасневшие глаза ладонью. И по этому жесту я понял, что он, так же как и я не спал всю ночь.

— Протоколы, протоколы..., - тихо произнес он. — Пожалуй я покажу вам один. Вот вам показания одного из ваших подельников, — и, нырнув в ящик стола, он протянул мне перепечатанную копию допроса. И я, взяв в руки тощую папку, углубился в невеселое чтение. А там, все как на последней исповеди, ни капли лжи. Вся наша операция и подготовка к ней расписаны по мелочам. Описано все то, что знал сам допрашиваемый. Раскололся наш помощник из рабочих как тонкостенный китайский фарфор. В советские времена копия этого протокола тянула бы на расстрельную статью. Умысел на лицо и этого было достаточно.

Я отложил бумаги в сторону. Отвернулся от своего собеседника в окно, замолчал. Говорить мне не хотелось.

— Ну-с? — подал голос Зубатов. — Убедились?

Я промолчал. Но затем, спустя несколько секунд спросил:

— Вы это серьезно?

— Что серьезно?

— Про японского шпиона?

— Вполне. Безо всяких шуток. Я пригласил к нам одного япониста, и он попробует с этим типом поговорить на их языке. Понятно, что тот будет отпираться, но мы все равно сможем понять, знает тот японский язык или нет.

— А зачем японцам к нам внедрять шпиона? Кто мы для них? Я в это не верю.

— Это, конечно, вопрос..., - рассеяно ответил он. — То, что в Порт-Артуре и во Владивостоке Козинцев бывал, это нам известно. Прикупил и там и там земли под производство.... Не знаю, пока ничего не могу сказать, будет допытываться. Но, если наши

предположения подтвердятся, то будем думать, что с ним делать. В любом случае, это будет уже не моя, ни, тем более, ваша забота. Моя же цель состоит в том, чтобы предостеречь вас от откровенно глупых поступков. Ваше похищение министра, с какой бы благой целью вы его не производили, является именно глупым поступком. И никак иначе. Слава богу, что я вмешался в это дело и откровенно спас вашу шкуру. Поэтому, Василий Иванович, скажу прямо — вы мне должны.

Я сделал откровенно удивленное лицо и Зубатов поморщился от моего притворства.

— Да бросьте уже Ваньку валять! Это не серьезно, ей богу. Хотите, я вам покажу еще протокол допроса Орленка? А там описано как вы хотели похитить Куропаткина, держать его взаперти, издеваться? Как бороду хотели ему остричь и кормить одним рисом? Сообщить вам адрес дома, в чьем подвале вы собирались держать министра? А все для того, чтобы он отнесся японцам как реальной угрозе и подготовился к будущей войне. Чтобы доложил царю о том, что было выгодно вам. Мне хочется думать, что вы придумали все это с благой целью..., ну не верю я в вашу продажность! Не верю что вы хотели навредить народу. Я думаю, что вы настоящий патриот страны. Не надо морщиться, это не громкие слова. Я на самом деле так думаю. Я давно слежу за вашими делами и именно по ним я пришел к такому выводу. Но, увы, Василий Иванович, вы выбрали не те методы чтобы помочь нам справиться с японцами. Вам бы просто обратиться в министерство со своими предложениями и вам бы обязательно пошли навстречу....

Я усмехнулся, перебив:

— При всем уважении наши министерства напоминают мне обожравшуюся корову, которую поднять с обоссанного места можно только пинком под ребра, — я взглянул на него с некой долей неприязни, но его мой взгляд не смутил. Он так и остался сидеть с маской благодущия, с натянутой улыбкой на лице. — Вы думаете мы не пытались? Больше года лежат наши предложения по радио в различных министерствах, а ответа как не было, так и нет. Везде бюрократия, везде бумажки и взятки. Никто шевелиться не хочет, все заглядывают в рот начальству, соревнуются, кто лучше шаркнет ножкой. Тьфу! Противно.... А Куропаткин..., - я на долю секунды запнулся, думая, открывать правду или нет. Но потом плюнул на все и выложил откровение, — Куропаткин трус, бездарь и неумелый полководец. Он не выиграт ни одного сражения с японцами! А войну мы проиграем по всем статьям, что на суше, что на море. Да еще и Макарова потеряем — вот это будет трагедия. Один Порт-Артур будет долго держаться, да и тот сдадим. И как нам здесь помогать нашей стране?

Зубатов сморщил нос, пошевелил недовольно усами.

— Прямо так уж и ни одного?

Я твердо кивнул.

— А еще Балтийскую эскадру потеряем. Вот это, я скажу вам, будет то еще событие. Ух, революционеры всех мастей порадуются....

Мой собеседник молчал. Долго.... Смотрел на меня, хмурился, трепал пальцами усы, задумчиво поглаживал щеки. Наконец, после долгой минуты, он произнес:

— Надеюсь, Василий Иванович, это только ваши предположения....

— Думайте, как хотите, — отрубил я. — Настанет война, вот тогда и проверите.

— И тогда я пойму, что вы пророк, да?

Я не стал ему отвечать, отвернулся к окну. На душе было противно и тошно. Пускай сам решает....

Как-то наш разговор сбился с темы. Пропал темп и нам пришлось сделать паузу. Зубатов молча откинулся на спинку стула, достал портсигар, молча предложил мне папиросу. Но я отказался. И тогда он, чиркнув спичкой, неторопливо задымил. Прошло минут пять, прежде чем он пришел в себя.

— Ладно, к черту, об этом как-нибудь потом, — сказал он, нервно давя окурок в пепельнице. — Давайте о нашем деле.... И так.... Что же..., ах да.... Буду говорить откровенно, Василий Иванович. Когда я ознакомился с агентурными докладами, то я не сразу поверил, что два таких успешных и без ложной скромности, гениальных дельца, придумали такой откровенно нахальный и глупый план. Но потом я понял, что вы просто-напросто дилетанты в этом деле и в силу своего дилетантства можете натворить дел похуже профессионалов. Знаете как в шахматах? Вроде ожидаешь от соперника определенного уровня, просчитываешь его ходы, а он в силу своей глупости ходит нестандартно и ломает всю партию. Вот так и здесь.... Поэтому я решил остановить вас, пока вы не наломали дров.

Мне нечего было сказать. Все верно. И потому я сидел, ссутулившись и уставившись в наполненную чашку. Чувствовал себя преотвратительнейше — как нерадивый школьник, у которого строгий отец обнаружил в дневнике двойку.

— Неужели вы ничего мне желаете сказать?

— А что тут можно сказать? Только спросить....

— Спрашивайте, — разрешил мне Зубатов.

— Когда вы раскусили наш план?

Он усмехнулся, легонько покачал головой.

— Может вам еще имя осведомителя сообщить? Да не убивайтесь вы так, Василий Иванович. Я ж говорю, что вовремя вас остановил, ничего страшного с вами не произойдет. Вы же как «пророк», — в этот момент он усмехнулся, — должны знать, что ваше дело из этого кабинета не выйдет и до суда не доберется. Сегодня же ночью вы будете спать в своей кровати. И друг ваш тоже. Между прочим, он сразу же понял свою ошибку, во всем раскаялся и сам предложил свою помощь.

— Подождите.... Козинцев раскаялся? Предложил вам помощь? — не понял я. — Какую же?

И тут Зубатов широко улыбнулся.

— Помощь в сотрудничестве.... Нет, это не совсем верное определение. Скорее он предложил нам помочь устроить наших информаторов на ваши предприятия. Чтобы те изнутри присматривали за агитаторами эсэров и эсдеков. Будет отсылать ежемесячные отчеты о своей деятельности в охранное отделение. В поездках по загранице его сопровождать будут наши люди. Ну и еще кое-какие мелочи....

Вот тут он меня почти удивил. Чтобы Мишка и сам предложил такой вариант охране? Нет, тут скорее все обстояло по-другому. Вероятнее всего, прижав Мишку к углу, Зубатов в ультимативной форме потребовал сотрудничества. И тому просто некуда было деваться. Интересно, а какое же предложение он сделает мне?

— Чего же вы не возмущаетесь? — проникновенно спросил Зубатов, довольно покачивая шикарными усами. — Думаете о чем-то? Опять желаете мне что-то сказать про будущее?

Я устало мотнул головой. Поставил пустую чашку на стол, стряхнул с груди несуществующую крошку и выпрямился. Поднял голову и не очень дружелюбно сказал:

— Нет у меня для вас больше откровений, закончились все. А думаю я о том, что же вы

от меня потребуете? Пожалуй, что большего, чем Козинцев я вам предложить не смогу. Увы....

— Ну, отчего же, Василий Иванович. Вы сильно ошибаетесь. Есть у вас нечто, в чем Михаил Дмитриевич не смог нам помочь.

— И в чем же?

— Ну, например, ваша страховая компания. Нам нужен список всех застрахованных лиц. Сейчас и в будущем. Нам необходимо знать с кем проводятся переговоры, а особенно интересуют имена неформальных лидеров с предприятий, что приходят к вам. Все выплаты по страховым случаям тоже должны быть нам открыты. Да вы не переживайте, ничего страшного здесь нет. Нам нужно лишь быть уверенным, что вы не поддерживаете революционеров финансово. Пусть даже и по незнанию. Между прочим, считаю, что вы правильно поступаете, предлагая своим рабочим такой вариант защиты. И им спокойнее и вам не лишняя копейка, так ведь? — добавил он ложку меда.

— Понятно, — протянул я, проигнорировав замечание. — А бухгалтерию, простите, почему не просите показать?

— Да бог с вами, Василий Иванович, — делано возмутился мой дознаватель. — Мы же не изверги какие, чтобы отбирать честно заработанное. Все что вы зарабатываете — ваше, с нашей стороны здесь претензий нет. Нам ваши мелочи не нужны.

— Это все? Вас интересует только страховая?

— Ну, нет, конечно же! Еще ваш профсоюз. Очень уж он у вас знаменит, велик, и без моего контроля. А вы сами знаете, какую я питаю страсть к рабочим организациям.

— И что же мне для вас сделать?

— Сущюю малость, — довольно сказал Зубатов. — Я хочу, чтобы вы поспособствовали тому, чтобы мой человек влился в ваш профсоюз. Хочу, чтобы вы свели его с Шабаршиным и сделали так, чтобы ваш профсоюзный лидер не отверг моего человека, а внимательно прислушался. И может быть влился в состав управления.

Эх, не нравится мне эта затея. Игрища Зубатова с профсоюзами до добра не доведут.

— Шабаршин пришлого не подпустит, — ответил я. — Он сам отбирает себе помощников.

— Ну вы уж постарайтесь. Сами понимаете....

— И кто же этот человек?

— Я его к вам пришлю. Вы сразу поймете, что он от меня. Он в сане, человек в Петербурге довольно известный.

— Священник?

— Да, отец Георгий. Весьма впечатляющая личность, отлично умеет находить общий язык с рабочими. На его проповеди стекается множество народа.

— Подождите, — предостерегающе поднял я руку. — Уж не о Гапоне ли идет речь?

— Догадались и предвидели? — с легким смешком спросил Зубатов. Он мне все-таки не поверил.

Я попытался промолчать, но взглянув на лицо-маску, я сам того не желая, выпалил:

— Ваш поп подведет ваше отделение под монастырь. Не знаю, что случится лично с вами, но вот вся общественность будет проклинать и охранку, и полицию и царя лично. Он будет одним из тех, кто в пятом году всколыхнет Россию. И он поведет за собой рабочих на расстрел, а Николай получит прозвище «Кровавый».

— Опять это ваше предвидение? Да полно вам чушь молоть. Вы еще скажите, что он

революцию организует.

Я промолчал. Язык мой — враг мой. Сболтнуть что-нибудь неожиданное это моя беда, тянущаяся за мной из детства. До пятого года Зубатов точно доживет, вот тогда-то он и удостоверится в моих словах. А сейчас же я не желаю ему ничего доказывать. И так уже наговорил с верхом.

— Итак, Василий Иванович, я полагаю, мы договорились? — не то спросил, не то констатировал Зубатов. А мне деваться было некуда и он это знал. — Ну что ж, тогда вот вам документик, прочтите его и поставьте свою подпись, — и с этими словами он извлек из ящика стола уже заполненные бумаги. Я их взял, внимательно ознакомился и, обреченно вздохнув, поставил свою закорючку. С этого момента я негласно работаю на охранное отделение. Всячески помогаю им и предоставляю регулярные отчеты о своей деятельности. Опять же, буду доносить о моих встречах с известными и богатыми людьми, помогать внедрять в их среду агентов. Мне даже оклад кое-какой полагался, но, понятно, что я им ни разу не воспользуюсь. Просто побрезгую.

— Ну что ж, вот и славненько, — довольно пряча драгоценный документ, проворковал Зубатов. — Вот и хорошо. А теперь, Василий Иванович, прежде чем отпустить вас домой, хотел бы предупредить. Пожалуйста, когда отдадите всю взрывчатку военным, не производите без нашего разрешения более ни фунта. От греха подальше.

Я устало кивнул:

— Чего же вы раньше по мою душу не заявили, если и об этом знали?

— Просто везучий вы человек, даже удивительно. Столько всего натворили, а так легко отделались.... Ну все-все, хватить вопросов. Вам пора домой. А то супруга ваша, наверное, уже все слезы выплакала, — он встал и протянул мне руку. Мне не хотелось соблюдать эти правила приличия и я почти ушел, но что-то подсказало мне этого не делать. Все-таки Зубатов является личностью властьпридержащей и его нельзя просто так злить и игнорировать. Пожать ему руку на прощание, даже после всего того, что со мной произошло, это простое здравомыслие. И потому, чуть поколебавшись и помедлив, я тоже встал со стула и крепко сдал его ладонь.

— Надеюсь, я с вами более по такому поводу не встречусь.

— Мне бы тоже этого хотелось, Василий Иванович. Вы не думайте, что мне доставил большое удовольствие узнать, о том что вы готовите нападение. И только из-за нашего доброго знакомства я решил вам помочь. Но вы же и сами понимаете — просто так я вас отпустить не мог. Надо было чем-то пожертвовать с вашей стороны.

— Гм, звучит так, как будто я должен сказать вам «спасибо».

— Мне было бы приятно такое услышать, — ответил он, улыбнувшись, но тактично не стал на этом настаивать. — Что ж, Василий Иванович, более не смею вас задерживать. До свидания..., Передавайте привет вашей замечательной супруге и просите сильно ее не сердиться, — и с этими словами он меня отпустил.

Домой я прибыл через час. Усталый, голодный, злой и подавленный. В несвежем и слегка запачканном пальто. Увидев, что у крыльца остановилась крытая карета, выбежала Зинаида, а следом за ней и Маринка с опухшими глазами. А узрев меня целого и невредимого, медленно спускающегося с подножки, женщины ахнули и припустили ко мне. Супруга подбежала и прильнула, уцепившись за пальто хрупкими пальчиками, дрожа всем телом и всхлипывая.

— Ну что ты, не надо, — попытался я ее успокоить. — Ну, хоть не на улице....

Она заревела. В голос, по-бабьи, уткнувшись лицом мне в грудь. Хорошо хоть без причитаний обошлось. И куда девалась вся феминистическая дурь? Мне стоило большого труда ее успокоить и направиться в дом.

— Боже, что у тебя с лицом? — ужаснулась она, когда отстранилась от груди. — Тебя били?

— Нет, — ответил я, — случайность.

Мы зашли. Зинаида стала спешно расстегивать пуговицы пальто, Маринка стащила шапку. Потом я присел на кованую скамеечку и, не нагибаясь, снял ботинки.

— Баньку сделай, Зина, а? И поесть что-нибудь на быструю руку.

— Да-да, конечно, — ответила она и спешно убежала раздавать указания.

— Мишка дома? — спросил я супругу, влезая в теплые тапки.

— Да, часа три уже как.

— И как он?

Она тяжело вздохнула.

— Побитый сильно. Глаза закрылись, ничего не видит.

Все ж отрихтовали его молодцы Зубатова. И видимо были на то причины.

— К нему можно?

— Да куда ты пойдешь? Сам на себя-то посмотри! Дай ему отдохнуть, совсем он нехорошо выглядит. Да и Аннушка тебя на порог не пустит, злая она на тебя.

— А я-то при чем?

— Не знаю, но она даже со мной поругалась.

Она расстроено замолчала. Молча сняла с меня дорогой, но безнадежно помятый фрак, пикейный жилет, стала расстегивать пуговички сорочки. Она уже перестала всхлипывать и более или менее успокоилась.

— Скажи Зинаиде, чтобы она сходила в дом Мишке и сообщила, что я приехал. Если Анна Павловна разрешит, то я хотел бы навестить его.

Марина поджав губы, кивнула.

— Ты чего? — спросил я, заметив некую натянутость в ее движении.

Она вздохнула, склонила голову и грустно ответила:

— Аня очень сильно на меня кричала. Я никогда ее такой не видела. Тебя нехорошо обзывала. Не надо к ней сегодня ходить, надо подождать.

Сильно же Мишкина жена испереживалась, коли дошло до такого. За Анной Павловной никогда подобного не замечалось. Даже наоборот, она редко когда позволяла себе при незнакомых людях лишнюю эмоцию и всегда была строга. За что уж Мишка ее полюбил — не знаю, но полагаю, что и он впервые ее такой видел.

— И все же надо Мишке передать. Пускай Зина ходит.

— Ладно, я скажу.... Пойдем, я тебе лицо умою, а то смотреть страшно. Может тебе там зашивать надобно....

— Ерунда. Царапина.

Она вздохнула, потрогала рану руками и была вынуждена согласиться с моими выводами. Рассечения нет, только подбитая и опухшая бровь, которая налилась кровью. Ссадина хоть и выглядит страшно и раньше обильно кровила, но на самом деле ничего серьезного.

— Хоть бы повязку наложили изверги такие.

Она очень хотела меня расспросить обо всем. Что там со мной приключилось, почему произошла драка. В театре после окончания спектакля только и разговоров было, что об этом происшествии. А Маринка с Анной Павловной готовы были сквозь землю провалиться к ним потом подошел человек Зубатова, попросил не волноваться, не поднимать шум, а ехать домой и тихо нас дожидаться. Уверял, что ничего страшного не случилось. Они так и поступили. Две напуганные и взволнованные женщины просидели всю ночь возле окна, ловя каждую проезжающую пролетку. А следующим днем, когда из черной кареты выгрузили потрепанного Мишку, они обе сорвались с места и поспешили на помощь. Вот тогда-то, едва увидав опухшее и синее лицо супруга, Анна Павловна поддалась чувствам, в голос заревела и бросилась на шею. А потом, когда Мишка стойчески вытерпел болезненные объятия, она и сорвалась на Маринку. Накричала на нее, обвиняя меня во всех грехах, и потребовала более к ней не приближаться. Мишка попытался было защитить и меня и мою супругу, но он был слишком слаб, чтобы настоять на своем, а моя бывшая экономка слишком возбуждена и разъярена, чтобы его услышать. Похоже, мне и вправду придется подождать, пускай она остынет, да Мишка ей все объяснит.

Я встретился с ним следующим утром. Пришел к нему домой, поздоровался с Аней. Она уже успела переосмыслить произошедшее и чувствовала себя немного виноватой. Извинилась передо мной и, оставив меня с неважнецки выглядящим другом, пошла налаживать контакт с Маринкой. Прихватив с собой душистую наливочку.

— Ты как? — спросил я, подсаживаясь к кровати.

Мишка даже не попытался встать. Повернул голову и сквозь опухшие глаза рассмотрел меня.

— Не так страшно, как выгляжу, — ответил он утомленно. — Помяли малость, но это я сам виноват. А ты, я смотрю, легко отделался. Тебе только глаз подбили или еще чего?

— Угу, только глаз. В отличие от тебя... Что произошло-то? Как тебя взяли?

Мишка вздохнул, повернул голову в сторону двери.

— Аннушка ушла? — спросил он тихо.

— Да, с Маринкой мириться.

— Хорошо, а то я ей так всего и не рассказал.

В общем, как поведал мой друг, после того, как он спешно отлучился из театра, он успел-таки собрать свою банду. Просчитав маршрут Куропаткина, устроили засаду в одном из удобных переулков, там, где свидетелей не должно быть много. Погодка была под стать, стемнело, снег так и продолжал валить валом, ухудшая видимость, а под ногами растаявшая жижа стала подмерзать и сковывать улицы коркой грязного и острого льда. По такой дороге не то, что пешком уверенно не пройдешь, на таком катке даже на повозке ездят с опаской — лошадь может поскользнуться и переломать ноги. И вот, устроившись в темных углах и прождав минут пятнадцать, Мишка заметил медленно приближающуюся одинокую карету министра и дал отмашку. Группа захвата сработала как по нотам. Орленок улучив момент, взлетел на козлы, двинул кулаком возницу, отправляя его в заслуженный отдых, и перехватил управление. Пассажиры даже не заметили подмены, ну а то, что карета сильно покачнулась от нового водителя кобылы, они этому не придали значения. На такой дороге транспорт и так трясло словно виброустановку. И вот, направив лошадей в безлюдный проулок и остановив их возле подменной кареты, из темноты возникли китайцы. С воплями на японском, распахнули дверцы, в надежде вытащить Куропаткина и..., удивленно узрели перед носами несколько стволов револьверов. Конечно же, военного министра внутри не было. И в этот момент, словно по давно отработанному плану с двух сторон проулка появились конные полицейские. Нашим китайцам деваться уже было некуда, они стояли не шелохнувшись, а вот те двое, что помогали Орленку и подстраховывали, не сговариваясь дали деру. Их, конечно же, поймали, заломали руки и слегка попинали. Привлеченные к операции жандармы особо не церемонились. А вот Мишка, находившийся в тот момент чуть поодаль, попал под самый жар. С ходу не разобравшись, он двинул кулаком в морду одному темному силуэту, за что и схлопотал от второго рукоятью револьвера по голове. А затем ему добавили, особо не рассматривая, кто оказался перед ним. Для полицейских все просто — бьют твоего, отвечай троекратно. Вот Мишку и помутузили с острасткой и прилежностью, но без особого смысла. Как говорится — издержки профессии.

— Ну а потом?

— Ну а потом повезли меня куда-то одного. Кинули в номер с блохами, парашей и

маленьким окошком, а утром, едва солнце поднялось, на допрос. Там мне и объяснили, что я был категорически неправ. Популярно, но без рукоприкладства. Твой Зубатов показал мне бумаги о том как проходило мое задержание, допрос наших китайцев, Орленка и тех двоих, что нам помогали. Я их почитал, а там чистосердечное со всеми подробностями... М-да..., - он замолчал, погладив подбитый нос и убирая коросты крови. — Зубатов твой оказался милейшим человеком. Уж как он со мной беседовал, тебе не передать. На «вы» обращался, чайку все время подливал, извинялся за рукоприкладство своих душегубов. Ну а потом, выложил мне весь расклад и предложил мне два варианта. Либо я с ним сотрудничаю, либо он дает ход делу. Полагаю, что и тебе тоже не оставили выбора?

Я кивнул. Все же на Мишку страшно было смотреть. Хоть он сам и говорит, что синяки ерунда, но вот вид этих синяков.... Заставку телекомпании «Вид», что снимает «Поле Чудес», вот что сейчас напоминает мой друг.

— Может, выпьем? — предложил я ему.

— Нет, неохота. Я вот жрать хочу. А то Аня меня куриным бульоном отпаивает.

— Ну, это мы мигом, — сообщил я и вышел из комнаты. Нашел человека из прислуги, передал желание хозяина. Минут через десять нас уже приглашали к столу с салатами и холодными закусками. Я транспортировал друга в столовую, повелительно махнул рукой, чтобы нас оставили, и продолжил разговор.

— Зубатов говорил, что он специально выпросил нас у Плеве, как только узнал, что мы затеем. Хоть подобные операции и не его профиль. Говорит, что спас нас.

Мишка вздохнул.

— Сейчас, когда уже все кончилось, я тоже думаю, что он нас спас. Если б не он, то даже страшно представить, где б мы сейчас находились. А вообще, должен признать, что глупая затея была. И уговорил я тебя зря, надо было делать упор на легальное воздействие на историю. А Зубатову надо бы подарок послать, — он отправил в рот кусок буженины и неторопливо задвигал челюстями. — Мотоцикл, наверное, слишком приметным подарком окажется, а вот радиоприемник в самый раз. Тем более мы скоро запустим вещание, так что презент будет в тему. Вот и не знаешь, с какой стороны может вылезти мимолетное знакомство. Только мне все равно не очень понятно, зачем он за нас вступился. Ладно, я понимаю, нас под контроль взял, да с революционерами мы ему можем помочь. Инфу сливать будем, агентам его негласно помогать. Но все равно как-то мелко. Дал бы он ход нашему делу и триумф ему обеспечен. А та-ак.... Да и после того, как он меня взял на самом деле, что-то слишком мелко он с меня потребовал. Хотя, возможно, это только начало.

— Он профсоюз наш подмять хочет. Гапона на днях к нам пришлет.

— Да ты что?! Вот же засада..., - поразился Мишка, остановив руку с очередным куском мяса на полпути ко рту. — Нам еще в «кровавое воскресенье» вляпаться не хватало.

— С Шабаршиным настоятельно просит свести, к управлению допустить. Он, конечно, прижал нас к углу, но все равно — хрен ему. Я с нашим профсоюзным лидером поговорю, объясню ему ситуацию, и тот Гапона побоку пустит. Может, дадим этому попу местечко теплое, там где можно болтать много и кушать сытно, но вот к реальному управлению я не позволю его пустить. Если понадобится, то алкашом непросыхающим сделаю, лишь бы к нам не лез.

— Да Шабаршин сам его удавит, — ответил Мишка. — Он к своему детищу никого не пустит, тем более людей из охраны. Только к тебе он и прислушивается.

— Да, этот действительно удавить может.

Наш профсоюзный лидер, борец за справедливость, как и все рабочие, очень сильно не любил полицию и охранное отделение. Не любил до такой степени, что в прошлом, бывало, незаметно плевал вслед проезжающему высокому чину и показывал непристойные жесты. Пока, слава богу, последствий его выходки не имели. Сейчас же, когда он встал во главе профсоюзного движения и под его началом собрались все наши рабочие со всех предприятий, он стал более сдержанным и теперь, при общении с полицией он старательно изображал любезность. Правда, улыбки его выходили совсем уж кривыми и любой понимал истинный смысл его стараний.

— А знаешь, Зубатов мне тут сообщил, что один из твоих китайцев, скорее всего, является японским шпионом. Что думаешь об этом?

— Брехня, — ни на секунду не задумываясь, отмахнулся Мишка от предположения как от нелепости. — Они друг другу родственники, из одной деревни. Если уж и думать, что один из них шпион, то и второй тоже. Нет, Зубатов тут не прав — тень поймал.

— А как же то, что один из них очень уж хорошо по-японски наловчился? Почти без акцента?

— А ты можешь отличить акцент? — усмехнулся Мишка. — Все гораздо проще. До меня один из них был в услужении у японского дельца. Принеси-подай, сгинь с глаз. Вот и нахватался у него.

— Так может....

— Нет, слишком уж он прост для шпиона. Штаны без заплаток только недавно носить стал, да косу свою только в Америке и отрезал. Зубатов тебя на понт брал. Разводил.

— А зачем?

— Что б сговорчивее был....

Вот так и прошел наш разговор за небольшим столом с холодной снедью. Мишка набил желудок и отвалился на диван. Ему теперь ой как долго из дома не выйти, поэтому всю свою работу он попросил отправлять на домашний адрес. Анна Павловна с Маришкой помирилась, и они провели целый вечер за тихими разговорами, пытаясь отгадать истинную причину наших приключений. Ведь ни я, ни Мишка не сказали им всей правды. Мишка просто соврал, что на него напали бандиты и ограбили, а я же.... А я же ничего не мог придумать убедительного и сообщил Маринке правду. Сказал, что ошибочно принял людей из охраны за грабителей, затеяли с ними драку и потому оказался в таком положении. Она, конечно же, приняла мои объяснения с большим сомнением, но что поделать, рассказать всю правду я ей не мог. Вот и сидели они весь вечер, потягивая наливочку и перебирая все более или менее правдоподобные варианты.

Следующим днем наш офис посетил господин от Куропаткина — настоящий полковник от артиллерии. Не один, с тремя сопровождающими. Я в нынешних погонах не очень разбираюсь, они все-таки отличаются от советских, поэтому у зашедшего без стука важного господина пришлось деликатно поинтересоваться:

— С кем имею честь?

— Полковник Гончаренко, — представился он, с хмурым любопытством рассматривая мой кабинет. — А вы и есть тот самый господин Рыбалко, отец рабочим?

— Я и есть, Василий Иванович, — ответил я, вставая и протягивая руку. — Очень рад вашему визиту. Я вас заждался.

Он величаво склонил голову. Взгляд у него был жесткий, властный, нос прямой и

острый, а борода такая...., пышная, густая, разделенная надвое и ухоженная. Подбрита где надо, подстриженная для соблюдения формы. Полковник явно гордился своей растительностью.

— Что ж, господин Рыбалко, не будем терять времени, — без разрешения, распахивая расстегнутую шинель и присаживаясь на стул, твердо сказал полковник. Сопровождающие его военные чином пониже остались стоять. — Меня попросили навестить вас, чтобы забрать ваш динамит и посмотреть на какую-то новую пушку. Честно признаюсь, мне эта затея не нравится. Поэтому, давайте быстренько произведем осмотр и закончим на этом.

Ох, не нравится мне его заход. Нехороший. От такого настроения много не выгадаешь. Поэтому, желая подстраховаться и смягчить будущий отзыв, я решил играть самого дружелюбного на свете хозяина. Поэтому....

— Секундочку, — вежливо ответил я, беря в руки трубку телефона. Полковник неодобрительно скосился на аппарат. Я же, дождавшись соединения, сообщил собеседнику, — Игнатъич, приготовь, пожалуйста, наши минометы к осмотру. Площадку организуй, хорошо? Вот и славно. Да и тротил, что у нас есть, приготовь к отправке.

Я положил трубку и извиняюще сообщил Гончаренко:

— Нам придется чуть-чуть подождать, пока мои люди все не подготовят. А пока, не желаете ли согреться чаем? Или чем другим?

Полковник крикнул, задумчиво пригладил усы:

— Утро же.... Давайте с чая начнем.

Конечно же, я слукавил, сказав, что у нас ничего не готово. Просто, видя настроение полковника, нельзя было сразу же допускать его до осмотра. Его надо было слегка подготовить, попытаться расположить к себе. Начнем с чая со сладостями, а потом посмотрим.

Я предложил гостям раздеться и переместиться в смежную с моим кабинетом комнату. Там был и стол нормальный и диван с креслами. Да и наша новинка там находится — настоящий электрический чайник. Пока что в единственном рабочем экземпляре, остальные изготовленные проходят испытания на надежность. Вот и удивлю я их.

Наше изобретение, конечно же, поразило всех моих гостей. Их изумила простота и скорость, с которой можно вскипятить воду. Никакого тебе открытого огня примуса, никаких манипуляций с розжигом самовара. Воткнул шнур в розетку и дождался когда засвистит носик. До автоматического отключения мы еще не дошли, да и вряд ли дойдем. Не нужная в это время данная функция, да и затрат на ее реализацию необходимо значительно.

Я услужливо разлил им по стаканам кипяток, попросил угощаться сладостями и пояснил, предвосхищая вопрос:

— Это наша разработка. Думаю, что весной наладим выпуск для продажи. Но вам нет нужды так долго ждать. И для меня будет большой радостью, если вы согласитесь принять в подарок подобный чайник. Как раз к Рождеству Христову.

Полковник хмыкнул недовольно:

— Это будет не очень удобно. Что скажут люди?

— Помилуйте, ваше превосходительство, а причем тут люди? Я передам этот прибор в ваше управление для испытаний. Что хотите, то с этим чайником и делайте.

— Ваше высокоблагородие, — тактично поправил меня Гончаренко, но сам улыбнулся в бороду. Понравилось, что я «ошибся». — А можно у вас поинтересоваться?

— Внимательно слушаю.

— А, правда, говорят, что вы революционер?

Я глубоко вздохнул. Похоже, у меня складывается определенная репутация. Нет, я, конечно, заигрываю с рабочими, но этого явно недостаточно, чтобы меня записывать в одну когорту с Лениным, Гершуни, провокатором Азефом и иже с ними.

— Враки, — прямо сказал я. — Я всего лишь заботливый фабрикант. Социальные эксперименты ставлю на своих предприятиях, не без этого, но вот в политику не лезу. Незачем мне это.

— А фонарь тогда откуда?

Он все знает! А значит, знает и Куропаткин. Боже, а я надеялся, что наши сорвавшиеся намерения так и останутся втайне. Но, по-видимому, Зубатов посчитал нужным все рассказать министру. Тогда я нахожу странным, что Алексей Николаевич сдержал свое слово и направил-таки ко мне человека способного разобраться в наших минометах. И мне должно быть стыдно.... Должно быть, но вот почему-то не было.

— Неприятный инцидент в театре, — уклончиво ответил я. — Извините, но я не хочу об этом распространяться.

Полковник понимающе кинул, смешно потрясая своей шикарной бородой.

— Что ж, тогда и не будем поднимать этот разговор, — ответил он, делая большой глоток крепкого чая. — Ну-с? Когда же вы покажете нам вашу пушку? У вас все готово?

— Сейчас же и покажу, — ответил я, тщательно скрывая разочарование. Не удалось мне вызвать у полковника нужной настрой. — Пройдемте, ваше высокоблагородие. Здесь недалеко, в цокольном этаже.

Был в нашем крыле офиса свой подвал. Здесь находилась бройлерная, где нагревалась вода для отопления обоих крыльев здания, здесь же были и подсобные помещения. Библиотечка небольшая, архив, и невеликий склад. Вот там-то и дожидались наши минометы. Еще вчера я попросил их сюда переправить. Имелись и муляжи мин для наглядности. Основную массу тротила и боевых мин мы благоразумно оставили в нашей «секретной» лаборатории в Новгороде.

У артиллеристов имеется свой язык общения, непонятный простому обывателю. И потому, мне как человеку хоть и прошедшему российскую армию, было чуть сложновато разговаривать с полковником. И едва я завел его в помещение и продемонстрировал выставленные три образца различных калибров и объяснил принцип действия и теорию навесной стрельбы, как Гончаренко, пыхнув недовольно в бороду, сообщил:

— Позвольте, что за балаган? Да какая же это новая пушка? Это же обыкновенная мортира!

И вот, я стоял и не знал, что ему возразить. Лихорадочно вспоминал, что же представляла собой настоящая мортира и чем она отличается от моего оружия. И то, что я вспоминал, подталкивало меня на мысль, что полковник намеренно не желает принять мое новшество, ибо разница очевидна. Тут и вес оружия, и его мобильность и способ, и темп стрельбы и тип заряжания. Разница во всем! В нынешней армии, насколько я помню, мортиры используются только для обороны крепостей, ибо тяжелы они невероятно и используют их на вращающемся лафете. Разве можно их сравнивать с моими минометами?

— Ну как же, господин полковник. Разница весьма значительна. Мои минометы являются весьма мобильным оружием. Два человека могут перенести на своих плечах один ствол, выбрать позицию, набросать сверху на неприятеля мин и уйти прежде, чем его позиция будет раскрыта и подавлена. Да и в гористой и холмистых местностях стрельба

минами по навесной траектории предпочтительнее настильной.

— Навесная стрельба?! Позиция будет подавлена? — усмехнулся полковник. — Позвольте, господин Рыбалко, а разве вы оканчивали артиллерийское училище? Или же проходили службу в артиллерии? Нет? Тогда позвольте полюбопытствовать, откуда у вас такая уверенность?

И тут я понял, Куропаткин на меня серьезно обижен. И он мне не простит того злого умысла, что я пытался совершить. И прислав ко мне человека, сдержав, таким образом, свое слово, потребовал от него задушить любую мою инициативу. Миномет — к чертям собачьим, бесполезное изобретение. Тротил — заберем весь, что имеется, но производить запретим. Найдем кого-нибудь другого. Примерно этого я теперь ожидал, и, поняв истинное настроение полковника, я даже скривил морду, но попробовал тут же взять себя в руки. Все-таки не для себя стараюсь, для своей же страны.

— Ваше высокоблагородие, позвольте мне с вами не согласиться, — посмел я возразить и полковник удивленно уставился на неслыханную дерзость. — Все же, мои минометы принципиально новый тип вооружения и нынешние мортиры не идут с ними ни в какое сравнение. Позвольте вам продемонстрировать, так сказать, своими руками, — и, не дожидаясь разрешения, я подошел к самому мелкому калибру в двадцать пять линий. Или по метрической системе в 63 и пять десятых миллиметра. Такой, конечно, слабоват будет, но для отдельного взвода подспорье серьезное. И все заново, как школьник отличник перед строгим учителем стал рассказывать про все преимущества данного оружия. Про удобство его использования, про мобильность, про тактику применения. Показал и рассказал про сами мины, их начинку и про их осколочно-фугасное действие.

Полковник со своими сопровождающими слушали меня молча и, казалось, внимательно, но едва я закончил, Гончаренко скривил губы и, приподняв подбородок, безапелляционно сообщил:

— Это обыкновенная мортира! Оружие бессмысленное и для армии неподходящее. Все! И какое еще фугасное действие? Для боевых действий и поражения живой силы противника подходит только шрапнель.

И его сопровождающие согласно закивали головами. И, похоже, это был полный провал. Спор с полковником мог только усугубить ситуацию. Нельзя с ним спорить, с ним надо как с ранимой девушкой — лаской и терпением. И потому я задавил в себе готовое вырваться возмущение, а только лишь глубоко вздохнул и попробовал заново:

— Господин полковник, ваше высокопревосходительство, если вы позволите, то я бы хотел вам продемонстрировать опытные стрельбы. У нас все готово, и если бы вы согласились потратить несколько часов...

Но полковник меня раздраженно прервал на полуслове:

— Не стоит. Ваше изобретение бессмысленно и неэффективно. Чтобы понять это не нужно проводить никаких испытаний. Поэтому, господин Рыбалко, предлагаю на этом и закончить. Я увидел все что хотел, более ничем вы меня удивить не можете. Главное артиллерийское управление не заинтересовано в ваших мортирах. Комиссию по ним собирать бессмысленно. Поэтому, будьте добры отдать нам вашу взрывчатку и на этом мы с вами распрощаемся.

Что я еще мог сказать? Ничего! Одно только расстройство. Сам же все и испортил. Не будь нашего глупого покушения и, глядишь, Куропаткин бы не давал такую установку, а его человек не был бы так категоричен. В общем — провал.

Весь тротил я, конечно же, отдал. Тот, что имелся в малом количестве в подвале офиса. И после ухода полковника со злости распинаял стеллажи в подсобке, разбил самым малым минометом, как простой дубиной ящики с муляжами. А потом и его самого швырнул в стену, вымещая бессильную ярость на бездушных предметах. Весь день потом ходил смурной и хмурый, пугая своих подчиненных и отбивая им всякую охоту со мной встречаться. Ходили как тени по коридорам и, казалось, даже не дышали.

В Новгород пришлось скататься на следующий день и передать десять пудов уже готовой к употреблению взрывчатки. Химики мои попали под надзор охраны, но оборудование по счастью у них не изъяли. Его мы отправили в нашу главную химическую лабораторию в Питере — там оно пригодится. А рецепт изготовления тротила я зажал, и делиться с военными отказался наотрез и весьма грубо. Им надо — вот пусть они и догадываются как надо делать. Или у немцев рецептуру покупают.

Мишка, когда узнал о моем обломе, лишь покивал головой, показывая, что другого решения он и не ожидал. И потому махнул на дебила из ГАУ рукой — война с японцами все расставит по своим местам и военные сами потом на нас выйдут. Оружие ведь и в самом деле очень эффективное и героическая оборона Порт-Артура это покажет. Ну а пока..., пока мы чуть притормозим это направление. На коротком совете было решено изготовить пять десятков минометов разных калибров и при моем отбытии в Порт-Артур забрать их с собой. Там-то они точно пригодятся. Там же я налажу производство тротила и боеприпасов. Если позволят, то легально, если нет, то Китай недалеко. Там после боксерского восстания творится черт знает что и можно хоть атомную бомбу делать — некому до этого нет дела. Только откупайся от местных властей взятками, да подарками. Ну а если они еще узнают, что боеприпасы изготавливаются против японцев в грядущей войне, то возможно сами предложат всестороннюю помощь. Японцев там очень сильно не любят.

Прошло несколько дней. Поп Гапон ко мне так и не явился. Я ждал его каждый день, думал как отвадить его от нашего профсоюза. Не находил себе места. Даже сходил на его проповедь и вот что интересно — он меня впечатлил. Худощав, высок, с причесанными назад длинными волосами и аккуратной бородкой как у Христа с икон он зажигал своих прихожан. Мастерски владел массой, проповедовал им с силой и пылом, способным зажечь самое заскорузлое сердце. Он чувствовал толпу и способен был дать ей то, что она хотела услышать. Недаром он прославился по Питеру — масса народа стремилась попасть на его проповеди. И даже мне стоило немалых усилий, чтобы оказаться поближе к нему. Он громко вещал с амвона почти не заглядывая в Священное Писание, воздевал руки к небу и к толпе, взывал к сильным чувствам праведного гнева и к обостренной справедливости. Стоит сказать правду — большевики ввали и Гапон не выскочка. У него на самом деле имелся талант воздействия на людей. Такой заговорит кого угодно... даже Шабаршина.

Я дослушал его до конца, не посмел развернуться и уйти. Со всех сторон простой рабочий и городской люд, смотрели на Гапона снизу вверх, внимали его жарким словам. Он меня заметил, узнал, но не позволил себе сделать мельчайшую паузу и показать мне, что желает поговорить со мной. Наоборот, казалось, он даже увеличил ярость своей проповеди. Возвысил голос, взмахнул рукой и рубанул правду-матку из Писания:

— Да сказано же — «Кто затыкает свое ухо от вопля бедного, тот и сам будет вопить и не будет услышан!».

И вроде бы цитата взята из Библии, но поднесена она Гапоном так, что очень уж она

понравилась присутствующим на службе. Кто-то закивал согласно, кто-то шепотом высказался:

— Доведут скоты до ручки, всем петуха пустим....

Все-таки я не стал дослушивать проповедь до конца. Постарался как можно незаметнее выйти. Аккуратно протиснулся меж людей, поработал локтями и со вздохом облегчения вышел наружу — воздух в церкви оказался сильно спертым. Поймал открытую пролетку и, кутаясь в пальто, добрался до офиса. Где и погрузился в свое бумажное болото.

Гапон приперся ко мне на третий день. Особо не скрываясь, со всеми чинно здороваясь, иногда останавливаясь, чтобы перекинуться парой фраз с особо нуждающимся. Смирненно постучал в дверь, дождался моего разрешения и вошел, ослепляя помещение массивным золотым крестом, болтавшимся на тощей шее. Осмотрелся настороженно, затем, осмелев, прошел и уместил свой зад на стуле прямо напротив меня.

— Доброго вам утречка, господин Рыбалко, — сказал он, складывая руки перед собой. — Меня попросил к вам зайти Сергей Васильевич.

— Да, я в курсе, — кивнул я, показывая свое неудовольствие. — Не скажу что рад встрече....

Прозвучало грубо, но Гапон предпочел проигнорировать мой выпад.

— А у вас уютно. И довольно-таки скромно — не ожидал. Думал, приду, а тут все в золоте и хрустале. Как и принято у состоятельных господ.

— А я думал, что крест у вас деревянный, а оказалось золотой, — совсем уж грубо парировал я. Признаюсь, хамил я намеренно, желая таким образом отвадить данного индивида от своего профсоюза. Здесь любой метод хорош — мне не нужно чтобы мои рабочие погибали на «кровавом воскресенье».

— Да нет, что вы, это жженое золото, — смиренно ответил Гапон. Он упорно делал вид, что моя грубость его не задевает. Даже улыбался уголками губ, строил из себя праведника. Ну да ладно.... А он, повертев головой, удивленно сообщил. — А иконки у вас в углу нету.

Я с деланным неудовольствием отложил от себя бумаги, захлопнул папку. Пропустил мимо ушей замечание и, скрестив пальцы, молча воззрился на попа. Поиграл с ним немного в гляделки, повеселил его своим переливающимся фингалом, да и спросил:

— Итак..., чем обязан? Покороче....

Гапон прокашлялся.

— М-да..., а Сергей Васильевич мне вас другим описывал. Совсем другим.

— И каким же?

— Ну..., не таким грубым. И совершенно сговорчивым. Говорил, что я легко смогу найти с вами общий язык.

Я хмыкнул:

— Сомневаюсь, что мы его с вами найдем. При всем уважении к господину Зубатову....

— Весьма прискорбно, — ответил он, явно сожалея и, поднимая назидательно палец, сообщил. — Сказано же в Писании — «Кто скрывает ненависть, у того уста лживые...».

— Увольте меня от цитирования Библии, — попросил я, морщась. — Мы не в церкви.

— Нехорошо так говорить про Священное Писание, — сделал он мне замечание, но затем продолжил, донося до меня прерванную мысль. — Вы не скрываете свою ненависть ко мне, а значит и не солжете мне. Василий Иванович, скажите, чем я заслужил такое отношение к себе? Я вам неприятен?

Я глубоко вздохнул. Усмехнулся, глядя прямо на такого из себя правильного Гапона, да

и сказал прямо:

— Я не желаю, чтобы вы запускали свои руки в мой профсоюз. Это мое детище, это мои рабочие и это моя ответственность. Вот вам моя правда. Что, теперь вы побежите Зубатову жаловаться?

Он не ответил на вопрос. Загадочно пригладил ладонью бороду, поправил золоченый крест.

— Нехорошее это слово — «жаловаться». Сергей Васильевич попросил меня придти к вам, посмотреть, как у вас мастера обращаются с рабочими, поговорить с людьми. Ваш же профсоюз мне интересен только тем как он устроен и ничего более. Я не собираюсь лезть в ваши конюшни и вычищать их. Нет, Сергей Васильевич просил меня лишь перенять опыт.

— Пустить вас до управления, чтобы вы там полазили? Познакомить вас с лидером?

— Да-да, с господином Шабаршиным. Говорят, что он очень горяч, но справедлив. Горячо болеет за рабочего человека. И это правильно. В наше время нельзя игнорировать потребности обычного трудяги. В его мозолистых ладонях находится великая сила, способная потрясти жадных до денег и глухих до их стенающих мольб фабрикантов. Рабочие пока не осознают своей силы, пытаются противостоять произволу разрозненно, но у них плохо получается. Но придет время, и они объединятся и вот тогда они выступят единой, монолитной, рушащей все на своем пути стеной. И вот тогда уже и фабриканты и властьпридержащие забегают, засуетятся. Но будет поздно, Василий Иванович, слишком поздно. А вот чтобы такого не случилось нам с вами надо приложить совместные усилия и направить энергию рабочих в более мирное русло, в такое, чтобы более не случалось бунтов и опасных погромов, а все проблемы могли решаться мирным путем. Вот в чем наша с вами цель, Василий Иванович.

Блин, а я ведь и не заметил, как заслушался. Все-таки талант у Гапона приседать людям на уши. Я встрепенулся, стряхнул с ушей лапшу:

— Наша с вами цель? — поднял я удивленно брови. — С каких это пор мы с вами встали вместе?

— С тех самых пор как вы разрешили создать на своем заводе профсоюз. Вы пока этого не понимаете, но мы с вами в одной лодке. Я тоже желаю рабочим только добра. Мне тоже не дает покоя несправедливость. И признаться, когда Сергей Васильевич попросил меня с вами встретиться, я обрадовался. Я подумал, что мы с вами вдвоем сможем достичь очень многого. Мы с вами сможем повлиять на власти, добиться от них облегчения бремени! — ох, как же у него загорелись глаза. Он с жаром бросился доказывать мне выгоды нашего сотрудничества, даже привстал и подался вперед, упершись руками о стол. Даже стал казаться чуть-чуть выше, чем был на самом деле. А я его слушал и не мог вставить ни слова, настолько быстра и энергична была его речь. — Мы с вами, Василий Иванович, сила. Вы личность известная, вас все знают как социалиста, любящего своих рабочих. Я же персона публичная, тоже весьма известная. Я знаком со многими сильными мира сего и еще с другими, гм... увлеченными людьми. Вместе мы с вами сможем повлиять на фабрикантов, заставить их изменить свое отношение.

Это было похоже на гипноз. Гапон завораживал, притягивал к себе, заставлял себя слушать. Позолоченный крест болтался на шее маятником и зачаровывал, вводя в легкий транс. Он без труда находил нужные слова, подбирал ключик к собеседнику, давая ему то, что тот хотел слышать. Вот и мне стоило немалых трудов, чтобы вырваться из его обаяния, стряхнуть наваждение. И если бы я не знал, чем закончатся его инициативы, сколько

прольется крови, я б, наверное, поддался его уговорам и, виляя хвостом, побежал бы навстречу. Но не сейчас. К тому же, насколько я помню из противоречивых «доказательств» моих современников, Гапон не только работал на охранку, но еще и активно заигрывал с настоящими революционерами, с прожженными мастерами своего низкого и «благородного» дела.

— А вот мне интересно, — вставил я, с огромным трудом перебивая попа. — Менять отношение властей к рабочим это ваша инициатива или Сергея Васильевича? Насколько я понимаю, цель у Зубатова несколько иная. Он просто хочет дать людям законную возможность договариваться с фабрикантами и не более. Так, чтобы те не выходили строить баррикады на улицах. А по вашим словам выходит, что вы чуть ли не революцию предлагаете устроить.

— Да нет же! Поймите! — с жаром набросился на меня Гапон. — Мы с вами — сила! Как мы с вами захотим так все и случится. И Сергей Васильевич нам с вами в этом поможет. Объединив наши усилия, мы сможем поменять законы....

— Стоп! — поднял я руку предостерегающе, — Не торопитесь. Вам стоит знать, что я не стремлюсь менять законы. Я не желаю заниматься политикой и пытаться повлиять на царя. Это кончится большой кровью. Мое дело — бизнес. Получение прибыли у меня стоит во главе угла. И если вы думаете, что я какой-то другой фабрикант, чем-то отличаюсь от остальных, то вы глубоко заблуждаетесь. Прибыль для меня сейчас важнее чем мои рабочие.

— Поймите, а как же тогда восьмичасовой рабочий день? — удивленно спросил Гапон.

— А никак. Просто мне это выгодно. Я неплохо зарабатываю на лицензионных отчислениях и могу себе позволить сделать послабление в рабочем графике. И это мне окупается сторицей. Опять же — брака и травматизма меньше. А я не люблю оторванных конечностей.

— А профсоюз?

— Удобная игрушка пустить пыль в глаза, — с ходу соврал я. — Рабочие думают, что их права защищают и потому они более послушны. Хоть это и стоит мне немалых денег и приходится идти на некоторые жертвы.

— Подождите, а как же страхование?!

— Хороший источник дополнительного заработка. Опять же — про меня все узнали, и я гораздо легче привлекаю нужных мне специалистов. Так что, святой отец, вы во мне очень сильно ошибаетесь. Я совсем не социалист и потому я не окажу вам никакой поддержки. И к Шабаршину я вас не подпущу. Испортите мне человека, а выгонять мне его не охота.

Мой «откровенный» ответ Гапона озадачил. Он сдвинул брови, задумался. И замолчав, он развеял свои чары, и вот, передо мною сидел уже не кумир толпы, любимец публики, а обычный человек, облаченный в мятую рясу и слегка растерянный. Обычное лицо обычного человека. Глаза его бегали из стороны в сторону, не могли поймать нужную мысль. А я окончательно вышел из-под магии его харизмы и подвешенного языка. И больше на нее не поддавался. Конечно же, я соврал ему про то, что не желаю менять законы. Еще как желаю, но не сейчас. Не подходящее для этого время. Вот после «кровавого воскресенья», когда власть пойдет на уступки, тогда и можно будет поиграть в политики. А пока мне следует сидеть на пятой точке ровно, не шелохнувшись.

Поп Гапон не скоро от меня ушел. Он собрал-таки свои мысли в кучу, попытался опять меня заболтать, но ничего у него не вышло. Целый час мы трндели как две сварливые бабки

— он искал ко мне возможные пути подхода, я же успешно от него отбрехивался. В итоге, ушел Гапон от меня сильно разочарованным. В сердцах хлопнул дверью и громко затопал по мрамору подкованными сапогами. Чувствую — побежал жаловаться. Так, собственно, и оказалось. Помощник Зубатова, тот самый, что перехватывал меня на вокзале в Москве и тот, что разбил мне бровь в театре, зашел ко мне и учтиво сообщил, что я был сильно неправ. И мне следует приложить больше усилий в сотрудничестве. Доходчиво так объяснил, не оставив мне пространства для маневра, по сути, ласково и нежно придавив к стеночке. И через некоторое время Гапон опять ко мне заявился и снова завел свою шарманку о взаимовыгодном благе. Но я, наученный громким окриком сверху, ничего не стал слушать, а сразу познакомил его с Шабаршиным. Мой профсоюзный лидер, конечно же, не питал симпатии к Гапону, особенно после того как я обрисовал ему к чему может вылиться такое сотрудничество. И потому, при внешнем дружелюбии и готовности помочь, он все же Гапона и близко не подпускал к настоящей профсоюзной кухне. И еще кое-что — я попросил всех, с кем будет общаться поп наливать ему почаще, а посуду выбирать поглубже. Придумывать любой повод, но сделать так, чтобы каждый день, что он проводил у нас, заканчивался для него пьяным угаром. И тут либо поп станет настоящим алкашом и потеряет доверие Зубатова, либо он сам уже будет нас сторониться и обходить наше заведение за семь верст. Шабаршин воспринял мою просьбу с пониманием и с охотой. Сам он не пил и потому не мог принять участие в «коварном» замысле, но довольно легко нашел ответственных исполнителей.

Наша жизнь снова потихоньку вошла в прежнее русло. Я заново погрузился в работу, окунулся с головой, стремясь поскорее забыть произошедшее, Мишка присоединился к управлению дистанционно. Всю документацию он просматривал дома. Моя Маришка давно уже подготовила все необходимое для съемок нашей второй картины — декорации нарисованы, костюмы пошиты или куплены за бесценок, актеры сидели на низком старте, операторы в предвкушении интересной работы потирали ладони. Все ждали лишь меня. И вот я дал отмашку.

Ванин и Серафим прекрасно отыграли свои роли, изображая двух друзей-сослуживцев. Павильонные съемки, составлявшие значительную часть картины, завершились в кратчайшие сроки. Оставались лишь натурные. И для этого нам пришлось поехать в Крым. Погода на юге России сильно отличается от столичной — там гораздо теплее, суше и солнечнее. Не летний курорт, конечно же, но и не промозглая зима. В общем, через две недели после выезда из Петербурга мы в авральном режиме продолжили съемки фильма. С реквизитом особых проблем не было — костюмы ключевых фигур Маринка притащила с собой, а повседневную утварь той эпохи и робу солдат, крестьян и рабочих она купила на месте за смешные деньги. И с массовой проблемой никаких не возникло. Лишь местные власти заинтересовались странным процессом. Пришли господа полицейские, удивились происходящему, разведали что тут к чему, да и ушли спустя несколько часов, когда я удовлетворил их любопытство. Кстати, привез в Севастополь свою картину и по уже отработанной схеме выкупил на месяц местный кинотеатр. Поставил свою аппаратуру, посадил грамотных механиков. И «Два сердца и крепкий кулак» взорвал местную неизбалованную зрелищем публику. Целый месяц картина крутилась со стопроцентной посещаемостью, на просмотр ленты люди приезжали даже из других городов. Почитай целый полуостров культурно подрос и обогатился, попутно принесся в наш карман неплохой

доход. Серафима и Ванина стали радостно узнавать на улицах, приглашать в гости и одаривать подарками. Часто приглашали их на ужины, и они бы рады были сходить и набить желудок, но плотный график съемок не позволял им такой роскоши. Лишь изредка, то один, то другой появлялись в городе, доводя до безумия молоденьких девушек и собирая вокруг себя толпы мальчишек. И если Ванину такое положение вещей не очень нравилось, он предпочитал скрываться от всенастигающей славы, то «летающему» Серафиму народная любовь весьма импонировала. Как же, столько красивых девушек вокруг и каждая хочет любви, каждая мечтает хоть на мгновение оказаться на месте главной героини. И мой главный актер этим пользовался. Сбегал иногда по ночам, нырял в девичьи перины и возвращался под утро на своем «Руслане» усталый, хмельной, но очень довольный.

Кстати, на волне популярности моих героев возникла одна идея, которую мы за верную работу отдали на откуп Попову. Речь шла о фотокарточках, календарях и плакатах с физиономиями наших актеров. Переговорив с ним, объяснив всю суть, попросили наладить их выпуск и продажу. Он сперва отказывался заниматься такой мелочевкой, ибо и так у него забот выше крыши, да и зарабатывает он в должности генерального прилично, но мы его убедили. Он организовал фирму, нашел подходящего управляющего и мы подписали договор. Он имеет с нашей кинокомпанией наших актеров в любое время для фотосъемок, печатает продукцию и организывает продажу, мы же получаем двадцать пять процентов от прибыли. Попов не обманет, ему незачем. Конечно, можно было бы и самому этим заняться, но тут уж, действительно, для нас получалось слишком мелко. В общем, по приезду в Петербург, ждет Ванина и Серафима долгая фотосессия. Была мысль продвинуть в эту эпоху и футболку с принтами, но тут возникли сложности. Саму футболку как форму одежды Попов одобрил, сообщив, что населению она должна понравиться, а вот с рисунком будут сложности. Не умели в это время еще печатать красиво на ткани, а то, что получалось мне не нравилось. В общем, я решил так — следующая наша картина будет про эту эпоху и Ванин с Серафимом будут у нас щеголять на мотоциклах и в футболках развевающихся на ветру. Реклама будет в самый раз, молодым людям понравится. А Попов к тому времени возьмет еще и их пошив, благо опыта у него в этой сфере хоть отбавляй.

Полторы недели в Крыму пролетели до обидного быстро. Съемки завершились и Маринка принялась за сборы. А я же, забрав с собой отснятую киноленту, помчался в Петербург монтировать. Прихватил с собой своих операторов — буду им все объяснять и показывать. Монтаж для них дело новое, так много подводных камней. И мне замена нужна — скоро уезжать, а монтажеров у кинокомпаний пока нет.

Картину «Друзья-товарищи» я выпустил в аккурат к Рождеству. Цензура пропустила ее без вопросов, газетчики разрекламировали как надо и народ повалил на премьеру. Толпа горожан атаковала кассы, билеты оказались выкуплены на неделю вперед. Но самый первый премьерный показ пришлось устраивать для самой верхушки аристократии. Приглашения были разосланы всем кого мы только вспомнили — князьям и баронам, министрам и их помощникам. И Императора нашего с семьей не забыли — приглашение отвозил Мишка лично, передавал с нижайшим поклоном. Наглость, конечно, с нашей стороны, но чем черт не шутит. Авось согласится. Ответ пришел через три дня — его Императорское Величество с супругой и дочерьми на премьеру придут. И это известие повергло владельца кинотеатра в шок. Он затрепетал, схватился за голову, а затем засуетился, забегал и в спешном порядке принялся за облагораживание своей территории. Вынес непригодные кресла и столики, вместо них поставил новые, покрасил, где было возможно новой краской, натянул

белоснежное полотно экрана. На расходы он не посмотрел, ему важнее было не ударить в грязь лицом.

Закрытый показ прошел на ура. Присутствие царственной особы сыграло свою положительную роль. Мы волновались, суетились. Маришка моя не находила себе места — мерила коридоры широкими шагами. Я тоже мандражировал — не каждый раз тебе выпадает такая честь. Но обошлось все очень хорошо. Николай приехал на показ с супругой и с большим сопровождением аристократии. Был здесь и граф Феликс Феликсович Сумароков-Эльстон с женой и обоими сыновьями. Впервые здесь увидел будущего убийцу Распутина — Феликса Феликсовича Юсупова. Прыщавый юноша лет пятнадцати с горделивой осанкой проплыл мимо меня как ледокол, не удостоив даже взгляда. Я толкнул друга локтем и вопросительно кивнул в удаляющуюся спину. Мишка кивнул, подтверждая мою догадку.

После показа меня по просьбе Его Величества представили. Подвели к Николаю, строго предупредив не делать глупостей. Тот стоял с супругой в фойе, сложив руки на груди.

— Так значит, вы и есть тот самый господин Рыбалко? — спросил меня император, окидывая спокойным взглядом.

— Да, ваше Императорское Величество. Я и есть Рыбалко Василий Иванович, — ответил я взволнованно.

— Удачливый купец, изобретатель и..., как называется, то чем вы еще занимаетесь?

— Мастерство это совершенно новое, я предпочитаю называть эту профессию «режиссер», — деликатно подсказал я.

— Ага, как в театре, — кивнул он. — И это вы сняли эту занимательную синему? Что ж, должен вам сказать, что ваш труд, по-видимому, увенчался успехом. Никогда ничего подобного не видел.

— Спасибо, — ответил я, широко улыбаясь. — Ваше мнение для меня очень важно. Ведь в будущем искусство кино практически полностью заменит собою театры.

Царь усмехнулся в бороду. Я думал, он сейчас мне возразит как заядлый театрал, скажет мне, что я не прав, но нет, он лишь слегка кивнул и, полуобернувшись, бросил кому-то негромко:

— Мы достаточно здесь побыли, — и затем снова ко мне, — Рад был встрече. И спасибо за ваше искусство. Весьма занимательно и успехов вам..., - и сделал шаг в сторону, показывая, что наш разговор окончен. К такому я не готовился, не ожидал, что наша беседа окажется настолько мимолетной. Думал, что он захочет узнать хоть какие-нибудь подробности, а мне есть, что ему рассказать, но нет — императору было не интересно со мной общаться. И ничего я поделаться не мог.

Николай отошел на несколько шагов, доставая портсигар, обернулся на супругу, что не поспешила за ним следом:

— Аликс, только не долго — попросил он негромко. Сзади ему подали пышную, отливающую антрацитом, шубу.

— Конечно, Ники, — ответила она с сильным немецким акцентом, не сводя с меня взгляда. — Ты иди пока....

И Николай послушался жену, вышел вон из здания, на ходу прикуривая папиросу. А супруга его бесцеремонно меня разглядывала, даже, казалось, чуть прищурилась. Наконец, после длительной пытки, она сказала:

— Господин Рыбалко, я бы хотела вас просить об одном одолжении....

Я напрягся, вытянулся в струну и обратился весь в слух.

— Все что угодно, Ваше Императорское Величество.

— Нам очень понравилась ваша синема. Очень интересная и красиво..., - она на секунду запнулась, — ... снято. Весьма сильно отличается он всех других фильмов. У вас получается очень..., - она опять запнулась, подбирая слово, — ... зрелищно. Скажите, а это тяжело?

— Да, непросто. Очень много нужно учесть, не забыть. Но и результат при правильном приложении сил выходит просто отличный.

Она кивнула. Сзади ей на плечи накинули белоснежную шубку. Она ее поправили, неспешно зацепила за одну пуговичку.

— Господин Рыбалко, — сказала она, — скоро праздник Рождества. И я бы хотела, чтобы вы сделали для нас кино.

— Я весь внимании.... Какое именно кино вы желаете?

— Для просмотра в узком семейном кругу, — ответила она. — Желая, чтобы вы запечатлели, как мы празднуем. Император, я, наши дочери....

— Я понял, — ответил я, даже не скрывая удивления. Это было неожиданно. Неожиданно настолько, что бессознательно закрутил кончик уса. Но тут же отдернул руки и ответил. — С удовольствием сниму для вас семейное кино. Приложу все свои силы так чтобы результат вышел наилучшим. Но Рождество уже через несколько дней. Слишком мало времени остается для подготовки.

— Да, именно, — кивнула она. — Наверное, вам следует поторопиться, чтобы подготовиться. Ведь это дело весьма сложное, не так ли?

— Да, Ваше Императорское Величество, — согласился я. — Для того чтобы сделать фильм мне следует знать ваш, гм..., график празднества.

— Зачем? — удивилась она.

— Аппаратура для киносъемок очень тяжела. И под нее придется выкладывать направляющие полозья. Рельсы, как под трамваем, но только меньше размерами, — пояснил я.

— Ах, вот как..., — задумалась на секунду она. — Что ж, хорошо. Если это так необходимо.... Тогда завтра же я пришлю к вам человека, и вы с ним обсудите все детали, — и, сказав это, она слегка кивнула и дала понять, что разговор наш закончен. Пришлось мне отступить назад.

Ах, как неожиданно все получилось. Не рассчитывал я на такую удачу. Хотя и не лично с царем я договаривался, но все же.... Александра Федоровна явно не просто так сделала мне предложение, наверняка эта идея была обсуждена с Николаем. И пусть я захожу во двор не так как планировал, не через будущую Госдуму, но и это тоже для начала не плохо. Стать личным оператором государя это тоже очень важно. Главное закрепиться.

На следующее утро ко мне домой заявился служивый. Я так понимаю что из личной охраны государя. Мужчина в возрасте был со мною вежлив, деловит, положением своим не кичился. Выспросил у меня о том, что мне необходимо для съемок, какие требования я предъявляю и уж потом посвятил меня в распорядок празднества. Потом мы с ним прокатились по городу, побывали в Царском Селе, в церкви, проехали по улицам и посетили манеж Императорского конвоя, где у них стояла своя, казачья праздничная елка. Вместе обсудили, где же будет стоять наша аппаратура и кто будет задействован непосредственно в процессе съемки. Опять же, я пояснил, что для наилучшего вида требуется, чтобы перед камерой не бегали случайные люди, не загораживали виды. И это мне было обещано. Что ж, убив целый день на обсуждения и получив своего рода карт-бланш, я принялся к подготовке. В авральном режиме мы взялись за реализацию проекта. За пару дней дополнительно изготовили полозья для аппаратуры и в ночь перед Рождеством разложили их по местам. Притащили все свои имеющиеся камеры, расставили и приготовились. Операторов у меня не хватает для подобного масштаба. Всего трое вместе со мной. Но придется довольствоваться этим.

Следующий день у меня выдался очень напряженным. С самого раннего утра я был на ногах, Маринка с сумасшедшими глазами бегала следом за мной, пыталась накормить плотным завтраком. Я, собираясь, на бегу закидывал в рот с вечера напаренную кашу с салом. Супругу с собой не брал — не нужна она мне там, да и вчера меня строго предупредили, что людей я должен использовать по минимуму. Вот я и старался. Тяжело передать то, что я пережил в этот день. В запарке руководил съемками, бегал как наскипидаренный, шикал матом на любопытных, что лезли в кадр. Начали в Зимнем дворце, потом в церкви, на улице.... Особо трудно оказалось снимать на манеже, где казачки, встретив любимого императора, принялись демонстрировать ему свою лихость. Носились на конях с гиканьем, размахивали сабелькой и все время так и норовили наскочить на камеру. И в последний момент отворачивали, доводя моих операторов до инфаркта. А потом император с императрицей одаривали своих преданных охранников небольшими подарочками. Под конец дня, уже в Зимнем Александра Федоровна задула свечи на елке и мне показалось, что ей это действие доставило гораздо большее удовольствие, чем все насыщенные события произошедшие за день.

Потом я несколько дней к ряду монтировал отснятый материал. Пленки получилось — километры. И вот я ее перелопачивал, просматривал, отбраковывал и резал, резал, резал. А потом склеивал. И на выходе у меня получился фильм почти на сорок минут. И какой фильм! Такое зрелище не грех было и публике показать — народ прослезится.

Император с Императрицей мое творчество оценили. «Семейный показ» собрал пару десятков человек, приближенных к Императору. Я притащил два кинопроектора, двух набивших руку операторов и, дождавшись команды, запустил просмотр. Публика смотрела на действие затаив дыхание и я их понимал. Такой плавности картинки в обычной хронике им видеть не доводилось. Все, что до этого было снято, можно было смело выбрасывать на помойку.

Наконец, когда пленка на последней бобине закончилась и экран засветился белым, я услышал глубокий вздох императрицы. А потом я раздалось несколько сдержанных хлопков,

слишком скромных, чтобы понять по ним настроение зрителей.

— А что, я считаю, что получилось очень хорошо, — сказал какой-то мужчина лет тридцати в погонах..., впрочем, в полумраке не разобрал я его погон, вроде бы полковничьи. — А дочери твои, Николай, получились ну просто красавицами.

— М-да, особенно самая младшая, — сказал его сосед в годах и попросил громко, — зажгите свет.

Я стоял чуть в стороне от камеры, парни-операторы, сноровисто убирали пленку с аппаратов. На меня, в общем-то, и внимания никто не обращал — ну стоит какой-то человек, работу свою делает, дополнительную тень в большом зале отбрасывает. Вроде как из прислуги. Я даже уверен на сто процентов, что о моем имени знают лишь пара человек. Да и Николай повел себя более чем сдержанно. Согласился с мнением полковника, сказав:

— Действительно, получилось неплохо, — и нагнулся к столику за папироской. Прикурил, прищурившись. — А ведь мы, господа, просили скромную синему для семейного просмотра. Не более.

— Ну что ты, Николай, так даже лучше, — возразила ему женщина лет пятидесяти. Очень красивая и, если сравнивать с отдельными личностями, довольно скромно одетая. Держалась она не в пример свободнее остальных. Чуть позже я догадался — Мария Федоровна, мать Николая. И повернувшись ко мне, она спросила. — А это, я полагаю, и есть тот самый господин Рыбалко?

— Да, тот самый, — кивнул император.

— Гм, так вот вы какой..., необычный. Значит, вы еще и искусством занимаетесь?

Это уже был вопрос ко мне. Ох, как же я его ждал. Желал, чтобы со мной вступили в диалог, спросили о чем-нибудь. Ведь мне самому строго-настрого запретили даже рта открывать. Приказали быть тенью на мероприятии, и ослушаться этого было нельзя.

— Да, Ваше Императорское Величество, — ответил я, слегка склонив голову. Ответил с виду спокойно и с достоинством, но только один бог знает, как мне это тяжело далось — кровь в ушах отбивала барабанную дробь. Сглотнув, я продолжил. — Пришлось мне заняться этим нелегким делом, ведь синематограф, как искусство находится только лишь в начале пути. А я, как бы это не скромно звучало, знаю каким путем его повести.

— Вот как? — подняла брови вдовствующая императрица. И прищурившись, качнула головой. — А вы, я погляжу, тот еще «скромник».

— Приходится, — набравшись наглости, ответил я. — И хочется верить, что мое видение синематографа позволяет мне выпускать более качественный продукт. Я могу это судить по тому как мои фильмы окупаются. Да и вам, я надеюсь, мой труд понравился.

— Да, весьма неплохо. Весьма, — была вынуждена согласиться со мной Мария Федоровна. И через секунду, обратившись к сыну, попросила. — Ники, как считаешь, господин Рыбалко достоин того чтобы снимать все наши торжества?

— Мама?! — недоуменно поднял бровь Император.

— Ну а что? Кто тебе еще такую синему сделает? Он прав — более некому. Теперь, после того что мы увидели, всем понятно, что у остальных получается гораздо хуже, — утвердительно ответила она на возмущенный возглас сына. И снова ко мне. — Ну что, господин Рыбалко, что вы скажете на то, чтобы стать нашим личным... Как называется то, чем вы занимаетесь?

— Операторское искусство, Ваше Императорское Величество, — подсказал я. — А человека, что сидит за камерой называют просто — «оператор».

— Ну, так что?

— Я и мечтать об этом не мог, Ваше Императорское Величество. Моя кинокомпания с удовольствием станет снимать все ваши торжества. И с великим прилежанием.

Мария Федоровна, получив мой ответ, вопросительно посмотрела на Николая. А тот, вместо того, чтобы либо согласиться, либо отвергнуть предложение, предпочел от ответа уйти. Недовольно притушил папиросу в хрустальной пепельнице, затем встал с кресла, показав всем остальным пример, и негромко сказал:

— Думаю, мы закончили, — а затем, подав руку супруге, степенно двинулся на выход. Следом за ним пошли и остальные. Одна лишь Мария Федоровна с подругой остались. И вот, когда зал окончательно опустел, она подошла ко мне.

— Не переживайте, господин Рыбалко, — улыбнувшись, сказала она. — Скоро Император даст свой ответ. И не волнуйтесь вы так сильно, на вас лица нет.

Я сглотнул слюну — неужели так заметно мое волнение?

— Ваше Императорское Величество, — снова сказал я, — простите мне мою дерзость, но у меня есть предложение.

— Я слушаю, — благосклонно кивнула она.

— Я понимаю, это будет большой наглостью, предлагать Императору такое. Ведь фильм был заказан только для семейного просмотра. Но, вы сами видите, что получилось. Можно без ложной скромности сказать, что моя кинокомпания сотворила шедевр, настоящее произведение искусства. И скрывать такое от людей было бы..., - и вот тут я чуть не брякнул «преступно», но вовремя прикусил язык. Потом решил заменить неудачное слово на другое, но не успел — вдовствующая императрица меня опередила:

— «Не очень разумно», да, я согласна. И что же вы предлагаете?

— Показать фильм народу. Выпустить его в прокат. Полагаю, что таким действием мы сможем показать людям, что императору не чужды простые радости и это увеличит любовь подданных. И этот фильм сделает императора ближе к народу.

Мария Федоровна склонил задумчиво голову. Сделала несколько коротких шагов в сторону, вернулась. Переглянулась с подругой.

— Господин Рыбалко, мне не кажется, что это хорошая идея. Все-таки, синема сделана по просьбе моего сына и предназначается только для просмотра в узком семейном кругу. Нет, определенно нет, это ему не понравится. Хотя ваша идея очень хороша. И мы подумаем, как можно будет сделать.

— Если вы так считаете, — только и оставалось мне подчиниться решению. Хотя жаль, я ведь действительно думал, что лучше бы это мое творение выпустить на большие экраны. И денежку можно дополнительно заработать и народу продемонстрировать, чем дышит их государь. Все-таки кино будет поэффективнее газет и журналов.

— Да.... Что ж, господин Рыбалко, благодарю вас за вашу работу, — сказала она, когда решила что удовлетворила свой интерес. И, плавно развернувшись, двинулась на выход. За ней же последовала и ее подруга.

Что ж, пора и мне собираться. Моя миссия выполнена, делать здесь мне более нечего. Для первого раза я засветился весьма неплохо. И хоть император по неведомой мне причине проигнорировал меня, но зато его мать целиком восполнила этот пробел. Я не помню по своей истории, какое влияние она оказывала на сына во время его правления, но вот сейчас, в данный момент, по-моему, получилось довольно неплохо. И хоть не так как я ожидал, но все же. Проникнуть во двор Романовых — это дорогого стоило. И вот, собирая аппаратуру,

грузя ее на телегу и неспешно отвозя в павильоны, я снова задумался о своей роли в эту эпоху. Когда-то мы с Мишкой, используя свои знания, решили поменять историю. Мы решили не допустить кровопролитной гражданской войны. И лучшим способом сделать это, мы посчитали активно вмешаться в возню большевиков. Решили, пускай уж случится февральская революция, пускай смещают с трона Романова. Но вот октябрьскую фиг мы допустим.... Так мы думали тогда, несколько лет назад. Сейчас же..., даже и не знаю пока что думать. Может при таком заходе во двор нам будет просто легче и выгоднее помочь остаться на троне Николаю? Не знаю, пока не знаю. Тут надо с Мишкой советоваться, корректировать наши планы. Но в любом случае, сейчас у нас другая проблема — грядущая война с Японией. И мне скоро отъезжать. Что там решит император по поводу архивных съемок его семейства я не знаю — время покажет.

Дома меня ждали с великим нетерпением. Едва только переступил порог, как на меня набросилась моя Маришка, да мой друг с Анной Павловной:

— Ну что там, как? Рассказывай!

И я рассказал. За плотным ужином с дымящимся и ворчащим самоваром. Подробно. И про показ фильма и про непонятное поведение Николая и про интерес его матушки. Это произвело большое впечатление на слушающих женщин. А Мишка лишь озадаченно почесал щетину на подбородке. А чуть позже, когда первый интерес был удовлетворен и мы смогли остаться с другом одни, я смог с ним посоветоваться по поводу наших стратегических планов.

— Ну и как будем менять историю? На чью сторону становиться? — спросил я его, после того как разложил на блюдечке свое видение картины.

Мишка думал недолго. Хлебнув из стакана остывшего чая, он пожал плечами и легкомысленно сообщил:

— А не все ли равно? Наша цель какая? Не допустить гражданской войны. Не сделать так, чтобы брат пошел на брата. А с какой стороны это болото мы будем обходить, честно признаться, мне все равно. Получится через дом Романовых — хорошо, не получится — пойдем через Временное Правительство. Времени вагон — ситуация еще десять раз поменяется. Но одно я знаю точно — Ленина с его большевиками к власти я допускать не желаю. Пусть лучше Керенский с его временным бардаком будут, чем их красный террор.

— Керенский — болтун, — возразил я. — Ему в актеры нужно, а не в политику. Тот бардак, что он возглавит, мог бы продолжаться и три года и пять, и десять лет. Не думаю, что Временное Правительство хороший вариант. И кстати, в те времена, насколько я помню, было двоевластие.

— Петросовет? — напрягши память, выдал Мишка.

— Не помню, — четко сознался я. — Но было там все не так просто.

— Будет видно — разберемся. До этого времени еще пятнадцать лет, а Керенский еще даже в политику не пришел. Кстати, надобно его подцепить на самом взлете, завести с ним дружбу. Полезное будет знакомство.

Я кивнул. Дело и вправду полезное — не повредит. И по поводу большевиков я был с другом согласен — я тоже не желал их прихода во власть. Пусть у меня и было счастливое детство, пришедшееся на закат эпохи Советского Союза, которое я вспоминаю с радостью, а все равно — столько людей было загублено. И эта гражданская война, унесшая не один миллион живых душ. Да и сбежавших от красного террора было немало. Так что план остается прежний — не допустить ко власти большевиков. Кстати, тем же вечером мы еще

раз обсудили вариант, чтобы просто физически устранить Ленина, Троцкого, Бухарина и остальных. Заманчиво, конечно, одним махом перерубить этот гордиев узел, но мы от него отказались. Все-таки мы не душегубы, будем стремиться воздействовать более гуманными способами. Будем препятствовать их работе, компрометировать, сдавать полиции..., в общем все что только можно представить. Хотя проскальзывал и такой вариант как попытаться с ними договориться — попытаться склонить в нужную нам сторону. Но потом сами себе честно и ответили — сделать подобное невозможно. Что Ленин, что Троцкий, что Бухарин были очень уж увлечены идеей революции — разрушить все до основания. И потому на вариант физического устранения мы все же сможем пойти, но только лишь в крайнем случае. Так мы решили с большевиками. А что касается февральской революции, быть ей или не быть, мы еще не придумали. Не определились со своими симпатиями, не разобрались в закулисных играх. Время покажет.

Почти через две недели после Рождества по Юлианскому календарю, пятого января третьего года, в воскресенье, в день перед крещением Господним, наша компания торжественно открыла для всего мира наше изобретение — настоящее голосовое радио. Место презентации выбрали в известном торговом месте — Гостином Дворе. Над центральным входом по предварительной договоренности были развешаны пять тарелок-динамиков. Приглашены гости, напечатано объявление в газете и вот, под самый вечер на Невский проспект стали стягиваться любопытствующие люди. Они неспешно заполнили улицу и стояли, переминаясь с ноги на ногу. Кто-то громко разговаривал с соседом, смеялся, кто-то молча лузгал семечки, кто-то просто топтался на месте, приплясывал, разгоняя по замерзшему телу кровь. И все ждали. Чего ждали они и сами не понимали, но терпеливо выстаивали, надеясь приобрести новые впечатления. Название «Русские Заводы» в объявлении притягивало население как магнит.

Я, находясь внутри Гостиного Двора, глянул в широкое, подмороженное окно.

— Кажется, зря мы в газету объявление дали, — промолвил, щурясь против отраженного в окнах солнца. — Народа пришло слишком уж много.

— Хорошо, что много, — отвели Мишка. — Лучше в народе разлетится.

— Так не услышат же ничего. Динамики слабые. А людей на целую улицу. Извозчики пробиться не могут.

— Кому надо — услышат, — отмахнулся Мишка. — Я так считаю, хотя срочной сенсации — потерпят. Скоро уже Клейгельс должен прибыть — обещался. Вот тогда и начнем.

— А царь? Ты ему же тоже приглашение присылал?

— Ага, но он проигнорировал. Никто из его двора не прибыл. Хотя я надеялся на его матушку.

Вместе с нами присутствовали и наши жены. По такому торжественному делу они и приоделись соответственно — все самое лучшее и шикарное. Здесь же находились и журналисты. С блокнотами наготове, карандаши заточены. Что мы им продемонстрируем, они пока не догадывались, но точно знали — будет что-то интересное. Мы просто так такие мероприятия не устраиваем.

— Сколько времени? — спросила утомленная долгим ожиданием Маришка.

— Почти шесть, — глянул Мишка на свои шикарные хронометры из будущего. — Клейгельс опаздывает. Пока не прибудет — не начнем.

Пришлось нам терпеливо дожидаться градоначальника. Хоть он и обещался прибыть в обязательном порядке, но все равно, его опоздание очень нервировало. Наконец, мы заметили, как толпа на улице пришла в подвижное возбуждение. Люди расступались, пропуская несколько крытых повозок.

И вот, появился сам Клейгельс. Уже в возрасте, с посеребренной шикарной бородой, в длиннополой светлой шинели с золотыми погонами. Он довольно бодро соскочил с подножки кареты, неспешно прошел сквозь толпу. Полиция поспешила оттеснить толпу, создать коридор, но не успела — градоначальник не стал дожидаться. Свита его заспешила следом, также просачиваясь сквозь любопытствующих, изредка отталкивая непонятливых локтями. Мишка, увидев его, сорвался с места, выбежал на мороз, на ходу нахлобучивая пышную шапку. Следом и я за ним, вместе с управляющим Гостиного Двора. Успели перехватить градоначальника на улице, перед самым входом. Мишка подскочил к нему первым, встал на пути и..., я готов был поклясться — он огромным трудом подавил в себе желание протянуть ладонь для приветствия. Но вовремя сдержался.

— Добрый день, ваше превосходительство, — поздоровался он с Клейгельсом, чуть склонив голову. — Рад, что вы приехали.

— День добрый, — пробасил градоначальник, протягивая ладонь. — Как же я мог пропустить ваше приглашение. И, кстати, весьма рад знакомству. Михаил Дмитриевич, я полагаю?

— Он самый — Козинцев. А это мой компаньон — Рыбалко Василий Иванович.

Клейгельс пожал руку и мне.

— Ну-с? Вот я и приехал. А теперь может быть вы откроете тайну? Ради чего все это? Ваше приглашение меня весьма заинтриговало.

— Сейчас, сейчас, ваше превосходительство, — ответил Мишка. И показал рукой направление, куда следует пройти. Прямо перед входом в Гостиный Двор нами был сооружен деревянный помост с небольшой трибуной. — Вот, пожалуйста. Занимайте самое почетное место и мы начнем.

Клейгельс хмыкнул, пригладил перчаткой усы и степенно прошел на помост. Там он встал на место, куда ему указали, его сопровождающие заняли места вторым рядом. Я и Мишка с супругами встали с двух сторон градоначальника. Народ, видя наше движение, засуетился, подошел ближе, зашумел. Поднялся небольшой гомон.

— Начинайте, — кивнул Мишка и к трибуне заспешил..., гм..., ...ведущий. Человека мы специально наняли, чтобы тот громко и ясно вещал в микрофон, объяснял публике наше изобретение. Могли бы и мы выступить с Мишкой, но поленились. Посчитали нужным скинуть эту обязанность на другого человека.

В-общем, ведущий подошел к трибуне, откашлялся в сторону и, щелкнув тумблером, начал вещать:

— Дамы и господа! Леди и джентльмены! Мадам и месье, — с выражением произнес он и голос его, усилившись, раздался из тарелок динамиков. Толпа вмиг стихла, закрутила головами. Да, мы постарались на славу и соорудили для представления нашего проекта «голосовое радио» нехитрую сценическую аппаратуру. Делов-то на две копейки, особенно по сравнению с нашим главным проектом. Зато результат получился отменным — люди с открытыми ртами ловили звук из бумажных тарелок, а журналисты неистово строчили в блокнотах. Чувствую завтра, выйдут газеты с громкими заголовками о новом изобретении.

Удивленно закрутил головой и градоначальник. Поймал глазами источник звука и

удивленно произнес:

— Однако....

Мишка склонил к нему голову и добавил интриги:

— Это еще не самое главное, ваше превосходительство. Дальше будет еще интереснее.

А ведущий тем временем, выдержав необходимую паузу, продолжил вещать:

— Торговая и промышленная фирма «Русские Заводы», а так же их главные учредители Козинцев Михаил Дмитриевич и Рыбалко Василий Иванович спешат вам продемонстрировать новейшее изобретение, которое они придумали и воплотили в жизнь.

Болтуна, вещающего с трибуны, можно было не слушать. Есть такая категория людей — им только дай тему для языка, а они ее развезут на целый час. Обмусолят с каждой стороны, разжуют и за тебя же проглотят. Этот был из той же категории — трепаться любил больше жизни. Вот он и болтал в микрофон, подогревая публику, веселя ее. Нам с Мишкой пришлось из-за него встать со своих мест и тоже бросить людям несколько громких слов. В общем, те, кто хоть раз бывал на городских демонстрациях должны понимать, как это происходило. Пустой треп, раздававшийся с трибуны, сводился к одному — к разогреву слушателей с той целью, чтобы те как следует прониклись. А вместе с нею прониклись и журналисты, которые весьма падки на красивые обороты речи.

Клейгельс спустя какое-то время уловил суть нашего представления. Повернулся к Мишке, недоуменно спросил:

— Позвольте, милейший, я чего-то не понимаю. Он что же, говорит, что теперь голос можно передавать через радио?

— Да, ваше превосходительство, вы все правильно поняли. Именно через радио. По воздуху.... Через эфир....

— Но разве это возможно? Я всегда думал, что по эфиру можно только искрой. А почему Попов этим не занимается?

— Потому что Попов здесь не причем, — ответил Мишка градоначальнику. — Это целиком наше изобретение. Флотские о нем знают, но не чешутся. Попов в курсе — его мичман бывал у нас, разбирался в характеристиках. Уехал потом от нас задумчивый, думаю, что расстроился. Но более никого от Попова у нас не было. В министерстве наши предложения висят больше года — никому ничего не надо. Мы бы и рады помочь отечеству, но пока никак. Вот поэтому и решили показать наше изобретение таким экстравагантным способом. Ну и денег, конечно, заработать.

— Экий вы алчный, — неодобрительно покачал Клейгельс головой.

— А куда деваться? — в свою очередь ответил мой друг. — Я купец, изобретаю на свои деньги. Если отечество не хочет покупать мой товар, то я вынужден искать другие способы продвижения. Буду зарабатывать на населении, да и господа из министерства и господа военные быстрее осознают все перспективы применения наших изделий. Ведь только представьте, Николай Васильевич, радиостанцию, бьющую на сотню миль. Это же какие перспективы. А распределение частот! Это же какая ниша для государства!

— Что-то, простите?

— Частот! — повторил Мишка, но понимая, что градоначальник не в теме, не стал влезать в дебри. — Это сложно объяснить в двух словах. Но если представить, что эфир это река, то, если придерживаться аналогий, нынешние искровые передатчики своей работой занимают весь фарватер, мешая работать другим. Наше же изобретение, наоборот, пользуется лишь узкой его частью, позволяя другим радиостанциям обмениваться

информацией. Аналогия, конечно же, грубая, но зато понятная. Вот мы и предложили в министерство выступить регулировщиком на реке эфира. Часть реки выделит военным, а часть гражданским, но ответа мы так и не услышали. Увы, очень жаль.

— Ну, военным-то понятно. А гражданским зачем ваше радио? — с сомнением спросил Клейгельс. — Что они с этим делать будут?

— А вот это мы и хотим продемонстрировать.

Собственно, к этому времени декламатор подошел к самой главной части — презентации нашего ящика. Он эффектно, жестом фокусника скинул накидку и пред зрителями предстал аппарат. Большой, размером с советский телевизор. Деревянный корпус покрыт блестящим лаком. На лицевой стороне шкала со стрелкой, три кнопки, и пара регуляторов. От радио тянулся провод, уходящий к Гостиному Двору, да антенна, вынесенная на деревянный шест. Аппарат давно был включен, разогрет, так что, ведущему оставалось лишь перецелкнуть тумблер на трибуне. И в тот же миг над народом разлилась песня. Не такая громкая, как мне хотелось бы, но все одно — народ, сперва соображавший что произошло, впоследствии впечатлился. Я, сквозь гомон услышал даже несколько одобрительных возгласов.

Честно, я боялся, что на морозе наш аппарат не сможет проработать долго. Электроника хрупкая, лампы с малым ресурсом. Но нет, радиоприемник с честью выдержал испытание. В течение всего времени он ни разу не засбоил — звук не пропадал, лампы не сгорали. И работал он по-честному — Клейгельс и журналисты потом сами убедились. Подошли к ящику, осмотрели со всех сторон, покачали восхищенно головами.

— Ну вот, а вы все — англичане, да американе! — высказался кто-то из писак. — А ведь и наши тоже что-то могут! И мы не лыком шиты.

— Ну да, не лыком, — поддакнул ему сосед скептически. — Так ведь украдут все равно. А потом мы же у них и будем покупать. История известная.

Все-таки народ в своей основной массе не поверил такому техническому чуду. Засомневались, предположили, что никакое это не радио, а обычный замаскированный патефон. Но на это у нас было убедительное доказательство — задняя стенка оказалась снята, а населению продемонстрированы электрические внутренности. Мы не боялись показать своих секретов — все уже давно защищено патентами в ведущих государствах мира, да и попробуй, пойми, что здесь понаделано. Одни лампы поражали знающих людей своим существованием. А как они работают надо еще догадаться. Да и самый главный секрет оказался публике недоступен — мощная передающая станция работала примерно в десяти верстах отсюда. Если забраться на верхние этажи ближних домов, то можно увидеть нашу вышку, которую местные зубоскалы уже успели наградить неприличным именем моего главного телесного достоинства. «Рыбалкин хрен» — так в народе прозвалась моя башня. Это если выражаться литературно. Мне, конечно же, было обидно, но ничего поделать с этим не мог. Лишь кинул денег печатным изданиям, заказал рекламу, где крупным шрифтом давал официальное название — «Радиовышка Ольховка». Понимал, что мне трудно будет переломить тенденцию, но не отчаивался. Даже самая нелепая фраза, уверенно повторенная сотни раз, становится привычной, а после и вообще единственно удобной. Вышка стояла в аккурат между Тентелевским и Митрофаньевским кладбищами, рядом с речкой Ольховкой. Отсюда и название.

— Ну, что, Николай Васильевич, скажете? — поинтересовался Мишка мнением градоначальником. — Впечатляет?

— О, да. Впечатляет, не то слово. Это поражает воображение. Это что же, значит, теперь можно и без патефонов?

— Можно и так. Мы хотим сделать круглосуточное вещание. В основном музыку, новости. Обращения Императора к народу, думаю, будем передавать. Может еще радиочтение организуем, чтобы интересно было народу. Ну там, книги зачитывать, пьесы известные ставить. Планов громадье, — завершил Мишка и глубоко вздохнул. — Плохо только что электрификация населения чрезвычайно мала. Поэтому, как это ни печально, радиоприемники первые года будут стоить очень дорого. Увы, без этого никак.

— И сколько же, если не секрет?

— Тысячу рублей. Дорого, безусловно. Но зато потом за него платить нет нужды как за телефон. Купил раз и слушай всю жизнь. Завтра утром мы отошлем один экземпляр Императору в подарок. И вас, Николай Васильевич, я тоже обидеть не могу — вам тоже подарю. Куда вы хотите его поставить? Домой или на службу? Хотя, зачем я спрашиваю — на службе у вас, наверное, и времени не будет на такие развлечения. Поэтому, конечно же, домой. Пусть и супруга ваша порадует.

Клейгельс даже и рта не успел раскрыть, как ему всучили дорогостоящий и статусный презент. То, что радиоприемник на первые годы станет признаком состоятельности, никто из нас не сомневался. Он хотел было возмутиться такой бесцеремонности, но Мишка безапелляционно заявил, что отказ его обидит. Ведь подарок делался от всей души. И Клейгельс махнул рукой.

Как и было обещано Мишкой один радиоприемник мы отправили лично Николаю. Отвозил я, прихватив с собой двух элетроников. Аппаратура сама по себе получилась тяжелая — на своем пузе не перетащишь.

К моему удивлению встретила меня сама вдовствующая императрица Мария Федоровна. Стоя на верху Иорданской лестницы в сопровождении двух охранников и какого-то сноба в мундире, приказала мне подниматься. И я, чинно и неторопливо взойдя, чуть склонив голову, поприветствовал:

— Здравствуйте, Ваше Императорское Величество.

— Здравствуйте, господин Рыбалко, — ответила он, улыбнувшись уголками губ. — Приятно удивлена нашей скорой встрече. Ведь не прошло и двух недель как вы у нас были.

— Да, Ваше Императорское Величество. Две недели пролетели быстро....

— А у вас опять что-то новенькое, да? — спросила она и с интересом посмотрела вниз, туда, где переминались с ноги на ногу мои электроники. — Что вы нам привезли? Честно признаться, Император мне не очень доходчиво объяснил чего мне надобно ждать. Поняла, что какая-то военная штука, да?

— Не совсем, — мотнул я головой. Честно признаться, о том, что меня будет встречать один из членов императорской фамилии, я и не предполагал. Тем более сама мать Николая. Ожидал, что выйдет кто-то из ответственных за функционирование дворца, покажет пальцем куда заносить аппаратуру, мы ему все продемонстрируем, объясним и после этого спокойно вернемся по домам. Ведь сегодня Крещение Господне и государю не до глупостей. Тем более удивительно, что меня вышла встречать его матушка. Конечно, можно было бы и в другой день презентовать, но очень уж хотелось сделать подарок именно в такой великий день.

— Это радио. Предназначено для проведения досуга, — пояснил я.

— Ах, это радио?! — удивилась Мария Федоровна. — А мне сегодня про него все уши

прожужжали. Ну, что же, тогда заносите.

— Куда прикажете?

— Ну, несите, наверное, в гостиную. Вам покажут.

Хорошо, что мы заранее узнали какое напряжение выдает собственная электростанция Зимнего. Подготовились предварительно, захватили с собой необходимые инструменты, проводку, наши розетки из карболита. Монтаж в Зимнем будет делом нелегким — куда отверткой не ткни, везде дорого. А антенну, если качество приема нас не устроит, хорошо бы вывести наружу. В общем, скрестив пальцы, мы приступили.

Мария Федоровна ушла. Сноб в мундире угрюмо показал нам, куда следует ставить аппаратуру, кивком головы разрешил тянуть проводку из соседнего зала. Мои ребята деловито хлопнули в ладоши и приступили. Старались сделать все аккуратно, чтобы ничего не попортить и быстро, чтобы как можно раньше очутиться дома. Все это время за нами наблюдал сноб в мундире, ходил по пятам, угрюмо вещал откуда-то из утробы — «здесь не трогать, к этому не прикасаться, не пылить, стучать тише». Часа через два мы закончили. Показали снобу как техника работает, всучили в руки подробную инструкцию, отпечатанную на машинке, и быстренько сбежали из дворца. Дело сделано. Нас проводили до выхода, посадили в карету и в самый последний момент мне был вручен запечатанный конверт. Простой почтовый конверт, ничего необычного. Но вскрыв его в карете, я охнул. Там было письмо. Благодарственное. На бумаге с гербом и личной подписью императора. В письме сухим официальным языком высказывалась сердечная благодарность за проделанную работу, за тот великолепный домашний фильм, что наша компания сняла для императорской семьи. И еще чек на тысячу рублей. Но не это было главное. Главное то, что в этом же письме нашу компанию официально просили стать..., как бы это сказать..., семейным документалистом. То есть, предлагали снимать значимые торжества, встречи и выезды Императора. И ближайшие съемки мне предстояло делать уже в феврале месяце, когда императорская семья запланировала провести костюмированный бал. И это было здорово. Свернув письмо, я остаток пути до дома ехал с глупой улыбкой, а мои электроники, искоса поглядывая на меня, негромко шептались. Гадали, что же такого было там написано.

Конечно же, в этот великий праздник я пропустил все что только было можно. Не был на службе в церкви, благополучно проигнорировал сочельник и наплевал на пост. Я совершил много грехов с точки зрения церкви и это обязательно припомнят и священник и соседи, но мне было все равно. По своим убеждениям я умеренный атеист, верю лишь в высший разум где-то там в непостижимой глубине вселенной, которому не очень-то интересны дела, творящиеся на нашей земле. И в церковь хожу с той лишь целью, чтобы не было пересудов. В паспорте написано «православный» вот я и подтверждал, изображал из себя приверженца. Маринка, супруга моя, в общем-то, приняла мою точку зрения и лишь изредка напоминала, что надобно сходить в храм, отметить. Вот я и ходил, исполнял обязанность. И крестился я по первости через силу — непривычное для меня было это дело. Сейчас уже привык, рука осеняет брненное тело, не обращаясь за командой к центральному процессору — молотит по набитой тропинке лоб-пузо-плечо-плечо как лопасть вертолета. Только ветер свистит.

И вот, я приехал домой, блаженно улыбаясь, и завалился домой, заноса с порога прилипший снег. Зинаида встретила, приняла верхнюю одежду, трость, убрала в сторону сапоги. Вышла Маришка с Дарьей на руках. Доча, увидав меня, радостно заголосила и

потянулась ко мне.

— Ну, иди сюда, иди, — с готовностью перехватил я ее. — А у папки сегодня радость большая.

— И какая же? — не слишком довольна поинтересовалась супруга. Не понравилось ей, что с утра я быстро убежал, не уделил ей малую толику внимания.

— А вот.... Зина, там в пальто во внутреннем кармане письмо. Достань.

И Маринка, завладев письмом, углубилась в чтение. И с каждой проходящей секундой ее лицо разглаживалось, уходили хмурые морщины, а под конец и вовсе, брови взлетели вверх, а глаза округлились.

— Ну что? Муж у тебя молодец или нет? — с хитрой усмешкой спросил я, спасая усы от Дашкиных цепких пальцев.

— Ой, молодец! — вздохнула она. — Как же здорово! Это что же, ты теперь никуда не поедешь? Ой, как хорошо-то!

— Придется поехать все одно, — возразил я ей и перехватил дочку поудобнее.

— А как же ты поедешь-то? А письмо царское как же?

— Вот в феврале сниму бал лично, а потом и поеду. А потом придется на операторов своих надеяться, да Мишку просить присмотреть.

Моя супруга не скрывала своего недовольства. Всегда говорила откровенно, что не желает, чтобы я уезжал к черту на кулички за непонятно каким делом. Обмолвился я ей как-то о сроках, предположил, что не будет меня более года, вот она и расстроилась. И после этого пилила меня все время, искала доводы не отпускать. И сейчас она получила в руки такой повод меня отговорить.

— Не надо никуда ехать, Васенька. Зачем тебе этот порт? У тебя задание царское, такими предложениями не разбрасываются. Пускай Михаил едет. А что? Скажи Зин?

— Зин, молчи, — волевым жестом осек я экономку. — Не вмешивайся. На-ка Дарью поддержи. И ступай....

Пришлось Зинаиде подчиниться. Она молча перехватила мою дочку, выразительно зыркнула на Маришку и вышла. И едва за ней закрылась дверь, мы услышали ее зычный требовательный голос:

— Варька, сюда иди! Почему посуда до сих пор не мыта?!

Я усмехнулся. Зинаида баба конкретная — без раздумий приложит неугодного человека и матом и палкой. Прислуга у нее на цыпочках ходит, боится — мне на глаза стараются не попадаться. Меня, в принципе, такой расклад устраивает. В памяти до сих пор сидит та история с рано оформившейся девочкой, что пыталась меня соблазнить. А повторения я не хотел.

Потом я целый час разговаривал с супругой. Убеждал ее, что мне просто необходимо ехать на Дальний Восток, без меня там никак. Война — да, будет, но я в ней участвовать не собираюсь, отсижусь либо во Владивостоке, либо в Китае. И это совершенно безопасно. Так я ей говорил. Убеждал с таким жаром, что и сам почти поверил в то, что мне удастся выйти не замаранным кровью. Даже поклялся ей, что буду там вести только дела фабричные. Налажу кое-какое производство, организую продажи, заведу полезные знакомства и сразу же домой. Может, сниму там фильму про тех же самых боксеров. Вроде бы ее убедил. Или же она просто сделала вид, что мне поверила. Про то, что будет война с Японией она, конечно же, знала — как-никак сама же и редактировала мои тексты от имени Жириновского. Но вот не знала насколько трагичной эта война окажется для нас и не подозревала какие

последствия вызовет. Да и я, если честно, судил о грядущем событии только лишь из своих куцых знаний. Но как бы ни убеждал я Маринку в полной моей безопасности, сам я в этом до конца уверен не был. Война, знаете ли, такое дело — прилетит шальная пуля и конец истории. И прощай Великая Россия. Поэтому, я в который раз от всего сердца поклялся Маринке, что не буду там делать глупости. Найду самый безопасный угол, обложусь мешками с песком и во чтобы то ни стало сохраню себя для своей семьи.

Клейгельсу мы радио поставили несколькими днями позже. Съездили к нему домой, смонтировали и удивили его супругу, тут же продемонстрировав. Условная цена в тысячу рублей поразила всех и удивила, а эксклюзивность подарка лишь повысила значимость. Я с Мишкой у градоначальника стали самыми дорогими гостями. Нас не захотели просто так отпускать, напоили, накормили, едва ли спать не уложили. В общем, хорошо провели день, весело и полезно. Единственно, супруга Клейгельса причитала, что мы не прихватили с собой своих супругов. И Мишка, решив исправить оплошность, пригласил градоначальника к себе в гости.

За январь месяц наши электроники смогли соорудить всего с десятков радиоприемников. Три штуки из них мы поставили в разных частях города, один в фойе арендованного нами кинотеатра, а шесть других продали. Не смотря на большую цену, новинка улетела со склада не задержавшись ни на секунду. Все они ушли богатым и значимым людям в Санкт-Петербурге. Примечательно, что за одним из радиоприемников приехал сам Сумароков-Эльстон, отец будущего убийцы Распутина. Мне удалось даже перекинуться с ним несколькими фразами, подогрел его интерес к нашей новинке. Сделал нарочно, с дальним прицелом. Острая нехватка наличности на производственные нужды заставляла искать финансы, а Феликс граф Сумароков-Эльстон, он же князь Юсупов личность состоятельная, доходы имеет весьма приличные. И если бы нам удалось заинтересовать в участии наших проектов, пусть даже в выделение доли в каком-нибудь предприятии, то это будет очень хорошо. По этим же самым приемникам, например. Нам просто необходимо удешевлять производство, налаживая объемы, а без инвестиций здесь никуда. Опять же, исследования нужно продолжать, а это опять немалые средства. В общем, чуть позже посоветовавшись с Мишкой, мы решили, что в наши предприятия просто жизненно необходимо впустить деньги богатых и влиятельных людей страны. Сами мы будем вытягивать на нужный уровень очень много лет, гораздо проще подключить финансы влиятельных людей. И здесь будет и финансовая поддержка, протекционизм на своих уровнях и личная заинтересованность в благополучии предприятия. Одни плюсы, минусом же только одни — размытие наших долей. С точки зрения обычного человека это плохо, с точки зрения Мишки же — мощнейший импульс в развитии. Да и кто сказал, что делиться надо всем своим холдингом? Нет, переговоры будут вестись только по конкретным направлениям и предприятиям, и доли собственности будут выделяться только с конкретных заводов. А это не так страшно. Значит, для нашего направления радиостроения нужно организовывать новую дочку и уже по ней вести переговоры. И князь Юсупов в качестве нашего первого кандидата подходил очень хорошо. Ну, а для более быстрого продвижения радио в народы, я попросил напечатать в газетах простейшую схему приемника, ту, что позволяет слушать радио без электричества, на энергии одних радиоволн. И организовали продажу запчастей к нему. Что не производили

сами — покупали за границей. Те же самые выпрямители на кристаллах, по-нашему именуемые диодами, покупались в Британии. Энтузиасты быстро освоят эту схему, усовершенствуют и поделятся с остальными. Вот и нам хорошо — база слушателей будет расти как на дрожжах.

В этом же месяце я на несколько дней сгонял в Новгород, посмотреть как там у нас дела. Корпуса завода по выпуску карболита у нас уже давно стояли, и сейчас полным ходом должен был идти монтаж оборудования. Мельников, кстати, там уже вторую неделю кукует. Вот и навещу его. Приехал я в город под вечер, никуда сразу не поперся, а отоспался после холодного вагона в теплой съемной квартире и уже с утра нагрязнул на стойку. А там — тишина. Относительная, конечно — кое-где там суетились, работали, но в целом не подобного я ожидал. Полупустые корпуса, где-то уже установленное оборудование, протянутые, но никуда не присоединенные магистрали труб. Мне, как человеку далекому от химии, трудно было понять, что здесь происходит. Но алчные, черные зевы труб наводили на мысли что тут не все гладко.

Мельникова я нашел через пару часов в городе, в гостинице. Сидел он в номере замученный и уставший, в одиночку глушил водку. Волосы на голове всклокочены, взгляд, хоть и пьяный, но вполне осмысленный. Не дождавшись ответа на стук, я толкнул дверь и, увидав его в таком непрезентабельном виде, присвистнул:

— Ого, Евгений Адамович, что случилось?

Он оторвался от бутылки, глянул на меня снизу вверх и встрепенулся, пытаюсь скрыть свое состояние. Но хватило ума сообразить, что ничего у него не получилось, и потому, горько выдохнув, констатировал:

— Британцы — сволочи. Вы же всегда знали об этом, Василий Иванович?

— Всегда подозревал, — напряженно ответил я, присаживаясь рядом на стул. — Что случилось?

Вместо ответа Мельников сграбастал со стола валяющиеся бумаги и передал мне:

— Читайте, Василий Иванович. Там все наглядно.

Это были телеграммы. На английском языке, с которым я был не в ладах. Поэтому, пересмотрев их все, погоняв меж пальцев, я лишь вопросительно воззрился на своего главного химика:

— И?

— Суки требуют заплатить на двадцать процентов больше, чем договаривались, и сроки сдвигают до апреля.

— Подожди, Евгений Адамович. Так мы же им уже все сполна заплатили!

— Заплатили, да только им плевать!

— То есть как это? А договор, а их подписи?

— А им плевать! — еще раз раздраженно ответил Мельников. — Яков уже месяц как в Лондоне обитает, да только и он мало что может сделать. Пока через их суды пройдет — месяцы пролетят, годы! А мы стоим! А ни денег, ни оборудования нет.... И когда поставят неизвестно.

— Ну-ка, ну-ка, давай-ка, Адамыч, поподробнее, — попросил я, сдвигая брови к переносице.

— А-а, что рассказывать, — отмахнулся химик. — Сволочи они. Еще несколько месяцев назад мы заподозрили неладное. Да мы ж вам рассказывали, помните? Так вот, отправил я Виктора Ильича в Британию, чтобы он посмотрел, как идет изготовление, да только его не

пустили на мануфактуру. Неделю водили за нос как студента неразумного, завтраками кормили. Говорили сначала, что директора нету — без него не пустят, потом, что ключи от склада потеряли, потом еще всякую ерунду. Не пускали под любыми предлогами. В общем, пробыл он там десять дней, а оборудования так и не увидел.

— Что за бред? Разве так бывает?

— Я тоже думал, что не бывает. Ведь вроде и оборудование простое и если бы нам не нужно было кислоты производить в больших объемах, то купить можно и у других. Но ведь вся заковыка в том, что именно там могут покрыть все стенки стойкой эмалью. Только у них есть большие печи для подобного обжига. А оно видите как — дулю нам под нос и еще денег требуют. И попробуй не заплати — еще год прождешь.

— Подожди, Адамыч, а чего они вообще стали требовать доплаты?

— А я знаю? Может денег на нас хотят побольше заработать, а может проблемы у них. Кто ж их разберет.

— Понятно, — протянул я, еще раз погоняв меж пальцев телеграммы. Плохо то, что заказы мы разместили за границей — оперативно воздействовать на хапуг мы не можем. В Лондоне, конечно, есть наша юридическая контора, но, как и сказал наш главный химик, судебная тяжба может затянуться на долгие месяцы. То, что мы сумеем выиграть, я не сомневаюсь, да только сроки.... Уже сейчас полным ходом должен вестись монтаж оборудования и проходить обучение персонала, а из-за этой неприятной ситуации дата торжественного пуска отдалялась на неопределенную перспективу.

— Козинцев в курсе?

— Да. Утром ему телеграмму отослал.

— И что он ответил?

— Ругается. Завтра требует явиться для обсуждения. Кстати, вот и вам телеграмма от него, — и с этими словами он склонился к лежащему на краю дивана пальто, неуклюже пошарился в его бездонных карманах и вручил мне мятую писульку на почтовом бланке. Мда, Мишка в телеграмме условно литературным языком выразил все свое возмущение поступком наглых англичан. Удивительно, как на телеграфе пропустили такие яркие выражения. А в конце была приписка, чтобы я не медлил и поскорее возвращался вместе с Мельниковым в столицу — нужно выработать решение. Что ж, завтра и поедем.

Мельников, прочтя на моем лице недовольство, потянулся за бутылкой.

— Будете, Василь Иванович?

— Нет, Адамыч, не лезет. Да и тебе бы не следовало.

— Да, я, Василь Иваныч не поэтому поводу, — ответил он, пододвигая своими обожженными пальцами чистый стопарик. — Внучка у меня родилась. Вчера. Уж не побрезгуйте, разделите со мной радость. А на англичашек на этих — тьфу. Решим завтра, что с ними делать. Да и что решать — заплатим как они того требуют, нам деваться некуда. А вот после того как оборудование нам отправят — в суд подадим. Уж тогда Яков на них отыграется.

— Так что же ты молчал! — воскликнул я. — Наговорил мне тут ерунды всякой, а у самого, оказывается, такое событие! Поздравляю от всего сердца, Евгений Адамович. Поздравляю, — и, ухватив за ладонь, энергично потряс. Химик блаженно заулыбался.

— Спасибо. Радует меня господь бог внуками и внучками. Четвертая уже.

— О-о, дети твои тебя радуют, а не господь бог.

Он кивнул. Поднял стопку, чекнулся со мной и махом опрокинул в глотку. Сморщился,

шмыгнул носом:

— Зять хочет Веркой назвать, как бабушку свою. Говорит, первая красавица на улице была. А дочь Анной. А сват вообще Ульяной, — он хохотнул. — Барда-ак. А жена моя хочет, чтобы она Дарьей была.

Я улыбнулся его «беде». Адамыч был счастлив и я это понял только лишь после признания. Легонько толкнув его в плечо, спросил:

— А сам-то как хочешь?

— А мне все равно, лишь бы здоровой росла и бед не знала. А-а, ерунда все это..., - еще раз махнул он рукой. — Доча моя порвалась сильно, вот что плохо. Вот ей бы тоже здоровья.

Я промолчал. Подобная тема для всех весьма интимная, с чужими о своих родных не очень-то побеседуешь. Врачи в нынешнюю эпоху весьма далеки от стандартов медицины даже ранних советских времен. И подхватить заразу было проще некуда. Маринка моя, когда рожала, тоже намучалась, и ее тоже зашивали наживую и я также как и Адамыч боялся инфекции. Но пронесло, да и я с упрямым упорством требовал от врача, чтобы тот руки и инструменты чистым спиртом протирал, а на морду свою усатую нацепил марлевую маску. Антибиотиков в это время нет. Занесешь заразу — не излечишься.

— Евгений Адамыч, — предложил я после недолгих воспоминаний, — ты это, если что, то сразу ко мне обращайся. Приложу все свои силы и помогу. Деньгу подкину если нужно.

— Спасибо, Василь Иваныч, — благодарно кивнул химик. — А денег не надо, у меня есть.

Мы и дальше продолжили сидеть, отмечать радостное событие произошедшее у Мельникова. Я распорядился и из ресторана нам доставили обильную закуску, а то вхолостую пить водку никакого здоровья не хватит. Просидели с ним допоздна, наговорились по душам. Говорил в основном Евгений Адамович, радостно рассказывал истории со своими детьми и внуками, я же чаще отмалчивался и думал. Прикидывал, как же лучше всего подступиться к теме антибиотиков. Надо бы найти человека который будет способен потянуть эту тему. Да не простого, а желательного с богатым опытом и именем. А где его найти я пока не представлял. Пойти что ли через Боткина? Тот самый всем известный Боткин, конечно уже давно умер, а сын его пока еще не стал лечащим врачом Николая. Это я откуда-то помнил, как ни странно. И как его искать? В общем, тот еще вопрос. Хотя, с другой стороны, гораздо легче было бы просто прошерстить российские университеты на предмет светлых голов, и увлечь новой идеей некоторых из них. И поразмыслив, я решил, что так и поступлю. Процесс получения пенициллина долгий, уйти на это может много лет, а успеть хотелось бы к Первой Мировой. Так что, пока я не уехал, надо приложить все свои силы.

Утром следующего дня я посадил болеющего похмельем Мельников на поезд. Впихнул его и его чемодан в вагон, передал в записке для Мишки, о том, что задержусь на некоторое время, и вернулся в съемную квартиру. Было у меня тут еще несколько небольших делишек и одно из них это необходимость посмотреть идущую полным ходом внутреннюю отделку первого общежития в Новгороде. Кирпичное здание в пять этажей коридорного типа с одним входом. Комнат около сотни. Проект простой, без изысков, но с санузелом на каждые две комнаты и двумя кухонными блоками на каждом этаже. И обязательная электрическая проводка и лампы накаливания в каждом закутке. Водопровод, канализация.... Общежитие решили предоставлять только квалифицированным работникам, испытывающих

потребность в жилье. Обязательная плата за проживание в два с половиной рубля за комнату. Понятно, что при таких расценках не заработаешь — почти вся плата будет уходить на поддержание общежития в приличном состоянии и на жалование коменданта. И хоть ввод в строй здания планируется на конец весны, все комнаты в нем уже распределены. А кому какая комната достанется определяется лично директором литейного завода с подачи мастеров.

Пока что это первое здание общежития, следом за ним будет строиться и второе, а затем и третье. Кстати, на фоне острой нехватки жилья для приезжих... Подумали мы тут недавно и пришли к выводу, что неплохо через свой банк провести что-то похожее на ипотечное кредитование. Только для своих работников, под льготный процент. Средства для нескольких десятков ценных работников мы найдем — невелика нагрузка, но зато еще больше привяжем к себе людей. А заработки на наших предприятиях хорошие, люди обязательно откликнутся. Не знаю, может еще и постройку домов им организовать? Что б со всеми удобствами — светом, туалетом, ванной комнатой. И использовать для постройки не кирпич, а, например, бетонные блоки. Жаль я не знаю каким образом в мое время вспенивали такие блоки — было б нам счастье. Но в любом случае, даже если б знал — это было б еще одно направление деятельности о котором надо заботиться, направлять и искать для него средства. А у нас и так без этого дел по горло. Так что, наверное, и хорошо, что не знаю. Кстати, в прошлом году я как-то ныл перед другом, сетовал на нехватку электричества. Заламывал руки, стонал и убеждал его, что не стоит нам еще и этим направлением заниматься — только нервы себе попортим. Тогда я Мишку убедил. По крайней мере, отложили рассмотрение этого вопроса до шестого года, когда революционное движение начнет катиться на спад. Но, похоже, что мы и не вернемся к этой теме — нам удалось очень выгодно скооперироваться с Сименсом. По договору он построит нам в Новгороде электростанцию по самым современным технологиям, а мы заплатим ему за это частью живыми деньгами, а частью будущими поставками карболита по льготной цене. Только вот запуск нашего завода пока откладывается, а турбины электростанции уже привезены и ожидают установки в одном из вспомогательных корпусов предприятия. Специалисты должны приехать с течение месяца. В этот же день сходил я, посмотрел на эти турбины, лежащие на складе и в очередной раз поблагодарил бога за то, что нам и этим направлением заниматься не пришлось. Даже при невнимательном взгляде понималось, что очень уж большие усилия нам пришлось бы приложить. Пусть уж этим делом занимаются те, у кого это хорошо получается.

Вечером, прогуливаясь по заснеженным дорожкам Новгорода, совершенно неожиданно для себя встретил знакомое лицо. Здоровый мужик с рябой и красной от выпивки рожей, стоял оперевшись одной рукой о стену дома и самозабвенно и громогласно блевал на свои сапоги. Забрызгивал все вокруг чем-то красным, извергал из себя непережеванные огурцы, куски сала и еще какой-то мерзости. И запах от него исходил непередаваемый. Я узнал его — он раньше работал у нас охранником, а затем перешел под начальство Истомина.

— Ого! Это что же я такое вижу? — громко сказал я, дождавшись паузы.

Мужик невнятно буркнул, не глядя отмахнулся от меня и глубоко задышал, все время сглатывая. Потом утерся рукавом добротного пиджака. Я не уходил, оперевшись на трость ждал.

— Иди-ка ты отсюда, дядя, — наконец страдальчески проворчал он, так и не взглянув на меня.

— Идите-ка отсюда, Василий Иванович, — с насмешкой поправил я его. — Ты что это, скотина, в одиночку напиваешься?

— А по морде? — уже с угрозой ответил мужик. И только тут он обернулся и рассмотрел мою физиономию. И осекся. Не ожидал меня тут увидеть. А потом, вспомнив в каком состоянии он находится, выпрямился и еще раз торопливо вытер рот рукавом. — Ва-ва-асилий Иванович?

Я неторопливо кивнул. Внимательно осмотрел с ног до головы. Да нет, костюмчик у нашего подвыпившего работника был вполне приличный — мятый конечно, но не сильно и не протерт нигде. Судя по всему, под началом Истомина рябой работает до сих пор.

— Что ж ты, редиска такая, водку пьянствуешь, да блюешь ее героически? На людях, на самого себя же, да на сапоги яловые? Не стыдно?

— Стыдно! — с готовностью повинулся работник. — Очень стыдно, Василий Иванович. Но имею законное право.

— Это, какое же?

— Личное время! Как хочу, так и провожу его, — ответил он и в голосе послышались нотки вызова, а плечи могуче расплавились, хрустнув суставами. М-да, а пьян-то он был изрядно. Парень не из робкого десятка, в прошлом служил в армии, участвовал в задержании нападавших на наше предприятие пару лет назад. Даже с Валентином Пузеевым, помнится, кулаками махал, да только не слишком удачно. Получил тогда он от нашего слесаря знатно-ходил неделю с фингалом. И вот, глядя на него всего из себя такого веселого, грязного и наглого, я отступился, даже с улыбкой развел руки:

— Что ж, личное время — это святое.

Конечно же, я его не испугался, мог бы ему навалить без ущерба для собственного здоровья. Но зачем доводить ситуацию до этого? Особенно когда видно, что собеседник в неадеквате. В общем, когда рябой понял, что его не собираются гнобить и учить жизни, он сбавил обороты. А я, продолжил разговор:

— Ты каким образом здесь оказался? Почему не в Питере?

— Дык, Василь Иваныч, с Истоминым мы здесь. Долги выбиваем.

— Это у кого же?

— Да есть тут один купчик, — неопределенно махнул он рукой куда-то в сторону, — кредит взял, оборудование взял, а платить забывает уже третий месяц. Вот мы и..., - он усмехнулся и показал мне кулаком, что они собирались сделать с должником.

— Убедили его?

— А как же, — сказал он и расстроено добавил, — даже жалко. Выплатил все до копеечки и штраф тоже. Баба его в ногах валялась. Тьфу!

— Поня-ятно, — протянул я, подходя ближе. Достал батистовый платок, протянул ему. — Утрись, а то как алкаш подзаборный выглядишь. Что люди обо мне думать будут, глядя на тебя? Позоришь только....

— Да что вы, Василь Иваныч, как можно, — забормотал рябой, но платок, тем не менее, взял и стал торопливо утирать лицо и руки. — Я ж только в личное время, в кабаке тихонечко. Никто и не видит.

— Ладно-ладно. Истомин-то где?

— Дык он в гостинице клопов давит. Вас проводить?

— Нет, не стоит. Пусть отсыпается. Лучше пускай ко мне завтра придет. Я здесь же в Новгороде и остановился на заводской квартире. Он должен знать. Передашь?

— А как же! Конечно передам, Василь Иваныч. Не сомневайтесь.

И на этих словах мы расстались. Я ушел ночевать на квартиру, а рябой снова нырнул в кабак. Не нравится мне, что люди мои так водку глыщут, но, увы, ничего поделывать я тут не мог. Национальная беда и трагедия в отдельно взятом конкретном случае. Мог бы, конечно, кардинально решить с рябым — лишить премии, понизить в работе, уволить, наконец. Но ни одно из этих решений не заставит бросить его пить, а озлобленного и готового слить информацию на сторону человека я получу уже на следующий день. Конечно, у нас, как и на любом предприятии существует весьма жесткий «сухой закон» и мои работники, дорожа зарработком, его блюдут. Но только до проходной. Далее сила моя над ними не властна. Поэтому, пусть рябой и дальше веселится, а его непосредственному начальнику я выскажу свое отношение к данной проблеме. В очередной раз.

Истомин заявился ко мне в квартиру с утра пораньше. Я едва успел проснуться, почистить зубы зубным порошком и поскоблить новомодным «Жиллетом» морду. Услышав стук в дверь, так и вышел к нему с полотенцем в руках мокрым лицом.

— О-о, Семен Семеныч, проходи, — произнес я, пропуская его внутрь.

Он зашел, прихрамывая, без стеснения скинул с себя верхнюю одежду, присел на стул. И пока я окончательно приводил себя в порядок, ливанул себе свежего кипяточку из нашего электрического чайника и подлил заварки.

После завершения утреннего моциона я появился в комнате, присел рядом и повторил его действия. И только когда отхлебнул горячего свежего чая, произнес:

— Хреново выглядишь, Семеныч. Как будто и не спал вовсе.

— А-а, — махнул он недовольно рукой, — шавки под окнами спать не давали. Грызлись всю ночь — свадьбу гуляли. Да мой оболдуй под утро заявился, да сказал немедленно к вам бежать.

— И сразу ко мне..., понятно.

Он вздохнул.

— Василий Иванович, я все понимаю, — предвосхищая тему разговора, начал говорить он. — Вы не любите пьяных работников, не любите запах сигарет. Вам вчера Ленка попался в неприглядном виде, но вы его, пожалуйста, не вините. Это я ему разрешил. Мы вчера все дела успели сделать, а на сегодня я им разрешил отдохнуть. Они заслужили свой выходной.

Я промолчал. Потом махнул рукой на это недоразумение.

— Удивительно, что он вообще вспомнил нашу вчерашнюю встречу.

— Ну, что есть, то есть, — подтвердил Истомин. — Из солдат ведь мужик. У него был приказ — он его выполнил. Может когда проснется и не вспомнит ничего.

— Ну да, перезагрузится и очистит оперативную память, — пробормотал я. Бывший хорунжий на мои странные слова даже не обратил внимания — привык уже. — Как у тебя с работой, Семеныч? Каким образом ты вообще в Новгороде появился? Почему не в офисе?

— Да ну его этот офис, — ответствовал он, прихлебнув из чашки. — Надоели эти бумажки уже. Целый день только и делаю, что их перебираю. Из верхнего ящика в нижний. Из нижнего в правый. На этом закорючку свою поставь, на том печать. Того в Москву отправь, этого в Кострому, а сам сиднем сижу, почечуйную болезнь зарабатываю. В отпуск хочу....

— Семеныч, ну какой отпуск? — укорил я его. — Ведь ты ж не так давно к родне ездил. Кстати, семью свою перевез или нет?

— Ага, Василий Иванович. Насилу уговорил. Дом здесь купил с землицей.

— В Новгороде что ли?

— Ну да. Ну ее, эту столицу. Здесь спокойнее. Жинке с детьми и старикам моим понравится. Я уверен.

— Ну, хорошо, — пожал я плечами и после пары глотков горячего чая, решил сменить тему разговора. — Слушай, Семеныч, я тебя спросить хотел.

— Ну?

— Ты в своем казачестве не встречал так некого Токарева?

— Гм, нет, что-то не припомню. А кто это? В каких чинах?

— Да вот, понимаешь какое дело..., - неуверенно начал я объяснять. — Знаю, что есть такое человек. Знаю, что из казаков, даже вроде из ваших краев. Слышал, что он оружием в плане конструирования интересуется сильно. А вот где он службу проходит и в каких чинах — увы.

— Гм, — воздел глаза к потолку Истомин, напрягая память. — Что-то ничего ни приходит на ум. Н-нет, точно, такого я не знаю. А он вам зачем?

— Да вот, карабин надо нам начинать разрабатывать, а толкового человека нет.

— Гм, Василь Иваныч, я конечно извиняюсь. Но после провала вашего миномета, зачем вам еще и карабин? Оно вам надо?

Я вздохнул. Неприятная история с минометом никак не забывалась и я постоянно помнил о причине отказа. Наша, чего уж теперь самого себя обманывать, глупая попытка повлиять на историю активным образом, очень сильно нам аукнулась. И сейчас на продвижение минометов в армию я могу рассчитывать только через предстоящую войну.

— Нужны, Семеныч, карабины. Как воздух нужны. Я б и еще кое-что изобрел, но на это нет ни времени, ни денег, ни спецов. Нужно делать все постепенно. Начать хотя бы с карабинов. Ну так что?

— А Мосин вас не устроит? — удивленно поднял бровь хорунжий.

— Мосин птица высокого полета, — покачал я головой, — он и так у военных в почете и на них работает. Мне бы кого попроще, но такого же толкового.

— И Токарев как раз такой? Вы откуда про него узнали?

— Сорока на хвосте принесла, — уклончиво ответил я и хорунжий понял, что в этом направлении тему развивать не следует.

У нас опять наступила небольшая пауза. Я просто сидел отхлебывал сладкий чай, да закусывал бутербродом, а Истомин что-то там придумывал у себя в голове. Наконец, он спросил:

— Василь Иваныч, а почему именно карабин?

— Да как тебе сказать, Семеныч, по моему мнению, карабин в армии сподручней будет. Особенно у конных. Он и короче и легче и боеприпасов можно с собой больше носить. Прицельная дальность, конечно, меньше чем у мосинки, но кто же на таком расстоянии войну ведет? Карабин будет в самый раз, особенно если он будет самозарядный и с магазином, например, патронов на десять.

Он выслушал меня, подумал и поддакнул:

— Да, нашему брату казаку такой карабин был бы кстати. Верхом с мосинкой не очень удобно, это правда.... Где вы говорите этот Токарев обитает?

— Да где-то в Малороссии, точнее не скажу. Вроде казаком сейчас. Но то, что оружием он интересуется это точно.

— Я могу попробовать его отыскать.

— Было бы здорово. А сможешь?

— Все одно попробовать стоит. А имя у него есть? И по батюшке его как?

— Да черт его знает. Вроде Федор. Или Семен. Я не уверен. А отчество не знаю.

— Я узнаю, — уверенно заявил хорунжий. — Вы ведь мне дадите отпуск?

Я засмеялся. Вот же хитрец! И главное сидит и смотрит на меня ясными глазами младенца — ни тени раскаяния.

— Отпуск — нет. Но командировку на неделю — да, — ответил я, улыбаясь. — Ладно, на две недели, а то не успеешь еще.

— Оплачиваемую?

— Ну, конечно. Ты мне его только найди, да про горы золотые распиши. А я уж его не обижу. Ты там по своим каналам попробуй разыскать. Знакомства-то ведь остались?

Истомин даже не стал мне отвечать. Куда ж эти знакомства денутся — казаки друг за друга держаться, все про всех знают. И если есть хоть какая-то возможность выйти на Токарева через казачью среду, то наш хорунжий это непременно сделает.

На том мы и порешили. Истомин на следующий же день укатил в Москву, а оттуда в Малороссию. Потом вернулся через двадцать дней и, пристукивая по мраморному полу новой тростью, явился ко мне с докладом — найдено трое Токаревых. Один Федор, другой Иван, третий тоже Федор. И только один из этих троих служил оружейным мастером и сейчас находился в чине хорунжего.

— Это именно тот? — спросил меня Истомин после подробного доклада.

— Похоже на то, — отвели я задумчиво. — Другие вроде вообще никаким боком к ремонту оружия не подходят. Так? Ты с ним говорил?

— Недолго.

— И что сам про него скажешь?

— Да что сказать? — пожал он плечами. — Простой казак, в оружие разбирается. Что-то там у себя пытается делать. Я как понял, что это тот который вам нужен, так удочку ему закинул. Говорю, есть в столице известный человек, хочет чтобы ты у него работал — оружие для него придумывал. Деньгами, говорю, не обидит, как сыр в масле кататься будешь.

— Ну а он?

— А он покивал головой и сказал, что ему не особо интересно на простого купца работать — пусть даже и такого известного как вы изобретателя. Хочет, говорит, Родине послужить.

Я с досады даже хлопнул себя по ляжке. Звонко так, болуче. Наверно пятно красное оставил — Маришка вечером устроит допрос с пристрастием.

— Ну а ты? Денег ему предлагал?

— Да ему и так и эдак и все ему рассказал. Про деньги — да, сказал. И выпили мы с ним и с его дружками, да он ни в какую.

— Что, совсем так плохо?

— Не может он сейчас. Да и кто его отпустит — ему еще несколько лет до ухода в запас? В-общем, сейчас нам его не заполучить.

— Точно?

— Точно. Он и сам сказал, что никуда не пойдет. Да и в самом деле, как он уйдет? Это

ж не я со своей поломанной ногой.

Я разочарованно выдохнул, потер нервозно лоб — что-то голова разболелась.

— Жаль. А у меня на него такие надежды были. Ну, да ладно, на нем свет клином не сошелся. Свои кадры выращивать будем. Ты, кстати, как сам к конструированию оружия относишься? Понимаешь в этом?

— Да нет, что вы. Я только пострелять, да почистить.

— Что ж, тогда будем искать других людей.

Истомин молча принял информацию. Кивнул, встал, оперся на крепкую трость. Затем вдруг просветлел лицом и выдал мне новую идею:

— Василь Иваныч, а может этого Токарева там работой и загрузить? Если он не может и не хочет никуда переезжать, так может вам самому туда съездить, да убедить его? Пускай он там у себя в мастерской конструирует, да изобретает. А вы у него под боком свою мастерскую сделаете, да людей туда наберете. А Токарев будет вам идеи подкидывать, да помогать по-всякому?

— Гм, а что, мысль здравая, — произнес я, воспрянув духом. И отложил идею в закрома памяти. Мишка опять куда-то укатил и обещался появиться через пару дней. Вот с ним и надо будет обсудить эту идею. Захочет ли он, пока меня не будет, курировать это направление? — А ты у него адресок вызнал? Куда ему письма писать?

Конечно же, домашний адрес Токарева у нашего хорунжего был. И мы вдвоем настроили ему официальное письмо, в котором изложили наше видение решения сложившейся проблемы. В тот же день отправили и принялись ждать ответа. Будем надеяться, что он примет наше предложение.

Все-таки как я не страшился этого важного дня, как не гнал из головы предстоящие трудности, а он все же настал — грандиозный костюмированный бал в Зимнем дворце. Народу туда прибыла тьма, никак не менее нескольких сотен самых знатных аристократов. От костюмов рябило в глазах — везде атлас, бархат, шелк, сафьян, прошитые золотыми нитями, жемчугом и драгоценными камнями. Костюмы допетровской эпохи слепили глаза и затмевали роскошью. Тяжелые кокошники едва не ломали женщинам хрупкие шеи, но они терпели, стоически выносили эту пытку и пытались казаться счастливыми. Мужчины в парче выхаживали вокруг, горделиво воздевая подбородки. И все фотографировались по очереди, принимали величественную позу, склоняли задумчиво головы, изображали из себя моделей. Магниевая вспышка не переставая хлопала, ослепляя всех вокруг и задымляя помещение.... Бал шел уже второй день.

Началось все позавчера. Наша съемочная группа приехали в Зимний с самого утра. В здании Эрмитажа разложили рельсы, поставили на них операторские тележки с камерами. Протянули свои кабели. Под вечер стали приходить приглашенные гости. В современных костюмах входили они в зал попарно, приветствовали семью императора низким поклоном, как это было принято в стародавние времена. И мы все это снимали. По ходу движения гостей к императору, двигались и мы, ловили в камеру восторженные лица. Наши помощники пытели, старались, катали тележку туда-сюда и постоянно менялись, ибо выдержать подобный темп съемок было очень непросто. Мы никого не забыли, всех запечатлели, израсходовали километры пленки. Следом, когда все гости прошли мимо нас и склонились перед Николаем, последовало театральное представление. Здесь же, в Эрмитаже перед гостями выступил и Федор Шаляпин в «Борисе Годунове» и сама Анна Павлова в

знаменитом «Лебедином озере». Но нас туда с камерами не пустили — запретил сам император, мотивирую тем, что мы будем мешать зрителям. Что ж, пришлось нам довольствоваться прослушиванием зычного голоса Шаляпина из-за двери. Ну а после спектакля состоялись танцы в большом белом зале. Нашей технике разрешили поснимать с полчаса стоя в уголке, а затем вежливо попросили удалиться. Что мы и сделали, особо не расстроившись. Завтра мне и так предстоит много работы. В киностудии за ночь проявят всю пленку, и мне с Мишкой моими новоявленными операторами придется выбраковывать из материала неудачные кадры.

Ну а самое главное действие произошло через сутки после первого приема, непосредственно в сам день великого бала. Именно сегодня прибыли гости в специально пошитых костюмах. Прибывшие собрались в концертном зале с высокими белыми колоннами, музыканты на балконе дали ритм и зал в едином порыве закружился. Это было что-то особенное. Самый первый танец удался на славу, каждый выложился в меру своих сил. И опять катая тележку вдоль зала, мы стремились увековечить для потомков абсолютно всех. И величественная аристократия старалась. О боже, как же дамы выгибали спины, проносясь в вихре танца мимо камеры, как же их кавалеры держали осанку и пожирали партнерш пламенными взглядами. И стар и млад старались обтанцевать друг друга, так, чтобы именно их пара потом всем запомнилась.

Ну а после, когда первый порыв танца угас, люди утомились и стали присаживаться на оббитые бархатом скамеечки. На балу звучала и мазурка, вальс и кадрили. Звучала русские песни, водили хороводы и плясовую. Организовано все по высшему разряду. И мы едва за всем успевали, только и делали, что меняли пленку и искали удачные ракурсы. Гоняли свои тележки вдоль стены, мешая отдыхающим парам на скамеечках, загораживая им весь обзор. Но, как ни странно, высший свет аристократии, сдержанно ворча на нас, даже и не думал вслух высказывать свое недовольство. Понимали, что не для себя стараемся, а для потомков, которые будут спустя столетия с дотошностью изучать давно прошедший бал.

В большом зале было шумно, громко, музыка, которой даровали свободу, с балконов устремлялась вверх, и оттуда стройным многоголосым водопадом падала вниз, заставляя вибрировать каждую клеточку тела. На меня, как на человека из будущего, который в своей прошлой жизни звучание скрипки вживую слышал лишь несколько раз, это произвело огромное впечатление. Серебристый мощный поток, сваливающийся сверху, подхватывал мою жалкую душонку и уносил куда-то прочь из этого мира. И этому трудно было сопротивляться. И я, ошеломленный, оглушенный, с надломленной и вибрирующей душой каким-то образом продолжал работать. Меня катали на телеге взад и вперед, а я, прильнув к окуляру, ловил покрасневшие лица, вымученные улыбки и уже потухающий взгляд.

Народ стал уставать. Очень много танцев, очень громкая музыка. Люди сменялись на площадке, присаживались отдыхать, выходили подкрепиться в буфет. Они толпились, громко разговаривали, сновали туда-сюда и все время натыкались на наше оборудование. И теперь едва ли не каждый, спотыкаясь о рельсы, сквозь зубы ругался, а особо сановитые и уже в годах аристократы, вполголоса костерили моих нерасторопных помощников, что не успевали убратся с пути. Мы всем мешали. Оно и понятно. Желая подстраховаться и не упустить самые лучшие кадры мы прокинули полозья под операторскую тележку везде, где только было можно, а не только в танцевальном зале. По коридорам, по другим прилегающим залам, по лестницам. И специально огородили все красной бархатной лентой,

чтобы никто за нее не заходил и не спотыкался. Но нет, приглашенные гости предпочитали ничего не замечать, сносили наши ограждения своими великосветскими задами, а затем еще и высказывали нам свои претензии.

Но мы работали. Молча, стиснув зубы, снимали, снимали и снимали. Я лично и двое моих свежеспелых операторов не слезали с аппаратуры, ежесекундно вылавливал интересные кадры, восторженные лица. Только и успевали менять пленку — едва зарядили, нажали на спуск, отсняли несколько минут и снова менять пленку. Помощники только и делали, что носились взад-вперед, подтаскивали свежие бобины и уносили отснятые. Мишка, следил за ними, чтобы те, не дай бог, не наступили кому-нибудь на волочащийся подол платья или не оттоптали князьям да баронам ноги. Сам им помогал оттаскивать коробки с отснятой пленкой и подкармливал меня и моих операторов вкусностями с царского буфета. Следил за всем, чем только можно было и относился ко всему вполне ответственно. И, следуя своей натуре, не забывал заводить новые знакомства. Видел его разговаривающего то с одним разряженным офицером, то с другим. Под конец бала заметил его рядом с Сумароковым-Эльстоном. Тот уже уходил, уводил свою супругу, что произвела фурор своим русскими танцами. Помог графу накинуть тяжелую шубу и сумел вручить ему письмецо, что он вчера вечером сочинил. Мишка так надеялся на этот бал и именно этого случая ждал, чтобы передать графу Сумарокову свое деловое предложение. Изложенное на двух страничках, довольно сухим деловым языком, он предлагал тому вложиться в производство радиоприемников и радиокомпонентов в частности. Предлагал тому поучаствовать своими деньгами в зарождении новой электротехнической эры. Главное сейчас, чтобы по приезду домой граф не забыл про наше письмо и ознакомился с ним следующим днем. Лишь бы прочел....

Бал закончился после полуночи. Гости уже устали, поникли, не было той веселости и торжественности в глазах, что была в начале. Но Николай и его супруга стоически выдержали испытание. За все время я ни разу не заметил на их лицах ни тени недовольства. Со всеми они были приветливы и снисходительны и, беседуя с гостями, многим предлагали отдохнуть, не перетруждать себя. И кто-то их советам последовал — людей под конец представления стало чуть меньше. Тот же Сумароков с супругой предпочли поехать домой, не дожидаясь финального фотографирования. Да, и после танцев последовало еще довольно мучительная процедура позирования. Как женщины со своими массивными кокошниками все это выдержали, я не представляю. Я видел их мучения и даже чуть-чуть жалел. В общем, когда все закончилось и Николай с императрицей лично с каждым распрощались, настала и нам пора сматывать удочки.

Наверное, монтаж этого поистине грандиозного фильма будет мне сниться и через десять лет. Две недели безвылазно я просидел в маленькой комнатке за монтажным столом и, пересматривая материал, выбраковывал, вырезал, отбирал и склеивал. Забракованная пленка у меня просто валялась под ногами, мешалась, и уборщицы не успевали ее выметать. Как же сложно оказалось расставить фильм в хронологическом порядке. Ведь никакой хлопушки с хронометражом не было и в помине — попробуй, пойми в какой момент кружилась та или иная пара, а кто в это время незаметно нажирался в буфете. Тем более что и звука еще нет, что еще больше осложняет задачу. А перепутать нельзя — не дай бог

возникнет недопонимание или еще хуже обиды. И забыть тоже никого нельзя, каждую аристократическую макушку надо обязательно показать хотя бы общим планом. И вот, через две недели напряженного труда я выполз из тусклой конуры, болезненно щурясь и держась за голову. Мне тут же поднесли чашку крепкого кофе с молоком и порошок аспирина.

— Все, Димка, закончили мы с тобой это мучение, — устало сказал я своему помощнику. — Теперь не стыдно и самому Императору показать.

— Значит можно зарядить в проектор? — спросил меня, прошедший вместе со мной тяжелое испытание, молодой оператор.

— Копию сниму сперва. А оригинал в архив. Завтра посмотрим, что получилось.

— Хорошо, Василий Иванович, — кивнул парень и намерился убежать снимать копию с пленки. Процесс довольно-таки незамысловатый, но крайне ответственный. Боже упаси напортачить — голову сниму не задумываясь. По идее надо бы мне проследить за тем как будет сниматься сначала негатив (лучше две-три копии), а потом с него и позитив. Боже, а так хотелось поехать домой и отоспаться.

— Ладно, Дим, ты иди, подготавливай все, — скорректировал я свое решение. — Я пока перекушу чего-нибудь, а потом мы вместе все сделаем. Окей?

— Окей, Василий Иванович, — по наитию ответил парень. Конечно, слова он такого не знал, да и я никогда его раньше не употреблял. Однако ж оно само собой вырвалось, а мой помощник с лету догадался о его значении.

На закрытую премьеру фильма император пригласил тех же самых людей, что и в прошлый раз. Около часа высокочтимая публика вглядывалась в мерцающий экран, выискивала знакомые лица. Шевелила губами, читая пояснительные титры. И когда все закончилось и свет в зале зажгли, Николай, чуть помедлив, поднялся со своего места. Следом за ним встала супруга, а потом и остальные. Но император властным движением руки посадил всех обратно.

— Что ж, господин Рыбалко, вы проделали весьма большую работу, — сказал он громко, повернувшись ко мне. — Подойдите.

Я, находясь почти в самом углу небольшого зала, немедленно сорвался с места. Быстрым шагом подошел, остановился на расстоянии полутора метров.

— Ваше Величество....

— М-да, господин Рыбалко.... Признаться, я не думал, что из этой затеи выйдет что-то путное. И я не хотел давать вам разрешение, но..., - он на долю секунды бросил взгляд на свою мать, — ...но потом я передумал. И очень рад, что не ошибся в вас. Вы сотворили прекрасную синему, которая будет вдохновлять будущих монархов России. Теперь я это понимаю.

— Спасибо, Ваше Величество.

— Ваш талант несомненен, как и купеческая жилка. Весьма наслышан о ваших предприятиях и немалых доходах. Моя супруга находит занятным ваше изобретение нового радио, а теперь вот и синематограф, — он на мгновение замолчал, внимательно посмотрел мне в глаза. — Скажите, как вы считаете, эту синему можно будет показать широкой публике? Не вызовет ли у народа прошедший бал раздражение?

— Ваше Величество, я человек маленький и мне сложно судить о таких вещах, — император согласно кивнул, — но если вас интересует мое мнение, то я не считаю, что это вызовет раздражение у населения. Мне кажется, что скорее наоборот — это только укрепит

ваше влияние.

— Каким же образом?

— Народ увидит вас живым. Не картинкой на фотографии, не портретом на стене, а реальным человеком. Он увидит, что вы, как и они можете веселиться и печалиться.

— Ну, печали-то там мало, — промолвил он. — То есть вы считаете, что я должен показать вашу синему народу, потому что они меня не знают? Считают меня таким сухарем с короной? Так?

— Нет, что вы, Ваше Величество, я не это хотел сказать, — начал оправдываться я, удивляясь логике Николая. — Я хотел сказать, что вы и так популярны в народе, но этот самый народ не видит вас вживую. Ему не хватает..., мне трудно подобрать правильные слова.... Я б сказал, что Вашему Величеству не хватает..., о боже..., пиара.

— Простите, чего?

Как же объяснить в двух словах мою мысль? Произнесенный мною американизм попытался скудоумно расшифровать:

— Мы с компаньоном называем так саморекламу. Для увеличения популярности. И снятый нами костюмированный бал очень хорошо подходит для этой роли.

Николай как-то недовольно повел подбородком. Непроизвольно потрогал бороду, сдвинув брови, посмотрел сначала на жену, потом на мать. Все молчали, ожидая ответа императора. Наконец, он произнес:

— Я понял вас, господин Рыбалко. Спасибо вам за ваш труд, он будет оценен по достоинству. За сим прощайте, — и, не подавая руки, он развернулся и пошел к выходу. Следом за ним, шумно поднявшись, проследовали и остальные. А я остался стоять в недоумении.

Через несколько дней ко мне домой курьером доставили пухлое письмо, в котором был вложен чек на пять тысяч рублей, официальная благодарность от императорского дома, документ со всеми печатями, подтверждающий то, что наша компания действительно работает документалистом при дворе императора, просьба изготовить десять копий моей ленты для нужд дома Романовых и вежливый, но категоричный запрет на показ фильма широкой публике. Царь не захотел себя рекламировать, мотивировав отказ витиеватыми рассуждениями о своей богоизбранности, или даже року, а это значит, что самореклама для того, кто положил свою жизнь на служение народу, противна и противоестественна. Что ж, что-то подобного я и ожидал, поэтому отказ меня особо и не разочаровал. Правда опять я удивился логике Николая — он и вправду думает, что на нем свет клином сошелся? А истории английской и французской революций его не заставляют думать? В общем, после всех этих наших встреч, Николай оставил у меня крайне странное впечатление. Вроде бы и Император Земли Русской, от одного движения его пальца могут переселяться толпы народа и вершиться судьбы, а в личном общении он мне показался человеком... скромным, что ли? Стеснительным? Не понимаю пока.... В моей прошлой жизни все время кричали, что Николай Второй являлся самым слабым императором России, он стыд и позор Романовых. И кричали эти весьма далекие от истории балаболы настолько громко и оглушительно, что поневоле заставляли относиться к этим утверждениям если не скептически, то по крайней мере, не так категорично. Помнится однажды, после того как мне опять в уши стали вливать эту «догму», у меня вдруг пошло отторжение — ну не мог быть император настолько слюнтяем. И попробовал прочитать про него книжку, из которой и вынес, так это утверждение, мягко говоря, не совсем правда и что при внешней мягкости Николай при

желании умел довольно настойчиво продвигать свою линию. «Железная рука в бархатной перчатке» — эта фраза из той книги мне запомнилась достаточно хорошо. А вот кто ее произнес и по какому поводу уже, увы, не помню. В общем, моя личная беседа с императором не внесла ясности, и я по-прежнему находился в подвешенном состоянии и никак не мог понять, какой же на самом деле характер у самодержца. Оставалось только надеяться на время — оно рассудит и разложит все по полочкам.

Мне предстояло скоро уехать. Идет уже февраль, напряжение на Дальнем Востоке все нарастает и нарастает и уже менее чем через год разразится неудачная для нас война. Я здесь даже чуть-чуть задержался, а работы на восточных рубежах родины предстоит много. На прошлой неделе мы уже отправили морем в Порт-Артур наше оборудование для изготовления «егозы», с десятков мотоциклов с колясками, под сотню велосипедов, оборудование для лабораторного производства тротила, сотни пудов химикатов и много чего другого. Вместе с грузом поплыло несколько наших человек, которые проследят за сохранностью и по прибытию выгрузят все с предельной аккуратностью. Вроде бы и мне пора уже отъезжать, но осталось еще очень много нерешенных дел. С Токаревым еще не поговорил, тех кто будет искать нам пенициллин еще не нашли, завод с кислотами и карболитом не запустили, с двигателями для наших будущих автомобилей сложности и Тринклер со своей командой их пытается решать. Англичане, что задержали нам оборудование тоже наглеют не в меру — Мендельсон в Лондоне пытается их прижучить, но пока безуспешно и судебная тягомотина грозит завестись на долгие месяцы. И еще много чего другого. Я хотел было опять отложить поездку на месяц, но Мишка меня отговорил, пообещав самому заняться этими вопросами. Вроде он и сам не дурак и если понадобится, то сможет направить людей в нужное русло. Все так, но есть у меня одно дело, которое Мишка решить не сможет. Да и я, навряд ли смогу, но вот попытаться стоит. А именно, я хотел перед отъездом добиться встречи с самой Марией Федоровной.

Я с ней встретился неделей позже. С гонцом пришло приглашение и я, прихватив с собой супругу, явился. Полдня я прождал приема в Зимнем, просидев, бездельничая, гоняя в руках свою трость, в зале и таращился в высокое подмороженное окно. Маришка моя, нервничая, мерила помещение широкими шагами, обмахиваясь прихваченным из дому японским веером. Наконец, уже далеко за полдень, меня пригласили:

— Господин Рыбалко, Вдовствующая Императрица вас ожидает, — сообщил хорошо поставленным голосом щеголь-офицер. — Я вас провожу.

Я встал, подозвал к себе жену.

— Прошу прощения, — остановил офицер, — Императрица приглашает только господина Рыбалко.

И Маришка, нервно выдохнув, беспомощно посмотрела на меня. Я, словно извиняясь, пожал плечами — сделать что-либо я был бессилен. Пришлось моей супруге и дальше куковать в большом зале, высматривая в окно степенно вышагивающих аристократов.

Меня провели длинными коридорами, залами, лестницами. Перед нами распахивались двери, от потоков воздуха трепыхали гобелены, угрожающе нависали гигантские сверкающие люстры. Наконец, перед нами распахнулась очередная дверь, и я очутился в помещении, выдержанном в красный цвет. Красные стены, красные портьеры, красная мебель. Слишком много красного.

— Господин Рыбалко! — громко возвестил проводивший меня офицер и, тут же развернувшись, вышел.

Я не сразу разглядел Вдовствующую Императрицу. Она сидела в кресле в самом углу комнаты и ширма, что так неудачно стояла рядом со мной, загораживал обзор.

— Подойдите же, господин Рыбалко, — донесся ее голос с заметным акцентом. — Не стойте там.

Я подошел, остановился в нескольких метрах. Мария Федоровна была не одна, рядом с ней сидела ее подруга и, так же, как и она с интересом меня разглядывала.

— Присаживайтесь, прошу вас.

— Удобно ли, Ваше Величество? — с сомнением спросил я.

— Нечего стесняться, присаживайтесь, — подтвердила она и жестом, не терпящим возражений, указала мне на кресло напротив себя. Я аккуратно примостил свой зад, не позволяя себе растечься так как я привык. Напряг спину, выдерживая осанку. Императрица, видя мои старания, улыбнулась уголками губ.

— Итак, господин Рыбалко, вы просили аудиенции, — произнесла она, разглядывая меня. — Зачем? Что у вас случилось?

— Ваше Величество, благодарю вас за то, что смогли уделить мне минутку своего драгоценного внимания, — сказал я уважительно и голова моя сама собою сделала признательный поклон. — Я попросил вас об аудиенции лишь целью выпросить высочайшего дозволения отправиться на Дальний Восток. В Порт-Артур.

Мария Федоровна удивилась. Посмотрела на подругу, даже нахмурила царственный лоб:

— Дозволения? Позвольте, а при чем тут я? Разве за такими разрешениями необходимо беспокоить меня?

— Ваше Величество, — снова сказал я, понимая, что эту фразу я стану произносить в будущем по десятку раз на дню и именно поэтому она будет меня выбешивать, — прошу прощения, но именно вы сможете мне помочь. И никто другой.

Она молчала. Смотрела на меня внимательно и беспрестанно поправляя на плечах меховую горжетку. Что-то было неправильно, похоже я выбивался за рамки общепринятого.

— И чем же, простите, именно я могу вам помочь? Объяснитесь.

Я глубоко вздохнул. От волнения вспотели руки, а во рту пересохло.

— Ваше Величество, — в который раз сказал я. — Поймите меня правильно — я великий патриот своей страны и всегда желал ей самого хорошего. Я богатый человек и могу позволить себе жить в свое удовольствие, тратя деньги на ненужные безделушки. Но мне больно видеть, что уже менее чем через год на Дальнем Востоке разразится война с Японией и, увы, мы не сможем ее выиграть. Ваше Величество, прошу вас..., - поднял я руку, перебивая ее возражения. Наглость, конечно, с моей стороны возмутительнейшая, но что поделать, я вырос в другой эпохе и у меня не выработан на генном уровне инстинкт чинопочитания. И потому, на эмоциях я непроизвольно осек собеседника. — Война будет, нам от нее никуда не деться. Я даже знаю, как она будет происходить. Конечно только лишь в общих чертах, но все равно — мы потерпим поражение. Что на море, что на суше.

Императрица предостерегающе подняла руку.

— Император заверяет, что война не состоится ни при каких обстоятельствах, — сурово ответила она.

— Увы, но она состоится при любых обстоятельствах, — упрямо произнес я. — И мне чрезвычайно больно это осознавать. Много жизней будет погублено из-за..., - я запнулся.

— Из-за?

— Из-за наших гигантских расстояний, недостроенной дороги, общей неготовности к войне и нерешительности генералитета. Ваше Величество и именно поэтому я прошу вас отпустить меня на Дальний Восток, чтобы я своими деньгами смог хоть чем-то помочь. Хотя бы в Порт-Артуре.

Я видел, что она мне не верила. Какой-то выскочка строил из себя Кассандру и вещал бедствия, что обрушаться на страну. И все из-за того, что ее сын сам не считал такой вариант развития событий возможным. Да, напряженность там существует, но война?! И с кем — с Японией? Со страной, в которой не так давно самураи с мечами и луками друг друга жизни лишали, а промышленности не было вообще никакой?! И это островное карликовое государство решится бросить вызов одной из самой большой Империи мира и побить ее? Нет, пожалуй, я не смогу убедить ее, это я и сам понимал — слишком уж невероятно. Но вот заронить зерно сомнения и заставить более внимательно к себе отнестись я мог. Тем более что она единственная кто не присягнула на верность новому Императору земли Русской. Между прочим, не присягнула своему сыну! И она была полностью от него независима и имела очень серьезное на него влияние. Настолько серьезное, что на многих приемах она выходила с ним под руку, а ее невестка, супруга Николая Второго, униженно вышагивала за спиной. А это что-то значит! Классические, между прочим, отношения свекрови с невесткой и классическое влияние матери на своего безвольного ребенка.

— Ладно, допустим, — произнесла она, после непродолжительного молчания. — Допустим, состоится война с японцами, хоть это и звучит невероятно. И как же вы собираетесь помогать?

— У меня есть технологии и знания. Но нет влияния, чтобы к моему голосу хотя бы прислушались. У меня есть технология голосового радио, которую вы уже смогли оценить, но наш флот, при всех наших настойчивых попытках их заинтересовать, этот факт почему-то проигнорировал и до сих пор продолжает использовать устаревшие методы разработанные господином Поповым. У меня есть новый вид артиллерии навесной стрельбы, которая очень может помочь в предстоящей обороне Порт-Артура, но наше Главное Артиллерийское Управление предпочитает ее не замечать. А еще есть мотоциклы, моторикиши, полевые телефоны, взрывчатка и еще много чего другого. Я знаю, как можно с большей эффективностью оборудовать огневые позиции, как вести акустическую контрбатареиную борьбу. И все это может помочь. Наша компания неоднократно обращалась в различные министерства, вносила предложения на рассмотрение, но бюрократическое болото поглощает любое движение. Да даже своими деньгами я могу помочь в обустройстве Порт-Артура. Ваше Величество, я уже говорил, что я горячий патриот России и единственное мое желание, это помочь нам выиграть войну. Поэтому и прошу вас разрешить мне отправиться на Дальний Восток от вашего имени и позволить там участвовать своим капиталом и знаниями в обустройстве к обороне. И более того, я могу там снимать от вашего имени хронику..., извините, документальные фильмы и фильмы художественные. Моральная составляющая защитников тоже очень важна, а фильмы, снятые в нужном русле очень сильно воодушевляют.

Я выдохся. Замолчал, терпеливо ожидая ответа. Мария Федоровна не отвечала, кутаясь в свою пышную горжетку и задумчиво глядя куда-то в сторону. Подруга ее дивилась моей наглости и укоризненно качала головой.

— Ваше Величество, — снова подал я голос, привлекая внимание.

Она очнулась, поморщившись, сморгнула.

— Вы весьма уверены в своих прорицаниях, — наконец произнесла она. — Неужели вы и в самом деле так считаете?

— Увы, это неизбежно, — только и оставалось мне повторить. — Я не желаю этого, видит Бог, но войны нам не избежать. Нам необходимо готовиться с утроенной скоростью и прилежанием, иначе..., - и я многозначительно замолчал.

Конечно же, моя пылкая речь не убедила императрицу. Внимательно выслушав и чуть-чуть подумав, она улыбнулась одними лишь уголками губ, насмешливо склонила голову и, бросив на меня хищный взгляд, сказал:

— То есть вы хотите помочь. Своими деньгами и... чем там еще? А не проще ли сказать, что вы хотите продать военным свои радио, мотоциклы и все остальное? То есть вы желаете всего лишь получить свою прибыль.

— Ваше Величество, не в этом моя цель. Я готов предоставить свои разработки флоту и армии на безвозмездной основе — пускай изучают и пользуются. Я даже буду рад, если на корабли поставят мои радиостанции — это может спасти не одну жизнь. Но уверяю вас, что, когда японцы неожиданно нападут на нас в Порт-Артуре, флотские и армейцы сами прибегут ко мне, и купят у меня все что необходимо. Но время будет уже упущено. Я прошу вас, Ваше Величество, действовать от вашего имени и позволить мне вложить свои личные средства на постройку там оборонительных сооружений. И вообще участвовать там своими финансами, всячески помогать военным. Я готов потратить там двести тысяч своих личных сбережений и даже больше, но только лишь с тем условием, что я сам буду контролировать их трату. Я не дам их разворовать.

— Господин Рыбалко! — возмущенно воскликнула подруга императрицы, но Мария Федоровна легким движением руки остановила ее. Она ответила не сразу, сидела, думала. Наконец, произнесла:

— Я услышала вас, господин Рыбалко. Ваш патриотический порыв похвален — не всякий купец решит своим капиталом помочь государству, и ваше стремление я нахожу просто замечательным. Двести тысяч большие деньги, но позвольте полюбопытствовать, как именно вы желаете ими распорядиться? На какие цели вы их хотите потратить?

Ну вот, это уже кое-что. И хоть она мне не поверила про предстоящую войну, но возможность вложить частные средства в оборону дальних рубежей страны ей понравилась. И с этого момента наш разговор перешел на чисто деловые рельсы. Загибая пальцы, я ей расписал, каким я вижу свое участие в усилении Порт-Артура. И про свои минометы, что я готов предоставить будущим защитникам и про радиостанции, и про возведение ДОТов и про производство «егозы», тротила и прочего, прочего, прочего. Вдовствующая Императрица слушала меня внимательно, изредка перебивала по делу, вставляя комментарии. Наконец, через почти час нашей беседы, она стала замечать, что я рассуждаю о предстоящей войне не в общих чертах, а вполне конкретно, ловила меня на оговорках. Я вдруг, как это обычно у меня бывает, обмолвился, что адмиралу Макарову вместе с известным художником-баталистом Верещагиным суждено погибнуть в холодных водах Тихого Океана как она волевым жестом, прервав мои измышления, сурово спросила:

— Вы что же, прорицатель, господин Рыбалко?

— Упаси боже, — слишком уж эмоционально запротестовал я, — ни в коем случае!

— Почему же вы так уверены в этом? Почему адмирал должен погибнуть? Вы что-то знаете?

— Нет, Ваше Величество, не знаю. Но смею предположить, что если ситуация не будет меняться, то это станет неизбежным. Японцы очень коварны и безжалостны, а гибель Макарова развяжет им руки возле Корейского полуострова.

— А что тогда с Верещагиным? Он тоже будет мешать японцам? — прижала она меня к стенке. И посмотрела на меня так жестко, требовательно, так, как это умеют делать только лишь властьпридержащие. — Ну-ка, голубчик, сознавайтесь. Мне кажется, что вы что-то не договариваете. Адмирал погибнет.... Как? Не смей врать!

— Нет, никак нет, я этого не знаю наверняка. Только логические выводы, — стал упрямо отпираться я, но императрицу этим финтом я не провел. Она мне не поверила. Сдвинула брови, посмотрела на меня тем взглядом, от которого потом меняются судьбы людей и жестким, металлическим голосом в котором очень сильно прорезался датский акцент, припечатала:

— Вы говорите мне неправду. Мне врать нельзя. Подумайте, прежде чем вы еще раз откроете рот. Ну? Каким образом должен погибнуть адмирал?

И тут я «заметался». Я закрутил головой, дернул нервно воротник, судорожно сглотнул. Мария Федоровна давила на меня, «схватила» за самое яблочко. Ее питонья хватка душила меня, лишала маневра и силы воли. У нее оказалась удивительная интуиция, если по моим мимолетным фразам, на которые другие и внимания-то не обратят, она вдруг смогла ухватиться за самое главное. И настойчиво потянуть, распутывая невероятный клубок.

— Откуда вы знаете, что адмирал погибнет? — снова задала она мне вопрос тоном, от которого у простого обывателя холодеет в душе.

Я еще раз оттянул ворот сорочки — дурацкий галстук душил. Потом сглотнул. Как мог тянул время, пытаюсь хоть что-то придумать. Не знаю, во что она сможет поверить — в мистику ли, в черта ли, но вот в путешествие во времени она мне не поверит точно, а запросто посчитает, что я над ней издеваюсь. Я был в тупике из которого не видел выхода.

— Я жду.... — этот голос не сулил мне ничего хорошего. И он тянул из меня жилы. Наконец, находясь в жутком цейтноте, я вымолвил:

— Адмирал подорвется на mine. Почти в самом начале войны, — и добавил, — мне так видится.

Она пристально смотрела на меня. Красивая женщина, хоть уже и в годах, обладала удивительной цепкостью мысли и способностью потянуть за нужную ниточку. Казалось, она мне не верила, вглядывалась в мое лицо, но нет..., через какие-то мимолетные секунды, показавшиеся мне целой вечностью, она смягчила взор, и я понял, что мне повезло. Версия о моем даре предвидения принялась.

— Что ж, господин Рыбалко, значит, вы всего лишь можете видеть грядущее? И как далеко вы можете заглянуть? А вы можете сказать, что будет завтра? Или нет, знаете, что? Скажите-ка мне лучше, когда у Императора появится наследник? — высказала она мне таким тоном, что я понял — она надо мной просто издевается. И на самом деле не очень-то верит моему дару. Что ж, можно было бы и подыграть, соскочить с этой темы, но черт меня дернул за язык:

— Наследник у Императора скоро появится. Будет единственный сын, назовут Алексеем. У него в младенчестве обнаружится гемофилия. Но он не погибнет и выживет, но это будет доставлять ему очень большие неудобства.... Мне очень жаль.

Кажется, я зря это сказал. Услышать подобное императрица явно не ожидала. Болезнь звучала как приговор, а мое «пророчество» как проклятие. Она спала лицом, замерла,

вцепилась рукой в ладонь своей подруги.

— Она внучка королевы Виктории, — прошептала Мария Федоровна. — Это с той стороны.

Кажется, я дал ей еще один повод не любить свою невестку. «Царская болезнь» передавалась по женской линии, об этом знали все. Ну а то, что английская королева являлась носителем плохой крови, тоже тайной не являлось.

— Ваше Величество..., - подал я голос. — Простите меня, я не должен был вам такое говорить. У меня нет никакого дара предвидения, не принимайте мои слова близко к сердцу. Я просто ляпнул не подумав. Я болван.

Она тяжело посмотрела на меня. Мотнула головой упрямо:

— Нет, вы правы. Болезнь будет и виновата будет во всем эта немка.

Она надолго замолчала, погружившись в собственные думы. Я сидел перед ней, ждал, не силах уйти, терзал в руках трость. Подруга Марии Федоровны смотрела на меня откровенно неприязненно и, беззвучно шевеля губами, посылала мне проклятия. Не должен был я говорить ей такие слова. Она хоть и императрица, но в первую очередь женщина, мать и бабушка, и услышать приговор неизлечимой болезни для нее было большим ударом. Я готов был откусить себе язык — в который раз он меня подводит.

Прошло довольно много времени. Мария Федоровна потихоньку приходила в себя, успокаивалась. Она встала с кресла и подошла к окну, устремив свой взгляд в невидимую точку. Подруга ее, уловив момент, погрозила мне пальцем, а я покаянно покивал, полностью признав свою вину. Наконец, взяв в узду свои мятущиеся мысли, Мария Федоровна, оторвалась от окна и, повернувшись, задумчиво сказала:

— Вот что, господин Рыбалко. О том, что вы мне тут сказали более никому ни слова. Никому, ни единому человеку. Пусть все сказанное останется между нами. Я надеюсь вам не надо объяснять почему?

Я кивнул.

— Хорошо. А что по поводу вашей просьбы. Я ее удовлетворю. Император даст вам разрешение на поездку и на вашу помощь в строительстве от своего имени. Можете помогать нашим военным всем, чем только сможете. Вас это устроит?

— Да, Ваше Величество.

— Замечательно, — в ее голосе опять прорезались стальные нотки. — А что до ваших пророчеств. Впредь, до объявления войны Японией и до рождения наследника я не желаю вас видеть в Санкт-Петербурге. И вообще запрещаю вам находиться в западной части Империи. До особого распоряжения, — и неприязненно посмотрев на меня, добавила. — Я лично попрошу, чтобы за вами проследили. Наместнику будет написана подробнейшая инструкция на ваш счет, охранное отделение за вами будет наблюдать. Рекомендую вам отправиться в Порт-Артур не позднее семи дней. На этом все..., - добавила она и, возде гордо подбородок, удалилась. Несломленной, сильной женщиной, готовой стиснув зубы встретить проклятие «царской болезни».

Вот так. По сути меня отправили в ссылку. Без суда и следствия, по одной лишь прихоти вдовствующей императрицы. И все из-за моего несдержанного языка. Я понимал, что она на меня не обижена, совсем нет — она на меня зла. И предпочла удалить меня как можно дальше. Понимал, что будь ее воля, то дело могло бы пойти гораздо дальше, но ее тормозило одно обстоятельство. А вдруг я окажусь прав? Вдруг я на самом деле открыл ей кусочек грядущего? Вот именно поэтому я отделался условной ссылкой. Ненадолго, на год или два. А

потом она сама вызовет меня в столицу на более обстоятельную беседу. Лишь бы не забыла....

Мария Федоровна ушла, следом за ней вышла и подруга. А я, проводив их взглядом, остался стоять в легкой растерянности. Не скрою — ее решение было для меня совершенно неожиданным, и я даже немного испугался его, но потом, оставшись наедине и разложив будущую хронологию моих действий, понял, что ничего, собственно, в моем будущем не поменяется. Все что я запланировал обязательно произойдет и у меня будет лишь одно неудобство — вынужденное общение с местной охранкой. Но это я как-нибудь перетерплю.

От Маринки я ничего скрывать не стал. В закрытой карете, медленно трясясь по заледенелой дороге, я ей все обстоятельно рассказал. Весь наш разговор с Марией Федоровной, упустив только самое страшное мое пророчество. И медленно подвел ее к мысли, что после моего отъезда увидеться мы сможем только лишь спустя пару лет. Над своей ссылкой я легкомысленно посмеялся, заверив ее, что она обязательно будет смягчена, едва прозвучать первые артиллерийские залпы орудий.

— Все-таки, Васенька, ты круглый дурак! — заявила она безапелляционно, когда я закончил свое описание произошедшего. И с каким-то бессильным отчаянием ткнула мне в ребра локтем. — Зачем ты ей все это сказал? Не нужно было, кто тебя просил говорить о гибели Макарова? Ты же ведь и сам этого не знаешь, а только придумываешь все! А и в самом деле, а вдруг тебя там убьют? Что мы потом без тебя делать будем?

Я вздохнул. Переубеждать ее не хотелось. У нее уже давно сложилась своя логическая цепочка, объясняющая почти все мои странные поступки и предсказания, и эпизод с будущей гибелью Макарова лежал у нее на отдельной полочке. Она давно уже знала, что я вещаю и про войну с Японией и про будущую внезапную революцию в пятом году и про мои устремления в целом. И всегда она объясняла это моим тонким чутьем и простой логикой. Бывало, что мы с ней спорили, бывало, что она обвиняла меня в том, что я своим нытьем через Жириновского накликаю беду, и охранка в очередной раз придет по мою душу. В общем, она уже давно не задавала себе вопросов о мотивах моих странных поступков, а просто принимала меня таким, какой я есть. Вот и сейчас, при внешней раздраженности от случившегося, она уже смирилась и, продолжая все так же с напуском на меня ворчать, мысленно уже помогала собирать мне чемоданы.

Через пару дней мне пришлось смотаться к Зубатову. Провел у него пару часов, попивая горячий чай, ожидая, когда его люди подготовят для меня необходимые документы и письмо, которое я буду обязан отдать по приезду в Порт-Артур одному из жандармов. Вернее, что самое смешное, по проезду через Харбин я обязан буду сойти с поезда и отметить перед тамошним начальником, а потом следовать до конечной станции и отметить перед начальником Порт-Артурской линии генерал-майором Мищенко, Павлом Ивановичем. Ему и передать необходимые бумаги. Он-то за мной и будет приглядывать, с ним-то мне и предстоит тесно сотрудничать. Впрочем, меня это не сильно волновало — все-таки мне дано разрешение от самого Николая заниматься всем, чем только мне угодно. Могу тратить деньги как моей душе угодно. Покупать оружие для военных, организовывать производства, давать советы.... Хотя по поводу «давать советы» это я, конечно, погорячился. И сам прекрасно понимал, что никто меня слушать всерьез не будет. Но и без этого у меня развязаны руки. И хоть мне запрещено перемещение по стране западнее Харбина, но выезд за границу мне не запрещен. При необходимости могу на пароходе выплыть в любую страну

мира. В ту же самую Германию или Британию, а там и до Питера рукой подать. В крайнем случае, можно и там пожить, все ближе к семье и к основному центру моих интересов.

Через несколько дней мне настала пора уезжать. В полдень, в солнечную и теплую повесеннему погоду, когда воробьи оглушительно расчирикались, а ветерок приносил с собой только запахи ранней весны, я стоял на перроне в окружении своих родных и близких и сердечно со всеми прощался. Маришка, расстроенная моим отъездом, не отходила от меня ни на шаг, все время прижималась и поглаживала меня, то по спине, то по плечу, молча по-бабьи причитая и заглядывая в глаза, словно прощаясь навек. Мишка, серьезный и понурый, долго жал мне ладонь, обнимал, говорил теплые слова. Хоть и была это поездка запланирована давным-давно, а все равно он волновался. Случиться могло все что угодно — шальные пули дураков любят. Ведь я, по его мнению, никем другим, после моей беседы с Марией Федоровной, не являлся. Настоящий, форменный дурак, что не умеет следить за своим языком. Анна Павловна, внешне холодная и скупая на эмоции, тоже не удержалась и, тихо всплакнув, утирала слезу уголком платочка и целовала меня в щеку. Но больше всех волновалась Зинаида, что тоже увязалась за мной на вокзал, чтобы проводить. Уж та не скрывала своих эмоций — наговаривала, причитала, жалела меня и бесконечно пересчитывала мои чемоданы. Бегала туда-сюда, вполголоса поругиваясь на вокзальных грузчиков, срывая на них свое раздражение, заставляя как можно аккуратнее производить их погрузку. В нашу узкую компанию она не лезла — успела со мной проститься заранее. Еще с утра всплакнула при мне, по-бабьи пожалела, да и перекрестила украдкой, улучив момент. В общем, не смотря на довольно-таки хороший и почти весенний день, прощание у нас получилось довольно грустное. Даже чересчур, а мне не этого хотелось. Из всей компании лишь один я улыбался и старался шутить, посмеиваясь над их трагичными физиономиями. Да Дашка, что не могла усидеть на месте, все время шныряя по перрону, с задорным смехом улепетывая от приставленной няньки.

— В общем, шли телеграммы с каждой крупной станции, — наставлял меня Мишка. — Не теряйся. Письма пиши раз в неделю. Нужны будут деньги — только сообщи. Надеюсь, не все за раз потратишь, растянешь на какое-то время.

— Да ладно, чего ты? — отмахивался я от него. — Как будто насовсем уезжаю.

— А ты слушайся своего друга, — поддержала Маринка Михаила. — Мы все за тебя переживаем. Дашенька уже совсем большой станет когда ты вернешься. Да и вернешься ли? Не придется ли мне как женам за своими декабристами к тебе уезжать?

— Ой, да бросьте вы, в самом деле! Чего вы раньше времени меня хороните? Я ж всегда говорил, что вернусь самое позднее в пятом году. Вы тут сами без меня делов не натворите, расхлебывай потом.

— Уж без тебя-то точно не натворим, — усмехнувшись, заверил Мишка. — Ты сам там, давай аккуратней. На рожон не лезь, героя не играй. Ты и жене и мне живым нужен. Война с японцами хоть и важное событие, но не самое главное. Самое главное у нас будет после этой войны, а без тебя мне будет сложно. Поэтому, если что — беги. Плюй на приличия и делай ноги. Да хоть японцам в плен сдайся, все лучше, чем в деревянный макинтош прописаться. Потом разберемся.

— О-о, господи, — только и оставалось мне прошептать, в который раз выслушивая наставления своих близких. — Да понял я все, понял. Обещаю — буду аккуратен.

— А ты не возмущайся, — опять поддакнула Маришка. — Михаил дело говорит. Ну их,

этих япошек. Ты домой целым вернись.

— Ну, все-все! — возмутился я, поднимая руки. — Сейчас наговорите, вообще никуда не поеду — побоюсь.

Они все промолчали. Понимали, что такой возможности у меня нет. Кстати подбежала Дашка, ткнула носом мне в ногу и обняла ее. И я, наклонившись, подхватил ее на руки, горячо поцеловал в щеку. Но доче это не понравилось, она скривилась и стала отпихиваться руками, требуя отпустить ее на землю. Недотрогой растет — не любит когда с ней сюсюкаются и зацеловывают. Особенно не любит нежностей со стороны матери, категорически закатывает истерики, если просекает малейшие попытки ее поцеловать, чем очень огорчает Маришку.

— Ну, ладно, кажется пора, — сказал я, глядя вслед убегающей дочери, которая опять обманула играющую в поддавки молодую няньку. — Зина, чемоданы все погружены?

— Да, Василий Иванович, все.

— А проектор с камерой? Ничего не разбили?

— Как можно? Все целенькое, все аккуратненько.

— А два моих орла как погрузились?

— Да чего им станет? Залезли сразу же и носы к окнам приклеили. Жрут уже чего-то

Это она про моих архаровцев, что согласились отправиться со мной в путешествие. Подчиненные Орленка, из охраны. Тоже бывшие солдаты, исполнительные, трудолюбивые, но очень любящие пускаться в различные авантюры. И да... оба с весьма гнусными рожами. С такими, что добропорядочный гражданин предпочтет на неосвященной части улицы перейти на другую сторону, нежели попытаться счастья мимолетной встречи с этими индивидами. В общем, Орленок постарался на славу и подобрал для меня самые сливки.

— Ну что? Давайте, что ли напоследок обнимемся? — сказал я и сграбастал Мишку в крепкие объятия. Подавил его слегка, похлопал по спине. Отпустил друга и переключился на Анну Павловну. Ее я обнял аккуратненько, прикоснулся щекой. Она еще раз всхлипнула, а когда я отстранился, спешно достала из сумочки небольшую фотокарточку и сунула мне в руки. Я глянул мельком — это их семейная фотография, что они сделали специально для меня.

— Что ж, Зинаида, давай и с тобой обнимемся, — сказал я и, не спрашивая ее согласий, сграбастал ее и довольно крепко сдавил. Она только и сумела, что пискнуть. А потом отстранилась от меня и как-то странно, бочком-бочком отошла на несколько шагов. Оно и понятно — господин с прислугой так никогда не прощается, не принято. А мне было плевать. Зина почти уже стала членом моей семьи.

— Ну что, Маришь? — спросил я жену. — Привезти тебе настоящего индийского йога? Опять станешь заниматься по утрам?

— Ой, да ну тебя, все шутишь. Не нужен мне никакой йог. Ты сам вернись.

— Хорошо, договорились, — весело ответил я и неожиданно сграбастал супруги и горячо поцеловал. Вышло несколько вызывающе, Анна Павловна с Зинаидой даже отвели взгляд. Но мне все равно. Через несколько долгих секунд оторвался, выдохнул браво и, подарив моим родным лучезарную улыбку, бодро сказал. — Выше носы! Рубикон пройден. Дальше будет только интереснее.

И с этими словами я поднялся в тамбур вагона. Махнул оттуда смазано рукой и нарочито медленным шагом пошел по коридору до своего купе. Видел я в окна их лица — смурные, встревоженные. На Маришке лица нет — побледнела так, словно заживо хоронит

меня. Признаться и мне это расставание далось очень тяжело и скрывал я свое волнение под маской веселья. Не хотел, чтобы прощание прошло под горячие слезы. И вот я вошел в купе, упал на диван, прислонился спиной к деревянной перегородке. И только тут выдохнул и позволил себе расслабиться. И маска шута сползла с физиономии.

Прозвучал последний и продолжительный гудок паровоза. Захлопнулась дверь вагона, проводник пробежал по коридору. Я вышел из купе к окну, чтобы еще раз помахать своим родным. Они все так и стояли на перроне, всматривались в окна. Увидели меня, замахали. Мишка что-то говорил, но я его не слышал. Маришка утирала слезы платком, что предательски катились по щеке. Поезд тронулся. Дернулись вагоны, громко стукнулись сцепки, и я покатился вдаль, в новое, еще ненаписанное будущее.

Конец второй книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net